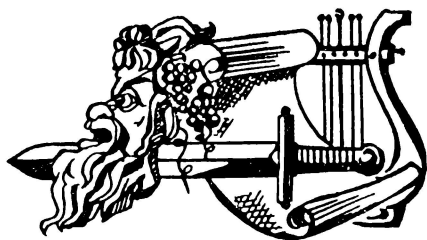

В.Г. БОРУХОВИЧ

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

В.Г. БОРУХОВИЧ

КВИНТ
ГОРАЦИЙ
ФЛАКК

ПОЭЗИЯ И ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ББК 63.3(0)3
Б837

Борухович В. Г.

Б 837 Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993 — 376 с.

Книга профессора Саратовского университета В. Г. Боруховича посвящена жизни и творчеству великого римского поэта, жившего два тысячелетия тому назад. Она состоит из двух частей: избранных произведений поэта в лучших русских переводах и очерка биографического характера. Рассказывается о гражданских войнах в Риме, участником которых был Гораций, о жизни и быте этого города на рубеже двух эпох — республики и империи, о поэтах — предшественниках Горация.

Работа иллюстрирована снимками с произведений изобразительного искусства Рима времени Горация.

Для историков, филологов, широкого круга читателей, интересующихся римской историей и поэзией.

Рецензенты: член-корреспондент Российской АН *М. Л. Гаспаров*, доктор исторических наук *Э. Д. Фролов*

Художник Е. И. Бочаров

Б 0503010000—229 135—92
176(02)—93

© В. Г. Борухович., 1993

ISBN 5—292—01201—7

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга посвящена жизни и творчеству великого римского поэта, жившего более двух тысячелетий тому назад. Поэт, время, страна — понятия неразделимые, поэтому исторические главы в книге о Горации так же необходимы, как и биографические.

Чтобы лучше понять поэта, надо перенестись в его мир — Рим I в. до н. э. Это было тревожное время. В ходе гражданских войн республиканское правление сменилось монархическим, и поэт не остался в стороне от происходивших событий. Проследив ход политических перемен в Римском государстве — тем подробнее, чем ближе они к жизни самого Горация, познакомившись с литературным наследием, которое он получил от своих предшественников, узнав, как сложилась его собственная творческая судьба, мы сможем открыть истоки его поэзии.

Отнесемся к творчеству поэта с тем же вниманием, с каким он сам относился к сочинениям собратьев по музе. Гораций являет нам пример писателя, который глубоко и тщательно изучал и оценивал достижения искусства художественного слова, понятие о котором соединялось у поэта с представлением о самых высоких проявлениях человеческого духа.

ГЛАВА

1

ЗОЛОТОЙ ВЕК РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Квинт Гораций Флакк был современником и участником событий величайшего мирового значения. При его жизни республиканский строй Рима с его пятивековыми традициями сменился новым — системой единовластия. Монархия родилась в ходе ожесточенных и кровопролитных гражданских войн.

Длившееся целое столетие (134-30 гг.)¹ гражданские войны были, без сомнения, самыми яркими страницами римской истории. Нигде и никогда более в древней истории мы не встречаем такого накала страстей, ожесточенности схваток, обилия ярких индивидуальностей на политической арене, таких поразительных проявлений добродетели и порока, мужества и трусости, предательства и верности гражданскому долгу, патриотизма и себялюбия. Нет другой главы в истории Рима, которая содержала бы такие яркие описания событий, выразительные и точные портреты исторических лиц.

От этого времени до нас дошли многочисленные произведения историков и поэтов, переписка выдающихся

¹ Все даты, встречающиеся в этой и последующих главах, относятся ко времени до нашей эры, за немногими исключениями, которые специально оговариваются.

деятелей политики и культуры, памятники философской мысли, надписи на камне и на бронзе, папирусные свидетельства, произведения архитектуры и изобразительного искусства, обладающие высокой художественной ценностью портретные статуи и бюсты. К этому бесценному наследию Европа до настоящего времени продолжает относиться с неослабевающим интересом, в основе которого лежит не простое любопытство. В трагических страницах истории Рима выдающиеся философы, историки и поэты Нового времени искали ответ на проблемы современности, пытаясь иногда воскресить далекое прошлое (как во времена Французской буржуазной революции конца XVIII в.).

Начавшись в период реформ братьев Гракхов с рукопашных схваток на улицах и площадях Вечного города, гражданские войны быстро распространились на всю Италию, а затем со все возрастающей силой — на огромную периферию римской державы — Испанию, Грецию, Переднюю Азию и Ближний Восток. Вначале в междоусобные войны были втянуты римские граждане, позднее — население всей Италии, еще позже — «варвары» Галлии, Германии, Испании... На полях сражений столкнулись огромные массы легионеров. Количество кораблей во флотах воюющих сторон превзошло все, что до этого видел мир.

Не только честолюбие и жажда власти испытанных полководцев и вождей политических группировок, не только надежды на новые раздачи денег и земельных наделов вовлекали людей в братоубийственную борьбу. Веками устоявшиеся нормы общественной жизни, привычные конституционные формы обрушились не сразу. Среди сражавшихся было немало борцов за республиканскую идею, все еще жившую в сознании людей; несмотря на сокрушительные удары, нанесенные ей в ходе гражданских войн. Рождение нового общества сопровождалось невиданными по своим масштабам расправами победителей над побежденными, тотальными конфискациями имущества, производившимися в невиданных размерах перераспределениями земельной собственности.

В процессе гражданских войн ясно обозначились признаки нового государственного строя, вначале прикрывавшегося термином «диктатура», а позже стыдливо завуалированного под именем принципата, монархическая

сущность которого не осталась скрытой от современников. В защиту республиканского строя выступала сенатская олигархия, безраздельно господствовавшая в Риме в последние века республики, тогда как социальной базой принципата стали поначалу демократические слои — римский и италийский плебс. Но сама династия первых римских императоров (Юлиев — Клавдиев) видела свою опору главным образом в армии. Среди боровшихся за власть политиков и полководцев одни добровольно выходили из игры, другие были вынуждены отказаться от продолжения состязания, где ставкой была жизнь, но в большинстве они погибали, пав жертвой более удачливых, дерзких и сильных, пока не осталось два претендента, поделивших между собой мир на Запад и Восток, — Гай Юлий Цезарь Октавиан и Марк Антоний. Но и это перемирие оказалось непрочным. Морская битва при мысе Акций подвела итог столетним гражданским войнам. Последние соперники Октавиана были устранены, и для него открылся путь к установлению единоличной власти в громадной Римской империи.

Создание императорского режима было исторически закономерным процессом. Если в III в. до н. э. Римская республика еще справлялась с управлением Италией и немногочисленными провинциями, то позже, когда в орбите римского влияния оказались обширные территории в Европе, Азии и Северной Африке, собрания римских граждан, решавшие, как считалось, самые важные дела, все больше теряли смысл, становясь живым анахронизмом. К тому же в конце гражданских войн сам римский народ, «популюс романус», собиравшийся на комиции (народные собрания), стал просто толпой нищих людей, оторванных от земельной собственности и готовых за нищенскую подачку или под угрозой кровавой расправы проголосовать за кого угодно и одобрить что угодно...

Однако ощущение, что в результате гражданских войн республика не была восстановлена, а вместо нее возникло нечто новое и трудноопределимое, возникло далеко не сразу. Этому способствовало то обстоятельство, что создатель империи Октавиан Август умело и тщательно облачал свою единоличную власть в традиционные республиканские формы, от которых, в сущности, оставалось лишь одно название.

С 30 г. до н. э. по 14 г. н. э., без малого полстолетия, длилось правление Октавиана Августа — «Век Августа». Яркую характеристику этого времени дал историк Корнелий Тацит в своих «Анналах»: «После гибели Брута и Кассия гражданские войны между политическими группировками² прекратились. Когда же Помпей был раздавлен у Сицилии, Лепид оставлен без войска, а Антоний погиб, во главе Юлианской партии остался вождем один Цезарь³. Сложив с себя звание триумвира, выступая в качестве консула, удовлетворившись одновременно трибунской властью для того, чтобы сохранять влияние на плебс, он привлек на свою сторону солдат — деньгами и подарками, народ — хлебными раздачами, а всех вообще — сладостью мирной жизни. После этого он начал постепенно возвышаться силой и могуществом, сосредоточив в своих руках все полномочия сената, магистратов и законов, не встречая при этом никакого сопротивления, так как самые непримиримые погибли в сражениях или были казнены во время проскрипций, а остальные представители знати по мере того, насколько каждый проявлял готовность удовольствоваться рабским уделом, получали от Цезаря материальную поддержку и почести. Приумножив в условиях нового политического строя свои состояния, они стали предпочитать безопасное настоящее — таившему в себе опасности прошлому...

...Итак, со сменой государственного устройства уже не оставалось и следа древних и нетронутых разложением нравов. Оставив саму мысль о равенстве, все руководствовались лишь одним — повелением принцепса»⁴.

Хотя Октавиан и принял имя своего усыновителя, диктатора Рима, во многом он был ему прямой противоположностью. Жестокий и лицемерный тиран, он всячески подчеркивал свое уважение к республиканским институтам, римской религии и вообще римской стари-

² Так следует интерпретировать выражение Тацита «публика арма». Вообще же гражданские войны продолжались и после гибели Брута и Кассия, превратившись в борьбу могущественных полководцев и политических деятелей за власть, но перестав быть противоборством политических группировок, что и хочет подчеркнуть Тацит.

³ Цезарем здесь назван Октавиан Август.

⁴ Тас. *Annal.* 1. 2—4.

не, ставших пышной декорацией нового режима. Происходили выборы магистратов, но выбирались кандидаты, предложенные Августом. Шли дебаты в сенате, но все вращалось вокруг решений, предложенных принцепсом, имевшим право первым высказать свое мнение. Новая власть прилагала немало усилий для обработки общественного мнения, чтобы утвердить в народе представление о «восстановленной республике». *Республика реститута* — таков был главный лозунг официальной пропаганды. Наследник Гая Юлия Цезаря в совершенстве постиг искусство демагогии, и самым ярким его образцом станет его политическое завещание «Деяния божественного Августа», составленное императором незадолго до его смерти и выставленное в многочисленных копиях, вырезанных на камне и бронзе, в различных частях Римской империи. Принятие им титула принцепса, «первого гражданина» (в последний век республики так называли могущественных вождей политических группировок, добившихся преобладающего влияния); диктовалось желанием избежать одиозного в глазах римлян образа монарха. Между тем продажный римский плебс полностью созрел для того, чтобы не только покорно, но и с охотой лечь под колеса триумфальной колесницы нового тирана. Чем больше его топтали, тем громче он кричал: «Йо, триумфе!».

Заря династии Юлиев, густо окрашенная кровью гражданских войн, взошла над Римом, но осветила она уже мертвый форум. Затихли комиции, где раньше собирались свободные граждане римской республики, не стало рогаций⁵, плебисцитов⁶, амбитуса⁷ кандидатов на магистратуры, замолкли публичные ораторы, и красноречие отправилось умирать в школы заезжих риторов — греков, упражняясь на самые пустые и надуманные темы. В громадной Римской империи воцарился «мир по римскому образцу», «пакс романа», — мир, навязанный силой. Порабощенные народы многих стран со страхом смотрели в сторону располагавшихся на их территории

⁵ Рогация — выдвижение законопроекта, приобретающего силу закона после голосования в народном собрании.

⁶ Плебисцит — решение собрания римского плебса.

⁷ Амбитус — предвыборная деятельность лиц, добивавшихся магистратуры в эпоху республики: они обходили форум, агитируя граждан.

ях римских легионов. Попытки восстать и добиться свободы подавлялись с невиданной жестокостью. Так же сурово подавлялась республиканская оппозиция в самом Риме. Всесильный принцепс и его влиятельный сподвижник Гай Цильний Меценат тщательно опекали литературу и искусство, следя за тем, чтобы они развивались в угодном для правительства направлении.

В этот жестокий век, когда волнения и тревоги, неуверенность в настоящем и беспокойство за будущее стали преобладающими настроениями общества, когда, казалось бы, должна была оправдаться народная римская мудрость о молчании Муз среди оружия, творили величайшие поэты, которых когда-либо видел Рим: Катулл, Лукреций, Вергилий, Гораций, Овидий — все звезды первой величины! А сколько осталось от того времени менее значительных, но все же очень ярких имен! Созданное в эпоху, называемую обычно «золотым веком римской литературы», — самая существенная часть культурного наследия Древнего Рима. Высокого расцвета достигли тогда и ораторская проза, и жанр исторического повествования. При этом необходимо учесть, что значительное число литературных произведений этого времени утрачено и, по-видимому, навсегда...

Почему же римским Каменам был предназначен такой невиданный взлет в этот «железный век», ставший, однако, золотым для римской литературы? Можно ли назвать причины, предопределившие или, по крайней мере, повлиявшие на это явление?

Вопрос этот легче поставить, чем дать на него сколько-нибудь удовлетворительный ответ. Ясно лишь одно: проявившаяся в гражданских войнах высокая (невиданная до этого) активность самых различных сословий общества не могла не сыграть своей роли в возникновении этого удивительного феномена.

ГЛАВА

2

РИМСКИЙ НАРОД КВИРИТОВ

Общество, в котором вырос поэт, о котором он писал и к которому обращался в своих стихах, сложилось в течение долгих семи столетий. История Рима началась, по словам итальянского историка Г. Ферреро, «с того далекого утра, когда маленький клан земледельцев и пастухов срубил лес на Палатинском холме, чтобы воздвигнуть жертвенники своим племенным богам, и продолжилась до того трагического часа, в который солнце греко-латинской цивилизации озарило на опустошенных землях и покинутых городах бездомные, невежественные и грубые народы латинской Европы»¹.

Согласно преданию, Рим был основан в 753 г. до н. э. Ромулом, первым римским царем. В действительности Ромул был просто эпонимным божеством (его имя образовано от названия города — Рома). Легенда гласит, что Ромул при закладке городской стены убил своего брата Рема. Об этом вспомнит Гораций в 7 эподе, поднимая свой голос против братоубийственных гражданских войн. Позднее Ромул был отождествлен с другим божеством — Квирином, покровителем объединенных в курии взрослых мужчин римской общины. Поэтому до

¹ Ферреро Г. Величие и падение Рима, М., 1915. С. 2.

самых поздних времен народ Рима гордо именовал себя: «Римский народ квириом».

Традиция сохранила имена 7 римских царей: Ромула, Нумы Помпилия, Анка Марция, Тулла Гостилия, Тарквиния Древнего, Сервия Туллия, Тарквиния Гордого. Последние три царя были представителями этрусской династии, установившей свое господство в Риме после того, как этруски завоевали Рим. Их владычество наложило отпечаток на всю раннюю римскую культуру — религиозные учреждения, градостроительство, нравы и обычаи. Многие известные римские семейства вели свое происхождение от этрусков (этруские имена с характерными окончаниями типа -арна, -енна, -ина — Перперна, Сизенна, Цецина — встречаются довольно часто в истории Рима). Ко времени Горация этруски, как и многие другие итальянские народности, были полностью романизованы. Хотя покровитель Горация Меценат считался потомком этруских царей, в нем, физически слабом и изнеженном вельможе Августа, уже ничего не осталось от его воинственных предков, некогда завоевавших Рим.

Римские цари были племенными вождями и объединяли в своих руках, как и вожди других племен, религиозную, судебную и военную власть, ограниченную древними обычаями. Внешними признаками власти царя были курульное (украшенное золотом и слоновой костью) кресло, пурпурная узорчатая тога и золотая корона в виде венка из дубовых листьев. Символом верховной власти царя был скипетр из слоновой кости, увенчанный изображением орла, священной птицы верховного бога Юпитера. Царя сопровождали 12 ликторов, чиновников для поручений, державших в руках связки прутьев, фасции, с воткнутыми в них топорами. Они символизировали карающую власть царя над каждым членом общины. Наряду с царем действовало народное собрание по куриям, родовым объединениям, так называемые куриатные комиции, важнейшей функцией которых было утверждение или отклонение новой кандидатуры на царский престол. Первоначально собиравшиеся по куриям члены общины назывались патрициями, а остальное население Рима, не входившее в родовую организацию патрициев и не имевшее доступа к управлению общиной, — плебеями. Некоторые исследователи были

склонны полагать, что римский плебс сложился из пришлых элементов, принадлежавших другим племенам Италии.

Социальной ячейкой древнейшего римского общества был род, «генс». Поэтому принято говорить о гентильной организации римской общины. Роды объединялись в курии, курии — в трибы (племена), которых, согласно легенде, было три. Во главе рода стоял родовой старейшина, во главе семейства — отец, «патер». Родовые старейшины составляли сенат — совет старейшин, самое древнее государственное учреждение Рима. Члены сената официально назывались «отцами», «патрес». Они обсуждали и решали важнейшие вопросы жизни общины, руководствуясь древними родовыми обычаями, «нравами предков». Законы с фиксированными формулами права появились лишь к середине V в. до н. э. («Законы XII таблиц»). С сенатом консультировался царь. Как пишет Цицерон в трактате «О государстве», царь правил, сообразуясь с авторитетом и советами отцов.

Развитие имущественного неравенства привело к тому, что круг полноправных граждан сужался, обедневшие члены общины попадали в зависимость от богатых. Такие зависимые люди назывались клиентами, а их богатые и знатные покровители — патронами. Патронатно-клиентные отношения передавались по наследству и были освящены религией. Они регламентировались законами XII таблиц. Но еще до их принятия римский народ был разделен по имущественному признаку на классы. В самый низший класс вошли те, у кого главным имуществом были дети. Они получили имя пролетариев (от латинского слова «пролес» — дети). В Древнем Риме дети находились всецело под властью отца семейства, имевшего право «жизни и смерти» в отношении всех членов семьи, а также право продать детей (такие случаи предусматривались законами XII таблиц).

Введение цензовой конституции, согласно которой население римской общины разделялось на классы, было одновременно и военной реформой. Каждый класс выставлял определенное количество центурий, «сотен». Так как деление на классы было основано не на родовом, а на имущественном признаке, плебеи оказались включенными в военную организацию римской общины.

Это было необходимо в условиях бесконечных войн, которые вел Рим. Одновременно трибы стали территориальными округами. Включение плебеев в центурии и трибы было важным шагом по пути к достижению ими равных с патрициями прав. «Римский народ квиритов» перестал быть простой совокупностью родовых объединений и постепенно превращался в гражданскую общину — «цивитас».

На рубеже VI—V вв. до н. э. царская власть в Риме сменилась властью выборных должностных лиц, магистратов. Избирали их на народных собраниях, по центуриям, центуриатных комициях, в которых принимали участие лишь взрослые мужчины, вначале являвшиеся туда с оружием в руках. Высшими чиновниками стали «преторы», полководцы, поэтому палатка командующего римским войском называлась «преториум», а когорта, охраняющая командующего — преторианской когортой. Позднее высшие магистраты Рима, соединявшие в своих руках гражданскую и военную власть, стали называться консулами. Для всех римских магистратов характерны были срочность (избирали, как правило, на один год), выборность, отчетность и коллегиальность. Лишь экстраординарный магистрат, диктатор, был единоличным правителем, но и он назначался на срок не более шести месяцев.

Со второй половины IV в. до н. э. младшими коллегами консулов были преторы, вскоре ставшие по преимуществу судейскими чиновниками. Консулы, и преторы, как командующие войсками, имели высшие командные полномочия — империй. Остальные магистраты — квесторы (финансовые чиновники), эдилы (городские чиновники, на попечении которых были улицы, дома и площади Рима) — империя не имели. Высшим авторитетом во внутренней и внешней политике республики обладал сенат, поэтому Рим этого периода часто называют «сенатской республикой». Членство в сенате носило постоянный, практически пожизненный характер, что обеспечивало преемственность в политике. Сенат пополнялся за счет магистратов, оставивших свою должность по истечении срока. С превращением Рима в громадную средиземноморскую империю сенат стал назначать из числа бывших магистратов чиновников для управления завоеванными провинциями, которые назывались про-

консулами или пропреторами. Это были частные лица, которым предоставлялся консульский или преторский империй. Они осуществляли в провинциях высшую гражданскую, судебную и военную власть, обеспечивая сбор налогов, безжалостно выкачиваемых из завоеванных стран. Верхушка сената, состоявшая из членов самых знатных родов, стремилась замещать людьми из своей среды все высшие должности. Фактически она диктовала свою волю всему римскому народу, и в ее руках сосредоточились главные материальные богатства государства — прежде всего земля. Постепенно сенаторы и члены их семей превратились в высшее сословие государства — сенаторское. Сенатора можно было узнать по одежде — особым образом украшенной тоге, тунике с широкой каймой, особой обуви. В период расцвета республики сословие сенаторов стало чем-то вроде касты, ревниво оберегавшей свои привилегии и доступ в свою среду. Специальные должностные лица — цензоры — бдительно следили за поведением членов сенаторского сословия, грозя исключить из их списка лиц, запятнавших себя поступком, несовместимым с сенаторским званием. Но определяющим критерием был имущественный ценз — величина личного состояния.

На протяжении столетий плебеи вели борьбу против патрициев за свои политические права и землю, владение которой составляло основу этих прав. Важным завоеванием плебса явилось создание магистратуры народных трибунов, которых избирали только из числа плебеев на собраниях по трибам — трибутных комициях и которые пользовались личной неприкосновенностью. Право интерцессии (приостановления деятельности любого магистрата) давало им большие полномочия. Двери их дома были всегда открыты в знак того, что любой плебей мог беспрепятственно обращаться к ним за помощью. По той же причине они не имели права покидать пределы Рима в течение всего срока пребывания в должности. В 287 г. до н. э. решения трибутных комиций (плебисциты) стали обязательными для всех римлян, патрициев и плебеев. Вскоре трибутные комиции оказались главным видом народных собраний: на них принимались основополагающие законы. Еще до этого плебеи добились права на занятие должностей, прежде всего консульской, и через высшие магистраты

получили доступ в сенат. Но реализовать это право плебам было очень трудно, и высшие должности оставались в основном в руках сенаторской знати.

К концу периода республики римский плебс не был однородной массой. В его среде можно было выделить богатых землевладельцев, зажиточных ремесленников, торговцев, вольноотпущенников. На низшей ступени социальной лестницы свободного населения стояли люди, жившие случайным заработком и просто безработные. Они-то и составляли в I в. до н. э. основную массу «городской черни», «плебс урбана». Рабы в состав римского общества, естественно, не включались.

К середине III в. до н. э. верхушка плебейского сословия слилась с патрициатом. Вместе они образовали правящий слой римской республики — нобилитет. К нобилиям причислялись все те, кто мог назвать своего предка, занимавшего должность консула. Правящая элита распределяла земли, захваченные римлянами у италийских общин — так называемую «общественную землю», «агер публикус», на которой основывались «колонии римских граждан». Лучшая часть общественной земли попадала, разумеется, в руки нобилитета.

Успешное преодоление внутренних противоречий помогло Римскому государству осуществить в IV—II вв. до н. э. широкую политику завоеваний — сначала в Италии, а затем во всем Средиземноморье. Завоеванные страны подвергались интенсивной романизации: население постепенно усваивало латинский язык (в его простонародных формах), римские государственные установления, право, обычаи, другие формы культуры. Первой римской провинцией стала Сицилия, бывшая яблоком раздора между Римом и Карфагеном. В трех Пунических войнах Карфаген был сокрушен и уничтожен, жители перебиты или проданы в рабство.

Прочно утвердившись в западной части Средиземноморья, Рим перешел к активным действиям на Востоке. В результате трех македонских войн и подавления антиримских выступлений Македония и Греция также вошли в середине II в. до н. э. в состав римских владений. Еще раньше Рим нанес сокрушительное поражение Сирии, крупнейшему эллинистическому государству на Востоке. Умело применяя тактику «разделяй и властвуй», римляне воспользовались при этом поддержкой Пер-

гамского царства в Малой Азии. Но и его не миновала участь других: в 133 г. до н. э. пергамский царь завещал свое государство Риму, и оно превратилось в римскую провинцию — Азию.

Так была создана громадная Римская империя, о которой с гордостью писал современник и близкий друг Горация, создатель римского национального эпоса Публий Вергилий Марон:

Римлянин! ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! Налagать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войной непокорных...

(Эн. VI, 851—853)

Обширные завоевания способствовали усилению экономического могущества Рима. Большие земельные массивы Италии были объявлены собственностью Римского государства: они сдавались с торгов в аренду богатым гражданам. Районами крупного землевладения стали Апулия и Лукания на юге Италии, а также Сицилия, превратившаяся в житницу Рима. Здесь широко использовали труд десятков тысяч рабов, в основном военнопленных. Рабы были заняты не только в сельском хозяйстве, но и в горнодобывающей промышленности, а также в качестве прислуги в домах римской знати.

Рабов, занятых в сельском хозяйстве и на рудниках, содержали как скот. В этом отношении особенно показательно рассуждение римского ученого земледельца Колумеллы (I в. н. э.): «Помещения для рабов, которые ходят на свободе, должны быть обращены на юг. Для закованных, если их много, следует иметь эргастул в подвальном помещении, как можно лучше устроенный в санитарном отношении, с большим количеством окон для света, расположенных на такой высоте, чтобы до них нельзя было достать рукой. Для скота делаются сараи, в которых он не будет страдать ни от холода, ни от зноя...». Мы видим здесь, как автор сопоставляет рабов со скотом, не делая между ними принципиального различия.

Жестокие расправы с проявившими неповиновение рабами были обычным явлением римской жизни. Когда в 61 г. н. э. префект Рима Педаний Секунд был убит своим рабом, было решено применить древний римский закон, в соответствии с которым за это убийство долж-

ны понести ответственность все рабы, находившиеся в услужении у Педания Секунда. Их оказалось 400 человек. Казнь такого количества ни в чем не повинных людей вызвала возмущение даже у издававших виды римлян, и на заседании сената, где решался вопрос о судьбе этих рабов, разгорелись споры. Большинство сенаторов, однако, высказались за казнь. Тацит в XIV книге своих «Анналов» приводит речь видного римского юриста Гая Кассия, с которой он выступил в сенате: «Освободите их, пожалуйста, от наказания, но тогда кого из нас защитит положение господина, если даже префекта города не защитила его высокая должность? Кого из нас уберегут многочисленные рабы, если 400 рабов не смогли уберечь Педания Секунда? Кому станут помогать его рабы, если даже страх смерти не мешает им быть равнодушными к безопасности своего господина?»

...Теперь, когда у вас в качестве рабов появились целые племена, из которых каждое имеет свои особые обычаи и своих особых богов, а некоторые и совсем не знают их — теперь ничем, кроме страха, не удержишь этот сброд в повиновении. Вы скажете, что при этом пострадает несколько невинных. Но при всяком великом деле совершается некоторая несправедливость, и несчастье некоторых с избытком искупается благополучием всех...».

Когда рабов вели на казнь, римскому правительству пришлось вызвать войска, так как возникло опасение, что возмущенное население Рима попытается их отбить.

С развитием денежного обращения рос ростовщический капитал и возникали объединения финансистов. В практику римских властей прочно вошел обычай славать с торгов подряды на сбор налогов и пошлин в провинциях, а также на поставку продовольствия и вооружения в действующую армию, на строительство дорог и общественных зданий. В одиночку брать такие подряды было трудно, поэтому римские финансисты образовывали общества откупщиков, публиканов, которые, к немалой выгоде для себя, сообща брались выполнять такие подряды. Доход между ними делился в зависимости от величины вложенного капитала. Историк Полибий сообщает, что в Риме было множество откупщиков средней руки и столько различных мелких компаний, что можно

было подумать, будто все римляне участвуют в подобных предприятиях. Хотя Цицерон однажды назвал публиканов «достойнейшими, заслуживающими всяческого уважения людьми», в действительности их деятельность разоряла целые страны больше, чем самые опустошительные войны. Жителей провинций, оказавшихся не в состоянии выплачивать непомерные налоги, массами продавали в рабство.

Публиканы составили ядро всадничества, ставшего к концу II в. до н. э. вторым привилегированным сословием Рима после senatorского. На заре римской истории всадники составляли 18 всаднических центурий и получали от государства определенные средства на приобретение коня и фуража. Но постепенно связь между всадничеством как сословием и военной организацией практически исчезла, и теперь оно объединяло в своем составе «аристократов денежного мешка», главным образом выходцев из плебейской среды, разбогатевших, но не вошедших в нобилитет (всего в числе нобилей оказалось не более 15 плебейских семей).

Помимо публиканов, в состав всадников вошли ростовщики, крупные торговцы, земельные собственники средней руки. Принадлежность к всадническому сословию определялась стоимостью принадлежавшего римскому гражданину имущества (в середине I в. до н. э. не менее 400000 сестерциев) и подчеркивалась, как и у сенаторов, особенностями костюма: туника с узкой полосой пурпурного цвета, золотое кольцо на руке. В театре и цирке всадникам были отведены особые места. Всадничество получило доступ и к судебным должностям.

В стремлении к наживе и ограблению провинций интересы всадников столкнулись с интересами senatorского сословия, что определило один из аспектов ожесточенной политической борьбы, приведшей в конечном счете к гражданским войнам.

В ходе завоевания и романизации Италии среди населения страны образовались различные в правовом и политическом отношении группы, которые также надо учитывать, когда идет речь о римском обществе эпохи заката республики. Покоренным общинам Италии Рим предоставлял тот или иной статус, закрепляя его в неравноправных договорах. Города с «латинским правом»

имели, по сравнению с другими итальянскими общинами, ряд привилегий (право брака с римскими гражданами, имущественную правоспособность), но не обладали избирательным правом и не участвовали в политической жизни Рима. Некоторые общины получили ограниченные права и пользовались во внутренней жизни определенной автономией. Подавляющее же большинство населения Италии относились к категории союзников: в своей внешней политике и при решении военных вопросов они полностью подчинялись Риму, будучи обязаны во время боевых действий, которые вело римское государство, выставлять определенные контингенты воинов. Кроме того, по всей Италии возникла густая сеть «колоний римского народа», что имело решающее значение для романизации всей страны.

Борьба италиков — неримского населения Италии — за гражданские права составила еще один важный аспект социальных конфликтов, приведших к гражданским войнам. Характерно, что стремление италиков к уравниванию в правах с римскими гражданами наталкивалось на сопротивление не только сенаторского и всаднического сословий, но и римского плебса, ревниво охранявшего свои права на поддержку со стороны государства.

Анализ социальной структуры Рима и Италии будет неполным, если не упомянуть еще об одной многочисленной группе населения, игравшей видную роль в экономике и культуре. Это были отпущенные на свободу рабы — либертины. Римлянин отпускал раба на свободу по личному волеизъявлению или по завещанию. Раб мог быть отпущен на свободу также путем внесения в цензовые списки. Став вольноотпущенником, бывший раб получал имя своего господина, но сохранял и свое рабское имя в качестве дополнительного. Так, первый известный нам римский драматург и поэт Ливий Андроник был военнопленным греком из Тарента. Отпущенный на свободу неким Ливием Салинатором, он сохранил, получив имя своего господина, свое греческое имя. Вольноотпущенник нес определенные обязанности по отношению к бывшему господину, становясь его клиентом. Однако память о рабском происхождении влияла на судьбу не только их самих, но детей и даже внуков. К ним относились с предубеждением, Вольноотпущенник не мог за-

нимать высокой общественной должности, не имел права вступать в брак с лицами сенаторского сословия. Когда в правление Августа бывший раб Сармент занял в театре место, предназначенное для всадников, римский плебс встретил его издевательской песенкой (об этом мы знаем из античных примечаний к сатирам Ювенала). Сын свободных родителей («ингенуус») всегда чувствовал свое превосходство над сыном вольноотпущенника, и это, как мы увидим, было источником тяжелых переживаний для Горация.

Рассчитывать на получение свободы могли преимущественно те рабы, которые занимали привилегированное положение: управляющие виллой, учителя, врачи. Так как рабское положение сковывало инициативу одаренного и предприимчивого человека, хозяину иногда было выгодно отпустить раба на свободу, чтобы затем использовать его в своих интересах. Вольноотпущенники составляли значительную прослойку в среде римских ремесленников, торговцев, а также лиц свободных профессий. Многие из них становились богачами, видными финансистами. Одним из них был банкир Цецилий Юкунд в Помпеях. Его дом, раскопанный в XIX в., внешне ничем не выделялся среди остальных помпейских домов, но оказался особенно интересным благодаря обнаруженному в нем архиву восковых табличек с записями, дающими ясное представление о роде занятий хозяина. В доме был также найден его портретный бюст, настолько выразительный, что по нему можно составить представление о характере изображенного человека. «Перед нами полное, несколько обрюзгшее лицо стареющего человека, который многое видел и многое узнал за свою пеструю, трудную и непростую жизнь. Недобрая усмешка, так великолепно переданная художником, была его обычной реакцией на всякое большое чувство и на любую высокую мысль», — пишет советская исследовательница М. Е. Сергеевко².

Скопив большие состояния, вольноотпущенники становились предметом зависти и вражды со стороны обедневшего римского люда. С особой ненавистью относились в Риме к вольноотпущеннику диктатора Суллы Хрисогону, нажившему свое состояние скупкой конфи-

² Сергеевко М. Е. Помпей. М.; Л., 1949. С. 150.

скованных имений. Многие разбогатевшие вольноотпущенники стремились подражать аристократам, обставляя свои дома с крикливой, часто безвкусной роскошью, рабски копируя и образ жизни римского высшего света. До нас дошел сатирический портрет такого выскочки — богатого, тщеславного и хвастливого Тримальхиона, героя романа Петрония Арбитра «Сатирикон».

В громадной исторической драме, занявшей целое столетие римской истории, за которой уже в древности закрепилось название «гражданские войны», каждому слою римского общества была уготована своя роль и своя судьба.

ГЛАВА

3

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

Обширные завоевания повлекли за собой далеко идущие последствия для Римского государства. Из покоренных и зависимых стран в Рим потекли несметные богатства в виде военной добычи и налогов. Они дали возможность развернуть обширное строительство, подкармливать вечно голодный столичный плебс, постепенно превращающийся в деклассированную чернь, а также позволили истинным господам положения, римским нобилям, жить с умопомрачительной роскошью, несовместимой с суровой простотой древних патриархальных нравов. Цицерон называет эту высшую знать, в ряды которой он всю жизнь стремился попасть, не просто «нобилес», но «нобилиссими» (превосходная степень прилагательного, выражающего понятие знатности). Этим термином оратор называет менее пяти десятков фамилий (Метеллы, Корнелии Сципионы, Юлии Цезари, Лицинии Крассы, Клавдии Марцеллы и другие).

Но была обратная сторона медали, оказавшаяся роковой для республиканского строя, обеспечивавшего узкой группе лиц безраздельное господство в политической жизни. Система управления, которая хорошо подхо-

дила для небольшой «цивитас», объединявшей вокруг себя общины Средней Италии, уже совершенно не годилась для управления мировой империей. Территориальный рост обострил старые противоречия и породил новые, еще более острые и трудно разрешимые.

Это хорошо понимали уже древние историки — не только проницательный и одаренный Аппиан, но даже склонный к риторике и поверхностному скольжению по событиям и эпохам Луций Анней Флор, который пишет: «Ведь гражданские потрясения были порождены не чем иным, как избытком счастья. Прежде всего нас испортила побежденная Сирия, а затем азиатское наследие царя Пергама. Эти сокровища и богатства обрушились на нравы и потянули ко дну государство, погрязшее в тине своих пороков. Из-за чего иного, как не из-за голода, порожденного роскошью, римский народ мог потребовать у народных трибунов земель и продовольствия? Отсюда первый и второй гракханский мятежи, и третий — мятеж Апулея...»¹.

Относительно стабильным внутреннее положение Рима оставалось до середины II в. до н. э., когда обострившиеся социальные противоречия зажгли пожар гражданских войн. Они начались движением, связанным с именами братьев Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов. Этих мужественных и самоотверженных народных трибунов волновало положение римского плебса, но еще более — все убывавшая численность потенциальных римских легионов — основы римского могущества. Завоевательные походы отрывали тысячи людей от сельскохозяйственного производства, лишавшегося таким образом лучшей части трудоспособного населения. Следствием этого была массовая деградация крестьянских хозяйств всей Италии. Мелкие собственники разорялись и переселялись в города, пополняя ряды городского плебса, перебиваясь часто случайными заработками или просто паразитируя за счет государства. Ослабевшие крестьянские хозяйства не могли противостоять натиску богачей, владельцев крупных вилл и латифундий, всеми правдами и неправдами округлявших свои поместья и зачастую просто сгонявших с земли бедных соседей. Восстановить

¹ Flor. 1, 47 (цит. по переводу: Луций Анней Флор — историк древнего Рима /Пер. А. И. Немировского. Воронеж, 1977. С. 113).

справедливость во многих случаях оказывалось просто невозможным: суды находились в руках магнатов.

Источником обогащения нобилитета, помимо военной добычи, была «общественная земля», отнятая, как уже говорилось, у италийских общин. Историк Аппиан, которому мы обязаны лучшим и наиболее точным рассказом о гражданских войнах, пишет: «Богачи, заняв большую часть этой неподделенной земли и вследствие давности надеясь, что ее у них не отнимут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий образовались огромные латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов... Таким образом, могущественные люди богатели, а страна наполнилась рабами. Напротив, число италиков уменьшилось, так как их изнуряли бедность, налоги и военная служба...». В одной из своих речей, рисуя создавшееся положение, Тиберий Гракх говорил: «У диких зверей есть свои логовища, а у граждан не осталось ничего, кроме воздуха и солнечного света.. Те, которых называют властителями мира, уже не могут назвать своим ни одного клочка земли и, как кочевники, бродят повсюду со своими женами и детьми...».

Наиболее дальновидные представители нобилитета понимали, какую опасность для военного потенциала государства влечет за собой разорение сословия, поставлявшего Риму победоносные легионы. Деклассированные элементы, потерявшие связь с землей, выпадали из центуриатной системы — организационной основы римского войска и одновременно политической жизни. Моральная деградация городских низов делала их, как полагали тогда в Риме, плохими солдатами. Поэтому некоторые видные римские политики полагали, безусловно, необходимым восстановление мелкого крестьянского землевладения, как единственного средства поправить дело и избежать гражданской войны. Ради этого они готовы были даже посягнуть на земли богатой знати, захватившей некогда немалую часть «общественной земли» и уже привыкшей считать ее своей собственностью. Самыми решительными и активными борцами за осуществление этой программы оказались братья Гракхи.

О том, как старший из них, Тиберий, пришел к идее

нового аграрного закона, пишет в его биографии Плутарх, ссылаясь на свидетельство его брата Гая: «Гай упоминает в своих записках, что Тиберий, отправляясь в Нумантию и проезжая через Этрурию, увидел здесь картину запустелого края, а на пашнях и пастбищах, в качестве пахарей и пастухов, одних чужеземцев и варваров. Тогда-то и зародились у него те политические планы, осуществление которых навлекло на братьев столько бед...». В 134 г. до н. э. Тиберий был избран народным трибуном и выступил с законопроектом, согласно которому «общественная земля», оказавшаяся в частной собственности, подлежала конфискации (за исключением 500 югеров на каждого главу семейства и по 250 югеров на двух старших сыновей). Оставшаяся земля подлежала разделу на участки по 30 югеров каждый, которые должны были распределяться безвозмездно между неимущими римлянами на условиях наследственной аренды.

Законопроект был с восторгом встречен обезземеленным римским крестьянством и обездолженным городским плебсом, но вызвал взрыв негодования в кругах нобилитета, прежде всего в сенате. Сторонники и противники законопроекта составили ядро двух враждующих между собой политических группировок, борьба которых определяла характер внутривнутриполитической жизни Рима почти на столетие. Интересы нобилитета представляла партия оптиматов («наилучших»), стремившаяся сохранить в неприкосновенности его привилегии, авторитет сената и высших магистратов. Партия популяров («народников») выступала за интересы обезземеленного крестьянства и городских низов, мелких ремесленников и торговцев. Всадничество в разгоревшейся политической борьбе занимало колеблющуюся позицию, хотя в некоторых вопросах поддерживало популяров. Но как в первой, так и во второй группировке вождями были представители господствующих сословий.

С самого начала Тиберий столкнулся с сильным противодействием сената. Подстрекаемый сенаторами, коллега Тиберия по трибунату наложил трибунское вето на законопроект. Как в один голос сообщают источники, этот народный трибун Марк Октавий сам был крупным собственником общественной земли.

Напряжение в Риме достигло крайнего предела. В от-

вет на действия сената Тиберий запечатал храм Сатурна, где хранилась государственная казна, и наложил запрет на деятельность магистратов. Опасаясь покушения на свою жизнь, он стал носить под тогой короткий меч для самообороны, время от времени показывая его собравшейся толпе.

Новая попытка Тиберия созвать трибутные комиции, через которые он хотел провести закон, также закончилась неудачей из-за интерцессии Октавия. Тогда Тиберий поставил на трибутных комициях вопрос о лишении Октавия трибунских полномочий. Голосование оказалось роковым для Октавия, и законопроект удалось провести. Но осуществить его было непросто — во многих случаях нельзя было определить, где кончается частная земля и начинается общественная. Кроме того, мелким земледельцам, получившим землю по закону Гракха, нечем было ее обрабатывать: у них не было ни скота, ни орудий. Надо было также изыскать средства, чтобы вознаградить бывших владельцев земель, на которых они осуществили мелиорацию или возвели постройки. Новый закон, казалось, разрешал и эти противоречия: для финансирования гракханских поссесоров было предложено использовать сокровища Пергамского царя, завещавшего свое государство Риму. После этого Тиберий выставил свою кандидатуру на пост народного трибуна и на следующий год, хотя, по обычаю, не имел на это права. Так началась атака популяров на основы республиканского строя, посягать на которые стали затем столь же решительно и сторонники оптиматов.

Чаша терпения сената, привыкшего распоряжаться делами провинций, переполнилась. В сенате и в народе стали распространяться слухи, что Тиберий стремится к царской власти. Выборы на должность народного трибуна, происходившие в конце 134 г., завершились кровавыми столкновениями: погибло свыше 300 сторонников реформ, был убит и сам Тиберий. Так пролилась первая кровь гражданских войн. Трупы были ночью сброшены в Тибр.

Оставшихся в живых сторонников Тиберия оптиматы привлекли к суду. Им выносились суровые приговоры, и многие вынуждены были бежать из Рима, спасая свою жизнь. Партия популяров была организационно

разгромлена, но не уничтожена. Уже через год после убийства Тиберия его сторонники выдвинули ряд новых законопроектов, в том числе и закон о допустимости многократного избрания на должность народного трибуна. Еще через некоторое время популяры добились того, что народный трибун получил доступ в сенат. До этого он принимал участие в дебатах, стоя за порогом курии, что символически выражало невозможность для него стать членом самого авторитетного совета в Риме. Но оптиматы, одержав победу, все же побоялись отменить аграрный закон Тиберия, и наделение землей продолжалось, хотя и в замедленном темпе.

В поисках союзников популяры обратили свои взоры на италиков, представлявших собой немалую силу благодаря своей численности. Закон о предоставлении италикам гражданских прав вскоре оказался в центре внимания римского общества.

В такой обстановке с речью к народу обратился младший брат Тиберия — Гай, блестящий оратор. Его выступления собирали громадные толпы людей. Два столетия спустя они все еще восхищали любителей публичного красноречия. Как пишет Плутарх в биографии Гая, он постоянно напоминал римлянам, что убийство Тиберия было противозаконным актом: «У вас на глазах Тиберия насмерть били дубинами, а затем с Капитолия волокли его тело по всему городу и швырнули в реку, у вас на глазах ловили его друзей и убивали без суда! Разве не принято у вас искони, что если на человека возведено обвинение, грозящее смертной казнью, а он не является перед судьями, то на заре к дверям его дома приходит трубач и звуком трубы еще раз призывает его явиться. И лишь после этого, но не ранее, выносятся ему приговор? Вот как осторожны и осмотрительны были ваши отцы в судебных делах...».

Хотя мать Гая прилагала все усилия, чтобы удержать сына от активной политической деятельности, он все же выставил в 124 г. свою кандидатуру на должность народного трибуна. Выборы происходили при огромном стечении народа. Со всех концов Италии прибывали люди, заинтересованные в продолжении реформ. Им не хватало места на площади, и они размещались на близлежащих улицах, на крышах зданий, портиков, на ступенях храмов. Популярность нового трибуна оказалась

так велика, что оптиматы на первых порах даже не пытались противодействовать его законодательным инициативам. На следующий год он был вновь избран трибуном, хотя и не выставлял своей кандидатуры — таково было воодушевление народа, кумиром которого стал Гай.

Важнейшими среди законов Гая Гракха были: аграрный, полностью восстанавливавший закон Тиберия, с некоторыми дополнениями; хлебный, по которому римскому плебсу предоставлялась возможность покупать хлеб по очень низкой цене (эта мера сразу привлекла на сторону Гая массы городской бедноты), и закон о сокращении срока военной службы. Другие законы Гая отвечали интересам всадников: им был открыт доступ в судебные комиссии, разбиравшие дела о злоупотреблениях должностных лиц в провинциях (так, всадники получали право судить лиц сенаторского сословия), право на сбор налогов в богатой провинции Азия было передано всадникам, составившим для этой цели общества публиканов. В результате всадники также стали естественными союзниками Гая в его борьбе против оптиматов.

Особый закон Гая должен был улучшить положение «союзников римского народа», т. е. италиков. Пойти на уступки неримскому населению Италии было просто необходимо. Лишенные гражданских прав, италики несли наравне с римлянами все тяготы военных походов, но на родине их жестоко притесняли римские чиновники. Сохранился отрывок речи Гая (в сочинении Авла Геллия), где он говорит о фактах произвола, чинимого римскими магистратами в союзных городах: «Недавно консул прибыл в Теан Сидицинский. Его супруга сказала, что хочет выкупаться в термах, предназначенных для мужчин. Квестору города было приказано очистить помещение от тех, кто там мылись. Но это было сделано недостаточно быстро, и бани оказались не очень чистыми, по мнению римской матроны, на что она и пожаловалась своему супругу. Тогда консул приказал вкопать столб на городском рынке, к нему привязали М. Мария, дуумвира Теана, содрали с него одежду и наказали розгами». Далее Гай рассказывал, как жители соседнего города Калы, услышав про это, вынесли постановление, чтобы никто из жителей города не купался в

термах во время присутствия в городе римского магистрата.

Римский чиновник мог забить до смерти провинциала, не опасаясь наказания за это преступление, как видно из следующего рассказа. Из Азии возвращался заместитель легата и проезжал через город Венузия в Апулии. Передвигался он, по обыкновению римских вельмож, в носилках, которые несли рабы. По дороге какой-то местный пастух, подивившись необычной для тех мест картине, заглянул внутрь носилок и шутливо спросил: «Уж не мертвеца ли вы там несете?». Сидевший в носилках счел это дурным предзнаменованием и приказал рабам наказать пастуха, что они и сделали, забив его палками от носилок до смерти.

В 125 г. до н. э., еще до трибуната Гая, Фульвий Флакк, член комиссии по распределению земель, пытался провести закон о предоставлении гражданских прав союзникам, но был вынужден взять обратно свой законопроект. По-видимому, Гай повторил его и сделал это в тот момент, когда должен был выехать в Африку для устройства там колонии римских граждан на месте разрушенного некогда Карфагена. Законопроект, однако, оказался непопулярным в массах римского плебса, не желавшего делить свои привилегии с кем бы то ни было. Так, от Гая отшатнулись те, кто ранее с таким жаром поддерживал его реформы.

Внесение такого законопроекта без подготовки общественного мнения было крупной тактической ошибкой Гая. Влияние его в римском народе резко упало. Совсем недавно он находился в зените могущества, руководил сооружением хлебных складов, раздачами, выделением земельных участков, основанием колоний. Теперь же положение его изменилось настолько, что он даже не был выбран народным трибуном на 121 г. до н. э.

Воспользовавшись отъездом Гая, консул Опимий открыто выступил против его реформ. Оптиматам удалось противопоставить закону Гая о выведении колоний законопроект народного трибуна Ливия Друза об основании на территории Италии 12 новых колоний по 3000 участков в каждой. Законопроект оказался нереальным, так как такое количество свободной земли в Италии невозможно было отыскать. Но благодаря такой уловке сенату удалось отвести закон Гая о предоставлении граж-

данских прав италикам. Это был первый удар, за которым последовал второй. Народный трибун Минуций предложил отменить по религиозным мотивам закон о выведении колонии в Африку (над территорией разрушенного Карфагена тяготело проклятие, и оптиматы намеренно распространяли слухи, будто волки по ночам вырывают там межевые камни).

Консул Опимий созвал народное собрание, которое должно было решить этот вопрос, и во время совершения жертвоприношения одного из ликторов, прислуживавших консулу, убил какой-то гракханец. Воспользовавшись инцидентом, сенат объявил чрезвычайное положение и вручил консулу чрезвычайные полномочия для наведения порядка. Вооруженные кинжалами сторонники Гая заняли Авентинский холм, но отряды сенаторов вместе с наемными войсками, критскими стрелками из лука, взяли его штурмом. Всего погибло до 3000 гракханцев. Сам Гай, вернувшийся к этому времени из Африки, во время бегства вывихнул ногу и, не надеясь на спасение, приказал своему рабу убить его, что тот и выполнил, после чего сам покончил с собой. Сенат свирепо расправился со всеми сторонниками Гая. Вдовам погибших гракханцев, в том числе и матери Гая, было даже запрещено надеть траурные одежды.

Так закончился первый этап гражданских войн. Борящиеся стороны определили свои позиции, противоречия были далеко не разрешены. Однако деятельность Гракхов оказалась весьма результативной. По имеющимся данным, землю получили от 50 до 70 тысяч римлян, и это укрепило позиции мелкого и среднего землевладения. Упрочилось и положение всадничества, впервые активно выступившего на политической сцене. Римский народ, как сообщает Плутарх в биографии Гая Гракха, «в скором времени показал, как глубоко скорбит он о смерти Гракхов и как дорога ему память о них. В одной из лучших частей города братьям были поставлены статуи, а места их гибели превратились в святилища, где народ чтит их память приношением от первых по временам года плодов. Многие совершали им жертвоприношения и падали ниц, как будто приходя в храм богов».

Второй период внутренних смут в Римском государстве, имевший место в начале I в. до н. э., отмечен

борьбой тех же политических группировок, оптиматов и популяров. Во главе последних встал энергичный и смелый полководец Гай Марий, выходец из бедной плебейской среды, любимец народа. Успешно закончив в 105 г. до н. э. опасную для Рима войну с нумидийским царем Югуртой в Африке, Марий смог бросить вызов правящей сенатской верхушке и при поддержке народа избирался консулом пять раз подряд, что противоречило римским конституционным обычаям и ясно свидетельствовало о начавшемся распаде старых конституционных норм.

Марий провел военную реформу, приведшую к коренной реорганизации римской армии. В отличие от Гракхов, стремившихся сохранить центуриатную систему, Марий просто пренебрег ею, набирая в свои войска всех неимущих и даже вольноотпущенников, а также жителей провинций. Этот шаг имел далеко идущие последствия. Традиционная связь между воинской службой и обладанием правами римского гражданина нарушилась, армия отрывалась от гражданской общины и из народного ополчения превращалась в профессиональное войско. К концу гражданских войн такие армии стали самостоятельной политической силой, орудием борьбы сильных людей, полководцев и политических деятелей за власть.

К представителям нобилитета Марий относился с явным предубеждением. Историк Гай Саллюстий Крисп сохранил для нас выступление Мария, в котором тот резко нападал на оптиматов: «Оптиматы, говорил Марий, обычно проводят свою молодость в изнеживающих и развращающих удовольствиях, а становясь полководцами, сразу обращаются к греческим книгам, чтобы из них научиться военному искусству. Пусть они говорят красивые речи и хвалятся подвигами своих предков, которых они недостойны; но в полководцы необходимо избирать таких, которые выросли в солдатском лагере, привыкли к жаре и холоду и всяческим лишениям. Хотя они и не имеют вестибюлей, наполненных бюстами предков, но зато имеют почетные раны и награды, заслуженные ими в битвах...».

Солдаты Мария неустанно тренировались с полной походной выкладкой, учились владеть саперной лопаткой так же, как боевым оружием. Служба их была тяжелой, даже изнурительной, и многие римляне с през-

рением называли этих солдат «мулами Мария». Марий воспитывал своих воинов в духе преданности своему полководцу и боевому знамени (им стал серебряный орел, священный воинский символ). Отслужив 16—20 лет, солдаты получали право на земельный надел. Впервые в истории Рима земля предоставлялась не римским гражданам, а солдатам за верную службу полководцу. К концу гражданских войн этот принцип полностью восторжествовал и стал основой правовых отношений между армией и императором. Так в ходе гражданских войн начали пробиваться ростки нового, монархического режима.

Разгромив угрожавшие Риму германские племена, Марий в шестой раз был избран консулом. Его сподвижник Луций Апулей Сатурнин, видный популярь, стремившийся к славе продолжателя дела Гракхов и дважды становившийся народным трибуном, выдвинул ряд новых законопроектов в интересах малоимущего населения и ветеранов армии Мария. Предлагались новые раздачи земель и создание новых колоний в провинциях. Обсуждение законов проходило в обстановке ожесточенной борьбы, сопровождавшейся сценами дикого насилия. В день голосования толпы ветеранов Мария буквально оккупировали Рим. С сенаторов, впервые в римской истории, была взята клятва в верности только что принятым законам (впоследствии наследник Цезаря Октавиан приведет к присяге на верность всю Италию). Нарушение клятвы должно было караться изгнанием и конфискацией всего имущества. Движение Апулея Сатурнина поставило под угрозу власть и привилегии сенаторского сословия, и сенат был вынужден спешно принимать меры для противодействия нарастающему натиску популяров.

В условиях разгорающейся гражданской войны Марий проявлял странную нерешительность. Легко и быстро ориентирующийся на полях сражений, здесь он растерялся. С сенатской партией он был связан семейными узами (жена его была сестрой знатного римлянина Г. Юлия Цезаря, отца будущего диктатора). Рассказывали, что Марий вел тайные переговоры с представителями обеих партий в разных помещениях своего дома, обнадёживая и обещая поддержку одновременно тем и другим.

Выборы магистратов на 99 год сопровождались все более возрастающей социальной напряженностью. Сатурнину и на этот раз удалось добиться должности народного трибуна, но один из вождей популяров, Главция, выставивший свою кандидатуру на консульскую должность, приказал попросту убить своего соперника, ставленника сенатской партии Гая Меммия. Это убийство послужило сенату предлогом для введения в Риме осадного положения, и консулу Гаю Марию было поручено восстановить общественный порядок.

10 декабря 100 г. до н. э., когда народные трибуны должны были приступить к своим обязанностям, на улицах и площадях Рима произошло настоящее сражение. Войска сената, которыми командовал Марий, загнали популяров на Капитолий (так Марий употребил власть, полученную им при поддержке популяров, против них самих). Сторонники Сатурнина, изнемогая от жажды (водопровод, доставлявший воду на Капитолий, был перекрыт осаждавшими), вступили в переговоры с Марием и сдались на условиях личной неприкосновенности. Марий запер их в курии, где обычно заседал сенат, чтобы уберечь от озверевших оптиматов, но знатная молодежь, в основном сыновья сенаторов, влезли на крышу и стали бросать тяжелые черепицы на головы запертых там популяров, перебив их всех до единого.

Эта победа Марию славы не принесла. Сенат по-прежнему относился к нему с недоверием, а разгромленные популяры — с ненавистью и презрением, как изменнику. Оказавшись в политической изоляции, Марий был вынужден отправиться на Восток (в Азию), чтобы там дожидаться лучших времен.

Сплочение сил оптиматов, колебания Мария, а затем его прямая поддержка сената, выступившего против вооруженных сторонников Сатурнина, привели к разгрому популяров и торжеству реакции. Законы Сатурнина были отменены, основание колоний прекратилось. Неожиданно для всех в результате борьбы между оптиматами и популярами выиграло всадничество. Провинции оказались в полной их власти, а так как судебные комиссии по делам о взяточничестве также были в их ведении, всадники расхищали богатства провинций совершенно безнаказанно.

Борьбу против злоупотреблений всадников возглавил

Марк Ливий Друз, хоть и происходивший из знати, но всячески подчеркивавший свой демократизм. В 91 г. до н. э. он стал народным трибуном. В своей законодательной деятельности он поставил себе целью вернуть суды сенаторам, но для этого надо было заручиться поддержкой трибутных комиций, на которых влияние популяров продолжало сохраняться. Поэтому Друз к своему основному законопроекту, возвращавшему судебные комиссии сенаторскому сословию, присоединил ряд других, практически повторявших законы Сатурнина и Главции: о расширенной продаже дешевого хлеба, о выведении колоний на территории Италии (в Сицилии и Кампании). И, наконец — это было, пожалуй, самым существенным моментом — союзникам было обещано уравнивание в правах с римскими гражданами. Реальные блага, которые тем самым получали апеннинские горцы — самниты, марсы, пелигны, френтаны — заключались в возможности защиты своих земель от посягательств крупных латифундистов. Особенно были заинтересованы в получении гражданских прав жители «Счастливой Кампании», где процветало интенсивное сельское хозяйство и возделывались технические культуры, дававшие особо высокий доход — виноград и оливковые деревья.

Ливий Друз выдвигал законы в порядке заранее им намеченной очередности. Вначале он провел закон о судах, затем хлебный и закон о колониях при активной поддержке италиков и плебса. Испуганные размахом нового демократического движения, против него объединились сенаторы и всадничество, образовав мощную коалицию. Так логика борьбы сделала Друза незаметно для него самого вождем народных масс.

Обстановка в Риме накалилась до такой степени, что Друз лишь изредка выходил из дома, опасаясь наемных убийц. Однажды вечером, когда он провожал толпу посетителей, кто-то в сумятице убил его ударом кинжала на пороге собственного дома.

В Риме мало кто знал, что Друз к этому времени вступил в тайный заговор с италиками: им были обещаны гражданские права, за это они должны поддерживать законы Друза. Повсюду создавались тайные союзы, члены которых давали клятву в верности делу: их вождем и знаменем был Друз, как видно из сохра-

ненной в источниках клятвы: «Клянусь Юпитером Капитолийским и римской Вестой, и кормилицей Землей, и божественными основателями и пенатами города, что для меня будет другом и врагом тот, кто будет другом и врагом Друза...».

Известие об убийстве Друза послужило сигналом к повсеместному выступлению италиков. Они добивались теперь уже не гражданских прав, а уничтожения их векового врага и угнетателя — Рима. Во главе восстания встали марсы, поэтому в источниках эту войну часто называют «марсийской войной». Это было одно из самых воинственных племен Италии, о котором сами римляне говорили: «Над марсами и без марсов нет триумфа». Вождями восстания стали Квинт Помпедий Силон из племени марсов и самнит Гай Папий Мутил. Их воины прошли школу войны в армии Мария, были вооружены по римскому образцу и придерживались римской боевой тактики.

Восставшие громили римские гарнизоны повсеместно — на юге и севере Италии. В городе Аускул все римляне были перебиты и имущество их разграблено. Численность армий италиков вскоре дошла до 100000 человек. Верными Риму остались лишь города Этрурии и Умбрии, да еще греческие города юга Италии (так называемые «морские союзники»). Вожди восстания старались привлечь на свою сторону простых людей Рима: когда Папий Мутил взял Нолу, он казнил всех пленных офицеров, а рядовые римские legionеры перешли в лагерь италиков. Агенты италиков вели в римских войсках усиленную агитацию, убеждая legionеров в том, что восстание направлено не против римлян, а против сенатской олигархии. На юге на сторону италиков переходили и рабы.

Своей столицей италики сделали город Корфиний, который был переименован в «Италию»: здесь стал заседать совет восставших. Свою монету они чеканили по римским стандартам: на ней был изображен бык (тотемный символ племени самнитов), топчущий римскую волчицу, вскормившую, по преданию, основателей Рима — Ромула и Рема.

Грозная опасность сплотила на этот раз оптиматов и популяров. Консулами 90 г. стали Л. Юлий Цезарь и

П. Рутилий Луп, легатами у них служили престарелый Марий и Л. Корнелий Сулла, которому суждено было сыграть одну из первых ролей в трагедии гражданских войн. Вскоре Сулла стал фактическим главнокомандующим (Мария объявили впадшим в старческий маразм и отстранили от командования).

Вначале Рим терпел одно поражение за другим. Погиб консул Рутилий, и сенат запретил привозить его тело в Рим, чтобы не вызвать паники. Тяжелое положение заставило сенат пойти на серьезные уступки. Всем латинским и италийским общинам, которые решением своего гражданства перейдут на сторону Рима, были обещаны гражданские права. Однако их не включили в старые трибы, организовав 10 новых, из опасения, чтобы голоса их не оказывали решающего влияния. Другой закон предоставлял права римского гражданина всем, кто лично прибудет в Рим и обратится к римским магистратам с такой просьбой. Такими способами Риму удалось расколоть восставших, и с 89 г. военное счастье стало изменять италикам. Они покинули Корфиний. Другой центр восстания, Бовиан, взял штурмом Сулла. Тяжелое поражение нанес он самнитам в Ноле. Другой римский полководец Помпей Страбон осадил Аскул, где археологи до сего времени находят свинцовые ядра, которые метал римляне из осадных машин в защитников города, с надписями: «беглым рабам», «попади в самнита». Римляне постепенно оттесняли отряды восставших в горы, где их преследовали голод и холод. В этих операциях римляне наталкивались на когорты восставших, замерзших в полном вооружении, опершись на копье.

К 88 г. восстание италиков, потрясшее Рим до основания, было подавлено, хотя восставшие все же добились многого. Римское гражданство было распространено почти на всю Италию.

Второй этап гражданских войн сменился третьим, в ходе которого в Риме установился режим личной власти — диктатура Суллы. Продлившись три года, она, однако, явилась провозвестником серьезных социальных потрясений, приведших к краху республики. Третий этап гражданских войн отмечен крайним ожесточением сословной борьбы и массовым террором, к которому прибе-

гали в расправах с противником как популяры, так и оптиматы.

Подобно тому как Марий был обязан своим возвышением Югуртинской войне в Африке, Сулле привела к власти война Рима с Понтийским царем Митридатом VI Эвпатором в Малой Азии. Весной 88 г. Митридат вторгся в римские владения в Малой Азии. Жители порабощенных Римом провинций встречали его как бога-избавителя: по сведениям источников, там в один день перебили до 80000 римлян и италиков.

К этому времени в Риме с новой силой разгорелась борьба между оптиматами и популярами, которых возглавил вождь римского плебса народный трибун Сульпиций Руф. Он провел ряд законопроектов, касающихся положения новых граждан из числа италиков (согласно одному из них, они должны были равномерно распределяться по всем трибам). Другой его закон возвращал на родину тех, кто был осужден в связи с событиями 100 г. до н. э. Сульпицию Руфу оказывал поддержку престарелый Марий, все еще страдавший от жажды власти и почестей.

Консулами 88 г. стали Л. Корнелий Сулла, армия которого стояла под Нолой, и Помпей Руф. На войну с Митридатом должен был отправиться один из консулов. По жребию командование досталось Сулле, к тому времени уже зарекомендовавшему себя убежденным сторонником оптиматов. Едва спасшись от банд Сульпиция Руфа, терроризировавших Рим в эти дни, Сулла поспешил к своей армии, чтобы готовить ее к походу на Восток. Воспользовавшись отсутствием Суллы, Сульпиций Руф провел в Риме закон, по которому Сулла отстранялся от командования — оно перешло к Марию. Старый полководец, как рассказывает Плутарх в его биографии, «не желая признавать себя старым и слабым, ежедневно приходил на Марсово поле и упражнялся вместе с юношами, показывая, как легко он владеет оружием и как крепко он сидит в седле, несмотря на старость, сделавшую его тело неповоротливым, грузным и тучным....».

Под Нолу были отправлены два легата Мария, чтобы принять от Суллы стоявшие там легионы. Но Сулла мог рассчитывать на верность своих войск. В отличие от Мария, он не слишком строго требовал от своих солдат

соблюдения суровой воинской дисциплины, стараясь завоевать среди них популярность. Собрав их на сходку, Сулла объявил, что его незаконно отстранили от командования, Марий же поведет на Восток других солдат, которых там ждет богатая добыча. Возмущенные действиями популяров в Риме, легионеры тут же на месте перебили присланных из Рима военных трибунов. Офицеры армии Суллы в ужасе разбежались, но Сулла, не обращая на это внимания, сам повел свои шесть легионов (около 35000 воинов) на Рим. Это был первый случай в истории Рима (если исключить полулегендарного Кориолана), когда римские войска под командованием римского полководца выступили против собственного государства. Как писал Моммзен, «Сулла был человеком надменным, с холодным и ясным умом... В его глазах суверенный римский народ был сборищем черни, герой битвы при Секстиевых водах — обанкротившимся мошенником, формальная законность — пустой фразой, а сам Рим — городом без гарнизона, которым было легче завладеть, чем Нолой».

Легионы, вступавшие в Рим двумя колоннами, через Эсквилинские и Коллинские ворота, население встретило градом камней. Тогда Сулла приказал солдатам метать стрелы с горящей паклей на крыши тех домов, жители которых оказали сопротивление. Сам он с горящим факелом в руке двинулся вперед, угрожая сжечь город. Марий тщетно пытался организовать сопротивление, но силы были слишком неравными, и он бежал из Рима. Спешно покидали Рим и другие вожди популяров.

На основании своих консульских полномочий Сулла собрал сенат. На этом заседании Марий, Сульпиций Руф и другие вожди популяров были объявлены врагами народа и осуждены на смерть. Сульпиций Руф был пойман (его выдал собственный раб) и казнен, голова его была выставлена на трибуне, с которой он совсем недавно оглашал форум своими пламенными речами. То было невиданное зрелище, заставившее содрогнуться римских ревнителей старины, для которых личность народного трибуна была священной и неприкосновенной.

Марий бежал в Остию, торговую гавань Рима, чтобы сесть там на корабль и переправиться в Африку. Буря прибила судно к берегам Италии, и моряки, узнав, кто он, высадили его на берег. Там и настигли Ма-

рия преследователи, доставив его в маленький итальянский городок Минтурны. После некоторых колебаний власти города решили его казнить и прислали в темницу палача-варвара, родом галла или кимвра. Плутарх не без драматизма описывает эту сцену: «В полутьме солдату показалось, будто глаза Мария горят ярким огнем, а из густой тьмы его окликнул громкий голос: «Неужели ты дерзнешь убить Гая Мария?». Варвар тотчас убежал, бросив по пути меч, и в дверях завопил: «Я не могу убить Гая Мария!». Пристыженные жители Минтурн решили спасти ему жизнь и помогли Марию сесть на корабль, который и доставил его в Африку. Ему суждено было после возвращения в Рим стать седьмой раз консулом, но всего на несколько дней. Пережитые невзгоды и старость дали себя знать, и он вскоре скончался.

Сулла недолго оставался в Риме. Дела на Востоке настоятельно требовали его присутствия в армии. Но за короткий срок пребывания в Риме он успел сделать многое: ввел в сенат 300 новых членов из оптиматов, восстановил старый порядок голосования в центуриатных комициях, по которому почти половина голосов обеспечивалась гражданам первого класса, самым богатым. Но самым важным шагом Суллы в реорганизации государственного управления было лишение народных трибунов законодательной инициативы. Так у них было отобрано самое опасное оружие, которое они со времен Гракхов пускали в ход против оптиматов. Отныне трибуны могли выступать с законопроектами только после их предварительного одобрения сенатом. Вводя такие конституционные изменения единолично и не пытаясь даже придать им видимость законности, Сулла демонстративно подчеркивал полное пренебрежение к древним нормам государственного права. Его опорой был нобилитет, особенно его обедневшие слои, надеявшиеся с помощью Суллы поправить свои дела и избавиться от гнета популяров.

Наспех проведенные выборы магистратов на 87 год показали, что Сулле не удалось полностью подавить оппозиционные силы. Один из выбранных консулов, Л. Корнелий Цинна, оказался приверженцем Мария. Второй консул Г. Октавий был оптиматом. Сулла не решился отменить выборы и удовлетворился тем, что взял

с обоих консулов клятву в верности конституционным изменениям, которые он произвел, после чего отправился в Брундизий, чтобы посадить там свои легионы на корабли и отплыть на восточный театр военных действий. Высадившись на севере Греции, Сулла двинулся в направлении Афин, где сосредоточились войска Митридата под командованием Архелая.

Едва Сулла успел отплыть из Италии, как сторонники Мария вновь произвели в Риме переворот. Захватив власть в городе и забыв обо всех клятвах, Цинна поставил на повестку дня вопрос о распределении италиков по всем 35 трибам. Так как Октавий выступил против, дело дошло до настоящего сражения между сторонниками и противниками Цинны. Форум был залит кровью. По данным источников, по-видимому, преувеличенным, число убитых доходило до 10000 человек. Цинна потерпел поражение и бежал из Рима. Вместе со своими сторонниками он стал собирать в италийских городах силы для сопротивления оптиматам, — прежде всего, самнитов, многие из которых еще не сложили оружия, поднятого ими во время Союзнической войны. К этому времени прибыл из Африки Гай Марий с небольшим отрядом нумидийцев. Сделав базой своих операций Этрурию, он стал взламывать двери эргастулов, в которых содержали рабов, обещая им всем свободу, если они вступят в отряды популяров. Выдающимся деятелем антисулланского движения стал Квинт Серторий, один из самых способных офицеров римской армии. Войска Мария, Цинны и Сертория вскоре подошли к Риму. Сенат пытался организовать оборону города, но силы были неравными. К тому же солдаты из воинских частей, стоявших в Риме, стали перебегать на сторону популяров. В конце концов сенат подчинился Цинне, прося его воздержаться от мести и кровопролития.

Однако марианцы, захватив Рим, жестоко отомстили своим политическим противникам. Террор марианцев превзошел все, что до этого видел Рим. Городские ворота были закрыты, и резня продолжалась пять дней. Марий требовал, чтобы головы казнённых сенаторов складывались на форуме к подножью ораторской трибуны. «Анхария, сенатора и бывшего претора, повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие», — пишет Плутарх. Все

улицы, весь город кишел преследователями, охотившимися за теми, кто убегал или скрывался... лишь немногие не выдавали палачам друзей, искавших у них убежища...».

Захватив власть, популяры поспешили отменить все изменения, которые Сулла внес в римскую конституцию, а сам он был объявлен врагом отечества. Законы Сульпиция Руфа были восстановлены, италики уравнены в правах с римлянами, хлебные раздачи возобновлены в полном объеме. Долги, тяготевшие над римской беднотой — прежде всего квартирная плата — были кассированы на одну четверть. Опорой марианского режима стали италики — новые граждане Рима.

Обо всем, что происходило в Риме, Сулле старательно доносили его агенты. Он же продолжал вести военные действия против Митридата, прекрасно понимая, что от их исхода зависит его судьба и судьба политической группировки, которую он возглавил. Хотя армии Митридата по численности значительно превосходили армию Суллы, они уступали римлянам в боевой выучке, были хуже вооружены, а главное — плохо организованы, напоминая, скорее, ополчение племен, чем регулярное войско.

Ход военных действий показал, что солдаты Суллы были полностью преданы своему полководцу, щедро вознаграждавшему их за службу. Богатые храмы Греции были им дочиста ограблены, драгоценные произведения искусства перелиты в слитки, из которых чеканилась монета для выплаты солдатам жалованья. Колоссальные ценности были захвачены Суллой в храме Зевса в Олимпии, до этого ни разу не подвергавшемся ограблению. Хранителям храма Аполлона в Дельфах Сулла написал, чтобы они перевезли сокровища, принадлежавшие богу, к нему: у него они будут целее.

Осадив Афины, Сулла вырубил прекрасные рощи Ликей, где некогда читал лекции Аристотель, и тенистые платаны Академии, под которыми беседовал со своими учениками Платон, чтобы из добытого леса построить осадные машины. Начавшийся в Афинах голод заставил защитников города вступить в переговоры с Суллой, который потребовал безоговорочной капитуляции. 1 марта 86 г. Сулла штурмом взял город, отданный им на разграбление озверевшей солдатне. Главари сопротивле-

ния были сразу же казнены. Лишь через три дня Сулла из уважения к древней славе города отдал приказ прекратить грабежи и насилия. По словам Плутарха, он заявил, что «дарит немногих многим и в память о мертвых щадит живых». Жестоко пострадал от разрушений Акрополь. Длинные Стены, связывавшие Афины с их портом Пиреем, были скрыты, портовые сооружения уничтожены.

Пока армия Суллы осаждала Афины, из Рима прибыли новые легионы для войны против Митридата под командованием консула Валерия Флакка, который должен был принять командование от Суллы. Было ясно, что добиться этого мирным путем Флакк не сможет: вполне вероятным становилось столкновение двух римских армий перед лицом общего врага. Но в планы Суллы не входила междоусобная схватка, и он поторопился дать новое сражение войскам Митридата. В битве при Херонее Сулла нанес сокрушительное поражение понтийскому царю.

Флакк, желая также избежать столкновения с армией Суллы, двинулся на север, во Фракию, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию. Сулла хладнокровно следил за движением легионов Флакка, не собираясь чинить ему препятствия: одержит ли Флакк победу или потерпит поражение от Митридата, он, Сулла, и в том, и в другом случае будет в выигрыше.

В 85 г. армия Суллы дала еще одно сражение Дорилаю, полководцу Митридата, командовавшему его экспедиционным корпусом в Греции. На этот раз сражение едва не окончилось поражением легионов Суллы, которые дрогнули под ударами конницы Дорилая и стали отступать. Тогда Сулла, схватив серебряного орла, знамя одного из своих легионов, бросился вперед, крикнув солдатам: «Если на родине вас спросят, где вы покинули своего полководца, отвечайте: под Орхоменом!». Пристыженные воины сомкнули ряды и отразили атаки всадников, опрокинув затем и вражескую пехоту. Одержав победу, Сулла занял север Греции — Фессалию, затем Македонию и Фракию.

В то время, как происходили эти события, в легионах Флакка, переправившихся в Малую Азию, произошло восстание. Флакк был убит своими солдатами, пост командующего занял некий Гай Фимбрия, сумевший нанести поражение Митридату близ Пергама. Понтийский

царь решил вступить в мирные переговоры с римлянами — но не с Фимбрией, а с Суллой. Условия мира, продиктованные Суллой во время личной встречи в Дардане, были сравнительно мягкими, так как Сулла торопился вернуться в Рим: Митридат обязывался очистить захваченные территории, передать римлянам 80 кораблей и выплатить сравнительно небольшую контрибуцию в 2000 талантов. Этот договор, обычно называемый Дарданским, был заключен в 84 г. до н. э.

Близ Пергама войска Суллы подошли близко к армии Фимбрии. Оба войска некоторое время стояли друг против друга. Затем солдаты Фимбрии стали массами перебегать в армию Суллы. Поняв, что его дело проиграно, Фимбрия покончил самоубийством, бросившись на меч.

Сулла сурово наказал греческие города Малой Азии, поддерживавшие Митридата. С них была взыскана огромная контрибуция в 20000 талантов (уплатила их главным образом провинция Азия). Деньги Сулла выплатил солдатам за верную службу. Весной 83 г. он вернулся в Европу, чтобы там посадить армию на корабли и переправиться в Италию. В сенат он отправил отчет о своих действиях, как будто не зная о том, что произошло в Риме за время его отсутствия. В завязавшихся переговорах он всячески подчеркивал свою умеренность, настаивая лишь на возвращении несправедливо изгнанных и наказании преступников.

Готовясь к неизбежной гражданской войне, Корнелий Цинна отправился на север Италии для вербовки солдат, но был убит в Анконе взбунтовавшимися войсками. Борьбу против Суллы возглавили консулы 83 года Л. Сципион и Г. Норбан. Страх перед Суллой более всего заставлял римлян вступать в армию демократов, пишет Аппиан. Консулам удалось собрать значительное войско, но это были в основном новобранцы, не имевшие военного опыта.

Высадившись в Брундизии, Сулла медленно двигался на север, не без основания рассчитывая на раскол в рядах своих противников. Отовсюду под его знамена стекались аристократы. Сын Помпея Страбона молодой Гней Помпей на свой страх и риск набрал в Пицене армию, численность которой вскоре достигла трех легио-

нов, и одержал победу над войсками демократов, не дожидаясь Суллы.

Продвигаясь из Апулии на север, Сулла встретился с армией консула Норбана и наголову ее разбил. Следствием этой победы было то, что войска другого консула резко уменьшились в численности; под влиянием агитации сулланцев воины демократов стали массами перекрывать в армию Суллы.

Консулами 82 г. были избраны Г. Марий Младший и Карбон. Гаю Марию Сулла нанес поражение близ города Пренесте, недалеко от Рима, после чего двинулся на север, в Этрурию, где разбил войска Карбона. Остатки армии демократов, соединившись с отрядами самнитов под командованием Понтия Телесина, попытались взять Рим. Сражение произошло вблизи Коллинских ворот. Воодушевляя своих воинов, Телесин призывал уничтожить ненавистный город: «Никогда не уничтожить волков, похитителей свободы Италии, пока не срублен лес, в котором они водятся...». Сражение было тяжелым и кровопролитным, но и здесь войска Суллы одержали победу. Около 6000 пленных были заперты в здании на Марсовом поле и там вырезаны солдатами Суллы. Их полководец в это время выступал перед сенаторами, собравшимися в храме Беллоны. Крики убиваемых доносились до их ушей, и те в ужасе спросили Суллу, что там происходит. Сулла, рассказывает Плутарх, «не дрогнув, продолжал свою речь и лишь заметил, с холодным равнодушием на лице, сенаторам, чтобы они слушали его внимательно и не беспокоились по поводу того, что происходит снаружи: там просто дают по его приказу урок кучке негодяев».

Осажденный войсками Суллы город Пренесте вскоре сдался, и Сулла «сперва судил и казнил каждого человека поодиночке, а затем, как бы по недостатку времени, собрал всех в одно место (их было 12000) и приказал перебить» (Плутарх). Молодой Марий покончил самоубийством, и когда его голову принесли Сулле, тот, как рассказывает Аппиан, насмехаясь над молодостью погибшего консула, сказал: «Нужно сначала стать гребцом, а потом управлять рулем!». Кровавый тиран любил скоморошничать, недаром он провел молодость в обществе мимов и куртизанок.

Гражданская война была в основном закончена, ос-

татки армии Карбона бежали в Сицилию и там были уничтожены войсками Помпея. Сам Карбон попал в плен и был по приказу Помпея казнен. Пересправившись затем в Африку, Помпей разгромил там остатки марянцев и с торжеством вернулся в Рим. Не являясь официальным лицом, Помпей отпраздновал триумф (римлян над римлянами!). Уже одно это событие было ярким свидетельством распада старых республиканских норм государственной жизни. То, что Помпей, всадник по происхождению, не принадлежавший к нобилитету, был удостоен триумфа, Цицерон впоследствии (в речи «О верховном командовании Гнея Помпея») называл неслыханным событием.

Так закончилась первая большая, уже в подлинном смысле этого слова, гражданская война, в которой столкнулись в братоубийственной борьбе армии римских граждан. Исход ее решило военное превосходство сулланцев — общая численность их войск доходила до 40 легионов. К тому же огромная, захваченная на Востоке добыча давала Сулле возможность щедро вознаградить своих солдат. Немалую роль сыграла раздробленность сил его противников. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов талант Суллы как полководца.

Победитель был назначен диктатором с неограниченным объемом полномочий на неограниченный срок. Новая должность лишь по названию совпадала со старой экстраординарной республиканской магистратурой. По существу, речь шла о единовластии, опиравшемся на военную силу и не ограниченном никакими законами.

Если вначале Сулла в какой-то мере скрывал свои истинные намерения, то теперь, одержав окончательную победу, он дал волю своей ярости. С политическими противниками диктатор расправился с невиданной жестокостью. Самые знатные были занесены в особые списки, проскрипции, выставленные на форуме, и приговорены к смертной казни и конфискации имущества, которое продавалось с торгов, как правило, задешево. Каждый убивший человека, внесенного в списки, получал награду, головы убитых складывались в Риме у Сервиева фонтана. Сулла не щадил и мертвых. Так, труп Мария был вырыт и сброшен в реку Анио. «Он помещал в списки всякого, кто принял и укрыл в своем доме кого-либо из жертв, карая смертью человеколюбие и не щадя ни брата, ни

сына, ни родителей, а всякому, убившему опального, он назначил награду в два таланта, платя за убийство, хотя бы это был раб, убивший господина, или сын, убивший отца. Но самой вопиющей несправедливостью было то, что он лишал гражданской чести сыновей и внуков опальных и подвергал конфискации их имущество» (Плутарх).

Сулланцы свирепо расправлялись с целыми общинами. Жители города Норба, чтобы не попасть к ним в плен, сами перерезали друг друга и сожгли город. Жителей Волатерр перебила озверевшая солдатня. Во многих областях Италии земли местных жителей были конфискованы и распределены между ветеранами Суллы. По данным Аппиана, землю получили около 120000 ветеранов. Особенно пострадали области Самний и Этрурия, в которых влияние демократов было особенно сильным.

Лишь к 1 июня 81 г. действие проскрипционных списков было приостановлено. Всего были убиты более двух тысяч всадников, с которыми Сулла расправлялся особенно жестоко, и множество сенаторов. Число погибших провинциалов доходило, по некоторым сведениям, до 100000 человек. Молодых и сильных рабов, принадлежавших казненным, Сулла освобождал, превратив их в свою личную гвардию. Они получили имя Корнелиев, по родовому имени Суллы. Число их доходило до 10000 человек.

Диктатор прекрасно понимал, что вернуть Италию к прежним временам, когда гражданин Рима по отношению к жителям других городов и общин Италии был полновластным властелином, просто невозможно. Более того, он сам в награду за верную службу предоставлял кельтам и испанцам гражданские права. Вместе с тем, он всячески стремился укрепить позиции сенаторского сословия. С этой целью у всадников было отнято право участвовать в судебных комиссиях: это право возвращалось сенаторам. Состав сената увеличился до 600 человек. Возросло число магистратов, обычно выдвигаемых из лиц сенаторского сословия (преторов, квесторов). Даже народные трибуны отныне выдвигались сенатом и действовали только через сенат. Отбыв срок своей магистратуры, народные трибуны отныне уже не могли занимать должности претора и консула, вследствие чего трибунат потерял свою привлекательность для честолюбивых людей как ступенька в карьере. Раздачи дешевого хлеба прекратились, откупная система сбора налогов

была отменена, а вместо нее установлены твердые налоги на население провинций.

При Сулле произошло первое крупное перераспределение земли в Италии, осуществленное диктатором с целью вознаграждения своих солдат за верную службу. По сути дела, он продолжил ту практику, начало которой положил Гай Марий. Поселения сулланских ветеранов носили характер военных колоний. Установление такого порядка привело к дальнейшему отделению армии от гражданской общины: законом для воинов становилась воля полководца, она же определяла размеры награды за службу. Власть высших магистратов была значительно урезана в пользу сената, который назначал наместников провинций, на территории которых гражданская власть отделялась от военной.

Оценивая итоги деятельности Суллы, Аппиан, один из самых трезвых и проницательных античных историков, ясно представлял себе, что Сулла действовал как монарх и не понимал лишь одного — того, что он «первый и единственный из всех монархов, слагая с себя подобную власть без всякого принуждения с чьей-либо стороны, передал ее не детям своим, а тем людям, которыми он деспотически правил».

В 79 г. до н. э. Сулла неожиданно для всех сложил с себя полномочия диктатора. Немецкий историк Моммзен, обладавший не только огромной эрудицией, но и живым воображением, красочно описывает это событие в своей «Истории Рима»: «Даже черствые сердца были потрясены, когда человек, доселе располагавший по своему произволу жизнью и собственностью миллионов, по мановению которого слетело столько голов с плеч, смертельных врагов которого можно было найти в каждой улице Рима, в любом городе Италии... когда этот человек вышел на столичную площадь, добровольно сложил с себя полновластие, уволил свою вооруженную свиту, распустил своих ликторов и обратился к густой толпе граждан с вопросом, не желает ли кто-нибудь потребовать от него отчета. Все молчали. Тогда Сулла сошел с ораторской трибуны и пешком, в сопровождении только друзей, вернулся к себе».

Покинув Рим, Сулла уехал в свою великолепную виллу, выстроенную близ Путеол, вскоре после Союзнической войны. Но и живя там, он продолжал оказывать

влияние на ход государственных дел. На досуге он развлекался рыбной ловлей и охотой, а также писал мемуары на греческом языке, но не успел их закончить. Их дописал его вольноотпущенник грек Корнелий Эпикед. В 78 г. он тяжело заболел и умер. Погребальный обряд был поистине царским: останки бывшего диктатора везли через всю Италию на золотом ложе, при огромном стечении народа и бывших его соратников. В Риме похоронное шествие встречали все магистраты в парадных одеяниях, члены жреческих коллегий, весталки, сенаторы и всадники. Похороны состоялись на Марсовом поле. «Звучал торжественный похоронный марш, исполнявшийся бесчисленным множеством трубачей. Сенаторы возносили клики и обеты, вместе с ними всадники и воины, их повторял весь народ... Были такие, которые делали это искренне, но было и много других, которые боялись его солдат и самого мертвеца не меньше, чем живого. Страшило их развертывающееся перед глазами зрелище и память о том, что сделал этот человек» (Аппиан).

На гробнице диктатора, воздвигнутой на Марсовом поле, была начертана надпись, составленная, согласно преданию, им самим. Она гласила, что никто не сделал так много добра своим друзьям и зла своим врагам, как Сулла.

После отказа Суллы от власти и его смерти обнаружилось, насколько непрочной и призрачной была система, покоившаяся на двух противоречащих одно другому началах: режиме личной власти и терроре, возведенном в ранг государственной политики, с одной стороны, и укреплении традиционных основ аристократической сенатской республики, с другой. Очень скоро сулланский режим подвергся ожесточенным нападкам, причем нарушителями его, как ни странно, выступили самые видные сулланцы. Тогда же заявили о себе и остатки партии популяров, которая не была полностью уничтожена.

Первую попытку уничтожить сулланские порядки сделал М. Эмилий Лепид, потомок древнего патрицианского рода и один из самых активных приверженцев покойного диктатора, обогатившийся во время проскрипций. Влияние Помпея дало ему возможность еще при жизни Суллы добиться консульской должности. Став консулом в 78 г., он совершенно неожиданно для всех, кто его знал, переметнулся на сторону популяров и выступил против сена-

та. Его лозунгами были восстановление трибуната в том виде, как он существовал во времена Гракхов, и возвращение из изгнания лиц, репрессированных Суллой. Противником Лепида выступил другой консул, активный сулланец Кв. Лутаций Катул. Речи Лепида в Риме вызвали бурную реакцию по всей Италии. В Этрурии восстали жители фезул и изгнали сулланских ветеранов, вернув отнятые у фезуланцев земли. Сенат попытался удалить Лепида из Италии, назначив ему провинцией Нарбонскую Галлию. Однако тот, получив от сената крупные суммы для устройства дел в провинции, засел в Этрурии и стал собирать там всех недовольных. Его армия вскоре выросла настолько, что стала представлять собой серьезную угрозу для Рима. Войска сената, брошенные против Лепида, возглавил Гней Помпей. Движение потерпело неудачу, и сам Лепид бежал в Сардинию, где вскоре погиб. Остатки его армии (около 50 когорт) во главе с легатом Лепида Марком Перперной перебрались в Испанию, где в это время с успехом развивал свою деятельность один из последних марианцев — Квинт Серторий.

Испания еще при Сулле превратилась в убежище для остатков марианской группировки: туда бежали все спасшиеся от террора и проскрипций. Вожди эмиграции составили своеобразный сенат и создали подобие независимого государства, во главе которого встал Квинт Серторий, опиравшийся на поддержку местных испанских племен. Окружение Сертория относилось к коренному населению страны с уважением, налоги с него были значительно уменьшены. Для детей испанской знати были созданы учебные заведения, в которых они приобщались к высокой античной культуре. Благодаря деятельности серторианцев романизация Испании была значительно ускорена. Сам Серторий стал признанным вождем испанских племен, ему давали клятвы в верности, его безоговорочно поддерживали во всех его начинаниях. За быстроту принимаемых решений кельтиберы называли Сертория вторым Ганнибалом.

Чтобы подавить освободительное движение испанских племен, Сулла направил в Испанию войска под командованием Метелла, но они смогли установить свой контроль лишь на небольшой территории. Движение разрасталось, и уstraшенный ходом событий римский сенат решил отправить туда Гнея Помпея, к этому времени

ставшего крупной фигурой на политическом горизонте Рима.

За оказанные услуги в гражданской войне с мариянцами Сулла одарил Помпея почетным прозвищем «Великого» — вероятно, не без тайной насмешки над манией величия, которой страдал этот молодой римский аристократ. Помпей усвоил основы военного искусства от отца, профессионального военного, но как полководец Помпей отличался лишь чрезмерной осторожностью, граничившей с трусостью. На генеральное сражение он отваживался тогда, когда обеспечивал себе максимальное превосходство в силах. Он снискал себе репутацию честного и бескорыстного политического деятеля, но и это было, скорее, следствием далеко зашедшего морального разложения общества: на фоне распространения пороков Помпей действительно мог казаться воплощением древних республиканских добродетелей. Ему всегда доставало ума (вернее, хитрости) молчать в спорных и рискованных ситуациях, и его нерешительность воспринималась неискушенными людьми за мудрую осторожность, а молчание — за глубокомыслие. Единственное, к чему Помпей стремился всю жизнь, — это быть всегда наверху, и благодаря удачным стечениям обстоятельств он сохранял это положение довольно долго. Именно этим стремлением объясняются его метания от оптиматов к популярам и обратно. Как видно из биографии Плутарха, Помпей прочно вошел в роль прямодушного римского воина времен древних римских патриархальных нравов. Дошедшие до нас скульптурные портреты Помпея с поразительным реализмом передают характер изображаемого: посредственность выписана крупными буквами на его широкоскулом, с низким лбом и глубоко посаженными глазами лице, с застывшей гримасой тупого самодовольства и высокомерия. Во времена, о которых идет здесь речь, он был еще очень молод: в момент смерти Суллы ему исполнилось всего 28 лет. Сенатская олигархия отправила его в Испанию за неимением в тот момент другой подходящей кандидатуры.

Переправив свои войска в Испанию, Помпей продвинулся на юг и занял Сагунт — важный порт, через который серторианцы связывались с Италией и Африкой. Но в первом же большом сражении римская армия была наголову разбита Серторием, сам Помпей едва спасся,

Сражение показало, что он столкнулся с большими трудностями, лишенный, по сути дела, резервов, в то время как войска Сертория постоянно пополнялись за счет поддержки местных племен. Серторий вел широкую партизанскую войну, его армия то сокращалась до небольших отрядов, то соединялась в большое войско. Лишь к 74 г. Помпей, получив значительные подкрепления из Рима, перешел в решительное наступление против Сертория. К 73 г. до н. э. серторианцы контролировали очень небольшую территорию.

Неудачи привели к раздорам в среде восставших. Опасаясь римлян, Серторий удалил их из своей личной охраны, заменив испанцами. Вскоре он раскрыл направленный против него заговор, участниками которого были римляне. Часть заговорщиков была казнена, но оставшиеся в живых решили поторопиться. Во главе заговорщиков встал Марк Перперна, обманным путем заманивший Сертория на пир в Оске (ныне Уэска). Плутарх в биографии Сертория описывает гибель его в следующих словах: «Когда попойка была уже в разгаре, гости, искавшие предлога для столкновения, распустили языки и, притворяясь сильно пьяными, говорили непристойности, рассчитывая вывести Сертория из себя. Серторий, однако, то ли потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков, лишь повернулся на ложе и лег навзничь, стараясь ничего не замечать и не слышать. Тогда Перперна поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном ее уронил. Это был условный сигнал. Антоний, возлежавший рядом с Серторием, ударил его мечом. Серторий повернулся в его сторону и хотел было встать, но Антоний бросился ему на грудь и схватил за руки. Лишенный возможности сопротивляться, Серторий погиб под ударами заговорщиков». Это произошло в 72 г. до н. э. После гибели Сертория римлянам удалось полностью очистить Испанию от бывших марианцев.

Возвращаясь из Испании, Помпей разгромил в Северной Италии отряд восставших рабов численностью около 5000 человек. Это были участники восстания Спартака, оторвавшиеся от армии Красса, нанесшего Спартаку поражение в решающем сражении в Апулии. Так закончилась опасная для римского государства «рабская

война», которую Рим вел в 73—71 гг. до н. э. против многочисленной армии беглых рабов, насчитывавшей, по сведениям Аппиана, до 70000 человек.

Зачинщиками восстания выступили гладиаторы, обучавшиеся в школе Лентула Батиата в Капуе и составившие заговор с целью вырваться на свободу. Заговор был раскрыт, но 78 заговорщикам удалось бежать. Во главе их встал Спартак, фракиец из племени медов, когда-то воевавший против римлян, но попавший в плен. Некоторое время он сам был гладиатором, но за отвагу на арене был отпущен на свободу и стал учителем фехтования в школе Батиата. Плутарх в биографии Красса пишет, что это был «человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще больше походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени». Уже одно то, что он, ставший свободным, решил спасти своих учеников, рабов-гладиаторов, от неминуемой смерти на арене цирка, свидетельствовало о его редком благородстве.

Бежавшие гладиаторы вооружились, захватив повозки, везшие оружие для гладиаторских боев, и укрепились на горе Везувий. К ним массами стали перебегать рабы из близлежащих вилл, и вскоре отряд Спартака вырос до внушительных размеров.

Вначале римское правительство не обращало серьезного внимания на беглых рабов, и против них был выслан небольшой отряд из местного гарнизона, но его легко разбили восставшие, захватив при этом оружие побежденных римлян. Восстание разрасталось. Против отряда Спартака был направлен с трехтысячным войском претор Клодий Пульхр, осадивший восставших рабов на Везувии. Но воины Спартака, спустившись по сплетенным из дикого винограда лестницам, вырвались из окружения и, обойдя врагов с тыла, неожиданно напали на их лагерь. Римляне были наголову разбиты. Победа Спартака показала, с каким опасным противником римлянам приходится иметь дело. Теперь против Спартака были направлены значительные силы под командованием претора Публия Вариния, но он тоже потерпел поражение и сам едва избежал плена.

После ряда одержанных побед армия Спартака выросла до внушительных размеров, и во власти восстав-

ших оказались города юга Италии — Фурии, Метапонт и другие. Над Римом нависла серьезная угроза, и раздражение, которое вызывал в сенате «низкий» и «недостойный» характер войны с рабами, уступило место страху и сознанию того, что самому существованию Рима грозит серьезная опасность. Сенат отправил против восставших, как на одну из трудных и величайших войн, сразу обоих консулов 72 года — Л. Геллия Попликолу и Гнея Корнелия Лентула. Они располагали в тот момент всего четырьмя легионами, но римлянам помогли раздоры в рядах восставших. Сам Спартак, по всей видимости, стремился к тому, чтобы вывести рабов из Италии, но другая группа во главе с Криксом настаивала на продолжении борьбы против Рима. Крикс отделился от Спартака с отрядом галлов и германцев (численностью до 10000), но потерпел поражение от Геллия у горы Гарган в Апулии. Сам Крикс погиб в этом сражении.

Спартак быстрым маршем двинулся на север. Каждый из консулов поодиночке пытался воспрепятствовать движению армии Спартака, но безуспешно. Римляне терпели поражение одно за другим. В жертву погибшему Криксу Спартак принес 300 пленных римлян, по сообщению Аппиана. Дойдя до Цизальпийской Галлии, Спартак разбил там войска наместника Г. Кассия Лонгина.

Восставшие были уже у цели, которую они поставили перед собой в начале движения. Путь к свободе был открыт, надо было только перейти Альпийский хребет. Но совершенно неожиданно (по мотивам, которые остаются загадочными) Спартак вновь повернул на юг.

В Средней Италии, в Пицене, Спартак нанес новое поражение армиям обоих консулов.

Неожиданный маневр армии Спартака вызвал в Риме панический страх. Сенат облек претора М. Лициния Красса чрезвычайными полномочиями. По словам позднего римского историка Орозия, «государство испытывало перед Спартаком не меньший страх, чем тогда, когда Ганнибал стоял перед воротами Рима». Красс восстановил в своей армии суровую воинскую дисциплину, действовал энергично и решительно, торопясь закончить войну против восставших рабов до возвращения Помпея из Испании, чтобы не делить с ним лавры победы. Значительный перевес в силах был теперь на стороне римлян, и в последнем сражении в Апулии войско Спар-

така было разбито и сам он погиб. По описанию Плутарха, «окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступив ни на шаг и сражаясь до конца».

После разгрома движения Сертория и восстания Спартака истинными хозяевами положения в Риме оказались полководцы-победители Гней Помпей и М. Лициний Красс. В нарушение римских обычаев они не распустили своих армий: пример Суллы, использовавшего войско как решающий фактор в политической борьбе, еще стоял перед глазами обоих бывших сулланцев. К тому же они смертельно ненавидели друг друга, и каждый был готов в борьбе за власть устранить соперника любыми средствами. Однако обстановка для новой гражданской войны была на этот раз совершенно не подходящей, а сама правящая элита стремилась к консолидации внутреннего положения в государстве перед лицом растущих волнений в провинциях. К тому же влияние Помпея и Красса в своих армиях было не столь велико, чтобы заставить солдат сражаться за честолюбивые интересы своих полководцев. Ни у того, ни у другого не было даже достойного предложения к началу военных действий.

В то время как сенатская олигархия всеми силами старалась сохранить свое влияние и не допустить перевеса одной из сторон, Красс и Помпей решили объединиться, чтобы совместными усилиями добиваться власти. В 70 г. до н. э. они оба стали консулами. Однако, как пишет Плутарх в биографии Красса, «находясь у власти, Красс и Помпей не сохранили дружеских отношений. Расходясь почти во всем, соперничая между собой, они сделали свое консульство бесполезным для государства и ничем его не ознакомили, если не считать того, что Красс, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца». Плутарх здесь не совсем прав. В действительности, оба бывших сулланца сделали все возможное, чтобы разрушить порядок, установленный Суллой, действуя в угоду популярам. Прежде всего они восстановили власть народных трибунов во всем ее объеме, как она существовала до Суллы, а судебные комиссии поделили между сенаторами и всадниками.

Помпей двигался к вершине славы, заигрывая с по-

пулярами и преследуя далеко идущие цели. Ему хотелось, сохраняя освященное многовековой традицией устройство Римской республики, править ею единолично, так, как это некогда делал Сулла. Удалившись на время в частную жизнь, Помпей не переставал вербовать себе сторонников, обзаводился многочисленными клиентами, агитировавшими в его пользу в народе. «Нелегко было теперь встретить его одного, не окруженного толпой, и даже вообще увидеть его. Охотнее всего Помпей появлялся в сопровождении многочисленной толпы клиентов, думая, что этим придаст себе больше важности и величия...» (Плутарх). Вокруг Помпея формировалась большая группа людей, представлявших собой в зародыше настоящую политическую партию. Она поднимала на щит своего вождя в надежде на блага, которые получит, когда ее предводитель займет главенствующее положение в государстве. Но практически этот вождь уже противопоставлял себя главным учреждениям республики и прежде всего сенату. В народе вождей таких политических группировок называли принцепсами, а их окружение — партиями (партес). В произведениях писателей, современников описываемых событий, мы находим термины типа «партес Сулланы», «партес Помпейаны», позже — «партес Юлианы», Юлианская партия сторонников Гая Юлия Цезаря. Эти группировки занимают место старых партий — оптиматов и популяров.

О принцепсе и его отношении к остальным гражданам рассуждает Цицерон в своем трактате-диалоге «О государстве», посвященном проблеме наилучшего государственного устройства и написанном в годы острейшего кризиса республик — в конце 50-х гг. I в. до н. э. В это время политики Рима размышляли о том, что можно предпринять, чтобы вылечить смертельно больное государство. Это было именно то время, когда, по словам историка Тита Ливия, римляне не могли терпеть ни своих пороков, ни средств, которые могли бы вылечить их от этих пороков. В этом трактате Цицерона мы находим рассуждения о «первом муже», «лучшем гражданине», являющемся «правителем и наставником» государства, сочетающего в себе элементы монархии, аристократии и демократии. Стараясь согласовать явно утрачивающее смысл и эффективность римское традиционное устройство с практикой политической жизни, когда руководящую роль

стали играть отдельные личности, стремившиеся поставить себя над государством, Цицерон развивает учение о принцепсе, не желая признать, что такой «правитель и наставник» неминуемо окажется монархом. Выражая взгляды сенатской олигархии, Цицерон не устает повторять, что монархия — сама по себе прекрасная форма правления — имеет тенденцию вырождаться в тиранию (идея, восходящая еще к Аристотелю). Правитель, от которого государство вправе ожидать спасительных мер, должен быть поставлен у власти сенатом, править в согласии с сенатом и уступать власть другим лицам по воле сената.

Если попытаться соотнести образ идеального устроителя римского государства с каким-либо конкретным лицом из числа современников Цицерона, то такой фигурой, как уже давно было замечено, окажется, скорее всего, Помпей. К концу 50-х гг. I в. до н. э. сенатская олигархия возлагала на него особые надежды. Он не был запятнан преступлениями во время диктатуры Суллы и не проявлял такой жестокости, как покойный диктатор. В то же время Помпей настойчиво подчеркивал свое уважение к древним традициям общественной жизни Рима, за которые упорно цеплялась сенатская олигархия. В этом отношении характерен случай, который приводит Плутарх в биографии Помпея. Во время смотра всадников, когда они проходили перед цензором, ведя в поводу коня и отчитываясь, в каких походах они участвовали и под чьим командованием, Помпей, будучи всадником, также явился на смотр и старательно отвечал на обращенные к нему вопросы. Эта показная простота и скромность так растрогали цензоров и зрителей (состоявших, разумеется, из клиентов Помпея), что его с торжеством и под громкие аплодисменты проводили домой все присутствующие вместе с цензорами.

Однако союз Помпея с сенатской партией сложился лишь ко второй половине 50-х гг. В начале предыдущего десятилетия Помпей оставался в глазах сената еще очень подозрительной фигурой, наиболее вероятным претендентом на диктаторскую власть. Помпей понимал, как необходимо было для его карьеры большое военное предприятие, которое дало бы ему командование войсками, ибо только это могло укрепить его политический авторитет.

Случай вскоре представился. В восточной части Средиземного моря уже много лет хозяйничали пираты, дерзкие нападения которых на торговые суда подрывали снабжение Рима продовольствием из провинций. В Иллирии, Киликии и на острове Крит возникли настоящие пиратские государства. Как описывает Плутарх в биографии Г. Ю. Цезаря, «флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей... Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, пиратам удалось захватить до четырехсот городов... Пираты совершали злодеяния и против римлян. Высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи моря...». Дело дошло до того, что пираты высадились в самой гавани Рима, в Остии. Прибрежные города Италии они держали в постоянном страхе. Многие города, расположенные на островах Эгейского моря и побережье Малой Азии, вынуждены были заключать договоры с пиратами и платить им дань только за то, чтобы их оставляли в покое. Богатых римлян пираты отпускали за большой выкуп. В середине 70-х гг. к ним попал в плен молодой римский аристократ, обучавшийся ораторскому искусству в школе знаменитого ратора Милона на о. Родос. Его звали Гай Юлий Цезарь. Он пробыл у пиратов 40 дней. Здесь он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам, а тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая их повесить. За это время друзья Цезаря собрали в городах Малой Азии огромный выкуп (по сообщению Плутарха в биографии Цезаря, 300000 денариев — но цифра, по-видимому, преувеличена). Цезарь уплатил выкуп и был освобожден, после чего немедленно снарядил эскадру римских кораблей, догнал пиратов и отобрал награбленные богатства. Пойманных разбойников, всех до единого, Цезарь приказал распять на крестах. Предприимчивость, решительность и быстрота действий с молодых лет отличали будущего диктатора.

Блокада Италии морскими разбойниками привела к тому, что в Риме стал остро ощущаться недостаток продовольствия. Начался голод и, как следствие, взрыв народного возмущения. Особую ярость народа вызывали известия о неудачах ставленника сенатской партии, коман-

дующего римской армией на Востоке Лукулла, не сумевшего разгромить Митридата в затянувшейся войне. Всем этим воспользовался Помпей, тайно договорившись с народным трибуном Авлом Габинием, одним из своих клиентов. В начале 67 г. Габиний выдвинул законопроект, согласно которому народ должен был вручить на три года для очищения моря от пиратов проконсульскую власть одному из бывших консулов с предоставлением ему флота в 200 кораблей, огромной армии и 15 легатов, старших офицеров для поручений. Хотя имя этого лица и не называлось, всем было ясно, что имеется в виду Помпей. Законопроект был вначале внесен в сенат, но вызвал там такой взрыв возмущения, что Габиния там едва не убили. Тогда народ буквально осадил здание сената, и сенаторам пришлось спасаться бегством. После этого законопроект был поставлен на голосование в народном собрании. Несмотря на противодействие сенаторов (многие из них зло острили, что Помпей метит из навархов — по-гречески адмиралов — в монархи), закон прошел. Единственным сенатором, поддержавшим законопроект, был молодой Гай Юлий Цезарь, заигрывавший с римским плебсом.

Командующим, как и ожидалось, был назначен Помпей, причем ему были даны еще бóльшие полномочия, чем предусматривалось законом Габиния. Помпей набрал до 120000 пехоты, 5000 всадников и свыше 500 кораблей. Легатов Помпей набирал из оптиматов, стремясь задобрить сенат. Проконсульская власть Помпея простиралась над прибрежной зоной Средиземноморья глубиной в 50 миль (ок. 75 км). Эту береговую линию Помпей — следуя, по-видимому, совету своих опытных легатов — разбил на 13 частей, направив в каждую из этих зон отдельную эскадру с морской пехотой на борту. Благодаря принятым мерам римлянам удалось в течение 40 дней очистить западную часть Средиземного моря от пиратов.

Перейдя к операциям на Востоке, Помпей разгромил пиратский флот у Коракесия (Малая Азия), после чего многие пиратские крепости стали добровольно сдаваться, так как Помпей гарантировал таким добровольно сдавшимся пиратам жизнь и свободу. Вообще для Помпея в этих морских операциях было характерно сравнительно мягкое обращение с побежденными, которых он расселял в местах, где контроль за ними можно было легче

осуществлять. Через три месяца капитаны торговых кораблей смогли вздохнуть свободно: опасность со стороны корсаров перестала угрожать. Победоносного полководца восторженно приветствовали в Афинах, где в его честь была воздвигнута арка. На ее внутренней стороне было начертано: «Чем более ты считаешь себя человеком, тем более ты бог». На внешней стороне красовалась другая надпись: «Ждали — приветствовали — увидели — провожаем».

Быстро закончив военные действия, Помпей провел еще около года на Востоке, занимаясь устройством средиземноморских провинций Рима. Много хлопот доставил ему Крит, на котором действовал римский наместник Метелл, без пощады уничтожавший пиратские гнезда, и критяне вынуждены были обратиться с просьбой о защите к Помпею. Тот пошел, минуя Метелла, на переговоры, обратившись с письменным приказом к нему о приостановке военных действий. Но вскоре перед Помпеем открылось новое поле деятельности.

Победы Помпея привели к огромному росту его популярности. Используя создавшуюся ситуацию, его клиенты усиленно агитировали римский плебс, призывая его передать Помпею командование армией, в затянувшейся войне с понтийским царем Митридатом. В 66 г. народный трибун Г. Манилий провел закон, согласно которому командование было отобрано у Лукулла, гордого оптимата и ставленника senatorской партии, и передано Помпею. Манилия поддержали Г. Ю. Цезарь и Цицерон, но по различным мотивам.

Получивший командование в войне с Митридатом, Помпей двинулся из Киликии навстречу Лукуллу, чтобы принять от него армию. Встреча полководцев произошла в Галатии. Как описывает Плутарх в биографии Помпея, вначале «они обошлись друг с другом весьма вежливо и любезно», но при дальнейших переговорах зазвучали взаимные упреки, перешедшие в оскорбления («Лукулл заявил, что Помпей явился сюда, чтобы сражаться с тенью войны, и что он привык, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужой рукой и разрывать в клочья останки войны»).

Под командованием Помпея римские войска нанесли понтийскому царю ряд сокрушительных поражений и прошли победным маршем по всей Западной Азии, уна-

следовавшей традиции блестящей эллинистической цивилизации. Одна за другой склонялись к ногам Помпея экзотические страны Востока, где римляне еще никогда не бывали. Зависимые цари и вожди племен приносили Помпею дань, и он распоряжался судьбами целых государств и народов, создавал новые провинции и устраивал их по своему усмотрению. Награбив огромную добычу, Помпей смог заручиться прочной привязанностью своих солдат и офицеров, щедро вознаградив их за службу.

Свое возвращение в Италию в 62 г. до н. э. Помпей обставил с необычайной пышностью. По прибытии он собрал на сходку своих воинов и приказал разойтись по домам, чтобы потом вновь собраться для празднования Триумфа. Действия Помпея были продиктованы полной уверенностью в том, что путь к власти отныне для него открыт: в Риме не могло найтись человека, который осмелился бы выступить против победоносного полководца, находящегося на вершине славы. Однако он не учитывал истинного положения вещей, сложившегося в Риме к этому времени, и сам он плохо ориентировался в сложном переплетении политических интриг и амбиций, раздиравших Римское государство.

• Значение побед, одержанных Помпеем на Востоке, преувеличивается античными историками. В действительности это были победы регулярного и хорошо обученного войска над плохо организованными ордами варваров, строй которых быстро рассыпался под таранными ударами римских легионов. Традиция воинской дисциплины и искусства воспитывались у римских солдат на протяжении веков.

В то время, как Помпей покорял для Рима все новые страны на Востоке, государство потрясала новая вспышка гражданских войн, связанная с острейшими социальными конфликтами, в которых вновь столкнулись интересы городского плебса и сенаторской верхушки. С легкой руки античных историков, прежде всего Саллюстия, эти события получили название заговора Катилины. В них оказались замешанными М. Лициний Красс, римский богач и выдающийся судебный оратор, и Г. Ю. Цезарь, которому суждено было сыграть одну из самых важных ролей в заключительных актах трагедии гражданских войн и привести «римский народ квиритов» к режиму

единоличной власти. Встречая со стороны оптиматов только недоброжелательство и зависть, Цезарь сделал ставку на плебс, добиваясь популярности и голосов на выборах. Своей доступностью, внешним демократизмом, остроумием и решительностью он очень нравился простым людям.

За два года до того, как Помпей отправился на войну с пиратами, Цезарь начал свою политическую карьеру квестором. Родился он около 100 г. до н. э. и происходил из знатного рода Юлиев Цезарей, точнее, одной из ветвей этого рода, входившего в число самых влиятельных семейств римского нобилитета. Получив основательное образование, он рано обнаружил вкус к литературной деятельности. Дошедшие до нас произведения свидетельствуют о его великолепном владении стилем письменной литературной речи. Но он обладал и блестящим ораторским талантом — непременным условием успеха в политической деятельности. Разносторонность интересов и дарований поражала его биографов, древних и современных: он увлекался астрономией (не случайно, став диктатором Рима, он реформировал календарь с помощью египетского астронома Созигена), глубоко изучал военное искусство.

В историю Цезарь вошел прежде всего как крупнейший политический деятель и полководец. К политике он оказался причастным с самых молодых лет, и уже с первых шагов обнаружил поразительную силу воли и характера. Совсем молодым он женился на дочери Цинны — Корнелии. Жена Гая Мария была его теткой. Таким образом, его связи с популярными носили семейный характер. Когда Сулла потребовал от него развестись с женой, Цезарь наотрез отказался, и тогда в наказание диктатор конфисковал его имущество, а также приданое его жены. Самого Цезаря разыскивали агенты Суллы, и был случай, когда ему пришлось спасти свою жизнь за крупную взятку. Лишь ходатайство весталок и некоторых влиятельных друзей помогло ему легализовать свое положение. Светоний в его биографии рассказывает, как Сулла, уступив настояниям близких лиц, ходатайствовавших за Цезаря, с досадой сказал: «Получайте его, только знайте, что тот, за жизнь которого вы сейчас так хлопочете, будет когда-нибудь злейшим врагом партии оптиматов, защитниками которой вы вместе со мной являетесь. В

Цезаре сидит множество Мариев!». Не исключено, что этот эпизод выдуман римскими любителями сенсационных рассказов, но он во всяком случае соответствует сложившемуся мнению о Цезаре в те времена.

Военную службу он начал в Азии под начальством претора Марка Терма и получил воинское отличие за доблесть при осаде Митилен. Узнав о смерти Суллы, он поспешил вернуться в Рим, но вскоре покинул город, чтобы послушать знаменитого ритора Молона (тогда-то он и попал в плен к пиратам, о чем говорилось выше). Во время III Митридатовой войны он по своей инициативе организовал оборону провинции Азия, удержав в повиновении те общины, в отношении которых существовали опасения, что они могут перейти на сторону врага. Вернувшись, Цезарь был избран военным трибуном и стал принимать самое деятельное участие в политической жизни Рима. Он довольно быстро понял, что не найдет поддержки у оптиматов своим честолюбивым замыслам и со всей решительностью примкнул к популярам, добиваясь успеха на выборах, демонстративно оказывая помощь лицам, пострадавшим от террора Суллы, и возвращая на родину многих бежавших серторианцев.

Чтобы успешно влиять на настроение экспансивного и переменчивого римского плебса, Цезарь старался обеспечить себя преданной агентурой. Своих агентов он вербовал в коллегиях (так назывались объединения мелких торговцев и ремесленников, такие союзы связывали людей в целях взаимопомощи, организации похорон, в культурных целях и т. п.). Коллегии были удобными рычагами воздействия на механизм голосования в трибах и центуриях.

Когда Цезарь был еще квестором, он потерял в один год жену и тетку, вдову Гая Мария. В соответствии с римским обычаем Цезарь произнес надгробную речь на форуме. И хотя было принято говорить похвальные надгробные речи только о старых женщинах, он впервые произнес такую речь на похоронах своей молодой жены. В похоронной процессии несли и изображения Гая Мария: они были впервые показаны со времени диктатуры Суллы. Это был смелый шаг, и Цезарь повторил его, когда оставлял должность эдила (ночью он доставил на Капитолий изготовленные втайне изображения Мария и богини Победы, несущей трофеи). Сенат воспринял по-

ступок Цезаря как открытый вызов, против него были выдвинуты обвинения, но все решила поддержка, которую ему оказали массы городского плебса. Его оставили в покое. Особое уважение к нему стали проявлять после того, как, будучи эдилом, он устроил грандиозные гладиаторские игры, в которых 320 гладиаторов сражались серебряным оружием. У жадной до зрелищ всякого рода римской толпы Цезарь быстро стал самым популярным человеком.

Именно в этот период своей жизни Цезарь начал крупную политическую игру, используя события, происшедшие на выборах 66 г. до н. э. На этих выборах впервые выставил свою кандидатуру в консулы Луций Сергий Катилина, один из видных сулланцев, обогатившийся во время проскрипций. После окончания претуры он был отправлен сенатом на должность пропретора провинции Африка и теперь, вернувшись, решил занять высшую магистратуру в Риме. Сенат, однако, вычеркнул его имя из списка кандидатов, используя в качестве предлога выдвинутые против него обвинения во взяточничестве. Были отклонены кандидатуры и ряда других лиц, которых обвинили в подкупе голосов во время выборов. Вступив в тайный сговор с этими обиженными людьми, Катилина, привлекая к тайному союзу знатного аристократа Гнея Кальпурния Пизона, решил добиваться власти силой. Катилина, несомненно, был незаурядной личностью. Энергичный и честолюбивый, он, по словам враждебного ему историка Саллюстия, «был дерзок духом, коварен и непостоянен, мог притворяться кем угодно, был жадным до чужого и одновременно расточительным, пылким в страстях. При незаурядном красноречии ему не хватало простого благоразумия». Тайную поддержку ему оказывал и Г. Ю. Цезарь, а также М. Лициний Красс. Последний не пользовался популярностью в народе, несмотря на щедрые угощения, которые он устраивал. Он особенно обогатился во время проскрипций Суллы, скупая за бесценок имущество казненных. Не удовлетворяясь этим, он усиленно занимался спекуляциями земельными участками в Риме и полусгоревшими домами во время пожаров. Ходили даже слухи, что он устраивал эти пожары с помощью своих агентов.

Желание во что бы то ни стало выдвинуться и принять такие завоевания, которые затмили бы славу

Помпея, заставили Красса искать союза с Цезарем. Цезарю, испытывавшему большие финансовые затруднения вследствие пышных зрелищ и празднеств, которые он устраивал для народа из собственных средств, поддержка Красса была особенно необходима. При огромных долгах, в которые он влез (источники называют совершенно фантастические суммы), Красс был тем человеком, который мог за него поручиться.

Светоний, рассказывая об участии Цезаря в первом заговоре Катилины, ссылается на авторитетные имена и документы, поэтому его сообщение вряд ли можно подвергать сомнению. В назначенный день должно было состояться вооруженное выступление. Сигнал должен был дать Цезарь, сбросив тогу с плеча. В случае успеха восстания диктатором должен был стать Красс, а Цезарь — его помощником («начальником конницы»). План этот, однако, не удался вследствие нерешительности Красса. Сенат, до которого дошли сведения о готовящемся перевороте, не рискнул в этот момент провести расследование, но одного из главных заговорщиков — Кальпурния Пизона все же убрали из Рима в Испанию, где тот вскоре погиб.

На выборах 64 г. Катилина вновь выставил свою кандидатуру на должность консула. Его главным соперником стал Марк Туллий Цицерон.

Большую политическую карьеру Цицерон начал почти одновременно с Г. Ю. Цезарем, заняв в 66 г. должность претора. В этом же году он выступил в поддержку закона о предоставлении Помпею верховного командования в войне с Митридатом. Эта речь была его первым политическим выступлением. Цицерон превозносит до небес Помпея, представляя его идеальным гражданином, полководцем и человеком. Рассыпая перлы красноречия, Цицерон не забывает отметить, что от исхода войны зависят доходы всадников, собирающих налоги в провинции Азия. Есть в этой речи некий подтекст, заключающийся в том, что Помпей, как и Цицерон, был всадником и все же, несмотря на незнатное происхождение, стал одним из первых лиц в государстве, принципсом. Пример Помпея вдохновлял самого Цицерона, который также был всадником и всю жизнь стремился попасть в «высшие сферы». Карьера военного была для него исключена (это было не его призвание), и одиет-

венный путь наверх пролегал для него через трибуны высоких государственных учреждений, прежде всего сената.

Происхождение Цицерона, великого оратора, но посредственного государственного деятеля, не очень шепетильного в выборе средств человека, было достаточно скромным. Родился он в 106 г. до н. э. в Арпине, маленьком городке в области вольсков. Враги оратора, насмехаясь над его манией величия, называли его «арпинским Ромулом». Отец будущего оратора приложил немало усилий к тому, чтобы Цицерон и его брат Квинт получили прекрасное образование, и для этой цели привез сыновей в Рим. Знакомство с видными ораторами Марком Антонием (дедом знаменитого триумвира) и Л. Лицинием Крассом помогло Цицерону Старшему подыскать сыновьям хороших учителей. Молодой Цицерон посещал судебные заседания, слушал на форуме выступления известных политических деятелей и так входил в курс бурной политической жизни Рима. Учился Цицерон и у поэта Архия, одновременно занимаясь философией. Юриспруденцию он изучал под руководством таких видных юристов, как Муций Сцевола Авгур и Муций Сцевола Понтифик.

Начало общественной деятельности Цицерона относится ко временам Суллы. В 80 г. до н. э. он рискнул защищать некоего С. Росция из Америи против вольноотпущенника Суллы Хрисогона и добился успеха. 79—77-е годы оратор посвятил путешествиям, побывав на Востоке, с целью совершенствования философского и риторического образования. Не исключено, что он опасался и гнева Суллы (по словам Плутарха, оставившего нам жизнеописание оратора). Цицерон побывал на Родосе, славившемся школами раторов, и надолго остановился в Афинах, где подружился с одним из видных римских деловых людей Титом Помпонием Аттиком, ставшим затем его самым близким другом, поверенным в делах и даже издателем его сочинений.

Ко времени своей претуры, к 66 г. до н. э., Цицерон уже пользовался в Риме известностью как крупный адвокат, патрон, выступавший в нашумевших судебных процессах. Наибольшую славу ему принесли речи против Верреса, наместника Сицилии, которого местные жители обвинили в лихоимстве. Процесс был успешным, и

Веррес, не ожидая его завершения, удалился в изгнание. Хотя политическое лицо Цицерона в этих процессах еще полностью не определилось, антисулланская направленность косвенным образом давала себя знать. При всей склонности к компромиссам, часто беспринципным («известный политический лицемер» — так характеризует его Моммзен), Цицерон составил для себя собственную политическую программу, центральным пунктом которой был лозунг «согласия сословий», единства действий нобилитета и всадничества ради спасения республики.

В предвыборной кампании 64 г. он уверенно выступил с позиций «добрых граждан», т. е. оптиматов, хотя ни тогда, ни позднее они никогда полностью не признавали его за своего человека: для них он по-прежнему оставался «новым человеком», выскочкой. Между тем, Катилина продолжал плести нити заговора, расширяя ряды своих сторонников. Лозунгом их было изменение политического строя в Риме путем захвата власти и уничтожения политических противников с той же решительностью, как это сделал в свое время Сулла. Но в отличие от Суллы, ставшего признанным вождем оптиматов, Катилина ориентировался на обнищавший городской плебс, разорившихся аристократов, различных искателей приключений. Саллюстий так объясняет причины первоначальных успехов Катилины: «В государстве всегда люди неимущие завидуют благонамеренным гражданам, превозносят злоумышленников, ненавидят все старое, жаждут вечной новизны, из-за недовольства своим положением готовы все опрокинуть... бедноте все равно нечего терять. Городская же масса по преимуществу отличалась необузданностью. Все люди, которые совершили где-либо дерзкие поступки, в развратной жизни утратили отцовские состояния, кого заставили бежать из дома преступления и злодейства, стекались в Рим, как в клоаку. Некоторые, вспоминая торжество Суллы, когда многие из рядовых воинов поднялись до сенаторского звания, до царского богатства и обстановки, надеялись добиться различных благ тем же путем, только бы добраться до оружия». Катилина и его сторонники обещали плебсу отмену долгов и наделение землей. Идеи эти были всегда популярны среди низов, чьи отцы и деды были крестьянами и трудились на своих полях. Характерно, что в начале 62 г., когда Катилина потерпел поражение, ни один

из катилинариев, несмотря на двухкратный призыв римского сената и обещание наград, не выдал своего вождя и не предал товарищей» — «такова была сила болезни, заразой охватившей умы большого числа граждан», пишет Саллюстий. Движение имело глубокие социальные корни, о чем свидетельствует также законопроект Сервилия Рулла, выступившего как раз в это время с предложением наделить землей бедных граждан, используя для основания колоний оставшиеся нетронутыми государственные земли в Кампании («агер Кампанус»). Цицерон в 64 и 63 гг. сумел добиться провала этого законопроекта, который, без сомнения, был свидетельством глубокого брожения и недовольства в среде римского плебса.

Слухи о готовящемся выступлении Катилины распространились по Риму, и это оттолкнуло от заговорщиков многих влиятельных лиц. Выборы Катилина проиграл, но поддержка Цезаря и Красса сыграла свою роль в том, что вместе с Цицероном консулом стал также Гай Антоний — лицо, весьма близкое к Катилине. Распаленный неудачей, Катилина решил взять реванш на следующих выборах, в случае же новой неудачи поднять восстание. Он продолжал вербовать себе новых сподвижников и тайно организовал лагерь в Этрурии, где деятельно готовил катилинариев к вооруженной борьбе Манлий, один из его ближайших помощников.

В октябре 63 г. напряжение достигло апогея. Имушие слои отшатнулись от Катилины, испуганные его призывами к кассации долгов. Особое недовольство вызывало то, что он созвал в Рим множество своих сторонников из провинциальных городов Италии. Рим стал напоминать встревоженный улей, распространялись самые тревожные слухи о готовящейся резне, которая должна была затмить проскрипции Суллы. Встревоженный размахом движения и направлением, которое оно принимало, Цезарь постарался отойти на задний план, предпочитая наблюдать за событиями со стороны. Радикализм был для него лишь средством к достижению личных целей, а вовсе не политической программой.

Еще до выборов консул Цицерон нанес Катилине хорошо подготовленный удар. Созвав сенат, он предложил отсрочить выборы, чтобы обсудить опасное положение, в котором оказалось государство. На следующий день в сенате консул выложил все карты на стол, открыто обви-

няв Катилину, присутствовавшего на заседании, в подготовке переворота и намерении перебить самых видных сенаторов. Сгущая краски, Цицерон не остановился перед публичным повторением всех самых невероятных и противоречивых слухов об истинных целях Катилины. На вопрос, что он может сказать по поводу этих слухов, Катилина, по словам Плутарха, дерзко ответил: «Что же плохого или ужасного в моих действиях, если, видя перед собой два тела — одно тощее и совершенно зачахшее, но с головой, и другое безголовое, но могучее и огромное — я приставлю к этому второму голову?». Этим ответом Катилина открыто признал, что стремится к единовластию в Риме. Под могучим, но безголовым телом подразумевался, по-видимому, римский народ.

Готовясь к выборам, сенатская партия мобилизовала все средства. В день, когда они должны были состояться, Цицерон появился на комициях в панцире под тогой, время от времени распахивая ее и показывая панцирь толпе, в знак того, что он подвергается смертельной опасности, стараясь произвести впечатление на зрителей своим мужеством при исполнении гражданского долга. Потерпев в очередной раз поражение, Катилина спешно созвал совещание главарей заговора, на котором были утверждены план восстания и списки лиц, подлежащих немедленному уничтожению. Этот план выдала сенату любовница одного из заговорщиков — некая Фульвия.

Извещенный об этих планах Цицерон созвал очередное заседание сената, где присутствовал и Катилина, и произнес одну из самых пламенных своих речей, изобличая его в заговоре против государства. Цицерон потребовал, чтобы Катилина покинул Рим. Ни один из сенаторов не поддержал Катилину. Оказавшись в полной политической изоляции, он уехал из города. Оставшихся в городе заговорщиков возглавил Лентул, бывший консул 71 года. Он и некоторые другие видные заговорщики составили новый план восстания, пытаясь привлечь на свою сторону племена галлов (послы племени аллоброгов в это время находились в Риме). Заговорщики действовали очень неуверенно, сказывалось отсутствие четкой организации, ясных целей и сроков исполнения. Аллоброги обо всем известили римское правительство.

В начале декабря 63 г. Цицерон получил чрезвычай-

ные полномочия для подавления заговора и арестовал его главарей, которые находились в Риме. Участь арестованных решалась в сенате. Цезарь пытался призвать сенаторов к сдержанности, предлагая расселить арестованных по провинциальным городам Италии и там содержать их под стражей. Сенат уже начал было склоняться к такому решению под влиянием яркой речи Цезаря, взывавшего к чувству гуманности. Цицерон в своем выступлении — четвертой речи против Катилины — занял колеблющуюся позицию. Но Катон, суровый поборник интересов сенатской партии, сумел добиться постановления о казни пяти главарей заговора. В споре, который произошел в связи с этим предложением, имел место характерный эпизод, о котором рассказывает Плутарх в биографии Катона: «Во время ожесточенной борьбы Катона с Цезарем, когда все внимание сената было сосредоточено на них, Цезарю принесли небольшую записку. Случай этот показался Катону подозрительным. Он стал говорить, что некоторые люди возбуждают волнения, и приказал прочесть записку. Цезарь подал ее стоявшему вблизи Катону, и тот ее прочел. Это было слишком откровенное письмо его сестры, Сервилии, к Цезарю, ее любовнику и соблазнителю. Катон бросил записку Цезарю со словами «На, пьяница!» и снова вернулся к своей речи».

Последующие события детально и, как всегда, в драматизированной форме описывает тот же Плутарх в биографии Цицерона. «В сопровождении сената Цицерон отправился за осужденными. Все они были в разных местах, каждый — под охраной одного из преторов. Первым делом он забрал с Палатина Лентула, повел его по Священной дороге, а затем через форум. Самые видные граждане окружали консула тесным кольцом, словно телохранители, а народ с трепетом взирал на происходящее и молча проходил мимо, особенно молодежь, которой чудилось, будто все это — некий грозный и жуткий обряд, приобщающий ее к древним таинствам, знаменующим мощь благородного сословия. Миновав форум и подойдя к тюрьме, Цицерон передал Лентула палачу и приказал умертвить. Затем точно так же привел Цетегу и остальных, одного за другим. Видя многих участников заговора, которые толпились на форуме и, не подозревая правды, ждали ночи в уверенности, что их главари живы

и их можно будет похитить, Цицерон громко крикнул им: «они жили!». Так римляне говорят о мертвых, не желая произносить зловещих слов». Автор далее описывает овацию, устроенную римлянами Цицерону, «который с торжеством возвращался к себе в блистательном окружении самых знаменитых людей государства. «Это был его звездный час, зенит его славы. Сенат почтил его почетным именем «отца отечества» (этот титул позднее будут носить многие римские императоры). Слава опьянила тщеславное воображение оратора, действительно проникшегося убеждением, что он спас Рим. В своих сочинениях и речах Цицерон будет впоследствии неоднократно вспоминать «год великого консульства» и даже напишет поэму «О своем консульстве», подобие некоего героического эпоса (примерно около 60 г.). Тщеславие было характерной чертой Цицерона до самых последних дней жизни. Играя на этой струне, Октавиан впоследствии, в трагические для Рима дни после убийства Г. Ю. Цезаря, сумел использовать его в своих целях, чтобы затем выдать его убийцам Антония. «Он, старик, дал провести себя мальчишке», — напишет Плутарх в биографии Цицерона.

В начале 62 г. вооруженные отряды катилинариев были разгромлены войсками сената, которыми командовал бывший союзник Катилины консул Антоний. Сражение произошло близ Пистории, в Этрурии. Не находя в себе силы духа, чтобы сразиться с бывшим единомышленником, Антоний поручил командовать сражением своему легату. Тело Катилины нашли окруженным трупами убитых им врагов. По словам Саллюстия, «на его лице выражалась все та же непреклонность характера, которой он отличался при жизни».

События заговора следует рассматривать с точки зрения общей политической обстановки, сложившейся к этому времени в Риме. Дело шло к установлению единоличного правления, и то, что не удалось Катилине, осуществил Г. Ю. Цезарь.

В драматических событиях заговора Катилины актерами, игравшими первые роли, были Катилина и Цицерон. Но в тени оставались две зловещие фигуры; игра которых была гораздо более тонкой. Истинную роль их трудно выяснить до конца. Это были Цезарь и Красс. Влияние Красса в сенате было настолько велико, что

когда один из заговорщиков попытался раскрыть связи Красса с Катилиной, возмущенные крики сенаторов «это ложь!», как сообщает Саллюстий, заглушили его слова. Цезарь был скомпрометирован еще больше, чем Красс, но попытки некоторых лиц обвинить его в соучастии в заговоре также окончились неудачей.

В начале 62 г. Цезарь вступил в должность претора. Находясь на этом посту, он исподволь готовил почву для Помпея, стремясь заручиться его поддержкой. Связи между ними еще более укрепились к 67 г., после женитьбы Цезаря на Помпее, родственнице Гнея Помпея. Однако положение Цезаря осложнилось рядом обстоятельств. Значительная часть сенаторов была настроена по отношению к нему крайне враждебно, полагая не без основания, что Цезарь использует свое влияние в народе для личных целей и против сената. Помимо этого, Цезаря обременяли огромные долги, значительно превысившие его состояние. В качестве пропретора Цезарь получил в управление Испанию, где надеялся поправить свои материальные дела, но его отправление задерживалось по вине кредиторов, требовавших уплаты по займам. Спасло его лишь поручительство Красса, которое никто не посмел поставить под сомнение. Освободившись от назойливых займодавцев, Цезарь отбыл в Испанию.

Между тем в Риме все с трепетом ожидали возвращения Помпея. Почти никто не сомневался в том, что покоритель Востока наводнит своими войсками Рим и установит диктатуру типа сулланской, жестоко расправившись со своими противниками. Некоторые спешно покидали Рим, захватывая с собой деньги и семью. Но прибыв в Рим, Помпей, ко всеобщему изумлению, распустил свою армию в строгом соответствии с обычаями республики. Он стремился к власти законным путем, уверенный, что его заслуги и авторитет незыблемы и говорят сами за себя. Сенат и народ должны были добровольно подчиниться ему как «первому гражданину» (принцепсу). Однако надежды удачливого полководца не оправдались, и ему с самого начала пришлось столкнуться с мощной оппозицией в сенате.

Противостоят еще сильной своими традициями сенаторской олигархии, которую охраняла конституция древней Римской республики, влиятельные и честолюбивые политики Рима могли только сообща. Недоверие

сената к Помпею, Цезарю и Крассу, трем наиболее могущественным и авторитетным, а потому и наиболее опасным для сенаторской олигархии гражданам государства, сплотило их и заставило заключить союз, известный под именем первого триумvirата. Эти три лица, пишет Аппиан, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Первый триумvirат был частным соглашением, заключенным в 60 г. до н. э.

Этому соглашению предшествовали следующие события. Уже первые контакты Помпея с сенатом показали, насколько зыбкими оказались его расчеты и надежды. Перед ним стояли три главные задачи. Первая заключалась в том, чтобы добиться утверждения его распоряжений на Востоке, где во многих, ставших отныне зависимыми от Рима государствах были произведены перестановки династов, изменено управление и установлены формы их зависимости от Рима. Вторая задача заключалась в награждении земель ветеранов, служивших под его началом. Получившие землю из рук Помпея должны были составить его обширную клиентуру, с помощью которой он смог бы влиять на ход политических событий. Наконец, Помпей стремился справить торжественный триумф, полагая, что он будет способствовать укреплению его позиций.

Из всех этих требований Помпея сенат был готов удовлетворить лишь одно, а именно предоставление триумфа. Весна и лето 61 г. прошли в подготовке этого пышного праздника. Корабли, прибывавшие с Востока, продолжали доставлять в Рим огромную добычу; награбленную легионами Помпея. «Триумф должен был продолжаться два дня, — пишет Плутарх в биографии Помпея, — но он был так велик, что этого времени оказалось недостаточно. Многие из приготовленных предметов не могли быть выставленными и их хватило бы для придания блеска и красоты другому триумфу. Впереди несли доски с названиями земель и народов, побежденных Помпеем. Это были Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберийцы, албанцы, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия, наконец, все пираты, разбитые на суше и на море... В государственную казну было внесено деньгами, золотыми и серебряными предметами двадцать тысяч талантов, не считая того, что было роздано солдатам...».

Обсуждение деятельности Помпея и распоряжений, сделанных им на Востоке, началось в сенате лишь в начале 60-го года. Вожди оптиматов Катон Младший и ненавидевший Помпея Лукулл сделали все, чтобы провалить его законопроекты. Обструкция сената заставила Помпея искать поддержки в народе, используя для этой цели народных трибунов, но отсутствие гибкости и неумение лавировать сделали его безвольной игрушкой в руках беззастенчивых и наглых демагогов. Дело дошло до того, что его стали называть «Гнеем Цицероном», намекая на сходство характеров полководца и оратора, никогда особой решительностью и мужеством не отличавшегося. «Самый безнравственный и наглый среди трибунов, Клодий забрал Помпея в свои руки, отдал его на волю народа и волочил по форуму, не обращая внимания на его достоинство, пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы...» (Плутарх, биография Помпея).

Летом 60-го года вернулся в Рим Цезарь, привезя из Испании полные сундуки денег. Он мог требовать триумфа за свои победы над племенами Лузитании, но лавры римлян в этой испанской кампании были не столь уж значительными. Главное же заключалось в том, что фактор времени приобретал большое значение. Нужно было как можно скорее обеспечить себе прочные позиции в сложной политической обстановке, и Цезарь сразу же, отбросив всякую мысль о триумфе (в этом спектакле при создавшейся ситуации не было никакой необходимости), стал домогаться консульства. Для этой цели нужна была поддержка двух видных принцепсов — Помпея и Красса. И хотя эти бывшие сулланцы люто ненавидели друг друга, это — как ни странным может показаться — облегчало задачу Цезаря. Ловкий посредник между двумя соперниками мог держать в руках и того, и другого. Так был заключен первый триумвират, соглашение трех принцепсов. Гораций впоследствии назовет их «дружбу» опасной.

Против воли сената Цезарь был избран консулом на 59 год. Его коллегой оказался ставленник сената Марк Бибул. Сенаторы пошли даже на подкуп голосов избирателей, и в этих махинациях принял участие Катон, по-

борник чистоты римских нравов и законности. Бибула поддерживали Лукулл и Цицерон.

Деятельность Цезаря на посту консула поразила даже выдававших виды римских политиков. Он действовал с необыкновенной решительностью и напором, выполняя взятые обязательства перед двумя другими триумвирами. Подобно трибунам прошлых лет, он сразу же предложил аграрный закон в пользу ветеранов армии Помпея, по которому перераспределение земель должно было производиться из государственных фондов, а также на средства, поступающие из новых провинций и награбленной Помпеем добычи. Пытаясь провалить эти законы, сенат прибегнул к самым примитивным методам обструкции, ссылаясь на неблагоприятные знамения богов и различного рода запреты, которые у здравомыслящих людей того времени вызывали только улыбку. В конце концов Цезарь поставил законопроект на голосование помимо воли сената, и в день голосования произошла настоящая схватка между сторонниками и противниками Цезаря. Ветераны Помпея вооруженными явились на форум. «Солдаты его неожиданно напали на консула Бибула, направлявшегося на форум вместе с Лукуллом и Катонем, и переломали его фасции... На голову самого Бибула опрокинули корзину с навозом» (Плутарх, биография Помпея).

Законопроект был утвержден, и Цезарь заставил всех сенаторов под страхом смерти поклясться, что они будут неукоснительно его соблюдать. Сенат был вынужден принести эту клятву, а его ставленник Марк Бибул оставшийся срок своего консульства не рисковал выходить из своего дома и только время от времени издавал консульские эдикты, в которых поносил Г. Цезаря. Сенаторы, собираясь в доме Бибула, в бессильной злобе искали средства для борьбы против нового всемогущего демагога, но в этот момент они ничего не могли противопоставить разбушевавшейся стихии народного движения, умело используемой Цезарем.

Были утверждены все распоряжения Помпея на Востоке и избраны консулы на следующий 58-й год — разумеется, по рекомендации триумвиров. Закончив свое консульство, Цезарь получил в управление на 5 лет обе Галлии — Цизальпийскую и Трансальпийскую, которую надо было еще завоевать. Предстоявшая кампания обе-

щала Цезарю большие преимущества: богатую военную добычу и обладание — в непосредственной близости к Италии — крупной армией, с помощью которой можно было влиять на внутреннюю политику Рима.

В то время как Цезарь был занят военными действиями в Галлии, Рим постепенно погружался в состояние анархии. Народный трибун 58 года, «красавчик» Клодий, бывший патриций, перешедший в сословие плебеев с целью возглавить наиболее экстремистские элементы популяров, постарался прежде всего свести счеты с Цицероном и выдвинул закон, согласно которому лицо, без суда и следствия расправившееся с римским гражданином, подлежало изгнанию. Хотя имя Цицерона и не называлось, всем было ясно, против кого направлен закон. Потеряв всякое присутствие духа, Цицерон бросился в панике к Помпею, который в эти дни преднамеренно удалился из Рима, уединившись в своей загородной вилле. Извещенный о прибытии Цицерона, Помпей уклонился от встречи. По сообщению Плутарха, он постарался незаметно выскользнуть из дома через другие двери. Надев траурные одежды, бывший консул и вождь сенатской партии обходил дома влиятельных людей, прося о помощи, но все было тщетным. Оказавшись в полной политической изоляции, Цицерон удалился добровольно в изгнание. Не удовлетворившись этим Клодий сжег дом Цицерона в Риме, построив на этом месте небольшой храмик Свободы. Впоследствии Цицерон распространял слухи, будто в этом храме вместо статуи богини Клодий поместил изображение какой-то куртизанки.

Между тем, дела Цезаря в Галлии шли, казалось бы, блестяще. В короткий срок он одержал ряд крупных побед, обнаружив талант не только полководца, но и предприимчивого дипломата, умело натравливая одни галльские племена на другие, а всех галлов — на живших за Рейном германцев. К 57 г. Галлия могла считаться покоренной страной, но спокойствие было только кажущимся. Последовавшие восстания свободолюбивых галльских племен неоднократно ставили под угрозу римское владычество в этой стране. Но сенат был настолько потрясен победами Цезаря, что назначил пятнадцатидневные благодарственные молебствия богам Рима.

Эти победы не вскружили голову Цезарю. Он, не забывая о политике, неоднократно возвращался в Цизаль-

пейскую Галлию для встреч и совещаний со своими агентами и нужными людьми. Интересы Цезаря во внутриполитической жизни Рима в это время представлял главным образом Клодий, по слухам некогда соблазнивший жену Цезаря Помпею. Хотя ее вина не была полностью доказана, Цезарь, тем не менее, с ней развелся, заявив, что жена Цезаря должна быть выше подозрений. Вероятно, Цезарь воспользовался этими слухами как предлогом для развода — отношения между Цезарем и Помпеем к этому времени основательно испортились.

В эти дни Клодий — вероятно, не без ведома Цезаря — буквально затравил Помпея, и тот вынужден был запереться в своем доме, не рискуя показаться на форуме. Банды Клодия, состоявшие из гладиаторов и наемных убийц, буквально терроризировали Рим. Помпей был вынужден бороться против Клодия его же оружием, отыскав для этой цели подходящего человека, некоего Тита Анния Милона, происходившего из знатной семьи, но запутавшегося в долгах и готового на все, лишь бы поправить свое состояние. Хорошо оплачиваемый Помпеем, он набрал таких же гладиаторов и сикариев (как называли тогда наемных убийц). Между двумя бандами, Клодия и Милона, разгорелась настоящая война. В этой напряженной обстановке сенат решил вернуть Цицерона из ссылки, но в народном собрании, когда решался этот вопрос, разыгралось настоящее сражение, в котором сторонники Цицерона столкнулись с бандой Клодия:

В 56 г. произошла новая встреча триумвиров на севере Италии, в Луке. Помпей и Красс прибыли с огромной свитой, состоявшей из близких им сенаторов и всадников. Формально встречались частные лица, но в действительности созванное совещание имело общегосударственное значение. Принцепсы договорились между собой о следующем. Цезарь сохранял свои полномочия по управлению Галлией еще на пять лет, а на 55 год консулами должны были стать Помпей и Красс, после чего Помпей получал в управление Испанию, а Красс — Сирию. Красс не случайно стремился на Восток — ему не давали спать лавры Цезаря и Помпея, он мечтал о завоевании Парфии. Помпей и Красс получили эти полномочия по закону народного трибуна Гая Требония, одного из близких к Цезарю людей. К этому времени число приверженцев Цезаря, составивших «Юлианскую

партию», как ее стали позже называть, существенно возросло благодаря щедрости своего патрона, бесконтрольно распоряжавшегося богатствами завоеванной Галлии.

Не дождавшись конца своего консульства, Красс выехал в Сирию, где сразу же приступил к подготовке похода против парфян. Он начался весной 53-го года. Армия Красса состояла из 9 легионов пехоты и примерно 5 тысяч всадников. Парфяне применили «скифскую тактику», заманивая римлян в глубь пустыни, но за Евфратом, неподалеку от г. Карры, неожиданно повернулись и напали на войско Красса. Выстроенные в каре легионы не имели возможности построить укрепленный лагерь, и парфянская тяжелая конница, закованная в броню, осыпала римлян градом стрел. Неся огромные потери, римская армия стала медленно отступать по направлению к Каррам, и тогда парфяне коварно предложили Крассу вступить в переговоры о заключении мира. В ходе переговоров Красс был предательски убит, а голову его командующий парфянской армией (сурена) отослал ко двору парфянского царя. Там в это время шло представление пьесы Эврипида «Вакханки». Актер, игравший роль Агавы, схватил этот кровавый трофей и, торжествуя потрясая им в воздухе, запел свою арию: «Мы несем с собой из далеких гор славную добычу, кровавую дичь...». Парфяне захватили много пленных, а также знамена легионов — священных серебряных орлов. В Сирию вернулись лишь остатки римской армии — около 10000 человек — под командованием квестора Гая Кассия Лонгина.

Гибель Красса означала конец триумvirата. Отношения между двумя оставшимися триумвирами, Цезарем и Помпеем, становились все более натянутыми. Смерть жены Помпея Юлии (дочери Цезаря) порвала и эту весьма слабую связь.

После окончания срока консульства Помпей не выехал в Испанию, проконсулом которой он был назначен, и остался в Риме. Сложная политическая обстановка настоятельно требовала его присутствия. О создавшемся положении в государстве Аппиан пишет, что оно «с давних пор находилось в тяжелом состоянии. Ведь магистраты назначались в условиях раздора и взяточничества, с помощью камней и мечей. Бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным...

Вследствие этого порядочные люди перестали занимать государственные должности, так что из-за такой анархии государство однажды в течение восьми месяцев оставалось без магистратов». Аппиан имеет здесь в виду выборы 53 г. до н. э., когда между противоборствующими группировками развернулось настоящее сражение. Претендентом на консульскую должность выступил агент Помпея Милон, в то время как его враг Клодий домогался должности претора. Милон рассчитывал на поддержку Помпея, но тот, как пишет Аппиан, «тянул с выборами», и недовольный Милон отправился к себе на родину. Отряды Милона и Клодия случайно встретились в начале 52 г. около Бовилл. «Сами они не обратили внимания друг на друга, так как находились во враждебных отношениях, и проехали мимо, но раб Милона бросился на Клодия и ранил его в спину ударом кинжала. Трудно сказать, действовал ли он по приказанию или хотел его убить как врага своего господина. Конюх перенес истекающего кровью Клодия в ближайшую лавку. Туда явился Милон с рабами и прикончил умирающего...» (Аппиан).

Похороны Клодия вылились в грандиозную демонстрацию римского плебса, направленную против сенаторской верхушки. Тело Клодия поместили в Гостилиеву курию, обычное место заседаний сената, чтобы отдать ему посмертные почести. Были снесены в одно место скамьи и сидения сенаторов, после чего кто-то поджег их. Охваченное пожаром, сгорело и здание сената, а также близлежащие дома. Таков был погребальный костер, устроенный римским плебсом своему любимцу — демагогу Клодию.

Сложившаяся обстановка заставила сенат принять чрезвычайные меры. В воздухе носилась идея о назначении диктатора, что делалось в минуту крайней опасности для государства. Но слишком многие связывали тогда эту экстраординарную магистратуру с режимом жесточайшего террора. Было найдено компромиссное решение, и Помпея, находившегося в Риме, назначили «консулом без коллеги». Это была смягченная форма диктатуры. Помпей сосредоточил в своих руках значительную власть, но действовал в согласии с сенатом, что привело к еще большему охлаждению его отношений с Цезарем.

К консульской власти Помпея были присоединены и полномочия по снабжению Рима продовольствием. Целый ряд его законов имели целью восстановление порядка в Риме. В город вводились войска, был начат процесс против Милона, убийцы Клодия. Несмотря на пылкую защитительную речь Цицерона, Милон был осужден и удален в изгнание, имущество его было конфисковано.

Исподволь Помпей оказывал покровительство лицам, выступавшим против Цезаря, хотя внешне всячески подчеркивал свою лояльность по отношению к бывшему союзнику. Сам Цезарь, используя огромную добычу, захваченную им в Галлии, широко подкупал нужных ему людей в сенате и среди магистратов, раздавая огромные суммы. Самые ожесточенные споры в сенате вызвало предложение сторонников Цезаря продолжить его проконсульскую власть в Галлии и предоставить ему право заочно добиваться консульства (срок проконсульских полномочий Цезаря истек 1 марта 50-го года). Во время дебатов в сенате Помпей, лично явившийся на заседание, утверждал, что Цезарь охотно откажется от своих полномочий, хотя сам Помпей не собирался отказываться от своей проконсульской власти в Испании. «Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями...» (Аппиан). В дальнейших спорах Помпей повел себя двусмысленно: когда его спросили напрямик, следует ли отзывать Цезаря из Галлии, он уклончиво ответил, что каждый римский гражданин обязан выполнять решения сената. Между тем, народный трибун Курион, вначале враждебно настроенный по отношению к Цезарю, но позже перешедший на его сторону, предложил компромиссное решение: и Цезарь, и Помпей должны были одновременно распустить свои армии и отказаться от проконсульской власти в своих провинциях. Большинство сенаторов стали склоняться к такому решению, дававшему значительные преимущества Цезарю, и тогда враждебно настроенный по отношению к нему консул Марцелл, который вел заседание сената, в состоянии крайнего раздражения прекратил обсуждение вопроса, гневно заявив: «Побеждайте и получайте тирана в лице Цезаря!».

В конце 50 г. до н. э. Цезарь находился в Цизальпийской Галлии, в Равенне, откуда внимательно следил за

тем, что происходило в Риме, где верх взяли его противники (на 49 г. консулами были избраны враждебно настроенные по отношению к нему лица — Корнелий Лентул и Клавдий Марцелл). В Риме все более усиленно стали распространяться слухи, будто он, перейдя Альпы, уже движется со своей армией к Риму. Основываясь на этих непроверенных данных, консул Марцелл приказал Помпею принять командование войсками (неясно было только, какими: отобилизованных воинских соединений в распоряжении сената не существовало) и выступить против Цезаря. Курион тщетно пытался помешать принятию такого решения — его не слушали, тем более, что срок его трибуната кончался.

Поставленный в известность обо всех этих приготовлениях, Цезарь прислал письмо новым консулам, в котором жаловался на допущенную по отношению к нему несправедливость и выражал готовность отказаться от проконсульской власти, если это же сделает Помпей. Но так как Помпей отказывается это сделать, то и он, Цезарь, не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за себя и отечество.

Это было последнее столкновение Цезаря с сенатом, в условиях пока еще возможного мирного разрешения конфликта. Оно показало Цезарю, насколько призрачна и зыбка власть, которую дают республиканские magistratury, краткосрочные и ставящие политического деятеля в положение, когда он периодически оказывается «вне игры». Лишенный власти в такие моменты, он рискует завершить свою политическую карьеру раньше времени и притом самым печальным образом. Добровольно сложить с себя полномочия в той ситуации, в которой оказался Цезарь, означало для него сдаться без боя. Это было совсем не в его характере.

В начале 49 г. сенат потребовал от Цезаря сложить свои проконсульские полномочия в Галлии, в противном случае он объявлялся врагом отечества. В Риме вводилось чрезвычайное положение. Народные трибуны, пытавшиеся помешать принятию такого решения, были попросту изгнаны из сената. В тот же день, переодетые рабами, они бежали к Цезарю. Тот «показал беглецов в таком виде солдатам и с целью разжечь их ненависть к сенатской партии заявил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, за-

молвивших за них слово, постыдно изгоняют» (Аппиан).

12 января 49 г. Цезарь с одним легионом форсировал реку Рубикон, разделявшую Цизальпийскую Галлию и Италию, согласно принятому тогда административному делению. Начиналась новая гражданская война.

Решение Цезаря, с такой смелостью развязавшего гражданскую войну, опиралось на точный расчет. Он мог полностью положиться на свою армию, прошедшую под его командованием суровую школу галльских войн. Солдат он называл не «воинами», но «соратниками», проявляя неустанную заботу об их быте, на что не жалел денег. Во время боевых действий он разделял вместе с ними все тяготы и лишения, но был требовательным в том, что касалось выполнения воинского долга и воинской дисциплины. Хотя в этот момент он располагал всего 5000 пехотинцев и 300 всадников (остальная часть армии находилась за Альпами), он понимал, что ждать подкреплений — означало терять драгоценное время. Цезарь сделал ставку на быстроту операций.

Решение начать военные действия против сената давалось Цезарю нелегко, как можно судить по античным источникам. «Когда он приблизился к речке по имени Рубикон, которая отделяет Цизальпийскую Галлию от остальной Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающем решительном моменте, и он остановился перед грандиозностью своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствующими друзьями, среди которых был Азиний Поллион. Он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и какую оценку этого шага они оставят потомству. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, приступающих к сомнительному и по исходу отважному предприятию: «Да будет брошен жребий!». Этот рассказ Плутарха, несомненно, заслуживает доверия. Скорее всего, автор опирается здесь на сочинение Азиния Поллиона, посвященное истории гражданских войн. Поллион был очевидцем и активным участником событий, о которых идет речь.

Цезарь, захватив Армин, первый город, находивший-

ся на его пути, не останавливаясь, быстрым маршем двинулся вперед вдоль побережья Адриатического моря, занимая один за другим города Северной Италии. Известие о движении войск Цезаря вызвало в Риме панический ужас. Люди старшего поколения хорошо помнили, что происходило в городе, когда его поочередно занимали армии Суллы и Мария. Сенатское войско было совершенно не готово вести боевые действия, и Помпей, который хвалился, что стоит ему топнуть ногой, как на том месте вырастут легионы, — оказался полководцем без армии. Прошло всего несколько дней после начала войны, как сенаторы, а за ними и другие граждане устремились на юг, спасая свою жизнь и имущество. Многие метались, не зная к кому примкнуть, перебегая от Цезаря к Помпею и обратно. Консул 54 г. Л. Домиций Агенобарб, защищавший со своим отрядом Корфиний, уже собирался покончить самоубийством, но, услышав о милостивом отношении Цезаря к пленным, сдался Цезарю и действительно был помилован, после чего вновь перебежал к Помпею.

Множество сенаторов вместе с консулами и наспех набранными войсками собрались в Брундизии. Застав в этом порту большое количество кораблей, Помпей посадил на них 30 когорт и переправился в Диррахий, порт на севере Греции. Цезарь спешил к Брундизию, стремясь помешать переправе сенатских войск, но убедился в том, что неприятельский флот успел отплыть. Всего 60 дней понадобились ему, чтобы занять всю Италию.

К Помпею стекались со всех сторон приверженцы сенатской республики. В его распоряжении оказался флот из 500 кораблей, не считая вспомогательных и разведывательных судов. Свои легионы Помпей сам готовил к боевым действиям, показывая солдатам приемы метания копья и владения мечом несмотря на свои 58 лет. Конница Помпея насчитывала до 7000 всадников, в основном набранная из юношей знатных семей Рима и Италии. Сенат избрал своим местопребыванием Фессалонику. Туда же прибывали династы Востока, доставляя Помпею средства для ведения войны и контингенты войск.

Первый удар помпеянцам Цезарь нанес в Испании, разгромив там легатов Помпея, после чего вернулся в Италию. Подготовив свои легионы к переправе, он погрузил их на суда в Брундизии и высадился в Эпире, на

севере Греции. Переправа была успешной, несмотря на то, что на море господствовал флот Помпея. Начиналась знаменитая Эпирская война, в которой особенно ясно проявилась бездарность Помпея как полководца.

С ноября 49 г. военные действия ограничивались разведывательными столкновениями, в ходе которых Цезарь понес значительные потери. Положение его осложнялось тем, что подвоз продовольствия и боевого снаряжения был затруднен из-за господства флота Помпея на море. Тем не менее Антонию, ближайшему помощнику Цезаря, удалось переправить оставшуюся в Италии часть войск Цезаря в Эпир, и это несколько улучшило его положение.

Цезарь, наконец, оценил слабость своей позиции, при которой преимущество оставалось на стороне Помпея, получавшего постоянную поддержку с моря. Отойдя к Аполлонии, он двинулся оттуда в направлении к Фессалии. Решающее сражение произошло близ фессалийского города Фарсала в июне 48 г. до н. э. Помпей был уверен в победе, рассчитывая на численное превосходство своих войск, но разгром его армии был полным и сокрушительным. С немногими спутниками и семьей Помпей бежал вначале на о. Лесбос, а затем в Египет, где надеялся найти убежище, но во время высадки на рейде Александрии Помпей был предательски убит по приказу египетского царя. Преследовавший его по пятам Цезарь, прибыв в Египет, узнал там о гибели своего бывшего союзника и родственника. В душе обрадованный тем, что был таким образом избавлен от необходимости самому сводить счеты с некогда близким человеком, он выразил вслух негодование по поводу предательского поступка царя. Всем спутникам Помпея он даровал прощение.

Оставшись в Египте с небольшими силами, Цезарь активно вмешался в династические распри. Из-за египетского престола враждовали брат и сестра — Птолемей XII и Клеопатра, вынужденная бежать из Александрии. Спасаясь от преследовавших ее жителей столицы Египта, Клеопатра тайно проникла во дворец, бывший резиденцией Цезаря (завернутую в мешок ее тайно выгрузил с лодки старый друг Аполлодор). Цезарь был очарован красотой и обаянием юной царицы и решительно встал на ее сторону, что привело к восстанию в Александрии. В ходе «Александрийской войны» немногочисленный от-

ряд римлян не раз оказывался на краю гибели, и самому Цезарю однажды пришлось спасаться вплавь во время сражения при острове Фаросе. Как описывает Плутарх, даже в этот момент Цезарь не выпустил из рук записной книжки. Свои приключения в Египте он позднее описал в книге «Александрийская война».

Дождавшись подкреплений, Цезарь подавил мятеж александрийцев и остался в Египте до весны 47 г., проводя время в увеселениях различного рода, которые искусно придумывала Клеопатра, родившая ему сына — Цезариона. Из Египта Цезарь выступил против Фарнака, сына Митридата, восставшего против римлян. Вся кампания заняла несколько дней. Решающее сражение произошло при Зеле, на северо-востоке Понта. Легенда приписывает именно этому событию послание Цезаря сенату, состоявшее из трех слов: «Пришел, увидел, победил». Наспех устроив дела в Азии, он поспешил вернуться в Рим, где создалось угрожающее положение вследствие выступлений недовольного римского плебса. Эти волнения проникли и в армию, которую Цезарь готовил к большому походу против помпеянцев, собиравшихся в Африке. С трудом восстановив порядок, он в конце 47 г. до н. э. переправил туда свои войска. В апреле 46 г. произошло решающее сражение при Тапсе, в котором армия помпеянцев была наголову разбита. Ее вождь и идеолог Катон Младший, попав в плен к Цезарю, покончил жизнь самоубийством. Здесь Цезарь уже не был столь милостивым, как ранее, и многие знатные римляне, попавшие в плен, были казнены как изменники.

Сражение при Тапсе — не последняя битва Цезаря в ходе гражданской войны. Остатки помпеянцев вновь собрались в Испании во главе с сыновьями Помпея. В ожесточенном сражении при Мунде победа далась Цезарю дорогой ценой. «Я много раз сражался за победу, но в этот раз — за собственную жизнь», — заявил он, оценивая итоги сражения, происходившего в 45 г. до н. э.

В июне 46 г. до н. э. Цезарь вернулся в Рим и справил четверной триумф над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой. В торжественном шествии вели знатных пленников, несли сокровища, награбленные римскими войсками, в том числе 2822 золотых венка общим весом в 20414 фунтов. Ветераны Цезаря были вознаграждены де-

нежными подарками и наделами земли, а все жители Рима получили по 400 сестерциев. Для них устроили угощение на 22000 столов, грандиозные раздачи хлеба, зерна и масла. Для всего римского народа были даны великолепные зрелища.

Начиная с 46 г. Цезарь осуществляет активную законодательную деятельность, создавая новую административную систему — по сути, иной государственный строй. Еще в конце 49 г. он был назначен диктатором, вначале на ограниченный срок, а с конца 45 г. — пожизненно. Он получил право назначать всех магистратов, кроме консулов. В торжественных случаях он появлялся перед народом в одеянии триумфатора с лавровым венком (позднее с таким венком будут изображать на монетах всех римских императоров). «Республика — не что иное, как пустое слово, без содержания и блеска» — эти слова Цезаря, которые сохранил для потомков его биограф Гай Светоний Транквилл, очень точно передают нам отношение нового правителя к традициям республиканской государственности.

Опорой созданного Цезарем режима была армия, интересы солдат он стремился удовлетворить любой ценой. Свыше 80000 ветеранов были наделены землей в Италии и провинциях. По инициативе Цезаря стали возрождаться города, давно лежавшие в развалинах. Так, на Востоке был восстановлен Коринф, древний центр эллинской цивилизации, намечались меры по восстановлению Карфагена. Диктатор широко раздавал права римского гражданства жителям провинций, особенно ближайших к Италии: Нарбоннской Галлии, Испании. «Закон Юлия о муниципиях», сохранившийся до нас в надписи, регулировал всю жизнь в городах Италии, порядок выборов должностных лиц, деятельность магистратов, обеспечение продовольствием и водой. Сам Рим постепенно превращался в один из итальянских муниципиев. В правительственном аппарате были произведены существенные изменения: увеличено число магистратов, преторов, квесторов, эдилов. Состав сената возрос до 900 человек. Цезарь тщательно подбирал его состав из рядов своих сторонников, бывших его офицеров. В Риме развернулось грандиозное строительство. В короткий срок были сооружены новый форум («Форум Юлия») и обширная базилика. Проводилась и реформа календа-

ря, основой которого стал египетский солнечный год в 365 дней.

Крупнейший полководец и политический деятель, Цезарь находил время и для литературных занятий. Среди его произведений — поэтические и прозаические сочинения, из которых сохранились до нашего времени лишь «Комментарии о галльской войне» и «Комментарии о гражданской войне» (обе книги остались незаконченными). Эти военно-политические мемуары, как вообще свойственно подобного рода жанру, не были лишены апологетической тенденции. Цезарь хотел оставить потомкам автопортрет без темных пятен. В «Комментариях о гражданской войне» вся ответственность за войну возлагалась на Помпея. В то же время автор всячески подчеркивал гуманность Цезаря по отношению к побежденным противникам.

Цезарь строил обширные планы преобразований, развивал широкую строительную деятельность, готовился к новым завоевательным походам. Первоочередной задачей он считал разгром сильного парфянского царства на востоке. Со времени поражения армии Красса прошло всего лишь 10 лет, и рана, нанесенная престижу римлян, была еще свежей. Для восточного похода набирались войска, готовилось снаряжение, велась дипломатическая подготовка.

Но всем этим планам Цезаря не суждено было осуществиться.

ГЛАВА

4

АГОНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Последний период гражданских войн был особенно ожесточенным и кровопролитным. Он начался после кратковременного затишья, наступившего после победы Г. Ю. Цезаря над армиями республиканцев под командованием Помпея и его сыновей. Непосредственным поводом к возобновлению гражданских войн послужила смерть Цезаря, погибшего от рук заговорщиков в мартовские иды 44 г.

К моменту гибели Цезарь — всемогущий повелитель Рима, диктатор с неограниченными полномочиями и сроком, командир легионов, сокрушивших войска его противников в Европе, Азии и Африке, удачливый и ловкий политик, снискавший симпатии и армии, и переменчивого римского плебса, и одновременно блестящий оратор и писатель — находился в зените своей славы. Еще при жизни его имя стало легендарным. Ни на ком другом с такой точностью не подтверждалось классическое правило, согласно которому наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Ему были свойственны не только необыкновенная смелость и быстрота решений, но и склонность к необдуманному риску. О любовных приключениях Цезаря рассказывали в Риме на всех перекрестках. Солдаты, шедшие за его колесницей в три-

умфальной процессии, пели, -согласно древнему ритуалу триумфа, насмешливую песенку о своем полководце:

Цезарь галлов покоряет, Никомед же — Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию,
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря...
Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника,
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии!

До нас дошли многочисленные портретные бюсты, статуи и изображения Цезаря на монетах, с которых смотрит на нас сухое, с выдающимися скулами и тяжелым подбородком лицо уже немолодого человека. Высокий лоб, открытый, пронизательный взгляд и жесткие складки в углах рта свидетельствуют о живом уме и сильном характере. В нем заключено скрытое обаяние, что в какой-то мере объясняет ту необыкновенную популярность, которой он пользовался.

Цезарь позволил себе роскошь быть милостивым к побежденным республиканцам, вернув в Италию многих из них, а некоторых даже приблизив к себе. Вдовам и сыновьям убитых противников он возвратил часть их имущества, а некоторым из бывших врагов даже доверил исполнение своих замыслов и преобразований. Среди них оказались Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин, ставшие во главе заговора против Цезаря.

Истинным вождем заговорщиков был, бесспорно, М. Ю. Брут. Личные его отношения с диктатором не давали повода для вражды, тем более, что Цезарь к нему явно благоволил. Злые языки даже утверждали, что Цезарь был его истинным отцом. Мать Брута, Сервилия, действительно состояла в свое время в близких отношениях с будущим диктатором. Впрочем, многие современные исследователи не без основания считают эти слухи явной сплетней, «вследствие незначительной разницы в возрасте между лицами, в которых предполагали отца и сына» (Гардтхаузен). По выражению этого же исследователя, причиной, заставившей Брута выступить против Цезаря, было «философско-политическое доктринерство». Брут был идеологом той части сенатской верхушки, которая издавна привыкла распоряжаться судьбами Римского государства и которая теперь, оттесненная диктатором и его окружением, оказалась практически не у дел.

Заговорщики сами по себе были незначительными

людьми, хотя и принадлежали к знатым родам и носили громкие имена: Сульпиций, Домиций, Юний, Кассий. Предприятие имело успех лишь благодаря поразительной беспечности диктатора. В упоении от успехов и побед «единственный император» не мог и помыслить, что кто-нибудь осмелится выступить против него. «Дело было совершено людьми, мужественными по духу, но по совершенно детскому плану», — писал в эти дни Цицерон Аттику (XIV, 21, 3). Но уже через несколько дней, «забыв», что к заговору он не имел никакого отношения, Цицерон стал употреблять местоимение «мы», повторив в другом письме к Аттику ту же самую фразу (XV, 4, 27). Сведения о готовящемся заговоре проникли в круги, весьма далекие от сената. Согласно Светонию, кто-то даже подал Цезарю записку с подробными сведениями о заговоре. Плутарх говорит, что это был грек Артемидор Книдский, с особым драматизмом описывая дальнейшие события: «Цезарь взял в руки свиток, однако прочесть его помешало ему множество просителей, хотя он и пытался много раз это сделать. Так он и вошел в сенат, держа в руках один лишь этот свиток. Некоторые, впрочем, говорят, что кто-то другой передал этот свиток Цезарю и что Артемидор совсем не мог подойти к Цезарю, оттесненный от него толпой во все время пути. Но это, может быть, простая игра случая. Не было случайным место, где произошла схватка и убийство Цезаря и куда собрался в это время сенат. То было одно из прекрасно украшенных зданий, предназначенных для театра. Оно было посвященным даром Помпея, здесь находилось его изображение. Таким образом, было совершенно ясно, что убийцами руководила воля некоего божества, предназначившего, чтобы дело свершилось именно так. Перед убийством Кассий, как говорят, посмотрел на статую Помпея и молча призвал его к себе в помощники, несмотря на то, что не был чужд эпикурейской философии. Однако приближение минуты, когда должно было произойти ужасное деяние, привело его, по-видимому, в некое иступление и сильное душевное волнение, сменившее недавние разумные рассуждения. Антония, верного Цезарю человека, отличавшегося физической силой, Брут Альбин нарочно задержал на улице, заведя с ним длинный разговор. При входе Цезаря сенат поднялся с мест в знак уваже-

ния, заговорщики же, возглавляемые Брутом, разделились на две части. Одни стали позади у кресла Цезаря, другие вышли навстречу, чтобы вместе с Тиллием просить за его изгнанного брата. С этими просьбами заговорщики провожали Цезаря до самого кресла. Цезарь, сев в кресло, отклонил их просьбы, а когда заговорщики стали нажимать на него более энергично, он выразил каждому из них свое неудовольствие. Тиллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с его шеи: это был сигнал к нападению. Каска первым нанес удар мечом в затылок. Этот удар был, однако, неглубок и не смертелен. По-видимому, Каска вначале был смущен дерзновенностью этого ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал в руках меч. Почти одновременно оба закричали — пораженный Цезарь по-латыни: «Негодяй Каска, что ты делаешь?», а ударивший Каска по-гречески, обращаясь к брату: «Брат, помоги!». Непосвященные в заговор сенаторы после такого начала были поражены страхом перед этим поступком, не смея ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря, так что куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному охотниками, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и глаза, так как все заговорщики должны были приобщиться к этому убийству и как бы вкушать жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю один удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что Цезарь, отбиваясь от заговорщиков, кидался в разные стороны и кричал. Когда же он увидел Брута с обнаженным мечом, то накинул на голову тогу и подставил себя под его удары. Тело Цезаря либо сами убийцы оттолкнули к пьедесталу, на котором стояла статуя Помпея, либо оно случайно там оказалось. Пьедестал был сильно забрызган кровью. Казалось, будто сам Помпей явился для отмщения своему противнику, распростертому у его ног и еще содрогавшемуся от множества ран. Цезарь, как говорят, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело».

Вожди заговора плохо представляли себе последствия своего террористического акта, рисуя себе лишь в общих чертах реставрацию сенатской аристократической

республики. Они мечтали о взрыве народного ликования по случаю освобождения родины от тирании, о благодарности сената, воздающего хвалы тираноубийцам и предающего память тирана проклятию, о подъеме энтузиазма всего народа, умоляющего их взять на себя руководство государством. Однако Брут, кабинетный мечтатель, литератор и философ (что не мешало ему быть одним из самых жестоких римских ростовщиков: городу Саламину на Кипре он ссужал деньги из расчета 48% годовых и не остановился перед использованием римских вооруженных сил для взыскания долга), был мало подходящим человеком для этой цели. Правда, он собирался управлять Македонией по распоряжению Цезаря, но большого административного опыта он не имел. Более зрелым политиком и опытным полководцем был Кассий, прошедший школу военного искусства в армии Красса на Востоке и сумевший спасти остатки римской армии, удержав при этом в сфере римского влияния Сирию, несмотря на тяжелое поражение римлян в 53 г. до н. э. И Брут, и Кассий, недавно избранные преторами по рекомендации Цезаря, еще не успели ничем себя зарекомендовать.

Стремительно развивавшиеся события в действительности нисколько не соответствовали ожиданиям заговорщиков. Потрясенные произошедшим на их глазах убийством диктатора, сенаторы, не принимавшие участия в заговоре, в страхе разбежались, опасаясь той же участи. С другой стороны, приверженцы и друзья убитого, уверенные, что в заговоре замешан весь сенат, тоже спешно искали спасения. «Все было заполнено бегущими и кричащими», — пишет Николай Дамасский в жизнеописании Августа. К бегущим присоединились толпы людей, находившихся в театре в момент убийства диктатора (там происходили гладиаторские бои). Распространялись самые противоречивые слухи. Не было единства и среди заговорщиков, одни предлагали заодно перебить возможных будущих противников, другие же, как Брут, настаивали на соблюдении законности, полагая недопустимым предавать смерти людей, против которых не было выдвинуто никаких обвинений. Брут даже надеялся, если верить слухам, что сподвижник Цезаря Антоний, увлеченный примером гражданской доблести участников заговора, окажет помощь отечеству в борьбе за свободу (как сообщает Плутарх в биографии Брута).

В обстановке всеобщей суматохи и паники заговорщики, с трудом пробиваясь сквозь толпу, держа в руках обнаженное оружие, побежали по улицам Рима на форум, крича, что они восстановили свободу. По-видимому, Брут пытался произнести речь на форуме, но из-за шума нельзя было ничего расслышать, несмотря на все его призывы к спокойствию, а также заверения, что ничего дурного не произошло. Народ, однако, за ними не последовал, и тогда заговорщики пробились на Капитолий, священный центр Римского государства. По пути к ним присоединились отряды гладиаторов и рабов. Перед собравшимися на Капитолии Брут произнес заранее подготовленную речь (Цицерон ее не одобрил и в письме к Аттику отмечал, что он бы произнес более пылкую). Брут апеллировал к свободолюбию и древним республиканским добродетелям римлян, но люди, слушавшие его, зачастую даже не понимали, о чем идет речь. Здесь, на Капитолии, заговорщики организовали круговую оборону против возможной атаки ветеранов Цезаря. Только к вечеру немногие сенаторы поднялись на Капитолий, чтобы выразить им свое одобрение и поддержать их морально (среди них был и Цицерон).

Но ветераны Цезаря, собравшиеся в Риме и ожидавшие от своего полководца обещанных им земельных участков, были рассеянной и неорганизованной толпой. Единственным боеспособным войском оказалась армия М. Эмилия Лепида, «начальника конницы», помощника диктатора. Лепид собирался в заальпийскую Галлию и занимался в это время реорганизацией и комплектованием легионов. В ночь на 16 марта он ввел свои войска в Рим и расположился на рыночной площади, где легионеры зажгли бивачные огни.

Лепид был не единственным, кто претендовал на политическое наследство убитого диктатора и стремился заполнить образовавшийся вакуум. Консулом 44 года был М. Антоний, испытанный и волевой командир, сыгравший важную роль во время Эпирской войны, доверенное лицо диктатора, что, впрочем, не мешало ему интриговать против своего могущественного принцепала (сохранились сведения, что еще в 45 г. один из офицеров Цезаря Г. Требоний пытался вовлечь Антония в заговор. Антоний не рискнул, но и не выдал Требония). Антоний отличался необыкновенной физической силой и выносили-

востью, позволявшей ему наравне с рядовыми легионерами легко переносить все тяготы походов. Эта сила осталась нерастраченной, несмотря на бурно проведенную в кутежах и разврате молодость. К этим качествам присоединялась недюжинная хитрость, ловкость и находчивость, помогавшие в трудных ситуациях находить выход и решать сложные политические и военные задачи, которые ставил перед ним Цезарь. Происхождение его (дедом его был знаменитый оратор Марк Антоний) и воспитание (он изучал ораторское искусство в Греции и был приверженцем цветистого «азианского» стиля в красноречии) предполагали в нем довольно высокое интеллектуальное развитие, скрываемое, впрочем, под внешним цинизмом поведения и грубым гаерством. Наружность его вполне соответствовала характеру. На сохранившихся монетах Антония подчеркнуто выделены крупные черты его лица с тяжелым подбородком и бычьей шеей.

Убийство Цезаря застало Антония врасплох, и он в ужасе бежал и забаррикадировался в собственном доме, намереваясь дорого продать свою жизнь. Но уже через несколько часов он понял, что ему ничего не грозит, и стал поспешно собирать верных людей, чтобы не оказаться одиноким и беспомощным в бурном водовороте событий.

Лихорадочную деятельность развивал в эти часы Цицерон, в душе ненавидевший диктатора той ненавистью, с которой неудачники в политике всегда ненавидят удачливых и преуспевающих, но лицемерно примирившийся с ним и все эти годы заискивавший перед Цезарем, никогда, впрочем, ему не доверявшим. Теперь Цезарь был мертв, и можно было смело высказать свое отношение к диктатору. Выступив в сенате, Цицерон предложил немногим собравшимся объявить Цезаря тираном, а всю его деятельность и сделанные им распоряжения — незаконными. Но совершенно растерянные сенаторы не приняли этого предложения и обратились к консулу Антонию, как единственному в этот момент носителю законной власти, чтобы тот восстановил в Риме порядок на основе действующей конституции. К этому времени Антоний сумел добиться важного успеха, значение которого трудно переоценить. Выступая в качестве самого близкого к диктатору лица, он сумел убедить потрясенную вдову диктатора Кальпурнию передать ему наличные

средства покойного (около 100 млн. сестерциев) вместе с архивом, где хранились важные государственные документы. К этим деньгам Антоний присоединил наличные суммы, хранившиеся в государственной казне (в храме Опс, богини, изобилия) — всего около 700 млн. сестерциев. Аристократическая верхушка сената расценила эти действия Антония как грабеж. Это видно из письма Цицерона к Аттику. Но осуждение сената мало беспокоило Антония. Сосредоточив в руках такие суммы, он мог привлечь ветеранов Цезаря на свою сторону (из солдат Рима они давно превратились в профессионалов-наемников, готовых за деньги служить кому угодно). Но для того, чтобы организовать из ветеранов боеспособную армию, требовалось время, а войска Лепида стояли уже в полной боевой готовности. Поэтому Антоний решил договориться с ним о совместных действиях. Он провел с Лепидом, а также с другими цезарианцами — Бальбом, секретарем диктатора, Гирцием, десигнированным консулом на 43 год, — ряд тайных совещаний. В этих переговорах Лепид, человек в общем нерешительный и не слишком дальновидный, оказался проигравшей стороной. Антоний сумел убедить его передать ему свои войска, взамен чего, по-видимому, Лепиду был обещан сан верховного понтифика. Лепиду удастся в будущем сохранить свою жизнь в обстановке ожесточенной борьбы за власть, чему немало способствовало его полное ничтожество как личности.

Заговорщики, опиравшиеся на поддержку отрядов гладиаторов, подготовленных Децимом Брутом и находившихся в момент убийства Цезаря между театром и зданием курии, чтобы в случае сопротивления прийти на помощь заговорщикам, решили, наконец, спуститься с Капитолия и выступить перед собравшимся народом. Не встретив поддержки и оказавшись в двусмысленном положении, опасаясь ветеранов Цезаря, враждебно следивших за развитием событий и готовых расправиться с убийцами своего полководца, заговорщики не нашли ничего лучшего, как вступить в переговоры с Антонием и Лепидом, обладавшими в этот момент реальной властью. На такой шаг можно было решиться только в обстановке полной растерянности и при отсутствии ясного плана действий. Он мог привести лишь к полному торжеству Антония: тому действительно казалось, что судьбы

Рима в его руках. Антоний сообщил заговорщикам, что даст ответ на следующий день.

Утром 17 марта консул Антоний собрал сенат в храме Теллус, богини земли. Храм находился близ дома Антония, и тот выбал место заседания с таким расчетом, чтобы сенаторы оказались как можно дальше от Капитолия, опорного пункта заговорщиков. Толпы ветеранов собрались между Капитолием и храмом Теллус: это зрелище заставило трепетать многих из тех, кто вчера публично решился одобрить действия заговорщиков. «Во время Либералий кто из сенаторов мог не прийти в сенат?.. И даже, когда мы пришли, разве могли мы свободно высказать свое мнение? И разве не следовало прежде всего отогнать ветеранов, пришедших вооруженными, всеми возможными способами, в то время, как у нас не было никакой защиты?» — писал Цицерон Аттику об этом знаменитом заседании сената.

В таких условиях планы тех, кто еще вчера мечтал предать проклятию память тирана и объявить всю его деятельность и преобразования вне закона, оказались построенными на песке. Заговорщики даже не посмели явиться на это заседание, и само их отсутствие было красноречивым фактом. Грозный шум толпы ветеранов делал речь консула особенно убедительной и доводы — неотразимыми. Отсутствовало единство и в среде самих сенаторов. Были такие, кто опасался, что отмена распоряжений Цезаря нанесет ущерб их интересам, и они в дальнейшем будут лишены высоких постов, которые согласно рекомендациям Цезаря они должны были занять. Поэтому предложение Антония об утверждении распоряжений Цезаря было выслушано с пониманием и сочувствием. «Он воспламенил их в отношении не Цезаря, а их самих», — пишет в связи с этими событиями Аппиан. Одновременно консул обещал не предпринимать судебного преследования убийц Цезаря. В этой сложной политической игре принял участие и Цицерон, прожженный политиком и мастер беспринципных компромиссов, сумевший в свое время благополучно миновать все Сциллы и Харибды гражданской войны между Цезарем и Помпеем. Теперь он вновь поднялся на гребень политической волны. Цицерон предложил утвердить все распоряжения Цезаря и нашел подходящий лозунг, позволивший всем прийти к согласию. Это было греческое слово «амнистия».

Приняв предложение Цицерона, сенат призвал всех к единодушию.

Решение сената об утверждении распоряжений Цезаря было встречено ветеранами с шумным одобрением. В нем они видели гарантию на получение тех благ, которые были им обещаны покойным диктатором. Так было заключено перемирие между заговорщиками и вождями Юлианской партии, как стали называть теперь цезарианцев. Перемирие было закреплено передачей заговорщикам сыновей Антония и Лепида в качестве заложников, и это свидетельствовало о том, что Антоний и Лепид были вынуждены с ними считаться..

Они все еще надеялись на достижение власти мирным путем. Цицерон между тем в письмах упрекал заговорщиков за бездеятельность и язвительно называл их пребывание на Капитолии «капитолийским сидением».

Только теперь отряды, на которые опирались заговорщики, окончательно покинули Капитолий. Специальное решение сената было посвящено обряду похорон диктатора, а также обнародованию его завещания. В завязавшемся споре наиболее дальновидные из республиканцев решительно воспротивились намерениям цезарианцев устроить покойному пышные похороны, догадываясь, к чему они могут привести. Однако Брут уступил настояниям Антония, «явно совершив тем самым вторую ошибку», как замечает Плутарх в его биографии.

По требованию Л. Кальпурния Пизона, тестя Цезаря, было оглашено завещание покойного диктатора, хранившееся у весталок. Согласно последней воле Цезаря, главным его наследником объявлялся внучатый племянник Гай Октавий, усыновленный им и принятый тем самым в род Юлиев. Сонаследниками были названы Л. Пинарий и Кв. Педий. Сады Цезаря за Тибром были завещаны народу. Кроме того, каждому бедняку в Риме из специально выделенных для этой цели средств выдавались 300 сестерциев — сумма, весьма значительная. Во время торжественного обряда похорон, происходившего на форуме, у тела покойного были выставлены трофеи его побед и окровавленная одежда, снятая с него в день убийства. Погребальную речь произнес Антоний, коллега и друг убитого. Аппиан с необыкновенным мастерством художника, мыслителя и историка передает трагизм происшедшего: «Антоний читал свою речь с торжественным,

грустным лицом, и голосом выражая эти настроения, останавливался на том, как чествовали Цезаря в народном постановлении, называя его священным и неприкосновенным, отцом отечества, благодетелем и заступником, как никого другого не называли... Сказав это, Антоний поднял одежду, как одержимый, и, подпоясавшись, чтобы освободить руки, стоял у катафалка, как на сцене, падая к нему и снова подымаясь, воспевал его, как небесного бога. В знак веры в рождение божества он поднимал руки, перечисляя при этом скороговоркой войны Цезаря, его сражения и победы, напоминая, сколько он присоединил к отечеству народов и сколько он прислал добычи, высказывая восхищение всем этим и непрерывно выкрикивая: «Он один был непобедим из всех тех, кто с ним сражался...»

...В таком состоянии, когда дело было близко к рукопашной, кто-то поднял над ложем сделанную из воска статую Цезаря. Тела его, лежавшего на ложе, не было видно. При помощи механизма статуя поворачивалась во все стороны, и видны были 23 зверски нанесенные ему раны по всему лицу и телу. Этого зрелища народ не стерпел, так как это его удручало. Он разразился криком и, окружив здание курии, где был убит Цезарь, поджег его. Убийц, которые заранее бежали, искали повсюду...»

Возбуждение народа, вызванное провокационными действиями Антония, показалось теперь опасным и ему самому. Хотя Антоний и сумел добиться того, что заговорщики бежали из Рима, настроение сенаторов не изменилось. Особое беспокойство сената вызвали действия некоего самозванца, назвавшего себя внуком Мария, собравшего вокруг себя мятежный плебс, призывая мстить за Цезаря. Дело дошло до настоящего восстания, но консул Антоний, используя чрезвычайные полномочия, сумел в короткий срок его подавить, а главаря мятежников казнить без суда и следствия. Решительная расправа Антония с восставшими, а также предложение вызвать из Испании Секста Помпея привлекли на время симпатии сената к Антонию.

Беспорядки в Риме помогли Антонию получить разрешение сената на вооруженную охрану. Он набирал из ее ветеранов, преимущественно центурионов, постепенно доводя ее до 6000 человек. Имея такой отряд младших командиров, Антоний в короткий срок мог развернуть

его во внушительную армию. В то же время он обнару-
довал одно за другим распоряжения Цезаря, действи-
тельные и мнимые, которые якобы были обнаружены им
в архиве покойного диктатора, все более оттесняя сенат
от государственных дел. Добившись своих целей, Анто-
ний отправился в Кампанию для устройства колоний,
обещанных ветеранам.

Тем временем из Греции (Аполлонии, города на се-
веро-западе Балканского полуострова) прибыл Гай Ок-
тавий, чтобы вступить в права наследника, хотя его мать
Атия и отчим консуляр Марций Филипп настойчиво со-
ветовали ему этого не делать. Но честолюбивый, расче-
ливый и хитрый не по летам юноша все же решил всту-
пить в эту рискованную игру. Он высадился не в Брунди-
зии (куда обычно прибывали корабли с Востока), но
избрал для этой цели близлежащий город Лупин. От-
сюда, выслав разведчиков, он направился в Брундизий.
Гарнизон города встретил его с восторгом, как сына Це-
заря. По дороге в Рим Гая Октавия повсюду встречали
соратники покойного диктатора, толпа которых, по выра-
жению Аппиана, росла, «как горный поток». В соответ-
ствии с римским обычаем он стал именоваться Гаем
Юлием Цезарем, и только дополнительное имя «Октави-
ан» указывало на подлинное происхождение нового пре-
тендента на власть.

Явившийся в Рим Октавиан был холодно встречен Ан-
тонием. Эта новая фигура во все усложняющейся поли-
тической игре была ему особенно неудобна: имя Цезаря,
которое Октавиан принял, производило магическое дей-
ствие на ветеранов. Не выдав под разными предлогами
причитавшейся юноше доли из огромных сумм, оставлен-
ных диктатором — Антоний уже привык считать их сво-
ими, — он нашел ловкий ход, который должен был ли-
шить Октавиана политической инициативы. По науще-
нию Антония ряд лиц, имущество которых конфисковал
покойный диктатор, выдвинули против Октавиана судеб-
ные иски. К тому же Октавиан мог потерять популяр-
ность в народе, так как был лишен возможности раздать
народу деньги по завещанию Цезаря.

В создавшемся трудном положении Октавиан проявил
удивительную для своих лет решительность и ловкость.
Он немедленно пустил в продажу свое имущество, а
также имущество ближайших родственников, получив та-

ким образом необходимые суммы для ведения чрезвычайно сложной и опасной политической игры. Он щедро раздал народу обещанные деньги, чем сразу же завоевал у него популярность, которая усилилась, когда им были устроены роскошные игры в память о покойном диктаторе. Круг верных и способных соратников в свите наследника Цезаря все возрастал: Октавиан обнаружил совершенно поразительное знание людей и умение ориентироваться в обстановке.

Плутарх в биографии Антония описывает, как нарастала вражда между Антонием и Октавианом: «Антоний принялся всячески унижать его и словом, и делом. Тот домогался должности народного трибуна — Антоний встал ему поперек дороги; тот выставил в общественном месте золотое кресло своего отца — Антоний угрозил заключить его в тюрьму, если он не перестанет заискивать перед народом». В этом рассказе обращает на себя особое внимание история с креслом. В конце мая или начале июня Октавиан решил торжественно выставить позолоченное кресло Г. Ю. Цезаря, которое сенат некогда ему вотировал, и диадему, от которой покойный диктатор тогда отказался, но Октавиану помешало трибунское вето. Тайный умысел его, по-видимому, заключался в том, чтобы заставить всех подумать, кто должен занять это пустующее кресло.

Отношения между Антонием и Октавианом достигли такого накала, что столкновение казалось неизбежным. По слухам, Октавиан был непрочь устранить соперника при помощи наемного убийцы. Антоний превратил свой дом в настоящую крепость, установив даже специальные пароли, как рассказывает Аппиан. Однако ветераны Цезаря, из которых в основном и состояли войска обоих соперников, заставили их примириться. Из соображений престижа и под давлением своих солдат Октавиан и Антоний оказались вынуждены до поры скрывать взаимную ненависть.

Между тем к июню 44 г. Брут и Кассий, находившиеся вблизи Рима (в Антии), убедились в том, что в создавшейся ситуации у них нет надежды вернуться в Рим и продолжить борьбу за восстановление сенатской республики. Поэтому они приняли решение направиться в Македонию и Сирию, считая себя законными правителя-

ми этих провинций, назначенных им в соответствии с распоряжениями покойного диктатора, утвержденными сенатом. Коллега Антония по консулату Долабелла, узнав об этом, поспешил с войсками на Восток и осенью 44 г. переправился в Малую Азию, чтобы изыскать дополнительные средства для борьбы с Кассием и захвата Сирии. Наместник провинции Азия Гай Требоний, один из активных заговорщиков, попытался оказать сопротивление, но был разбит. Его схватили и казнили в начале 43 года: это был первый из участников заговора, погибший в ходе нарастающей гражданской войны.

К лету 44 г. и Антонию стало ясно, что для продолжения борьбы за власть нужны большие легионы. По примеру самого Цезаря, которому он во всем стремился подражать, Антоний добился наместничества в Цизальпийской Галлии, где он мог в полном согласии с обычаями республики держать крупную армию, чтобы с ее помощью влиять на ход событий в Риме. Но эта провинция была уже занята войсками Децима Юния Брута, видного участника заговора, получившего ее благодаря все тем же распоряжениям диктатора. Сенат рассматривал Галлию как крепость, направленную против Италии, поэтому он тайно поощрял Децима Брута оказать решительное сопротивление попыткам Антония занять эту провинцию.

Используя право и империй, предоставленный ему решением народного собрания над легионами в Македонии, Антоний направил туда своего брата претора Гая Антония, чтобы тот переправил эти легионы в Италию. В начале октября 44 г. эти войска в количестве четырех легионов действительно прибыли в Брундизий. Но еще до этих событий Октавиан, опасаясь того, что останется совсем беззащитным, отправился с многочисленными соратниками, среди которых были Гай Цильний Меценат и Марк Випсаний Агриппа, в Кампанию. Там находились поселения ветеранов, созданные еще его приемным отцом. В поселениях Калатин и Казилин Октавиан встретил сочувствие и поддержку (имя Цезаря сохраняло свое магическое звучание) и смог набрать до 3000 солдат. Главная причина популярности Октавиана состояла в том, что он платил своим воинам намного больше, чем скуповатый Антоний. Постепенно Октавиан довел свою армию до 10000 человек, после чего повел их на Рим. 10

ноября его солдаты расположились на форуме Вечного города. Самому Октавиану в это время было всего 19 лет. Впоследствии, незадолго до смерти, после 44 лет единоличного правления основатель империи напишет об этих событиях в своем политическом завещании, дошедшем до нас в виде надписей (на греческом и латинском языке): «19 лет от роду я по личной инициативе и на свои частные средства собрал войско, с помощью которого вернул свободу республике, угнетенной господством заговорщиков...». Надо было обладать особо хладнокровным цинизмом, чтобы, ликвидировав республиканский строй и установив монархический режим, выставить напоказ в Риме и во всех частях империи этот беспримерный по лицемерию документ.

Узнав о прибытии легионов из Македонии, Антоний поспешил в Брундизий, чтобы успеть их принять, не без основания опасаясь, как бы их не перехватил его соперник. Прибывшим солдатам он назначил жалованье в 100 денариев. Это была небольшая сумма, с точки зрения уже достаточно развращенных профессиональных воинов. В прибывшие легионы проникли эмиссары Октавиана, усиленно агитировавшие солдат перейти на сторону наследника Цезаря. Разбрасывались листовки, где сравнивалась щедрость Октавиана и скупость Антония, и вскоре среди прибывших легионов стало нарастать возмущение. Тогда Антоний прибегнул к древнему суровому наказанию нарушителей воинской дисциплины — децимации. Он заключался в том, что каждого десятого выводили из строя, наказывали розгами и казнили после устрашающих и мрачных обрядов. Но Антоний просчитался — эта мера лишь озлобила остальных легионеров. Особую ярость солдат вызвало то, что казни совершались на глазах жены Антония Фульвии.

Набрав из вновь прибывших преторианскую когорту (личную охрану командующего, куда включались наиболее надежные и лучшие легионеры), Антоний быстрым маршем двинулся к Риму. Там он первым делом поспешил собрать сенат, чтобы высказать свои претензии Октавиану. Но перед самым входом ему сообщили, что так называемый «Марсов легион» перешел на сторону Октавиана. Пока Антоний медлил, не зная, как реагировать на эту новость, пришло еще одно дополнительное донесение: точно таким же образом Антонию изменил

четвертый легион. Потрясенный этими известиями, Антоний вошел в сенат.

С трудом удержав в повиновении оставшуюся часть войск щедрыми раздачами денег («Воины, отдававшие себя тому, кто больше заплатит, покупались как вещи на аукционе»,— пишет Плутарх в биографии Брута), Антоний двинулся на север. Кроме новобранцев, в составе его армии были два вызванных из Македонии легиона, легион ветеранов и некоторое количество вспомогательных войск вместе с преторианской когортой. У наместника Цизальпийской Галлии Децима Брута в строю состояло 5 легионов, но они были плохо вооружены и состав их был неполным. Под знаменами третьего потенциального участка надвигающейся гражданской войны Октавиана находились, помимо отпавших от Антония двух легионов, еще два некомплектных ветеранских легиона и один легион новобранцев. Позиция Октавиана в момент, когда война между Антонием и Децимом Брутом становилась неизбежной, была еще неясной.

При таком сложном соотношении сил необходимо было учитывать, на чью сторону может встать наместник Нарбоннской Галлии Лепид, располагавший четырьмя легионами, а также Мунатий Планк, стоявший в Трансальпийской Галлии с войском в три легиона. Наконец, два легиона находились под командованием Азиния Поллиона, наместника Дальней Испании. «Все эти силы, казалось, готовы были примкнуть к Антонию»,— пишет Аппиан.

Антоний действовал решительно, занимая в Цизальпийской Галлии один город за другим. Децим Брут был вынужден запереться в городе Мутина (современная Модена), надеясь выдержать осаду, пока к нему на выручку не придут войска из Македонии, собираемые Марком Брутом.

Между тем, политическая обстановка в Риме изменилась в связи с удалением Антония и его войск, которое развязало руки республиканцам. В их глазах Антоний был олицетворением опасности установления новой диктатуры цезарианского типа, которая положила бы конец самому существованию сенатской аристократической республики. Во главе республиканцев встал Цицерон, выступивший в сенате с речами против Антония, претенциозно названных им «филиппиками», в память о ре-

чах Демосфена, направленных против поработителя свободной Греции македонского царя Филиппа. Цицерон обвинял Антония в стремлении установить в Риме господство солдатни и предсказывал, что победа Антония приведет к новым насилиям, конфискациям и грабегам. Особые надежды сенат возлагал в этот момент на Октавиана, противостоящего Антонию и располагавшего к тому же значительным войском. Цицерон пылко прославлял в этот момент Октавиана, восклицая: «Какое божество подарило нам, римскому народу, этого божественного юношу?». Он не мог и подозревать, что пройдет совсем немного времени, как этот «божественный юноша» выдаст его с головой Антонию на поругание и смерть...

Положение Октавиана, избравшего Этрурию районом дислокации своих войск, было двусмысленным и неопределенным. Он обладал реальной силой и мог в этом смысле оказать влияние на сенат, который не имел военной поддержки. Но он не занимал никакого официального поста, и весь его авторитет основывался на имени, которое он носил, если не считать симпатий солдат, которые он сумел завоевать своей щедрой оплатой их службы. Поэтому он решил сблизиться с Цицероном, главой сенатской верхушки, причем посредниками выступили здесь отчим Октавиана Филипп и Марцелл, муж его сестры. Вместе с Октавианом они явились к Цицерону и условились о том, что Цицерон будет поддерживать Цезаря и в сенате, и перед народом силою своего красноречия и своим влиянием в делах государственного управления, а тот с помощью денег и войска обеспечит безопасность Цицерона. «...Юноша так подольщался к нему, что даже называл его своим отцом...», — пишет Плутарх в биографии оратора. Так сложился противоземельный союз между приемным сыном убитого диктатора и людьми, если не принимавшими непосредственного участия в заговоре, то во всяком случае поддерживавшими заговорщиков.

20 декабря сенат принял ряд решений, которые проясняли картину. Было кассировано предыдущее решение народного собрания, по которому Антонию предоставлялось наместничество над обеими Галлиями. Дециму Бруту и Мунатию Планку предписывалось удерживать свои провинции: до тех пор, пока сенат не приш-

лет новых наместников. По предложению Цицерона сенат предписал десигнированным консулам сразу же по вступлении в должность выплатить деньги Октавиану и солдатам двух отпавших от Антония легионов. В начале января 43 г. все еще шли дебаты, в ходе которых сторонники Антония в сенате стремились блокировать принятие решительных мер против него.

Консулами 43 г. стали Вибий Паңса и Авл Гирций, один из ближайших сподвижников покойного диктатора (как и Цезарь, Гирций был не только полководцем, но и литератором ему приписывают авторство восьмой книги «Комментариев о галльской войне»). Сенат не мог предоставить им войск, и Панса начал вербовку новобранцев в Италии. Гирций потребовал от Октавиана передать ему легионы, отпавшие от Антония. Это были наиболее боеспособные части.

7 января 43 г. Октавиан по специальному постановлению сената стал, наконец, официальным лицом. Текст решения сената приводит Цицерон в пятой «филиппике»: «Сенат постановил, чтобы Гай Цезарь, сын Гая, понтифик, пропретор, считался сенатором и подавал голос вместе с бывшими преторами; и ему должен оказываться такой же почет, к какому магистрату бы он ни обращался, какой должен оказываться в соответствии с законом, как если бы он в предыдущем году был квестором». Но фактически Октавиан был уравнен в правах с консулами 43 г., вместе с которыми он получил чрезвычайные полномочия.

Дебаты в сенате окончились неблагоприятно для Антония. Он был объявлен врагом отечества и вместе с ним все его войско, если оно не покинет своего полководца. Сношения с Антонием отныне должны были расцениваться как государственная измена. Одновременно сенат утвердил Марка Брута наместником Македонии и Иллирии с предоставлением ему права командования всеми римскими войсками, там находящимися. Кассию была предоставлена Сирия. Всем римским магистратам, находившимся на Востоке, было предписано выполнять приказы Брута и Кассия.

Октавиана не радовала перспектива оказаться послушным орудием сенатской политики, но в этот момент ему было невыгодно раскрывать свои карты, его главным врагом по-прежнему оставался Антоний. Он послуш-

но подчинился решениям сената, но наместники заальпийских провинций колебались. Стало ясно, что в случае успеха Антония они немедленно к нему примкнут. Пока же в письмах к сенату и Лепид, и Мунатий Планк призывали сенаторов к примирению с Антонием.

В середине января 43 г. войска сената направились на север, к Мутине. Начиналась знаменитая Мутинская война.

Вначале двинулись легионы Октавиана и Авла Гирция (Панса запаздывал с набором войск). Только к началу марта, когда войска Пансы, наконец, подоспели, обе стороны перешли к активным военным действиям. Первое же сражение обнаружило полную бездарность Пансы как полководца. Два легиона Антония столкнулись в болотистой местности с Марсовым легионом сенатских войск. Хотя воины той и другой стороны были знакомы между собой, они пылали друг к другу лютой ненавистью. Солдаты Антония упрекали сенатские войска в предательстве. Те же, напротив, обвиняли солдат Антония в измене солдатским интересам во время казней в Брундизии. Особенно ожесточенно дрались преторианские когорты Антония и Октавиана. Легионы сражались отчаянно, без военных кличей, «больше следуя собственной воле, чем приказам командующих» (Аппиан). Войска сената были оттеснены и стали отступать. Тяжело раненного Пансу отвезли в Бононию, преторианская когорта Октавиана была полностью уничтожена. Победоносные легионы Антония возвращались утомленными, но с пением победных песен, когда перед ними совершенно неожиданно появился свежий легион Гирция. Сражение произошло у Галльского рынка, и в нем войска Антония были наголову разгромлены. В следующем большом сражении 14 апреля у Мутины войска сената вновь одержали победу, но Гирций, ворвавшийся в лагерь Антония, был смертельно ранен у палатки вражеского полководца.

Сенат торжествовал победу, устроив необыкновенно пышные молебствия, длившиеся 50 дней.

По приказу сената войска обоих консулов, погибшего Гирция и умершего от ран Пансы (ходили упорные слухи, что ему был влит в рану яд по приказу Октавиана), должны были быть переданы Дециму Бруту: ему же поручалось преследование остатков армии Антония.

Стало ясно, что сенат питает недоверие к Октавиану. Но и четвертый, и Марсов легионы отказались перейти к Дециму Бруту. Ему досталось лишь новобранцы Пансы, да и те, по-видимому, не все. Разумеется, все это произошло не без тайной агитации друзей Октавиана, сумевшего таким образом сохранить вполне боеспособное войско. Двинувшуюся на север армию Антония, снявшего осаду Мутины, сенатские войска оказались не в состоянии преследовать.

Успешно шли дела сенатской партии и на Востоке. Брут в Македонии нанес поражение легиону, которым командовал Гай Антоний, и постепенно армия Брута увеличилась до шести легионов. В Сирии Кассий сумел переманить на свою сторону войска, посланные против него Долабеллой, и после взятия Лаодикеи и самоубийства Долабеллы у Кассия оказалось до 12 легионов.

Остатки армии Антония двигались к Альпам. Цель Антония состояла в том, чтобы соединиться с войсками Лепида, другого видного цезарианца. На его помощь Антоний особенно надеялся, оказав ему в свое время немалые услуги. В походе войска Антония терпели лишения, голод и холод, но когда они приблизились к лагерю Лепида, обнаружилось, что тот вовсе не склонен проявлять участие в судьбе Антония. Тогда Антоний вступил в переговоры с легионерами Лепида через голову их полководца, не пользовавшегося авторитетом у своих солдат. Многие в лагере Лепида обещали Антонию поддержку, особенно солдаты 10 легиона, некогда воевавшего под его командованием. Антоний форсировал реку, отделявшую его войска от лагеря Лепида, и без всякого сопротивления овладел им.

Лепида Антоний пощадил. О том, как встретились оба полководца, рассказывает Аппиан: «Лепид как был, без пояса, вскочил с постели... Он обнял Антония и стал оправдываться неизбежностью сложившихся обстоятельств. Некоторые даже уверяют, будто он упал на колени перед Антонием, как человек нерешительный и робкий». Сам Аппиан этим слухам не доверяет, полагая, что Лепид не совершил ничего, что могло бы вызвать гнев Антония. Как бы то ни было, за Лепидом остался титул «императора» и право командования войсками, хотя фактически с этого момента армией Лепида стал командовать Антоний, «Итак, поднявшись на ноги и вы-

прямившись во весь рост, Антоний перевалил через Альпы и повел на Италию 17 легионов пехоты и 10000 конницы», — пишет Плутарх в биографии Антония. Децим Брут, не сумевший организовать сопротивления, пытался переправиться в Македонию, но был покинут своими солдатами. Какой-то галльский князек захватил его в плен, сообщив об этом Антонию, который приказал его казнить. Так погиб еще один из вождей заговора против Цезаря.

При известии о движении войск Антония в Риме произошла поразительная и неожиданная перемена, пишет Аппиан. Сторонники Антония подняли голову. Сенат спешно направил послов к Бруту и Кассию, призывая их оказать поддержку общему делу. Из Африки были вызваны войска, считавшиеся верными сенату.

Положение Октавиана, находившегося со своей армией на севере Италии, резко изменилось. Сенат стал униженно заискивать перед ним, но теперь условия мог диктовать он сам. Среди своих солдат он искусно подогревал недовольство, напоминая, что сенат до сих пор не выплатил им обещанных наград. Однако на требования Октавиана сенат отвечал уклончиво, одновременно пытаясь (очень неловко) переманить его легионы на свою сторону. В конце концов Октавиан открыто обвинил сенат в заговоре против него, обратившись к своему войску. Легионы с энтузиазмом поддержали своего полководца, и в Рим была направлена представительная делегация в составе 400 центурионов, которые потребовали предоставления консульской власти своему командиру. Ссылаясь на его молодость, сенаторы с явным неудовольствием отклонили эти требования, и тогда центурион Корнелий, вытащив наполовину меч из ножен, хлопнул по нему рукой и заявил пораженным сенаторам: «Если вы не дадите ему консульства, то это даст!». Рассказав об этом эпизоде, Светоний далее сообщает, что делегация покинула Рим, ничего не добившись. Упорство сенаторов объяснялось тем, что они рассчитывали на поддержку войск Брута и Кассия, находившихся на Востоке, а также на войска, находившиеся в Риме. Впрочем, как показали дальнейшие события, ясного понимания обстановки у сената не было, что привело к тяжелым последствиям.

После четырехмесячного вынужденного бездействия

(с мая по август 43 г.) Октавиан, перейдя Рубикон, как это некогда сделал его приемный отец, быстро двинул свои легионы на Рим. Там началась паника, но к этому времени из Африки прибыли два легиона, и сенаторы решили, что сами «боги побуждают их к борьбе за свободу», как пишет Аппиан, рассказывая об этих событиях. В распоряжении сената оказались три легиона (считая и тот, который оставил в Риме Панса).

Подойдя со своими войсками к городу, Октавиан выслал к встревоженному населению эмиссаров, предлагая сохранять спокойствие. Навстречу армии Октавиана поспешили некоторые представители знати, заискивая перед наследником Цезаря: стекался и простой народ, восхищаясь воинской выправкой и дисциплиной его легионеров, напоминавшей старые добрые времена.

Легионы сената перешли на сторону Октавиана, а сам он всячески показывал, что никому не желает мстить. Государственные деньги, обнаруженные в казне, он разделил между солдатами, выдав каждому по 2500 денариев и пообещав позже отдать остальное. После этого он покинул Рим в ожидании, когда будут избраны новые консулы. Как он и рассчитывал, одним консулом был избран он сам, другим стал его родственник Квинт Педий (он был сонаследником Октавиана по завещанию Цезаря и добровольно отдал ему свою часть, когда тот особенно нуждался в средствах). Став консулом, Октавиан прежде всего проделал все обряды, которых требовали обычаи, для включения его в род и семью покойного диктатора, тем самым продемонстрировав римлянам свое уважение к традициям. Квинт Педий провел через народное собрание особое постановление, по которому все убийцы Цезаря привлекались к судебной ответственности. Участники заговора были заочно осуждены, Брут и Кассий объявлены вне закона и смещены со своих постов в провинциях. Октавиану было «разрешено» провести новые наборы войск, ему же поручалось довести до конца войну против Антония и Лепида. Сенат не посмел воспротивиться всем этим постановлениям.

Но еще задолго до этих постановлений, действуя с редким коварством и хитростью, Октавиан вступил в тайные переговоры с Антонием и Лепидом и, по всей видимости, заключил с ними соглашение: его заставили это сделать двадцать легионов, собранных Брутом и Кас-

сией на Востоке. О нем никто не узнал, пока Октавиан не покинул Рим со своими войсками. После этого второй консул выступил перед сенатом с требованием отменить все решения, направленные против Антония и Лепида. Лишенный возможности сопротивляться, сенат послушно все утверждал.

Октавиан немедленно известил своих бывших противников о благоприятном для них решении сената, и те ответили ему дружественными письмами. К этому времени к армии Антония присоединились войска Мунатия Планка, а несколько позже — Азиния Поллиона.

Встреча Октавиана, Антония и Лепида произошла близ Мутины, на маленьком острове, посредине реки Лавинии. По обеим сторонам реки встали по пять легионов с той и другой стороны. К островку были наведены мосты, и по ним, оставив по 300 человек охраны, перешли полководцы и стали там совещаться. В итоге двухдневных совещаний они пришли к следующим соглашениям. Октавиан слагал с себя консульское звание, зато учреждалась новая магистратура, равная по значению консульской, «для приведения в порядок государственных дел». Ее должны были занять на пять лет трое: Октавиан, Антоний и Лепид. Рассказывая об этом совещании, Аппиан добавляет, что триумвиры хотели избежать одиозного термина «диктатура». Союзники поделили между собой управление провинциями. Антоний получал обе Галлии (к чему он издавна стремился), Лепид — область, прилегающую к Пиренеям вместе с Испанией, Октавиан — Африку, Сардинию и Сицилию. Италия осталась в совместном управлении триумвиров.

Вести войну с Брутом и Кассием должны были Октавиан и Антоний (отсюда видно, что во втором триумвирате роль Лепида была подчиненной). Лепиду оставлялись три легиона для охраны порядка в Риме, где он должен был на следующий год занять должность консула. Остальные его легионы поделили между собой Октавиан и Антоний, так что у каждого из них образовалось войско из 20 легионов. С этими войсками им предстояло отправиться на Восток против армии республиканцев.

В награду за службу войскам триумвиров были обещаны земли в Италии. Для этой цели выделялись 18 италийских общин, обладавших лучшими землями, ко-

торые теперь должны были быть конфискованы триумвирами. Чтобы придать всем этим действиям видимость законности, была учреждена новая магистратура «триумвиров с консульской властью для устройства государства», которые официально вступали в должность с 1 января 42 г. Сложился второй в истории Рима триумvirат, участники которого решили прежде всего расправиться со своими противниками. Ни Октавиан, ни тем более Антоний не собирались подражать великодушию покойного диктатора. Были составлены проскрипционные списки лиц, подлежащих немедленному уничтожению. В них заносились не только противники триумвиров, но и просто богатые люди: новые правители нуждались в деньгах, пишет Аппиан. Всего было приговорено к смерти с конфискацией имущества 300 сенаторов (по другим сведениям, 130) и 2000 всадников, среди которых находились ближайшие родственники и друзья триумвиров. Как сообщает Аппиан, «первым из приговаривающих к смерти был Лепид, а первым из приговоренных — Павел, брат Лепида, вторым из приговаривающих к смерти был Антоний, а вторым из приговоренных — дядя Антония, Луций. ...Они были поставлены на первом месте, впереди остальных, не столько ввиду их значения, сколько для возбуждения страха и лишения надежды на возможность спасти кого-нибудь...» Проскрипционные списки были выставлены ночью во многих частях города; было приказано также приносить головы убитых триумвирам. Всякий, укрывший проскрибированного, подлежал смерти, обыски производились в домах без разрешения хозяина. Напряженность обстановки и ужас, охвативший Рим, были таковы, что Кв. Педий, коллега Октавиана по консулату, умер «от утомления», как пишет Аппиан. «И вот тотчас же как по всей стране, так и в Риме, смотря по тому, где каждый схвачен, начались многочисленные аресты и разнообразные способы умерщвления. Отсекали головы, чтобы можно было их представить для получения награды, происходили позорные попытки к бегству, переодевания из прежних пышных одежд в непристойные. Одни спускались в колодцы, другие в клоаки для стока нечистот, третьи — в полные копоты дымовые трубы под кровлей... Некоторые сидели в глубочайшем молчании под сваленными в кучу черепицами крыши. Боялись не меньше, чем убийц, одни —

жен и детей, враждебно к ним настроенных, другие — вольноотпущенников и рабов, третьи — своих должников и соседей, жаждущих получить их поместья...». Ужасы проскрипций триумвиров, по мнению Аппиана, превосходили все, что видел до этого Рим при Сулле и Марии. Одним из первых погиб Цицерон. Голова его была доставлена Антонию, который держал ее на своем обеде за столом, наслаждаясь этим отвратительным зрелищем. Те, кто смог ускользнуть от убийц, бежали к Бруту и Кассию на Восток, многих подбирали корабли Секста Помпея, крейсировавшие вдоль берегов Италии: им предоставлялись кров и пища.

Для расчетов с солдатами и продолжения войны триумвирам нужны были крупные суммы, поэтому вводились дополнительные налоги: владельцы поместий и недвижимой собственности обязаны были выплатить половину годового дохода, определявшегося в значительной степени произвольно. За каждого раба хозяин был обязан уплатить особый налог. Представители имущих слоев общества, в том числе одинокие женщины, должны были внести в казну в качестве единовременного налога сумму, равную их годовому доходу, и вдобавок еще 2% стоимости их имущества. В результате подобных экспроприаций финансы и торговля Италии пришли в полное расстройство, исчезали наличные деньги, зарывавшиеся в виде кладов. Никто не чувствовал себя в безопасности. В то время, как в Италии происходили эти события, Брут и Кассий на Востоке спешно собирали силы и изыскивали средства для предстоящей войны. Подчинив Сирию, Кассий собирался двинуться на Египет, но известия, полученные от Брута о готовящейся переправе войск Октавиана и Антония, заставили его отказаться от этого плана. Встретившись в Смирне, Брут и Кассий решили жестоко наказать города Малой Азии, уклонявшиеся от выполнения требований республиканцев. Особенно жестоко расправились они с Тарсом. Были наказаны и родосцы за отказ выплатить огромные суммы — флот Кассия захватил остров, и с его жителей была взыскана огромная контрибуция, дотла разорившая некогда цветущую торговую республику. Брут оккупировал Ликию, после чего вожди римских республиканцев обязали все народы Малой Азии в течение 10 лет платить специальный налог. Такими крутыми мерами

исыскивались средства для создания огромной армии (за два неполных года Брут и Кассий выбрали свыше 20 легионов пехоты, около 20000 всадников и свыше 200 военных кораблей).

В западной части Средиземноморья господствовал флот Секста Помпея, сына знаменитого полководца, бывшего вождя сторонников аристократической республики. Триумвиры внесли имя Секста Помпея в списки проскрибированных, но он был для них недосягаем. Его отряды и эскадры вели смелые боевые действия против триумвиров и одерживали успехи, особенно в морских сражениях. Он захватил Сардинию, а затем оккупировал всю Сицилию, создав там собственное государство. Сюда со всех концов огромной Римской державы стекались республиканцы, беглые рабы, все, кому угрожала опасность. Флот Секста Помпея блокировал все побережье Италии и причинял немалые заботы триумвирам.

Положение осложнялось еще и тем, что в Восточном Средиземноморье триумвирам угрожал флот республиканцев под командованием Стация Мурка, к которому, по приказу Кассия, вскоре присоединился со своей эскадрой Домиций Агенобарб. Но действия республиканских адмиралов были нерешительны, и они не сумели помешать переправе войск триумвиров, высадившихся в Эпире. Сами Брут и Кассий также проявили недопустимую медлительность и вовремя не прибыли с войсками в Эпир, чтобы помешать развертыванию армий противника. Это были серьезные тактические ошибки республиканцев.

Авангард армии Октавиана и Антония под командованием Децидия Саксы и Гая Норбана в количестве 8 легионов пехоты прошел Македонию и углубился во Фракию. Навстречу войскам триумвиров двигались армии Брута и Кассия, переправившиеся из Абидоса в Сест. Неподалеку от города Филиппы, близ горы Символ, расположился авангард Норбана, но Брут и Кассий двинулись в обход и заставили Норбана отступить с этой позиции. На помощь Норбану быстро подоспел со своими легионами Антоний, через 10 дней подошли и легионы Октавиана. Сам Октавиан был болен, и его несли на носилках (сказывалось смертельное напряжение последних месяцев).

Войска Брута и Кассия расположились в двух от-

дельных лагерях, на расстоянии около полутора километров друг от друга.

Традиция, установившаяся в ходе гражданских войн, заставляла каждого полководца и политического деятеля дорожить своими вооруженными силами, как единственной реальной опорой и гарантией собственной безопасности, а также возможности продолжать политическую деятельность в возникающих кризисных ситуациях. Эта традиция четко проявилась как в лагере цезарианцев, так и у республиканцев. Лагерь Брута и лагерь Кассия, связанные общей линией укреплений, были расположены на высоких холмах, и равнина, простиравшаяся внизу, была удобна для того, чтобы дать сражение наступающим войскам цезарианцев. Важно также отметить, что и снабжение продовольствием в войске республиканцев было налажено лучше. Численность войск с той и другой стороны была примерно равна и составляла у каждого из противников по 19 легионов. Зато войска триумвиров состояли из опытных, испытанных в боях ветеранов, в то время как у Брута и Кассия высшие командные должности занимали молодые люди из аристократических фамилий, не имевшие опыта боевых действий. В лагере триумвиров главную роль играл Антоний, прошедший школу военного искусства в армии Цезаря. Октавиан же особыми полководческими способностями не отличался. Положение в лагере триумвиров осложнялось недоверием Октавиана к Антонию: давали себя знать вражда и соперничество в борьбе за политическое наследство покойного диктатора. У республиканцев главную роль играл Кассий, имевший солидный опыт командования войсками, хотя ему не доставало умения быстро ориентироваться в обстановке из-за чрезмерного педантизма.

Боевые действия при Филиппах, происходившие осенью 42 г. до н. э., распадаются на два сражения, отделенные друг от друга 20 днями. Ход первого сражения наши источники (в основном Аппиан и Плутарх) рисуют сходным образом. Сражение было начато по инициативе Брута, войска которого напали на лагерь Октавиана. Легионы триумвира не ожидали такой атаки, вначале полагая, что это простая вылазка. Эффект внезапности принес войскам Брута крупный успех. Лагерь Октавиана был захвачен, и сам Октавиан лишь по

счастливой случайности избежал плена. В результате такой успешной атаки центр армий Брута значительно потеснил противника, которому был нанесен жестокий урон. Но Кассий проявил непонятную медлительность и дал окружить себя правому флангу противника. При этом маневре конница Кассия обратилась в бегство. Плохая связь между обоими республиканскими полководцами сыграла здесь роковую роль, и Антонию удалось овладеть лагерем Кассия. Узнав о том, что произошло, Брут поспешно бросил на помощь Кассию отряд всадников, но тот принял его за вражеский. Плохо представляя себе, что происходило на фланге, которым командовал Брут, решив, что Брут потерпел поражение, Кассий покончил жизнь самоубийством. Его гибель повлекла за собой чрезвычайно тяжелые последствия для армии республиканцев, лишившейся самого опытного полководца.

Вскоре Брут оказался вынужденным очистить лагерь Октавиана. Обе стороны в ходе сражения несли огромные потери, борьба приняла крайне ожесточенный характер. Стремясь поднять дух своих солдат, Брут пообещал раздать им по 2000 денариев: в этих деньгах особенно были заинтересованы воины Кассия, потерявшие свое имущество, когда их лагерь был захвачен. Точно так же поступил и Антоний, пообещав своим солдатам по 20000 сестерциев и еще большие суммы офицерам.

Войска Брута перегруппировались и придвинулись к лагерю Кассия (только теперь Брут понял все преимущества позиции, которую тот занимал). Антоний также произвел перегруппировку своих войск. Следующую ночь Брут потратил на восстановление лагеря Кассия, хотя в этом не было прямой необходимости.

После ряда обходных маневров, предпринятых войсками триумвиров, было дано второе сражение и вновь по инициативе Брута. Республиканских офицеров особенно воодушевило известие о победе их флота, разгромившего транспорты противника, которые везли подкрепления (в их числе были Марсов легион и преторианская когорта Октавиана). Это второе сражение Антоний выиграл. С оставшимися 4 легионами Брут отступил в сторону гор и, не надеясь на верность оставшихся войск, ночью покончил с собой. Оставшееся без полководца войско Брута перешло на сторону триумвиров

(оно насчитывало, согласно данным Аппиана, около 14000 человек) и было распределено по их войскам.

Подводя итоги битве при Филиппах, Аппиан замечает: «Таким образом, Цезарь и Антоний благодаря их отваге, не останавливающейся ни перед какими опасностями, посредством всего лишь двух сухопутных сражений совершили величайшее дело, подобного которому до того никогда не бывало...». Такая оценка, представляющая битву при Филиппах событием мирового значения, в принципе справедлива. Неверно лишь оценена роль Октавиана, ибо практически он в этой битве не принимал участия по болезни.

После победы при Филиппах Антоний и Октавиан совершили торжественное богослужение и воздали публичную хвалу своим победоносным легионам. Победители перераспределили между собой провинции. Сфера власти Марка Эмилия Лепида еще более сократилась. Антоний был вознагражден Нарбонской Галлией, отнятой у Лепида, за которым оставалась лишь Африка. Испания была передана Октавиану, Сицилию и Сардинию предстояло отнять у Секста Помпея. Все это было скреплено в форме письменного соглашения, под которым оба триумвира поставили свои подписи и печати. Затем Октавиан направился в Италию с ветеранами, которым он должен был раздать земли. Антоний же отправился на Восток, чтобы изыскать там деньги для уплаты солдатам.

Ветераны, срок службы которых вышел, были отпущены, кроме 8000, изъявивших желание остаться на дополнительный срок (все они были зачислены в преторианские когорты). По данным Аппиана, Антоний получил для похода на Восток 6 легионов и 10000 всадников, Октавиану были оставлены 5 легионов и 4000 всадников. Но из предоставленных ему легионов два он отдал Антонию, получив взамен войска, которые Антоний оставил в предгорьях Альп под командованием Квинта Фуфия Калена.

Всего отпущенных по домам ветеранов было 28 легионов (около 170000 человек). Наделение их земель происходило за счет 16 итальянских общин, жители которых бурно, но безрезультатно протестовали против экспроприации их земельной собственности. В эти ме-

сяцы Италия напоминала завоеванную страну, а устроители колоний — наместников провинций. В ходе этих конфискаций потерял свои земли и Вергилий, лишились своих имений поэты Тибулл и Проперций. Октавиан вернул Вергилию отобранное имение, и тот воспел его в первой эклоге как молодого бога, вернувшего Италии спокойствие и благосостояние. Славословие это оказалось, однако, преждевременным: в ходе Перузинской войны между сторонниками Октавиана и Антония поэт был вновь силой изгнан из своего поместья и едва не погиб от руки какого-то центуриона. Вергилий отправился в Рим, и при содействии Мecenата ему удалось опять вернуть себе имение.

В стране сложилось исключительно тяжелое положение. Возбужденное конфискациями, чрезвычайными налогами и контрибуциями, население Италии пришло в движение. За отобранные земли триумвиры должны были заплатить, но цены на земельные участки назначались произвольно. Участки отбирались задешево, но даже эти деньги триумвиры не могли заплатить: их просто не было. Солдаты, не удовлетворяясь полученным, грабили соседей. Наряду с кровопролитными стычками между старыми и новыми землевладельцами, стали учащаться выступления городского плебса. Жизнь в городах была дезорганизована, ремесла приходили в упадок, торговля замирала вследствие общего неустойчивого положения, созданного гражданскими войнами. снабжение Рима и итальянских городов было нарушено из-за блокады Италии флотом Секста Помпея, а сельское хозяйство самой Италии в условиях беспрестанных гражданских войн не давало товарного зерна. Беспорядки в городах, вызванные непрерывным ростом цен, вынудили Октавиана пойти на уступки бедноте, была ограничена квартирная плата, но это мало помогло.

Трудностями, перед которыми оказался Октавиан в своей внутренней политике, воспользовались его противники, во главе которых встала Фульвия, жена Марка Антония, и брат триумвира Луций Антоний. С 1 января 41 г. он занял должность консула и стал использовать свое положение для консолидации сил противников Октавиана. По всей вероятности, это происходило не без ведома самого Марка Антония, находившегося в это время на Востоке. Аппиан упоминает о переписи

ске Фульвии с мужем, но о содержании ответных писем Марка Антония ему ничего не известно.

Между тем, увлеченный романом с прекрасной египетской царицей Клеопатрой, Антоний, однако, внимательно следил за тем, что происходило в Италии. Его сторонники, обращаясь к римскому плебсу, старательно распространяли слухи, будто он готов сложить с себя звание триумвира и восстановить древнее республиканское устройство государства. Оживленная пропаганда в пользу Марка Антония велась среди солдат и ветеранов, у которых его имя, как победителя при Филиппах, было все еще популярным.

В легионах, расквартированных в Италии, как принадлежавших Октавиану, так и находившихся под командованием офицеров Антония, были сильны, однако, примирительные настроения. Два легиона, стоявшие в Анконе, потребовали от Октавиана, чтобы он примирился с Луцием и все споры разрешил на суде. Примирения все же не состоялось, и военные действия между войсками Луция Антония и армией Октавиана начались. Перевес сил был на стороне Луция, но Октавиан ожидал прибытия Сальвидиена, двигавшегося с 6 легионами из Испании на помощь.

В ходе военных действий Рим занимали поочередно то Луций, то Октавиан. Заняв Рим, Луций добился от народного собрания, чтобы Октавиан и Лепид были объявлены вне закона. Но как только город заняли войска Октавиана, врагом был объявлен — все тем же народным собранием — консул Луций Антоний...

С прибытием войск Сальвидиена перевес явно склонился на сторону Октавиана. Два его полководца, Сальвидиен и Агриппа, оказались на флангах армии Луция, который поспешно отступил в Перузию (ныне Перуджа), поэтому война получила название Перузинской. Октавиан осадил город, а двигавшиеся на помощь Луцию легионы Азиния Поллиона и Вентидия Планка (офицеров Марка Антония) были отогнаны Агриппой, сумевшим оттеснить их к северу. В конце концов жестокий голод заставил осажденных капитулировать, в начале февраля 40 г. до н. э. Октавиан особенно жестоко обошелся с жителями Перузии. «Триста человек из числа капитулировавших того и другого сословия были зарезаны у алтаря Божественного Юлия, воздвигнутого

в Мартовские иды, наподобие жертвенных животных» (Светоний, Август). Но Луций Антоний был помилован Октавианом вместе со своими войсками. Это было уступкой Марку Антонию, с которым Октавиан в этот момент не хотел окончательно порывать. Перузинская война была закончена Октавианом «малой кровью», как отмечает Тит Ливий.

Находясь на Востоке в ореоле славы победителя при Филиппах, Марк Антоний вел себя как всемогущий повелитель мира. Цари и династы угождали ему и заискивали перед его офицерами. В числе прочих была приглашена на встречу с Антонием египетская царица Клеопатра, возлюбленная покойного диктатора. Плутарх, не жалея красок, так описывает эту романтическую встречу, которая произошла в Киликии, в городе Тарсе: «Царица отправилась на корабле с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшейся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица поконилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какой изображают ее живописцы, а по обеим сторонам лежа стояли мальчики с опахалами, будто Эроты на картинках... Дивные благоухания исходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам» (Плутарх, Антоний).

Клеопатра была не только красивой женщиной, но обладала еще и большим личным обаянием, знала языки и литературу. Антоний был очарован восточной царицей. Главным, вероятно, было то, что он и в любовных приключениях хотел стать достойным преемником Цезаря. При его грубой и пошловатой манере, в которой он копировал старшего Цезаря, ему особенно импонировала роль любовника Клеопатры. Как отмечает Плутарх в указанной биографии, эта страсть оказалась роковой для Антония.

Проведя некоторое время за устройством сирийских дел, где в это время усилилось парфянское влияние, Антоний поспешил к Клеопатре в Александрию. Но уже в первые месяцы 40 г. ему пришлось вернуться к сирийским делам в связи с новым вторжением парфян в Сирию. Они захватили там большие города, Апамею и Антиохию. Легат Антония Децидий Сакса был разбит и погиб. Антоний решил сам взять на себя оборону Сирии,

но в это время тревожные события в Италии, где в ходе Перузинской войны его сторонники потерпели поражение, заставили его срочно отплыть из Александрии в Италию с огромным флотом в 200 кораблей.

Война между Антонием и Октавианом в этой ситуации казалась неизбежной. К Антонию примкнули все недовольные политикой его соперника, все пострадавшие от конфискаций и налогов, а также республиканцы, сторонники все еще сохранявшейся сенатской партии. С Антонием вступил в переговоры Секст Помпей, пообещавший ему помощь в борьбе против Октавиана. Флот Антония блокировал порт Брундизий, в то время как пиратские суда Помпея жгли и грабили прибрежные города и селения Италии. В этой напряженной обстановке легионы вновь решили взять в свои руки судьбы Италии и мира.

Под давлением солдатских масс Антоний и Октавиан пошли на переговоры, местом для которых был избран Брундизий. Интересы Октавиана представлял его испытанный дипломат и близкий друг Гай Цильний Меценат, интересы Антония — его полководец Азиний Поллион. В результате переговоров осенью 40 г. до н. э. был заключен Брундизийский договор на следующих условиях. Тогдашний цивилизованный мир был поделен на две части по линии, проходившей с севера на юг через иллирийский город Скодру: Антонию достался Восток, Октавиану — Запад. Лепиду оставлялась Африка, но свои легионы он уступил Антонию, нуждавшемуся в солдатах для похода против парфян. Часть своих войск, находившихся под командованием Фуфия Калена, отдал Антонию и Октавиан. Договор был скреплен династическим браком: сестра Октавиана Октавия стала женой Антония, вместо умершей Фульвии.

В этом соглашении интересы Секста Помпея не были приняты во внимание, и последствия сразу же дали себя знать. Продолжавшаяся блокада побережья флотом Секста Помпея и надвигавшийся на Италию голод вынудили триумвиров вступить в переговоры, местом которых был избран Мисенский мыс. К небольшому островку Энария, находящемуся напротив Мисенского мыса, прибыл на роскошной галере Помпей с большой эскадрой. Оттуда флот Помпея подплыл к Путеолам, небольшому поселению на Мисенском мысе. «С рассветом вбили

посреди моря на небольшом расстоянии колья, настлали на эти колья доски, и из устроенных таким образом двух настилов на тот, который был сооружен со стороны суши, взошли Цезарь и Антоний, а на обращенный к морю — Помпей и Либон, причем их разделял небольшой проток, так что можно было слышать друг друга, не прибегая к крику». Так рисует обстановку переговоров Аппиан. В результате Мисенского соглашения 39 г. Помпей был признан властителем Сицилии, Сардинии, Корсики и Южной Греции. В свою очередь, Помпей обязался обеспечить мир и свободу торговли в западной части Средиземноморья и самое главное — обеспечить бесперебойную доставку зерна в голодающие города Италии. Он обязался также не принимать беглых рабов, но те из них, кто служили на кораблях Помпея, получали свободу. Лично Помпею было обещано вознаграждение за имущество, конфискованное Цезарем у его отца, Гнея Помпея. Лицам, бежавшим к нему из числа внесенных в проскрипционные списки, было обещано прощение и возврат одной четверти имущества (амнистия не распространялась лишь на тех, кто принимал непосредственное участие в убийстве Гая Юлия Цезаря). Текст договора был отослан на хранение в Рим, в храм богини Весты. Октавиан ни на мгновение не принимал всерьез этого соглашения, и отзвук этих настроений доносят до нас слова Тацита в «Анналах» о Помпее, обманутом «призрачным подобием мира».

В начале 38 г. Октавиан решил, что настало время окончательно расправиться с Секстом Помпеем, создавшим государство «пиратов и рабов», как единодушно полагали богатые рабовладельцы Италии и Рима. Помпей, со своей стороны, ясно понимал неизбежность войны: строил корабли, вербовал гребцов и открыто заявлял своему окружению, что «надо быть готовым ко всему» (Аппиан).

Начало враждебных действий между триумвирами и Секстом Помпеем было положено переходом одного из самых видных адмиралов Помпея Менодора на сторону Октавиана, которому он сдал Сардинию вместе с гарнизоном и флотом. Поначалу война шла без особых успехов для Октавиана: его флот значительно уступал в количественном и качественном отношении флоту Помпея, а два других триумвира отнюдь не пылали жела-

нием оказать своему союзнику действенную помощь. Только благодаря дипломатическому искусству Мецената Октавиану удалось добиться от Антония обещания предоставить корабли в обмен на сухопутные войска. Но когда Антоний во главе огромного флота появился перед Брундизием, его не впустили в гавань и он был вынужден пристать в Таренте: по-видимому, Октавиан расценил такую демонстрацию силы как прямую угрозу своему господству в Италии. Вновь накалившиеся отношения грозили перейти в открытое столкновение, но инициативу переговоров на этот раз взяла на себя Октавия, сестра Октавиана и жена Антония. В результате достигнутого соглашения Антоний обещал Октавиану 100 кораблей с медными таранами (Октавия позже выпросила для брата еще 20), а тот уступал Антонию два легиона для войны с парфянами. Помимо этого, триумвиры, теперь уже не прибегая даже к формальному утверждению своих решений в народном собрании, продлили свои полномочия триумвиров еще на пять лет, до конца 33 года. Но отныне Октавиан имел возможность уничтожить своих противников, значительно менее расчетливых и проницательных, чем он, поодиночке, начав с Секста Помпея.

К решающим сражениям Октавиан готовился больше года. Строились корабли, готовились экипажи и капитаны: центр тяжести в войне должен был перенестись на море. Командующим армией Октавиана был назначен Марк Випсаний Агриппа, опытный полководец и личный друг Октавиана. Для тренировки гребцов строилась искусственная гавань в Байях, для чего пришлось соединить Азернское и Лукринское озера. Новая гавань получила название Юлианской. В ней были оборудованы большие доки, которые могли принимать военные суда для ремонта. Когда флот был готов, богам были принесены очистительные жертвы на алтарях, поставленных на берегу, в присутствии экипажей кораблей, стоявших в глубоком молчании. Часть жертв была сожжена на берегу, часть брошена в море (Аппиан). Общий срок отплытия всех эскадр, в том числе и эскадры Лепида, которая должна была прибыть из Африки, назначался Октавианом на июль 36 г. (так стал называться римский месяц Квинктилий в честь покойного диктатора).

Готовился к войне и Секст Помпей, но принимая

лишь оборонительные меры. По меткому замечанию Аппиана, Помпей «вследствие какого-то ослепления никогда не нападал на врагов, хотя для этого часто представлялся благоприятный случай, но только оборонялся».

В начале июля Октавиан и Агриппа vyplыли из Путеол, но начало кампании оказалось неудачным. Корабли попали в шторм, и многие суда погибли. Другой адмирал Октавиана, Тавр, выплывший с 130 кораблями из Тарента, не осмелился самостоятельно начать операции и вернулся в гавань. Лепид, выплывший из Африки с 70 кораблями и 12 легионами, повел операции более успешно и осадил офицера Помпея — Гая Пленния в Лилибее, в Сицилии. Энергичными мерами Агриппа вновь собрал корабли Октавиана и вместе с флотом Стаилия Тавра дал бой Помпею у мыса Милы. Помпеянцы потерпели поражение — сказалась длительная тренировка экипажей Октавиана. Кроме того, тяжелые корабли триумвира оказались не столь чувствительными к таранным ударам, как легкие корабли Помпея, а в абордажных схватках чаще побеждали воины Октавиана.

Победа Агриппы у мыса Милы не была решающей, Помпей сумел сохранить свои основные силы. Дальнейшие сражения продолжались с переменным успехом. Во время одного из сражений Октавиан оказался в смертельной опасности, он едва спасся, а корабли его были сожжены.

Центр тяжести борьбы постепенно переносился на сушу, на территорию Сицилии, где Лепид захватил прочный плацдарм у Лилибея. Агриппа взял неподалеку от мыса Милы маленький городок Тиндариду, и здесь Октавиан высадил большой десантный корпус, состоявший из 21 легиона пехоты и более чем 20000 всадников. Перед этими войсками была поставлена задача очистить от врага северное побережье Сицилии и соединиться с войсками Лепиды.

Положение Помпея резко ухудшилось. Для него оставался последний шанс — выигрыш морского сражения, после которого он смог бы отрезать войска Октавиана в Сицилии и обеспечить переход стратегической инициативы к помпеянкам. Такое сражение действительно произошло 3 сентября 36 г. близ мыса Милы.

Несмотря на то, что помпеянцы сражались с отчаянием обреченных, они потерпели сокрушительное поражение, решившее исход всей войны. Полководцы и адмиралы Помпея спасались, кто как мог. Часть его флота перешла на сторону Октавиана. Сам Секст Помпей, погрузив семью и имущество на корабль, бежал на Восток, надеясь найти у Антония если не поддержку, то, по крайней мере, сочувствие. Вскоре, однако, повинаясь всегда владевшему им духу авантюры, он набрал новое войско и решил попытать счастья на Востоке. План этот провалился, и в конце концов Помпей сдался царю Аминте во Фригии. Его доставили в Милет и там казнили по приказу Антония. Так окончилась жизнь и политическая карьера того, с чьим именем многие связывали свои надежды на восстановление «свободной республики», хотя и он, по-видимому, добивался того же, что и его соперники, — единоличной власти.

Почти одновременно с Секстом Помпеем из большой политической игры выбыл Марк Эмилий Лепид, чей авторитет все эти годы неуклонно падал.

Бегство Помпея после битвы у мыса Милы сделало неминуемым падение Мессаны, служившей главным опорным пунктом войск Помпея в Сицилии. Под этим городом стояли войска Октавиана и Лепида. Последний, располагая 14 легионами, вступил в переговоры с гарнизоном Мессаны и, добившись успеха, занял город, разграбив его вместе с помпеянами, перешедшими на его сторону. Располагая теперь огромным войском, Лепид решил овладеть всей Сицилией, заняв с этой целью стратегически важные проходы и приказав своим офицерам не пропускать войска Октавиана. Но в его войсках уже с большим успехом вели агитацию вражеские агенты, Лепид же по своей беспечности не обратил на это внимания. Когда Октавиан, взяв с собой отряд всадников, явился к нему в лагерь, солдаты восторженно приветствовали его там как императора, и вскоре многие из них, захватив с собой знамена, перебежали в лагерь противника. Лепид попытался оказать сопротивление, но безрезультатно; все его войска перешли на сторону Октавиана (конец сентября 36 г.). Солдаты хотели даже убить Лепида, но Октавиан решительно воспротивился этому (он понимал, что этот человек опасен для него не представляет). Лепиду была оставлена

жизнь, имущество и сан верховного понтифика. Разумеется, от полномочий триумвира ему пришлось отказаться, как и от провинции, ранее им занимаемой. Отныне он удалился в частную жизнь и был интернирован в небольшом городке Лациума, в Цирцеях.

Наложив огромную контрибуцию на Сицилию в размере 1600 талантов (легионеры требовали денег, а услуги солдат должны были еще понадобиться), победоносный наследник Цезаря двинулся в Рим. Раболепствующий сенат воздал ему «безмерные почести» (Аппиан), из которых он, однако, принял не все. На другой день Цезарь держал речь в сенате и перед народом, излагал свои дела и меры управления с начала и до настоящего времени. Записав сказанное, он выпустил это отдельной книгой (Аппиан). Сообщение Аппиана особенно интересно, так как является важным свидетельством того внимания, которое Октавиан уделял обработке общественного мнения. По-видимому, выпущенная им «брошюра» содержала оценки событий, которые позже были им повторены в его политическом завещании, дошедшем до нас в виде надписи (Анкирский памятник). В этой надписи война с Помпеем квалифицировалась как «рабская война».

Одновременно были приняты меры по возвращению рабов их владельцам. Подразделения, состоявшие из воинов, некогда служивших у Секста Помпея, были дислоцированы в Италии порознь друг от друга, и во все эти лагеря направлялись правительственные письма с указанием вскрыть их в один день. В них содержался приказ о выдаче беглых рабов, воевавших в войске Помпея и некогда получивших свободу по предшествовавшим соглашениям. Эти соглашения объявлялись недействительными, рабов хватили и возвращали владельцам. Тех, которых никто не брал, Октавиан приказал казнить близ городов, откуда они бежали. Эти меры вернули Октавиану симпатии имущих слоев населения Италии, богатых рабовладельцев.

Отныне все Западное Средиземноморье находилось под контролем одного человека — Гая Юлия Цезаря Октавиана. В Италии был наведен порядок: расквартированные в различных частях страны отряды регулярных войск боролись с шайками грабителей, обеспечивая безопасное передвижение между городами. Северные

границы Италии были ограждены от нападений альпийских племен.

На Востоке дела Антония шли далеко не так блестяще. Задерживался давно запланированный поход против парфян (он стремился совершить то, чего не успел сделать покойный диктатор, и мечтал о лаврах мстителя за поражение Красса). Жизнь в Антиохии с ее роскошью, восточной негой и разгулом, умело поощряемым хитрой египетской царицей, не способствовала серьезным начинаниям. Весной 36 г. Антоний все же выступил против парфян с большим войском, но потерпел неудачу и вернулся в Сирию, понеся огромные потери. Неудача парфянского похода особенно распалила Антония, и всю ответственность за поражение он переложил на действия армянского царя, его союзника. Чтобы наказать его за мнимую измену, Антоний решил осуществить поход в Армению, заключив для этой цели союз с мидийским царем.

Одновременно велись переговоры и с армянским царем Артаваздом. В ходе этих переговоров Антонию удалось заманить его в засаду и в оковах привезти в Александрию. Там Артавазд был проведен в триумфальном шествии и затем убит.

Между тем, Октавиан искусно подогревал в Риме оппозиционные настроения по отношению к Антонию, повсюду разоблачая его действия на Востоке как враждебные интересам римского народа. То, что Антоний справил триумф над Арменией не в Риме, а в столице Египта, позволяло его противникам утверждать, будто он в угоду Клеопатре стремится сделать центром государства Александрию. Бросались в глаза различия в поведении обоих триумвиров. Октавиан, зачисляя в свой актив умиротворение Италии и всего Западного Средиземноморья, вел скромный и простой образ жизни римского администратора, усиленно подчеркивал верность староримским идеалам. Когда к концу 34 г. до н. э. всем стало ясно, что разрыв между Антонием и Октавианом неизбежен, Октавиан начал усиленно подчеркивать свою благожелательность по отношению к согражданам, все его правление приобрело умеренный характер. Это было ловким тактическим шагом.

Напротив, Антоний держал себя, как восточный владыка, перенимая обычаи и роскошь египетского двора.

В Александрии Антоний устроил пышный спектакль раздела подвластных ему территорий между сыновьями, которых ему родила Клеопатра. Старшего сына он вывел в мидийском уборе с тиарой на голове — головным убором персов. Другой сын выступал в македонском плаще и украшенной диадемой кавсии — головном уборе македонян: ему предназначались Сирия и Киликия.

Кирена передавалась дочери Клеопатры, саму египетскую царицу Антоний провозгласил властительницей Египта, Кипра, Африки и Келесирии. Как рассказывает Плутарх в биографии Антония, это вызвало особое возмущение в Риме. В глазах римских патриотов действия Антония были государственной изменой: владения римского народа, захваченные силой оружия, передавались восточным царькам. Недовольство усиливалось еще и тем, что военные успехи Антония на Востоке были более чем сомнительными.

Однако и Антоний вел в Риме активную пропаганду против Октавиана, обвиняя его в присвоении всей Сицилии (часть которой должна была перейти Антонию), захвате флота, который Октавиан должен был вернуть Антонию после победы над Секстом Помпеем, лишении власти Лепида без согласия союзника. Наконец, Октавиану вменялось в вину, что земли в Италии предоставлялись лишь ветеранам Октавиана. Солдатам же Антония участков не было выделено. Цель этого обвинения состояла в том, чтобы вызвать недовольство против Октавиана в легионах, находящихся под командованием Антония.

1 января 33 г. Октавиан, вступая в свое второе консульство, произнес в сенате речь, открыто направленную против Антония. В известной мере повторялась ситуация, возникшая в свое время в начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем. В Риме можно было найти немалое количество сторонников Антония. К ним относились и десигнированные консулы 32 г. Гай Сосий и Гней Домиций Агенобарб. Оба они были обязаны своей карьерой Антонию. Чтобы сильнее привлечь к себе симпатии все еще сильной республиканской партии, Антоний прислал письмо в сенат с предложением сложить с себя полномочия триумвира при условии, если Октавиан сделает то же самое. Переписка велась и между

самими триумвирами, но на все предложения Антония его противник отвечал отказом. Происходила новая перегруппировка сил и сторонники Антония спешно покидали Рим. Октавиан им в этом не препятствовал.

Находясь в Армении, Антоний получил письмо от Октавиана, из которого вытекало, что столкновение между ними неизбежно. Антоний немедленно отдал приказ своим 16 легионам двигаться к морю, а сам с Клеопатрой прибыл в Эфес, где собирался его флот. Формальным признаком разрыва послужило письмо, отправленное Антонием своей жене Октавии: ей предписывалось немедленно покинуть дом Антония в Риме (это означало развод). К лету 32 г. разрыв стал совершившимся фактом. К этому времени брак между Антонием и Клеопатрой получил юридическое оформление.

В конфликте с консулами 32 г., сторонниками Антония, Октавиан еще раз показал, на что он способен. С отрядом солдат он вошел в сенат и занял место между консулами: это было открытое объявление войны. Сенат, в котором большинство состояло из приверженцев Октавиана, послушно принял ряд постановлений, лишивших Антония права командования войсками — империя и объявляющих его врагом отечества.

Одновременно с бегством из Рима сторонников Антония в Рим с Востока прибывали сторонники Октавиана. В их числе были Луций Мунаций Планк и Марк Титий, которые, чтобы показать, что они прибыли не с пустыми руками, поставили Октавиана в известность относительно завещания, переданного Антонием весталкам. Октавиан добыл (не без труда) его текст и предал его гласности. Там объявлялось, что наследниками Антония являются Клеопатра и ее дети от Антония. Тело Антония надлежало похоронить в Александрии. Так были получены документальные доказательства измены Антония гражданскому долгу римлянина и патриота. Завещание оглашалось в сенате и на форуме при большом стечении народа, и это произвело нужный эффект. Антония лишали полномочий, «которые он передал женщине», как пишет Плутарх в его биографии.

Тем не менее, война была объявлена Клеопатре как узурпатору, присвоившему себе достояние римского на-

рода. То был характерный жест тонкого политика, действовавшего с расчетом на общественное мнение — он должен был показать, что война ведется против внешнего врага. Египет все еще юридически сохранял самостоятельность от Рима.

Чтобы изыскать средства на ведение новой войны, Октавиан прибегнул к новым чрезвычайным сборам и налогам. Все свободнорожденные римляне обязаны были внести в казну четверть своих доходов, а вольноотпущенники — восьмую часть имущества.

Противники вступали в борьбу, располагая огромными силами. У Антония было не менее 500 боевых кораблей, около 100000 пехоты и 12000 всадников, у Октавиана — 250 кораблей, 80000 пехоты и столько же всадников, как у Антония. Но, по сообщению Плутарха в биографии Антония, в его флоте не хватало гребцов, а сами корабли обладали плохой маневренностью из-за огромных размеров, что должно было роковым образом повлиять на исход морского сражения. Антоний уделял мало внимания боевой подготовке своей армии, проводя время в празднествах и увеселениях различного рода и собрав на острове Самосе (где он находился в это время) огромное количество актеров.

Напрягая все силы, Октавиан готовился к последней, решающей схватке. Экипажи судов проходили всестороннюю боевую выучку, усиленно готовились к предстоящим сражениям и сухопутные войска. Ответственность и решающий характер предстоящей войны стали ясны из той меры, к которой прибегнул Октавиан, чтобы обеспечить себе тыл: всей Италии, а также провинциям Галлии, Испании, Африке, Сицилии и Сардинии было предписано принести ему лично присягу на верность. Лишь жители Бононии, давние клиенты рода Антониев, освобождались от этой присяги (жест должен был показать, насколько глубоко чтит Октавиан древние римские традиции, освящающие отношения между патронами и клиентами).

В начале 31 г. Октавиан вступил в свое третье консульство и с этого момента занимал консульскую должность без перерыва 8 лет. Она давала ему тот камуфляж легитимности, в котором он нуждался, вступая в столь ответственную и опасную войну. Находиться в Риме в условиях приближающейся смертельной схватки Ок-

тавиан не мог и отправился на Восток, оставив вместо себя надежного и верного человека — Гая Цильния Мецената.

Весной 31 г. флот Октавиана оккупировал западное побережье Греции. Войско и флот Антония в это время бездействовали в районе Амбракийского залива, близ мыса Акции. В рядах сторонников Антония росла неуверенность в исходе предстоящих сражений, и многие перебежали на сторону противника. Антонию приходилось торопиться с генеральным сражением — время работало против него. Кроме того, снабжение его войск было затруднено в результате операций флота Октавиана, блокировавшего порты, Греция же была совершенно истощена. На военном совете у Антония возобладало мнение Клеопатры, настаивающей, чтобы генеральное сражение было дано на море (как пишет Плутарх, «она заранее высматривала себе дорогу к бегству»).

Морское сражение у мыса Акции произошло в сентябре 31 г. до н. э. Агриппа, командовавший флотом Октавиана, действовал решительно в наступательном духе. Тяжелые корабли Антония не могли набрать необходимую скорость, чтобы таранить вражеские суда. Битва начинала походить на сухопутную — в дело шли осадные навесы, метательные копья, рогатины и огнеметы.

Исход сражения был еще не predetermined, как вдруг корабли Клеопатры (около 60) совершили резкий маневр и, пользуясь попутным ветром, направились к Пелопоннесу. Антоний, забыв о своем долге воина и полководца, бросился на своем корабле за ней. «Вот когда Антоний яснее всего показал, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа и вообще не владеет собственным разумом...» (Плутарх).

На всем протяжении морского сражения сухопутные войска противников оставались безучастными зрителями того, что происходило на море. По приказу Антония его легат Публий Канидий Красс должен был отвести легионы в Азию, но приказ этот, по-видимому, не достиг цели, а если и достиг, то не был выполнен. Канидий также бежал, последовав примеру Антония, а легионы его, постояв некоторое время без командующего, сдались на милость победителя, который присоединил их к своим войскам.

Позже на месте, где находился лагерь Октавиана, был воздвигнут город, названный Никоподем («Победоградом»). В память об Актийской победе у храма Аполлона, находившегося на Актийском мысу, были учреждены игры, которые должны были там происходить каждые пять лет.

Уже античные историки прекрасно понимали значение победы, одержанной Октавианом, и этот день считали началом новой эры в истории Рима — эры империи.

Уничтожение остатков армии Антония, бежавшего с Клеопатрой в Египет, было делом нескольких месяцев: летом 30 г. до н. э. Египет после слабого сопротивления был занят войсками Октавиана, Антоний и Клеопатра покончили с собой. У Рима появилась новая провинция, находившаяся в личном управлении императора. Отсюда в больших количествах стал поступать хлеб, столь необходимый, чтобы подкармливать вечно голодный римский плебс.

Война между Антонием и Октавианом была последней гражданской войной в римской республике и подвела итог всей эпохе гражданских войн, длившихся более столетия. Октавиан победил потому, что за ним стояло подавляющее большинство населения Рима и Италии, видевшего в нем защитника национальных интересов. Из всех политических деятелей того времени Октавиан лучше других умел рассчитать свои действия, не поддаваясь эмоциям и точно оценивая политическую ситуацию, действуя решительно и с постоянной готовностью к риску.

Как никто другой, он умел использовать ошибки врагов, скрывать свои истинные намерения и нанести удар в тот момент, когда противник менее всего его ожидает. Недостаток полководческого таланта искупался его умением подобрать способных и верных помощников, которых он всеми силами старался к себе привязать. Он унаследовал от своего приемного отца искусство играть на инстинктах толпы, безудержную демагогию, показную приверженность старине. Но, в отличие от Цезаря, широкой и гениально одаренной натуры, Октавиан был хитрым и лицемерным тираном, отличавшимся особой жестокостью и вероломством.

Еще при жизни Октавиан, позднее принявший имя

Августа, был объявлен благотельным и мудрым правителем, спасителем Италии и всего мира, восстановившим римское государство и его могущество. Как заметил Дж. Фрэзер, «коварный интриган, жестокий победитель может кончить свой век мудрым и великодушным правителем, благословляемым при жизни, оплакиваемым после смерти, вызывающим восхищение и похвалы потомства. Наиболее значительные тому примеры — Юлий Цезарь и Октавиан Август»¹.

¹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. С. 51.

ГЛАВА

РИМ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Два тысячелетия отделяют нас от мира, в котором жил Гораций. Мир этот был сложным и многоликим. В состав громадной Римской империи входило множество стран и народов, еще сохранявших традиции своих древних цивилизаций. Ко времени образования Римской империи сложилась культура, объединявшая эти народы и распространившая свое влияние на весь бассейн Средиземноморья: мы называем ее греко-римской, или античной. Накопленные ею духовные богатства определили мировоззрение Горация, а полученное им прекрасное образование позволило раскрыть способности, которыми так богато одарила его природа. Жизнь поэта складывалась нелегко: он мог рассчитывать только на себя и немногих друзей. В выпавших на его долю невзгодах ему пришлось сталкиваться с широким кругом современников, от самых низов до аристократической элиты. Особый талант общения привлекал к нему людей, имена которых мы встречаем в его произведениях. Эти обстоятельства расширяли его кругозор и способность ориентироваться в сложных условиях, помогали сохранять независимость в непростых отношениях с императором и его ближайшим окружением.

Гораций не был кабинетным затворником, несмотря

на то, что книги оставались его самыми верными друзьями. В подаренном ему Мecenатом имении он собрал большую библиотеку, в которой неустанно работал. Уединение его было только кажущимся, он продолжал оставаться в гуще событий. Окружавшая поэта действительность отражается в его творчестве в самых разнообразных формах: события далекого и близкого прошлого, страны и народы огромной Римской империи, мифы греко-римской религии. Мы находим здесь фрагменты популярных философских учений, имена поэтов, которые так и остались для нас именами, названия литературных произведений, утраченных, по-видимому, навсегда. Перед нами поистине портрет эпохи. Ясный для современников, для нас он часто загадочен. Что мы знаем о многих лицах, упоминаемых Горацием? Иные просто скрыты за условными обозначениями (как женщины, которых он любил). Его идеи и образы часто таят в себе скрытый смысл, и поэтому необходим комментарий, для чего постоянно приходится обращаться к другим источникам.

В центре внимания поэта всегда его современник. Гораций обращается к конкретному лицу (в одах), рисует обобщенный образ (в эподах), отваживается вывести галерею отрицательных типов (в сатирах). Пестрой толпой проходят они через его произведения: важный сенатор, восседающий на носилках, провинциальный чиновник-выскочка, перед которым слуги носят жаровню с благовониями, чтобы приятно щекотать его обоняние, уличный брадобрей, визгливо зазывающий к себе клиентов, певец, всем известный и надоевший своими вокальными упражнениями, бородатый философ-грек, озабоченно ищущий, кому бы подороже продать свою премудрость, бездарный поэт-графоман... Внимание автора привлекают мельчайшие детали жизни.

Ближе всего Горацию — и это вполне естественно — была литературная среда. С напряженным вниманием изучая древних и заинтересованно следя за творчеством современных ему поэтов, он проникал в тайны мастерства, «хитрого соединения слов», как он говорит. При этом он никогда не сходит с позиции критика и с жесткой откровенностью, а иногда и насмешкой отмечает промахи своих предшественников и современников, не щадя даже великого Гомера.

Поэту нравилось быть в гуще жизни. Он особенно лю-

бил путешествовать по Италии, отдыхать, несмотря на запрет врача Антония Музы, на модном римском курорте Байи, а также в Таренте и других городах юга. Расположенные в «счастливой Кампании», между Мизенским мысом и ПUTEОЛАМИ, Байи были особенно популярны в среде римской знати. Здесь били горячие целебные источники, а по берегу живописного морского залива, на крутых скалах, высились беломраморные виллы римских богачей, утопавшие в роскошной южной растительности, среди тенистых платанов, раскидистых пиний и стройных кипарисов. Самые знаменитые деятели Рима — Марий, Помпей, Цезарь, Цицерон — строили здесь свои дома. Невиданной роскошью выделялась вилла римского аристократа Лукулла, состоявшая из целого комплекса богато украшенных зданий и сооружений. Посреди виллы было устроено искусственное озеро, куда провели морскую воду (для этой цели пришлось срыть целые горы). Впоследствии этой виллой завладел император Клавдий.

Модный курорт воспели поэты. «Нет в мире более красивого морского залива, чем прелестные Байи!» — восклицает римский богач в одном из «Посланий» Горация (Посл. I, I, 83). Живший на сто лет позднее Марциал не находил слов, чтобы достойно прославить этот город:

Благой Вены город золотой, Байи,
О Байи, вы природы гордой дар милый!
Пусть тысячью стихов хвалил бы я Байи,
Достойно, Флакк, не восхвалить бы мне Байи...

(XI, 80)

На улицах города с утра до вечера шумела толпа праздных зевак, слышались крики разносчиков и плутоватых продавцов лекарств, звучала музыка бродячих артистов. Скромный сын вольноотпущенника Гораций был там заметным лицом. К нему с приветствиями и заискивающими улыбками подходили и потомки знатных патрицианских родов, и новые богачи, накопившие состояния в бурные годы гражданских войн. Поэт знал многих из аристократической среды — Метеллов, Кальпурниев, Азиниев, Мессал... Подчеркнуто гордившиеся своими знатными предками, чьи бюсты красовались в залах и вестибюлях их дворцов, они все еще не могли свыкнуться с мыслью, что времена их всевластия в Риме и целом

мире безвозвратно канули в вечность. Теперь они искали дружбы с ним, сыном бывшего раба, близким к влиятельному и могущественному Меценату, стараясь вывести, что собирались делать и куда отправиться лица из окружения всесильного принцепса. Поэт был вежлив и предупредителен, но осторожно обходил опасные и скользкие темы. Часто он шутливо отговаривался, что с Меценатом он говорит больше о погоде или об игре в мяч, когда они вместе направляются на Марсово поле, или же о бойцовских качествах известных гладиаторов. Гораций отлично знал цену расточавшимся ему любезностям, приветствиям и улыбкам. Но все же это были люди, среди которых он любил вращаться и которых любил изучать пытливым и острым умом сатирика.

Была у него и другая страсть, которой он никогда не скрывал. Она прочно владела его душой с детских лет и была унаследована, по всей вероятности, от отца. Это была сельская жизнь, жизнь хозяина в своем поместье. Втянутый в бурный водоворот гражданских войн, он не переставал мечтать о тихой гавани, где смог бы отдаться литературным занятиям и одновременно земледелию. Когда Меценат подарил ему маленькое, но уютное Сабинское имение, поэт с восторгом воскликнул: «Вот в чем были желанья мои!» (Сат. II, 6, 1).

Каков же был тот Рим, который навсегда определил жизнь и литературную судьбу Горация?

Рим стоял на земледелии. Поборник староримского образа мыслей, Марк Порций Катон Старший оставил нам на этот счет характерное высказывание: «Из земледельцев выходят самые мужественные люди и самые дельные воины. Доход земледельца — самый чистый, самый верный и менее всего возбуждающий зависть... Люди, занятые этим делом, всегда исполнены самых добрых намерений...». Закаленные тяжелым крестьянским трудом, римские и итальянские деревни давали Риму не только стойких воинов, но и прославленных общественных деятелей, отличавшихся, по утверждениям римских историков, простотой жизненного уклада, строгостью нравов, неподкупной честностью и безусловной преданностью интересам государства. Для римских моралистов идеалом политического деятеля долго оставался Цинциннат, которого государство призвало прямо «от сохи» сменить погибшего в войне с вольсками консула Валерия

Сабина (459 г. до н. э.), которому удалось примирить борющиеся группировки в Риме и восстановить авторитет сената, который в течение 16 дней своей диктатуры одержал ряд блестящих побед над эквами и сабинами, после чего вновь вернулся к своему полю.

Поэтическая ностальгия образованного римского общества по спокойствию мирной сельской жизни, утраченному, казалось, навсегда в бурях гражданских войн, звучит в двух знаменитых поэмах друга Горация, Публия Вергилия Марона — в «Буколиках» и «Георгиках». Для Вергилия земледелие — искусство, начало которому положил Юпитер, верховный римский бог. По более древнему мифу, еще бог Сатурн научил людей пахать и сеять, выращивать плодовые деревья. Характер римлянина выкован в сельских трудах, поэтому в римской литературе агрономия так легко подает руку поэзии. Трактаты по сельскому хозяйству долго оставались самым популярным жанром среди римских читателей. Недаром в 141 г. до н. э. сенат постановил перевести на латинский язык 28 книг сочинения карфагенянина Магона о сельском хозяйстве. Чем больше римлян теряли землю, тем сильнее они о ней мечтали. В одном из ранних стихотворений Гораций пишет ¹:

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Участок отчий пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности...

(Эподы, II, 1—4)

Эти строки принадлежат представителю «римской интеллигенции». Но насколько большей должна была быть тяга к земле у простых людей! Уставшие от бесконечных сражений, солдаты римских легионов требовали от своих полководцев в награду за службу прежде всего земельные наделы, и мы видели, как полководцы, начиная с Мария, не жалели усилий для раздачи земель.

Римское земледелие на протяжении последних веков республики пережило сильнейшие потрясения, но к сере-

¹ Сочинения Горация цитируются здесь и в дальнейшем — за немногими исключениями, которые специально оговариваются, — в переводах, опубликованных в кн.: Квинт Гораций Флакк. Сочинения /Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1970.

дине II в. до н. э. в нем начинают преобладать виллы средних размеров. Вот как описывает Катон Старший римское поместье в своем сочинении «О земледелии»: «Если ты спросишь, какое имение самое лучшее, я скажу так: сто югеров (25 га. — В. Б.) со всякими угольями в самом лучшем месте: во-первых, виноградники, и если вино хорошее, и если его много; во-вторых, поливной огород; в-третьих, ивняк; в-четвертых, масличный сад; в-пятых, луг; в-шестых, хлебная нива; в-седьмых, лес, где режут листья на корм скоту; в-восьмых, виноградник, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с желудями». К I в. до н. э. возникли и специализированные хозяйства, поставлявшие на городской рынок птицу, дорогие овощи, фрукты, изысканные деликатесы для римских гастрономов.

На свое небольшое поле римский крестьянин выходил вместе с женой, детьми и немногочисленными рабами. Работал он от зари до зари. Суровым был его быт, и столь же суровым, если не сказать, жестоким, было семейное право римлян. Отец семейства был полновластным господином над всеми своими домочадцами: он мог лишить их наследства, продать в рабство и даже казнить за совершенное преступление. Беспрекословное повиновение отцу семейства было главной добродетелью римлянина. Но к концу эпохи республики свободный крестьянский труд в Италии все больше вытеснялся трудом рабов. Древняя патриархальная Италия уходила в прошлое, и многие современники сожалели об этом. Гораций в одной из своих сатир вспоминает о своем соседе Офелле, который обладал значительным наделом земли, когда поэт был еще мальчиком. Теперь же он попал в зависимость и стал подневольным колоном. В 18-й оде II книги поэт гневно клеймит богача, сгоняющего с поля крестьянскую семью, мужа и жену: они уходят, унося за пазухой отцовских божков (пенатов) да грязных ребятишек...

Орудия труда были примитивны. Древнейший римский плуг напоминал соху, и даже сошник на нем был деревянным, такой плуг пахал неглубоко, больше царапая, чем взрыхляя землю. Тягловой силой были быки. Они же перевозили тяжести обычно на двухколесной телеге, цельные деревянные колеса которой для прочности обивались железом. Сельскохозяйственные орудия при-

обретались на рынке, производство их в разных городах было специализированным. Тот же Катон советует приобретать лопаты в Венафре (Кампания), там же черепицы для крыш и глиняные бочки, долины, телеги — в Суэссе и Лукании, в Калах и Минтурнах — плащи с капюшонами, железные изделия, серпы и ножи, лопаты, топоры, кирки, наборную сбрую, удила, цепочки...

Главной сельскохозяйственной культурой издавна была пшеница-двузернянка. Из нее пекли хлеб и варили кашу — основное питание крестьянина, к которой добавлялись овощи. По праздникам (а их было много: в римском календаре насчитывают до 109 праздничных дней) к столу подавалось мясо — преимущественно свинина, реже птица, а также фрукты. Вино пили мужчины, достигшие 30 лет. Стол был непокрытым, простая посуда изготовлялась из глины, а серебряная солонка считалась уже роскошью. Ели деревянной ложкой, лишь к I в. до н. э. вошли в употребление нож и вилка. За стол садились всей семьей, кроме рабов и зависимых людей (клиентов). Те получали пищу с господского стола, но сидели отдельно. Утром и вечером ели скромно, основой питания был обед, который в сельской местности приходился на время перерыва в работе, когда полуденный зной заставлял искать укрытия в тени, под крышей дома или под навесом.

С тех пор, как римский нобилитет, забыв о заветах предков, стал кичиться неслыханной роскошью, а низы римского общества, особенно обездоленный городской плебс, превратился в толпу, существующую жалкими подачками, старинные традиции римского застолья начали отмирать. В городе в многочисленных харчевнях посетитель за несколько мелких медных монет получал порцию вареных бобов и кубок дешевого вина — обычную пищу простолюдина. В таких «сидячих харчевнях» на ложах, естественно, не возлежали, а поглощали нехитрую пищу сидя. Обедать в таких харчевнях было признаком дурного тона, как можно судить по эпиграмме Марка Валерия Марциала:

Целых десять миллионов от патрона
Получить не успел Сирикс, как сразу
Их, по всем четырем шатаясь баням,
И харчевням, где сидя пьют, растратил.

Вот так глотка! Проесть все десять, Максим,
Да еще не возлечь за стол при этом!

(V. 70)

Высшее же общество превратило обед в пышный праздник со множеством блюд и вин, с выступлениями актеров, танцоров, мимов и декламаторов. Гораций, описывая пир у богатого всадника Насидиена в одной из своих сатир, не без иронии повествует, как хозяин расхваливал изысканные кушанья, подававшиеся к столу, стараясь поразить воображение гостей своими гастрономическими изобретениями. Но в самый торжественный момент роскошный балдахин над столом пирующих упал, обдав всех тучей пыли и смешав с грязью все великолепные блюда... Сам Гораций гордился своим скромным образом жизни.

Дом римлянина строился из камня и глины и был весь обращен внутрь. Наружу выходили лишь глухие стены с небольшими узкими окнами. Внешний мир таил в себе опасность, от него надо было отгородиться всеми имеющимися средствами. Фасад и стены частного дома были, как правило, лишены украшений, зато интерьер богатые люди отделывали со всевозможной роскошью. Черепичная крыша имела в центре большое прямоугольное отверстие, через которое выходил дым от очага и дневной свет попадал во внутренние помещения дома, а дождевая вода собиралась в специальном бассейне, устроенном в полу центрального зала — атрия. В некоторых домах в Помпеях найдены подземные бассейны, где дождевая вода сохранялась холодной и чистой. В древней Италии этой водой дорожили, в ней было легко стирать и ею было приятно умываться (вода из колодцев была, как правило, жесткой и содержала много минеральных примесей). Атрий вел свое происхождение от внутреннего дворика древнего итальянского дома, и здесь находился очаг. Здесь, у семейного очага, собирались по традиции все домочадцы и совершались важные религиозные обряды. Впоследствии очаг был перенесен на кухню и атрий стал чистым и нарядным. В богатых городских домах атрий украшали скульптурами, фонтанами, цветниками. Римский нобилитет имел право держать там особый шкаф, где хранились восковые маски, снятые с умерших предков.

Вокруг атрия располагались спальни, кладовые, лишь частично отгороженные от него. Такое расположение внутренних помещений обеспечивало свободную циркуляцию воздуха, что в условиях юга было немалым достоинством: в римском доме дышалось легко, и человек чувствовал себя свободно в незамкнутом пространстве. В столовой — триклинии (от греческих слов «трейс» — три и «клинэ» — ложе) буквой П стояли три ложа, а между ними — стол, на который ставили яства и вино.

Непосредственно за атрием находилось другое помещение — таблин, служившее кабинетом хозяина. В нем он принимал являвшихся к нему по делам посетителей, хранил документы и деньги (в особом сундуке на высоких ножках, запиравшемся на ключ). Кабинет имел выход в сад — перистиль, примыкавший к дому внутренний двор или садик, окруженный крытой колоннадой. По внутренним стенам перистилия располагались дополнительные жилые помещения, кладовые, летние столовые. Сад был предметом особых забот, его украшали искусственными гротами, затейливыми фонтанами, бронзовыми и мраморными статуями. Соединение журчащей воды, декоративной зелени и садово-парковой скульптуры служило источником высокого эстетического наслаждения.

Вход в дом назывался вестибюлем (от латинского слова «вестис» — одежда), и входивший в дом оставлял здесь плащ.

Описанный выше римский дом был, как уже говорилось, жилищем богатых людей. Первоначально он был замкнутой архитектурной единицей, но постепенно этот тип изолированного комплекса претерпел существенные изменения. Особенно ясно мы можем проследить это в Помпеях, где одно- и двухэтажные дома тесно примыкают друг к другу, образуя городской квартал. Во многих помпейских домах находим, наряду с жилыми помещениями, еще и служебные, выходящие на улицу открытой дверью с окном (часто служившим еще и прилавком). Эти служебные помещения сдавались под лавки, мастерские, таверны (последний термин мог обозначать и то, и другое). Владелец таверны по совместительству бывал и сводником. Посетитель мог здесь за недорогую плату найти легкодоступных женщин.

Римский дом обычно был одноэтажным, реже — двух-

этажным, но к концу I в. до н. э. в Риме и крупных италийских городах получили распространение многоэтажные дома (от 4 до 6 этажей). Они назывались «insulaми» («островами»). В инсулах снимали жилье небогатые люди, просто беднота. В тесных каморках всю мебель составляли колченогий стул да набитый соломой тюфяк. В таких многоквартирных домах источником освещения были уже не внутренние световые колодцы, а окна во внешних стенах. Каждый этаж мог иметь свою наружную лестницу (позднее император Домициан запретил строить в Риме наружные лестницы, так как они мешали уличному движению). Некоторые этажи были украшены балконами или лоджиями, подпертыми деревянными столбами. Зимой эти жилища отапливались жаровнями с горящим углем, что приводило к частым пожарам, уничтожавшим целые кварталы.

Одежда римлянина в древнейшую пору изготовлялась главным образом из шерсти его женой, дочерьми и женской половиной прислуги. Император Октавиан Август, стремившийся к возрождению древних патриархальных прав, ходил в одежде, сшитой его женой, сестрой, дочерью или внучками, как сообщает Светоний в его биографии. Обычно одеждой мужчин и женщин была туника — род рубашки из двух прямоугольных кусков ткани сшитых по бокам и на плечах, с отверстиями для головы и рук. Длина туники достигала икр, но рабы, как правило, носили более короткую. Римляне обычно носили две туники, верхнюю и нижнюю, но болезненный Август, плохо переносивший холод, надевал до четырех туник сразу. По тунике можно было различить лиц, принадлежавших к высшим сословиям: у сенаторов шла вертикально широкая пурпурная полоса, от ворота до подола туники, у всадников — две полосы того же цвета. Украшенную пальметтами тунику носили высшие магистраты, консулы и полководцы.

Поверх туники римлянин надевал тогу — парадную одежду римского гражданина, представлявшую собой род покрывала из шерстяной ткани овальной формы, длиной около 5 и шириной около 2 метров. Иногда она украшалась каймой. Надевали ее так, чтобы правое плечо оставалось открытым, сама тога падала пышными декоративными складками, а конец ее наматывался на левую руку. Дошедшие до нас изображения римских по-

литических деятелей представляют их одетыми в тогу, иногда в торжественной позе оратора, с поднятой вверх правой рукой (так называемой «римский жест»). Летом в тоге было довольно жарко, поэтому Марциал называет ее «потогонной». Юноши из знатных семейств носили тогу с пурпурной каймой, но по достижении 16 лет меняли ее на мужскую или «чистую», белого цвета. Тогу консула, жреца или важного магистрата украшала пурпурная кайма. Но ко времени империи все больше римлян начинали носить плащ по греческой моде, и император Август, ревниво следивший за чистотой римских нравов, предписал городским чиновникам, чтобы все, приходящие на форум, снимали плащи и оставались в тогах.

Знатные женщины носили поверх туники столу, отороченную снизу пурпурной каймой, своего рода ниспадающее до пят платье, служившее выходной одеждой. Появляясь на улице, женщина часто надевала и плащ, но более нарядный, чем у мужчин. В храме женщины покрывали голову особым платком — синего или пурпурного цвета, свободно падающим на плечи.

Особая одежда была у воинов. Римские солдаты носили короткий плащ из толстой шерстяной ткани, надевавшийся поверх панциря и хорошо защищавший от холода: он назывался сагум. Плащ полководца — палудаментум — был длиннее солдатского и отличался цветом и качеством материала. Он также набрасывался поверх панциря, украшенного рельефными изображениями. На знаменитой статуе Августа из Примапорты панцирь украшен многочисленными фигурами, среди которых в верхнем ряду выделяется изображение персонифицированного небесного свода — Целус. Ниже на квадриге — величавые бог солнца Гелиос и богиня утренней зари Аврора. Мы видим здесь также ряд других фигур, объединенных в группы или сидящих порознь. Среди них бог Аполлон и богиня Диана. В самом нижнем ряду помещена Теллус, богиня земли. Скульптор воспроизвел здесь выдающееся произведение торевтики. Но особенно интересной деталью костюма императора является тога, обернутая вокруг туловища, конец которой свисает с левой руки, держащей скипетр. Такое сочетание гражданской и военной одежды должно было подчеркнуть полноту власти императора.

Римская обувь была открытой, полуоткрытой и закрытой. Закрытой были калькеи — сапоги, поднимавшиеся выше щиколотки и завязывающиеся ремнем. Сенаторские калькеи имели четыре ремня, были выше обычных и имели особую, луновидную пряжку из слоновой кости. Таким образом, по обуви можно было определить социальное положение ее владельца. Консул, претор и курульный эдил носили обувь пурпурного цвета, позднее ее носили римские императоры, откуда этот тип обуви перешел в Византию и далее — в Киевскую Русь. К полуоткрытой обуви относились калиги — солдатские сапоги: сетка из прочных ремней прикреплялась к трехслойной подошве, причем нижний слой подошвы подбивали гвоздями шляпками книзу. Такая обувь была хорошо приспособлена для дальних переходов. Римский полководец Германик, племянник императора Тиберия, обувал своего маленького сына в специально сшитые для него солдатские сапожки, и легионеры прозвали его Калигула, «сапожок». Открытой обувью были крепиды, род сандалий. Существовала еще особая обувь для актеров. Те из них, кто исполнял роли в трагедиях, носили котурны. Это были высокие закрытые сапоги из мягкой кожи на очень толстой подошве, и актеры в котурнах казались выше ростом, что соответствовало облику героев, которых они изображали на сцене. Напротив, актеры комедии носили сокки, род кожаной обуви без каблуков, мягко облегавшей ногу. В поэтическом образе незатянутого сокка Гораций в «Посланиях» упрекает римскую комедию за недостаточную отточенность формы.

Картина римского быта времени перехода от республики к империи будет неполной, если оставить без внимания греко-римскую религию, игравшую очень важную роль в жизни римлян и италиков.

Ко времени Горация греко-римская религия распространилась по всему огромному ареалу Средиземноморья, подчинив себе многие местные культы, но одновременно и сама подвергаясь воздействию иноземных, главным образом восточных верований. На заре своей истории римляне поклонялись в основном тем же богам и соблюдали те же обряды, что и родственные им италийские племена. Римская религия, как, впрочем, и вся римская культура, испытывала сильнейшее влияние со стороны этрусков и италиков. Греческое влияние было

более поздним, хотя оказалось наиболее сильным.

Общественная и частная жизнь римлян в гораздо большей степени, чем у греков, подчинялась религиозным установлениям. Война италийских общин была одновременно и войной богов, покровителей этих общин. Чтобы привлечь на свою сторону бога враждебного государства, применялся особый магический обряд — эвокация. Осаждающее войско выстраивалось под стенами вражеского города и призывало тамошнего бога переселиться в Рим, обещая ему особо угодные формы культа.

С религией было связано древнейшее гражданское право, регулировавшее отношения между членами римской общины, а также между богами и людьми. Последние строились на договорных началах, выразившихся формулой «до ут дес» («даю, чтобы и ты дал»). Когда в правление императора Тиберия погиб на Востоке его племянник Германик, особенно популярный в Риме, разгневанный плебс стал громить храмы и выбрасывать из них статуи богов за то, что жертвы, принесенные за Германика, оказались напрасными. Аналогичный случай приводит Светоний в биографии Августа: император, когда буря разметала его флот во время войны с Секстом Помпеем, на ближайших цирковых празднествах удалил из торжественной процессии статую бога морей Нептуна.

Латинское слово «религио» означает «связь», но эта связь римлянина с богами была грубо вещественной, осязаемой. Богам надо было оказывать уважение, заботиться о них, и это нашло свое выражение в понятии «культус» (от глагола «коло», «заботиться», «возделывать», ср. — «агрикультура»). Для народа земледельцев, каким были римляне на заре своей истории, такая связь понятий была совершенно естественной.

Боги опекали римлянина едва ли не с момента его зачатия. Бог первого крика был Ватикан, первое слово внушал ему Фабулин. Кунина стерегла колыбельку, Оссипага укрепляла кости, Эдуса вместе с Потиной учили его есть и пить. Как только ребенок подрастал и выходил за порог родительского дома, им руководила Абеона, на улице дорогу указывала Итердука, обратный путь — Домидука, а Адеона способствовала его возвращению. Не менее 43 богов вели древнего римлянина по жизненному пути. За богами юности следовали боги

брачных отношений, другие боги стояли у изголовья умирающего: Цекул окутывал глаза мраком, Видуус отделял душу от тела, Либитина заботилась о погребении, Нения — об оплакивании.

Боги ведали всем, что происходило в природе и обществе. Их было такое множество и они имели так много имен, что понтификам, верховной жреческой коллегии Рима, потребовалось создать специальные каталоги обращений к богам — индигитаменты, где богов называли всеми присвоенными им культовыми именами. Это было очень важно, иначе молитва могла не найти того бога, к которому человек обращался.

Боги охраняли землю и дом. Домашний очаг находился в ведении богини Весты, она же заботилась об очаге всего Римского государства, помещавшемся в круглом храме на форуме. Огонь в нем поддерживали особые жрицы, девы-весталки, как правило, из знатных семей. Их набирал великий понтифик, когда девочкам было 6 или 7 лет. 10 лет они учились служению Весте, 10 лет затем сами несли службу и 10 лет должны были воспитывать себе смену. Если по вине жрицы огонь затухал, верховный понтифик наказывал виновную плетью и мог засечь ее до смерти. Весталки помогали понтификам при совершении священных обрядов, набирая для них воду из ключа, посвященного Каменам, римским музам. Все годы служения Весте они должны были соблюдать обет целомудрия. За нарушение его весталку живой закапывали в землю. Эти жрицы пользовались в государстве особым уважением: для римлянина, стремившегося к гражданской или военной карьере, их поддержка значила очень много. Весталки носили особую одежду, в отличие от остальных римских женщин, могли свободно распоряжаться своим имуществом. На общественных зрелищах им были отведены самые почетные места. Если весталке на дороге попадался осужденный, он немедленно получал свободу. За оскорбление весталки можно было поплатиться жизнью.

Боги домашней кладовой — Пенаты — ведали хозяйством, и им приносили жертвы во время семейного обеда, бросая в огонь часть еды. Поле охраняли Лары, и они же опекали дом, где в специальной часовенке, ларарии, находились их изображения. Ларарий часто представлял собой модель храма — эдикулу, украшенную колоннами,

между которыми ставилось изображение гения хозяина дома в окружении ларов. Но чаще это была простая ниша в стене с арочным сводом, украшенная барельефами и ярко расписанная. Лары могли быть просто нарисованы на стене ниши вместе с гением хозяина: им совместно приносились жертвы, преподносились дары по торжественным случаям.

Ко времени императора Августа Лары превратились в богов — хранителей городских улиц, и их изображения стали украшать перекрестки Рима. Сам Август, прилагавший особые усилия для оживления римских традиционных верований, приказал поставить на улице Башмачников алтарь Ларам, случайно сохранившийся до нашего времени. Барельефы на нем изображают самого Августа со священным жезлом в руке, навершие которого закручено спиралью. От этого жезла ведет свое происхождение посох епископа в римско-католической церкви. Слева стоит супруга Августа Ливия также в религиозном облачении и держит в руке священный сосуд для возлияний (патеру) и курильницу с благовониями. Справа от Августа стоит другой член его семейства, также в священном одеянии. Отсюда видно, что алтарь был предназначен для культа Ларов и одновременно — культа гения Августа.

Каждый римлянин имел своего личного божка, духа хранителя — гения, который первоначально был олицетворением его мужской силы, способности продолжить род (слово «гений» имеет тот же корень, что и слово «генус» — род). Затем гений стал охранять людей обоего пола, дом римского гражданина, наконец, все государство и народ. Своему гению римлянин приносил жертву в день своего рождения.

После смерти человека его тень попадала в царство теней и подземных богов — Манов. «Посвящено богам Манам» — читаем мы на римских надгробиях с I в. до н. э. По-видимому, к Манам причислялись души умерших, которые могли выступать в римской религии так же, как Лемуры — носители злой силы усопших. Овидий в «Фастах» живо описывает обряд Лемурий, с помощью которого римлянин старался обезопасить от этой злой силы себя и свою семью. Обряд справлялся в мае. Отец семейства ночью, когда все спали, вставал, босиком шел к бассейну с водой, попутно делая особые зна-

ки сжатыми в шепотку пальцами, чтобы не столкнуться с легко скользящей тенью Лемура. Омыв руки чистой водой, он набирал черных бобов и, отвернувшись, бросал бобы в ту сторону, откуда должны были прийти Лемуры, приговаривая: «Этими бобами я выкупаю себя и своих домочадцев!». Присловие повторялось девять раз.

В римской религии главным была обрядность, а не мистическое единение с божеством в процессе молитвы; как в ряде восточных религий. Римлянин был обязан знать определенное число магических приемов, которые обеспечивали человеку милость божества. В сочинении «О природе богов» Цицерон пишет: «Благочестие — это знание того, как надо почитать святыни». Спасти человека от бед должны были особые очистительные обряды, увеличивающие плодородие почвы и домашних животных, помогающие забеременеть женщинам. Полевые работы начинались с молитвы и особого обряда, при котором богине Церере приносилась в жертву свинья. Для очищения полей весной совершали суоветаврилию — приносили в жертву сразу свинью, овцу и быка.

К очистительным обрядам относились и те, с которыми был связан праздник Луперкалий, справлявшийся 15 февраля в честь бога Фавна, покровителя сельскохозяйственных животных и земледелия. Жрецов Фавна звали луперками. Надев шкуры свежезабитых козлов, луперки бегали по Палатинскому холму, где находились древнейшие святыни Рима, и стегали всех встречных бичами из шкуры козла. Эти удары, как полагали, приносили счастье, и прохожие охотно подставляли себя под бичи луперков, особенно женщины, желавшие забеременеть.

Крестьянским же по происхождению был праздник Сатурналий, справлявшийся в декабре в честь бога Сатурна, покровителя посевов. Этот праздник был своеобразным воспоминанием о золотом веке человечества, когда царило всеобщее равенство и братство людей, изобилие и счастье под опекой Сатурна. Толпы римлян с радостными криками носились по улицам, одетые в особые шерстяные шапки. Шумное веселье, пляски и пиршества продолжались всю ночь. На время этого праздника рабам предоставлялась свобода, иногда даже господа прислуживали рабам за столом. В эти дни римляне дарили друг другу свечи и статуэтки из глины или теста. Эти куклы, по всей видимости, должны были заме-

нить человеческие жертвы, некогда приносившиеся богам.

Верховными женскими божествами были Диана и Юнона. Они царили над бесчисленным сонмом низших богов и принадлежали к наиболее древним и почитаемым культам италиков. Юнона олицетворяла женственность и покровительствовала браку, как супруга бога Юпитера. Под именем Юноны Луцины она же открывала глаза новорожденным — при благополучных родах Юноне Луцине приносились жертвы и делались приношения в ее храм. Диана, позднее отождествленная с греческой богиней Артемидой, была божеством света и жизни, луны и охоты. Есть основания полагать, что ее культ был занесен пришельцами, поселившимися в Риме и не вошедшими в число полноправных граждан, поэтому Диана стала покровительницей плебеев и даже рабов. Главным культовым местом Дианы стал латинский город Ариция, у подножья Альбанских гор. Там в роще, близ священного источника, находилось ее святилище, главным жрецом которого мог стать лишь беглый раб, который предварительно должен был убить своего предшественника.

С развитием римской религиозной системы женские божества отходили на задний план. Главными богами Рима с давних пор была троица — Юпитер, Марс и Квирин. Юпитер был богом дня и света, грома и молнии, ниспосылающим на землю дождь и непогоду. Римляне называли его «Юпитер всеблагий и величайший». Ему был построен храм на Капитолии, ставший главным храмом государства. Здесь совершались важнейшие государственные акты, отсюда отправлялись в поход римские полководцы. Здесь проходили заседания сената в начале служебного года. Марс был древнейшим итальянским божеством войны. А так как войны по обычаю начинались ранней весной, Марсу был посвящен первый весенний месяц в римском календаре (отсюда — месяц март в календаре народов Европы). На Марсовом поле, где находился алтарь этого бога, позднее имели место народные собрания. Потомками Марса считались Ромул и Рем, мифические основатели Рима.

Бог Квирин, отождествленный с Ромулом, был, по всей видимости, покровителем курии — своеобразного «мужского дома», где собирались взрослые мужчины —

воины, родовые старейшины, решавшие здесь важнейшие вопросы жизни родовой общины. Квирин был, таким образом, богом — покровителем родовой организации римлян. Его культовым местом стал один из семи холмов города — Квиринал.

На рубеже V—VI вв. до н. э. древнейшая римско-италийская троица богов была вытеснена новой, проникшей в Рим под влиянием этрусков. Это были Юпитер, его супруга Юнона и богиня мудрости и ремесел Минерва, позднее отождествленная с греческой Афиной. Вместе с богом морей Нептуном, кузнечного ремесла — Вулканом, богиней любви Венерой, богом торговли Меркурием и некоторыми другими они образовали римский пантеон, в своей классической форме сложившийся ко II в. до н. э. Позднее к греко-римским богам стали присоединяться восточные божества. Первым восточным культом, проникшим на территорию Римского государства, был фригийский по своему происхождению культ Кибелы, Великой Матери богов. Затем в Рим стали проникать и другие восточные культы. Одним из самых распространенных в Италии стал культ египетской богини Исиды, а также популярный среди римских солдат культ персидского бога Митры. Последний оказался особенно живучим и продержался до самых поздних времен Римской империи. Еще в первой половине IV в. н. э. он был самым серьезным соперником христианской религии.

Победы римского оружия на Востоке имели еще одно следствие, которое с особой силой стало себя проявлять в эпоху империи. В эллинистических странах, завоеванных Римом, издавна существовали традиции обожествления властителей, и это привело к тому, что в честь римских полководцев в восточных провинциях стали воздвигать храмы и алтари, где им воздавали божеские почести. Отсюда берет свое начало культ римских императоров, быстро превратившийся в официальный государственный культ Римской империи. Еще при жизни Гая Юлия Цезаря его статуя была поставлена в храме Ромула-Квирина, основателя государства. Цезаря стали почитать под именем Юпитера-Юлия, и было принято специальное постановление сената о сооружении храма Юпитера-Юлия со специальным жрецом. Окончательное оформление культа Цезаря получил при Августе, который стал именовать своего приемного отца «божествен-

ным Юлием». Сам Август был обожествлен вместе со своей супругой Ливией. В их честь воздвигались алтари и храмы, создавались жреческие коллегии (жрецы-августалы), совершали религиозные обряды. Обожествление римских императоров после смерти стало религиозной и юридической нормой государственной жизни Рима эпохи империи.

Выше уже говорилось о том, какую большую роль играла религия в общественной жизни римлян. Однако следует также учесть, что они считались с религиозными установлениями и нормами лишь постольку, поскольку те не приносили существенного ущерба их личным или государственным интересам. Так, римские полководцы придавали немалое значение различного рода гаданиям, предзнаменованиям или предсказаниям жрецов. Однако известен (ставший хрестоматийным) пример, когда полководец Публий Клавдий Пульхр такими предзнаменованиями пренебрег, как сообщают римские историки. В 249 г., командуя римским флотом, он стал перед сражением кормить священных кур. Те отказались клевать зерно, и это было дурным предзнаменованием. Рассерженный консул приказал выбросить кур за борт, саркастически заметив: «Не хотят клевать — пусть теперь напьются!».

ГЛАВА

6

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Живое, ни с чем не сравнимое очарование современного Рима... Громадная Книга Истории, насчитывающая более двух с половиной тысячелетий, открывает свои каменные страницы путешественникам, приезжающим сюда со всех концов света... Им дается уникальная возможность за считанные минуты перенестись в глубь тысячелетий без всякой машины времени, пройти вдоль Священной дороги (Виа Сакра), пересекающей римский форум, по которой когда-то тянулись пышные триумфальные шествия победоносных полководцев, поднимавшихся затем на Капитолий и повергавших к подножию статуи Юпитера Всеблагого и Величайшего несметные сокровища, награбленные в далеких странах. Хотя целых зданий от античной эпохи сохранилось совсем немного, в центре города все еще высятся величественные развалины храмов и базилик, цирков и ипподромов, великолепных терм императорского Рима. И даже там, где Древний Рим, казалось, окончательно погребен под массой более поздних памятников архитектуры, внимательный глаз историка открывает очертания далекого прошлого — как на Пьяцца Навона, живописной и уют-

ной площади, окруженной зданиями в стиле барокко, точно повторяющей своими очертаниями цирк, некогда воздвигнутый на этом месте императором Домицианом. Остатки цирковых сооружений можно увидеть, спустившись в подземелье стоящей здесь церкви «Святой Агнесы на арене» (по преданию, именно здесь святая Агнеса была выставлена нагой к позорному столбу).

Как ни странным может показаться, но еще в XIX в. Рим сохранял некоторые черты древнего города. Радикальные перепланировки, начавшиеся в 1873 г. и достигшие большого размаха в 20—30-е гг. нынешнего столетия, значительно изменили его исторический облик. Широкие магистрали прорезали город в различных направлениях — Виа Национале, Корсо Витторио Эммануеле; Виа дель Тритоне, Корсо Умберто. Даже те улицы и здания, которые сохранились от прежних времен, стали строже и приглушеннее, выглядят нарядно и современно. Но у нас есть счастливая возможность познакомиться с обликом Рима, каким он был в середине XIX в., по акварелям Рёслера Франца, талантливого рисовальщика, работавшего в Риме во второй половине XIX века. Серия из 120 его рисунков, представляющих виды города, хранится сейчас в Музее Рима (палаццо Браски). Эти акварели дышат атмосферой старого Рима: с них смотрят на нас обветшавшие стены старинных зданий, высящихся на узких улочках, из окон свешиваются веревки с сохнувшим бельем, а жителям противостоящих домов стоит, кажется, лишь протянуть из окон руки, чтобы обменяться дружеским рукопожатием. И в древности улицы Рима в среднем не превышали 4,5—5 м ширины. На этих же рисунках мы видим, как почти на каждом углу раскрываются двери лавчонок со всяким товаром, зеленью и снедью, выставленной в корзинах прямо на мостовой. Рёслер Франц запечатлел в своем творчестве не только пышный Рим дворцов и вилл церковной и светской знати, Рим базилик, церквей и соборов, великолепных памятников старины, но и Рим бедняков, городских низов. Поэтому его рисунки особенно ценны для историка.

Из средневековых и более поздних архитектурных сооружений здесь явственно проступают черты и остатки древних строений, причудливо переплетающихся с новыми архитектурными деталями. В средние века широ-

ко использовались античные архитектурные остатки — колонны, мозаичные полы — для строящихся христианских церквей и соборов. С большим размахом такие «работы» производились в XII и XIII веках. По имени мастера Космы, подавшего пример такому использованию античных строений, архитекторов, следовавших его примеру, стали называть «косматами», а детали зданий, выломанные из античных строений — «косматическими». Нетрудно представить, какой колоссальный ущерб памятникам античного Рима был нанесен в результате такой деятельности. Еще в XVI в. великий Микельанджело перестроил часть терм Диоклетиана в церковь «Санта Мария дельи Анджели» (1563—1566 гг.).

Современному историку приходится тратить немало усилий, чтобы представить себе облик Вечного Города, каким его видел Гораций. Рим был тогда центром вселенной, городом мира. Все дороги вели в Рим. Но в I в. до н. э. в Италии было много и других цветущих городов с многочисленным и деятельным населением, говорившим на разных языках и диалектах. Путешествующий по югу Италии житель Эллады или грекоязычного Востока чувствовал себя здесь, как дома. Повсюду звучала греческая речь: ею пользовались не только жившие здесь греки, но и потомки местных итальянских племен, ставшие горожанами и давно уже приобщившиеся к греческой культуре.

Греческие портовые города тянулись цепью вдоль южного побережья Италии — Тарент, Гераклея, Фурии (древний Сибарис), Кротон, Регий. Богатые жители Тарента — крупные землевладельцы и капитаны торговых судов — вели роскошный, с точки зрения суровых и непритязательных в быту римлян, образ жизни. Гораций в сатирах называет Тарент «изнеженным», а в эподах вспоминает о «лишенном воинственности» Таренте. Благодушный климат, широкие равнины с прекрасными почвами, позволявшими снимать по несколько урожаев в год, ясное синее небо притягивали сюда все новых и новых поселенцев. Гораций любил Тарент больше других городов юга: он был красивейшим городом Италии. В городе были театр и музей, много произведений искусства, прекрасных статуй работы знаменитых греческих мастеров. Когда консул Фабий захватил Тарент, он вывез оттуда большое количество рабов, золота и серебра;

но приказал оставить тарентивцам все статуи олимпийских богов — чтобы эти боги, разгневанные на жителей Тарента, продолжали оставаться с ними и вредить им... Таким же богатым и красивым городом, прославившимся некогда своими законами и обосновавшейся там религиозно-философской сектой пифагорейцев, был Кротон. Греческих переселенцев привлекали не только юг Италии, но и плодородные равнины Кампании, расположенной к югу от Рима. Здесь уже в глубокой древности появились их колонии — Кумы и Неаполь.

Рядом с греческими городами вырастали крупные поселения городского типа, населенные уже представителями местных племен. Долгое время соперничала с Римом Капуя, не уступавшая ему по величине и влиянию на общины Средней Италии. Она была основана умбрами и, по-видимому, этрусками, но быстро подверглась эллинизации, став большим торговым и ремесленным центром. Многочисленные итальянские города возникли в Умбрии, Пиценуме, Апулии, Лукании и Калабрии. Очень рано объектом греческой колонизации стала и Сицилия (в ней приняли участие многочисленные греческие города Балканского полуострова, а также островов Родоса и Крита, отчего этнический состав населения Сицилии стал очень пестрым). Местное население — сикулы, сиканы — частично смешивались, частично поработались пришельцами, но в некоторых случаях сумели сохранить самостоятельность. Можно указать на основанный местным племенем сикулов Тавромений, сохранявший добрые отношения с греческим населением близлежащего Наксоса, пока его не захватил тиран Сиракуз Дионисий в начале IV в. до н. э.

В ходе римских завоеваний итальянские города становились объектами римской колонизации, часто в корне менявшей облик города. Благодаря всемирно известным раскопкам Помпей история этого города известна нам лучше всего. Помпей вначале были заселены осками, затем подпали под влияние этрусков. Во время Союзнической войны 91-88 гг. до н. э. жители Помпей поднялись против римского господства и были жестоко наказаны. Город заселили ветераны Суллы, которым были отданы лучшие участки земли и дома, отнятые у местных жителей. Римские колонисты образовали господствующий элемент населения, здесь утвердился латинский язык и

римские обычаи. Такой же римской колонией стал город Венузия, родина Горация, расположенный на стыке двух областей южной Италии — Апулии и Лукании.

Торговля стала движущим стимулом экономической жизни итальянского города. Торговые улицы были наиболее посещаемыми местами и состояли из бесчисленных лавок и мастерских, расположенных в нижних этажах домов. Сдача помещения под лавку или мастерскую составляла важную статью дохода домовладельца. Так выглядит Торговая улица в Помпеях, где мы имеем счастливую возможность заглянуть внутрь сохранившихся торговых помещений, харчевен, мастерских и пекарен.

В международной торговле Рим и итальянские города стали особенно активно участвовать начиная с III в. до н. э. Римские торговцы из всаднического сословия начинают оказывать серьезное давление на римский сенат, добиваясь содействия в завоевании Средиземноморского рынка. Разрушение Карфагена в 146 г. до н. э. было в значительной степени продиктовано торговым соперничеством. В Италию ввозили рабов, пшеницу, вина дорогих сортов, предметы прикладного искусства, дорогие ткани, папирус из Египта, а вывозили недорогие вина, оливковое масло, керамику с характерной красной глазурью, изделия металлургии.

К середине I в. до н. э. итальянские города превратились в крупные центры ремесла. Интенсивное развитие скотоводства, особенно на юге Италии, обусловило рост сукновального производства. Теперь, во времена Горация, зажиточные римляне одевались в шерстяные ткани, изготовленные специалистами-сукноделами. Одежды из этих тканей превосходили по качеству и расцветке домотканые одежды римлян прежних времен. О том, как трудились сукноделы, позволяют судить фрески, открытые в одном из помпейских зданий. Другие помпейские фрески дают представление о труде хлебопеков: только в Помпеях было открыто около 40 пекарен. Каждая такая пекарня обслуживала 500—700 человек. Как правило, она связывалась с мельницей и хлебной лавкой. Это был своеобразный комбинат. Тяжелый труд на мельнице был уделом рабов. «На мельницу!» — эта угроза звучала для римского раба так же, как ссылка на галеры для осужденного в средние века. В Риме сохранился настоящий мавзолей крупнейшего римского мукомола и

хлебопека Эврисака. Быть может, в одной из его пекарен слуга Горация покупал хлеб для своего хозяина.

Громадное место в жизни Рима и провинций занимала строительная деятельность, связанная с ростом городов. «Народ строителей, воинов и юристов» — так часто называют римлян. Многокилометровые акведуки — некоторые из них до настоящего времени снабжают Рим водой, — остатки цирков, амфитеатров, храмов и мостов, переброшенных через широкие реки, ясно свидетельствуют о высоком мастерстве римских строителей, использовавших самые разнообразные материалы и типы кладки. Наиболее распространены были кирпичные постройки, частично дошедшие до наших дней: римский кирпич изготавливался вручную и был более прочным, чем современный. Образцом строительного искусства римлян может служить Пантеон в Риме, построенный полководцем и зятем императора Августа Марком Випсанием Агриппой в 27 г. до н. э. и позднее перестроенный при императорах Траяне и Адриане. Пантеон представляет собой огромное сооружение цилиндрической формы с куполом диаметром в 43,3 м. Это один из крупнейших куполов мира. Обширные строительные программы, осуществленные в правление императора Августа (по сообщению Светония, он с гордостью заявлял, что принял Рим кирпичным, а оставляет его мраморным), стали возможны еще и потому, что, кроме больших средств, захваченных Августом в ходе последних гражданских войн, в Риме этого времени стали применяться особо прочные строительные материалы.

Прочны и долговечны также знаменитые римские дороги, некоторые из них и сегодня служат людям. Известный римский политический деятель конца IV в. до н. э. цензор Аппий Клавдий не только построил первый акведук, но и проложил для военных целей длинную дорогу, сохранившуюся до наших дней (Виа Аппия), ведущую из Рима в Капую. Она проходит через ущелья, которые пришлось засыпать, и реки, берега которых были соединены мостами. По образцу этой дороги строились и остальные, связавшие Рим не только с другими частями Италии, но и с провинциями — прежде всего Галлией и Испанией.

Многие города возникали на месте римского военного лагеря. Две перпендикулярные оси лагеря становились

лись со временем главными улицами возникающего города. Параллельно им шли другие улицы, а в центре располагался форум — рыночная площадь, на которой стояли главные общественные здания. Стены, окружавшие город, имели ворота, выходившие на главные дороги. Так, на Аппиеву дорогу римлянин попадал через Капенские ворота, через Коллинские ворота — на Виа Номентана. Особые ворота вели в Остию, морскую гавань Рима. К концу республики в Риме было 15 городских ворот.

За стенами города, в узком пространстве померия, городской черты, лепились улицы с частными домами, площади, общественные постройки. Древние римские улицы были уже, чем в современных городах. Наглядное представление об улицах времени Горация дают раскопки в Помпеях, где ширина главных магистралей равна в среднем 8 или 9 метрам, а боковых улочек и переулков — от 2,5 до 5 м. Улицы Помпей вымощены каменными плитами, а так как они были грязными, то для удобства пешеходов устраивались переходы из трех или четырех камней, возвышавшихся над мостовой. По ним можно было бы перейти на другую сторону улицы, не запачкав обуви.

В Риме и других крупных городах Италии проезд экипажей по городу в дневное время был запрещен. Улицы в эти часы занимали пешеходы (знатных лиц несли на носилках рабы). Исключение, по муниципальному закону Цезаря, допускалось лишь для повозок, которые везли строительный материал для храмов или иных важных общественных сооружений. Зато ночью город наполнялся грохотом телег, на которых перевозили товары и строительные материалы, криками погонщиков, понукающих упрямых мулов. Разумеется, движение шло по главным артериям города, мимо домов, заселенных беднотой.

Дворцы знати и богачей строились с таким расчетом, чтобы в них уличный шум не проникал. Рим эпохи Горация был сильно перенаселен. Дома тесно лепились друг к другу, и у приезжающих сюда в огромном количестве иностранцев возникало впечатление необыкновенной скученности. Элементарные нормы санитарии не соблюдались, отсутствие благоустроенной канализации приводило к тому, что римляне, жившие в густо населенных

районах, дышали воздухом, отравленным зловониями. До Рима доносились испарения Помптинских болот. Вместе с часто дующим горячим сирокко (как называют современные итальянцы южный ветер) они делали климат в городе трудно переносимым.

Скученность, теснота порождали частые пожары и эпидемические заболевания. Тем важнее было хорошо организованное водоснабжение, на что древние итальянские города тратили немалые средства. Пока города были сравнительно невелики, воду выбирали в колодцах. Лишь в конце IV в. до н. э. в Риме был сооружен первый водопровод. Вначале воду подавали по подземным каналам, облицованным камнем, позже ее стали вести и над землей — по цементированным кирпичным трубам, покоившимся на сводчатых конструкциях типа арок, тянувшихся на многие километры. По этим акведукам вода поступала в большие водонапорные башни, где отстаивалась и очищалась. В Риме из этих башен она подавалась по одним трубам в городские бассейны и фонтаны для водоразбора, чаще всего ставившиеся на перекрестках, и в бассейны для плавания, по другим — в общественные бани, которых в Риме было особенно много. Чем крупнее был город Италии, тем больше требовалось ему воды. «Если бы кто-нибудь захотел измерить все количество воды, текущей для общественного употребления в банях, прудах, в пригородных виллах, измерить те расстояния, которые она проходит, сооруженные арки, прорытые горы, сглаженные долины, то он должен был бы сознаться, что во всем мире не было никогда ничего более достойного удивления», — пишет Гай Плиний Старший. Император Август уделял особое внимание водоснабжению Рима и в своем политическом завещании («Деяния Божественного Августа») с гордостью упоминает в числе прочих своих заслуг о том, что им был реконструирован водопровод «Аква Марция», что удвоило количество воды, доставлявшейся в Рим.

Рим времени Горация был городом с миллионным населением. Примерно 18000 человек составляли сенаторское и всадническое сословия. К ним примыкали люди среднего достатка (около 20000 человек), за ними шли ремесленники, торговцы, лица, доход которых был очень невелик (приблизительно 360000 человек). На самом

низу социальной лестницы стояли неимущие, пролетарии, насчитывавшие до 270000. Сюда надо присоединить иностранцев, во множестве посещавших Рим или живших в нем (примерно 100000). Наконец, надо принять в расчет и рабов, число которых достигало 200000. Рим мало производил, но много потреблял, и забота о том, как прокормить вечно голодный римский плебс, все больше тревожила власть имущих. Один раз в месяц 200000 плебеев собирались на Марсовом поле, где в 45 лавках им по спискам, заранее утвержденным городскими властями, выдавали даровой хлеб. Раздачи денег и хлеба плебсу были постоянным явлением, и Август в уже упомянутом политическом завещании подробно перечисляет, когда и сколько он лично потратил на эти раздачи, которыми, по его словам, пользовались не менее 250000 человек.

Рим был поделен Августом на 14 районов, и это административное деление легло в основу организации городского управления, полицейского и пожарного надзора. Площадь города, располагавшегося на семи холмах, была в древности гораздо более пересеченной, чем теперь, после того, как наносы различного рода, мусор и щебень, накапливавшиеся в течение двух тысячелетий, значительно сгладили неровности городской территории.

Улицы, связывавшие различные части Рима, можно было разделить на три типа. Первый тип назывался «виа» — дорога: это были довольно широкие мощеные улицы, по которым мог двигаться транспорт, телеги и колесницы вместе с пешеходами. Главной была «Виа Сакра», Священная улица, пересекающая главные артерии города и упиравшаяся в главную площадь — форум Романум. Торжественные и триумфальные шествия двигались всегда по ней. Менее значительной была Виа Нова, «Новая улица», окружавшая Палатинский холм в его восточной и северной части. Виа Сакра выходила к городским воротам — Порта Целимонтана, а одно из ее ответвлений — к Капенским воротам. Далее она раздваивалась на Виа Латина, устремлявшуюся в сторону Альбанских гор, и Виа Лата, которая пересекала Марсово поле и вела далее на север (Фламиниева дорога). Среди важных артерий Рима следует выделить

«Остиеву дорогу», соединявшую Рим с его морским портом.

Вторым типом городских улиц Рима были кливусы — улицы, поднимавшиеся на холмы: ведшая к Капитолийскому холму называлась «Кливус Капитолинус», к Авентинскому холму — «Кливус Публициус».

Третьеразрядным типом улиц был викус. Так назывались улочки и переулки, тянувшиеся вдоль склонов римских холмов и незаметно исчезающие у их подножий. Вдоль этих переулков селилась римская беднота, ремесленники и торговцы, представители свободных профессий. На некоторых улицах селились представители одной профессии (Викус Сандалиариус — улица Башмачников).

Парадным центром Рима была Главная площадь — Форум Романум. Первоначально это был рынок (римские грамматиканы производили это слово от глагола «феро» — несу, т. е. это было место, куда сносили товары). В глубокой древности Форум Романум был болотистой равниной с протекавшим посредине ручьем. Но по мере того, как рос город, понадобились новые рынки. В источниках мы встречаем названия Бычий Рынок (Форум Боариум), Овощной Рынок, Мясной Рынок (Макеллум), расположенные вблизи Главной Площади.

С начала V в. до н. э. Форум Романум стал быстро застраиваться, и ансамбль его зданий окончательно сложился ко времени Горация. В юго-западной части его находился храм Весты, близ которого была выстроена Регия — резиденция верховного понтифика. В северо-восточной части располагался Комиций — площадка с оградой, куда собирались граждане Рима на собрания. С севера к Комицию примыкала Курия, здание, где происходили заседания сената. По преданию, его построил царь Тулл Гостилий, поэтому она называлась «Гостилиевой курией». Там, где Комиций соприкасался с площадью Форума, возвышались Ростры, ораторская трибуна, с которой политические деятели обращались к народу. Свое название трибуна получила потому, что консул 338 г. до н. э. Гай Мений украсил ее носами кораблей, захваченных римлянами в морском сражении («ростры» — нос корабля). Близ Ростр высились статуи знаменитых политических деятелей, которые

должны были напоминать римским гражданам о подвигах, совершенных их великими предками.

Восточную и Западную часть Римского Форума украсили соответственно храмы Сатурна и Кастора, к которым в IV в. до н. э. победитель галлов Марк Фурий Камилл добавил храм Согласия, в память о примирении патрициев и плебеев. От храма Сатурна до наших дней сохранились восемь гранитных колонн с остатками антаблемента.

Победитель кимвров Гай Лутаций Катул построил в том месте, где Священная дорога соединяется с Римским форумом, здание государственного архива — Табуларий, аркады которого, доминировавшие над Кливус Капитолинус, сохранились до нынешнего времени (над ними высится теперь здание римской ратуши, Палаццо Сенаторио).

Значительные изменения в архитектурном облике Рима связаны с деятельностью Г. Ю. Цезаря, перенесшего трибунные комиции на Марсово поле. Он построил роскошную базилику в южной части форума, от которой сохранился фундамент, а взамен сгоревшей Гостилиевой курии (она сгорела в 52 г. до н. э. в связи с событиями, имевшими место на похоронах народного трибуна Клодия) Цезарь построил новую курию, которая стала называться Юлиевой. Близ нее был заложен новый форум — форум Юлия, послуживший своеобразным двором великолепного храма Венеры Прародительницы, считавшейся родоначальницей семейства Юлиев. В качестве изображения богини Цезарь поместил в храме статую Клеопатры, чем вызвал гнев многих ревнителей древних нравов. Строительство новых зданий на Римском форуме не было завершено Цезарем и было доведено до конца Августом, достроившим Юлиеву базилику и освятившим Юлиеву курию.

Римский форум был излюбленным местом прогулок горожан, свиданий и деловых встреч. Задолго до Горация римский комедиограф Тит Макций Плавт сатирическим пером описал толпу, собиравшуюся на форуме по всяким делам, а часто и без всякого дела, в пьесе «Проделки парасита»:

Где какого человека легче отыскать — скажу:
Чтобы не потратить даром труд, когда найти хотят

Без порока ли, с пороком, честного ль, бесчестного,
Вероломный ли вам нужен — вас пошлю к Комицию;
Хвастуна, лгуна хотите — храм богини всех клоак;
А мотов, мужей богатых — сыщешь под базиликой,
Потаскушки отставные там же, и дельцы крючки;
А на Среднем, у канала — там приют для франтиков...

Другим важным центром общественной жизни во времена Горация стало Марсово поле, некогда служившее местом военных упражнений римского юношества. Здесь над зеленой травой возвышались великолепные сооружения, целый лабиринт портиков с колоннадами в коринфском стиле. Сводчатые и украшенные фронтонами крыши зданий чередовались с зеленью рощ и аллей, окаймленных по ту сторону реки холмами, возвышающимися полукругом. Склоны их спускались к самому берегу. Ко времени Августа к роскошным постройкам Марсова поля император и его зять Агриппа добавили много новых. Помимо цирка Фламиния и театра Помпея, построенных ранее, здесь были воздвигнуты Агриппой роскошные термы и новые портики, где были выставлены знаменитые произведения искусства, разнообразные диковинки, привезенные со всех концов света. Перед термами Агриппа поставил великолепную статую греческого скульптора Лисиппа — «Апоксиомен» («атлет, счищающий с себя пыль палестры»). Произведение Лисиппа должно было напоминать посетителям терм о предназначении здания и одновременно доставлять эстетическое наслаждение (когда преемник Августа, император Тиберий, которому эта статуя очень нравилась, приказал перенести ее в свой дворец, возмущение римлян было настолько велико, что он вынужден был вернуть ее на старое место). Агриппа, с именем которого связано особенно много роскошных сооружений эпохи Августа, выстроил на Марсовом поле так называемую Септу — здание, где римляне подавали голоса во время выборов. Там же воздвиг портик в честь своей сестры и сам Август, в котором была устроена публичная библиотека (он частично сохранился до настоящего времени).

Рим украшало множество храмов, построенных в различное время, но пришедших в ветхость за время гражданских войн. За время своего долгого правления император Август реставрировал старые и построил ряд новых храмов. В строительстве римских храмов преоб-

ладающим типом ордера становится коринфский, колонна которого имеет капитель в виде корзины листьев аканфа с проглядывающими сквозь них изящными небольшими волютами. Этот архитектурный ордер отличается особой декоративностью и пышностью. Типичным образцом римского храма времени Августа, прекрасно сохранившимся до наших дней, является храм во французском городе Ниме («Мэзон каррэ»). Этот небольшой храм коринфского ордера имеет 30 колонн, из которых 10 высятся в глубоком преддверии (пронаосе) — шесть по фасаду и по паре с обеих сторон. Размеры храма — $25,13 \times 12,39 \times 12,29$ (указаны длина, ширина и высота в метрах). Небольшие размеры здания объясняются тем, что античный храм не был местом, куда собираются верующие для молитвы, а только «домом бога», предназначенным для обитания божества. Молебствие производилось перед храмом у алтаря под открытым небом. Здесь приносились жертвы, сжигались на алтарях кости и тук животных.

Из новых храмов, построенных Августом, особо следует отметить храм Марса Мстителя, поставленный в память о победе при Филиппах, а также храм Аполлона, примыкавший к императорскому дворцу на Палатине, с портиками, где была устроена библиотека с книгами на греческом и латинском языках. «Ни один храм, нуждавшийся в восстановлении, не был оставлен в небрежении», — с гордостью написал Август в уже упоминавшемся политическом завещании.

Выше говорилось о тесноте и скученности улиц древнего Рима, но эти неблагоприятные условия жизни смягчались многочисленными «садами» (по-современному, парками). В современном Риме любимым местом прогулок является парк на холме Пинчио, но и в древности на этом месте был разбит парк, сады Ацилия Глабриона. Самыми роскошными в Риме были сады Саллюстия, располагавшиеся в низине, примыкающей к холму Квиринал. Эти сады, а также сады Лукулла, сады Помпея, были истинным украшением города. По завещанию убитого диктатора были открыты для народа сады Цезаря, расположенные в западной части Рима. Следуя этим примерам, Мecenат также разбил парк на холме Эсквилин, где высился его дворец. Все эти парки были украшены портиками из дорогих пород камня, искусст-

венными гротами, многочисленными фонтанами, доставлявшими желанную прохладу в жаркие летние дни.

Рим, как и другие итальяйские города, не мог жить без терм. Римляне посещали их очень часто, сюда приходили не только мыться, но и отдыхать, развлекаться. Здесь можно было встретиться со знакомыми, послушать прославленных поэтов, читавших здесь свои стихи до того, как они появятся в виде книг. Наконец, здесь же можно было получить консультацию известных врачей, воспользоваться услугами массажистов и даже заняться гимнастикой (для этой цели к термам пристраивались небольшие стадионы). Галереи терм были украшены скульптурой, копиями знаменитых произведений, а иногда и оригиналами. Ко времени Августа в Риме насчитывали многие десятки общественных бань. Римляне посещали их за небольшую плату, иногда даже бесплатно, причем среди посетителей мы встречаем даже очень богатых людей, приходивших сюда в сопровождении нескольких рабов, с носильщиками, врачами, массажистами (люди победнее нанимали массажистов здесь же).

Как много значило для римлянина посещение терм, видно из двустишия, которое некая Мерепа приказала высечь на надгробном камне своего сожителя:

Бани, вино и любовь разрушают вконец наше тело,
Но ведь и жизнь создают — бани, вино и любовь!

В общественных банях стоял невообразимый шум — об этом с немалым сарказмом пишет римский писатель и философ Луций Анней Сенека: «Я живу над самыми банями. Представь себе всевозможные звуки, от которых можно прийти в бешенство. Вот, размахивая тяжелыми гирями, напрягаясь или делая вид, что напрягаются, упражняются силачи: я слышу стоны, свист задержанного и, наконец, выдыхаемого воздуха, мучительно затрудненное дыхание. Вот пришел какой-то флегматик, которому достаточно обычного массажа. Я слышу, как хлопает по его плечам рука массажиста, и звук меняется, смотря по тому, ударяет ли он всей ладонью или складывает ее лодочкой. Если тут пришел еще игрок в мяч и начал считать мячи — кончено! Прибавь еще скандалиста, пойманного вора и человека, который с удовольствием слушает в бане свой голос. Прибавь

еще тех, кто со звучным плеском прыгает в бассейн, людей, которые говорят только во весь голос. Подумай еще о цырюльнике, который выдергивает волосы — он возвещает о себе голосом тонким и пронзительным и умолкает только тогда, когда выщипывает волосы подмышками и заставляет вопить в это время другого. Затем надо еще учесть и всевозможные выкрики пирожников, колбасников, трактирных разносчиков, расхваливающих нараспев свои товары...».

Только к двум предметам стремится народ — к хлебу и зрелищам, писал римский сатирик Децим Юний Ювенал. Требовать от властей дарового хлеба и зрелищ считалось неотъемлемым правом римского плебса. Зрелища устраивались по различным поводам, чаще всего в многочисленные праздники, предназначенные для умиловливания божества, но в действительности использовавшиеся политическими деятелями для утверждения своего влияния в народе. К ним прибегали и римские императоры, начиная с Августа. В его время государственные игры занимали 66 дней в году. Из них 14 отводились цирковым ристаниям, 2 — испытаниям беговых лошадей, 2 — жертвенным пиршествам и остальные 48 — сценическим представлениям. В дни неофициальных праздников устраивались гладиаторские бои. Они то и были самым популярным зрелищем, вошедшим в обычай еще в середине III в. до н. э. В эпоху Горация все слои общества охотно посещали и ценили гладиаторские бои, и лишь немногие решались на то, чтобы выразить протест против кровавого зрелища, разжигавшего страсти грубой римской толпы (среди них можно назвать философа Сенеку). У Горация образы, заимствованные из практики гладиаторских боев, встречаются довольно часто — в этом отношении он был истинным сыном своего века.

Гладиаторами, бестрепетно умиравшими на потеху беснующейся толпы, восхищались самые просвещенные люди. «Вот гладиаторы, — восклицает Цицерон, — они преступники или варвары, но как переносят они удары! Насколько охотнее высколенный гладиатор примет удар, чем постыдно от него ускользнет! Как часто кажется, будто они о том и думают, чтобы угодить хозяину или зрителю! Даже израненные, они посылают спросить своих хозяев, чего те желают — если угодно,

они готовы умереть. Был ли случай, чтобы даже посредственный гладиатор застонал или переменялся в лице? Они не только стоят, но и падают с достоинством, а упав, никогда не прячут горла, если приказано принять смертельный удар! Вот что значит упражнение, учение, привычка». Друг и издатель Цицерона Тит Помпоний Аттик торговал не только книгами, но и отрядами гладиаторов, что несколько не шокировало Цицерона, писавшего ему: «Ты купил прекрасный отряд. Мне рассказывали, что гладиаторы бьются удивительно. Если бы ты захотел отдать их в наем, то после последних двух боев ты вернул бы свои деньги».

Лица, державшие школы гладиаторов, назывались в Риме ланистами (мясниками). Надо отдать справедливость древним римлянам — профессия эта не пользовалась уважением, и ланисты расценивались так же, как содержатели публичных домов. На стенах зданий в Помпеях мы находим афиши с объявлениями о предстоящих гладиаторских боях с перечнем участников, и против имени каждого гладиатора указано, из какой школы он вышел. Уже после сражения на этих афишах были отмечены результаты боя (слова, сокращенные до одной буквы, указывали, что сражавшийся гладиатор победил или погиб, или был отпущен на свободу).

К концу республиканского периода в связи с обострением политической борьбы и стремлением противоборствующих партий привлечь к себе симпатии народа возрос и размах гладиаторских боев. В 65 г. до н. э. Цезарь, став эдилом, вывел на арену 320 гладиаторов, сражавшихся серебряным оружием, чем завоевал огромную популярность у римского плебса. Август ставил себе в особую заслугу то, что за годы своего правления 8 раз устраивал в Риме гладиаторские бои, в которых приняли участие 10000 человек (вероятно, имеются в виду здесь не только сами гладиаторы, но и весь обслуживающий персонал).

Привлекательным зрелищем, собиравшим толпы людей, была травля зверей. Для этой цели из далеких стран, прежде всего из Африки, свозились в Рим экзотические животные: носороги, слоны, львы, жирафы, пантеры. Животные поступали как часть дани, которую платили Риму завоеванные страны. Против зверей представляли вооруженных лишь легким оружием «венато-

ров» (охотников). Ими были чаще всего гладиаторы или приговоренные к смертной казни преступники. Нередко зверей стравливали между собой — медведя с кабаном, пантеру с быком, предварительно заставляя хищников долгое время голодать, чтобы пробудить в них ярость. «Я предоставил народу, от своего имени или от имени своих сыновей и своих внуков зрелища травли африканских зверей. Они давались в цирке, на форуме, в амфитеатрах 26 раз, и во время этих представлений было убито около 3500 животных», — с гордостью пишет Август в своем политическом завещании.

Совершенно новым, невиданным прежде зрелищем стали навахи — театрализованные морские сражения, впервые показанные римлянам Цезарем. Для этой цели на Марсовом поле был вырыт пруд, окруженный высокими трибунами для зрителей. В него были спущены настоящие боевые корабли с экипажами, одетыми в экзотические костюмы. Стараясь сделать зрелище увлекательным, Цезарь инсценировал битву между двумя восточными флотами. По сигналу, который дал он сам, началось кровавое сражение. В воду с дикими воплями падали раненые и убитые, треск ломающихся судов и звуки боевых труб создавали невообразимый шум, усиленный ревом и криками многотысячной римской толпы. По данным античных источников, в этой навахии участвовало 2000 бойцов и 2000 гребцов. Водоем, где происходило сражение, вскоре пришлось засыпать, так как от массы разлагающихся трупов исходило невыносимое зловоние.

Навахи устраивал и Август, писавший в своем завещании: «Я доставил народу зрелище морского сражения за Тибром, в том месте, где теперь роща Цезарей. Для этой цели был вырыт пруд длиной в 1800 и шириной в 1200 футов. На нем вступили в сражение 30 трирем и бирем, а также множество более мелких судов. На этих судах сражалось около 3000 человек, не считая гребцов».

Громадной притягательной силой для римлян тех времен обладали цирковые игры и состязания. В Риме эпохи Горация было два цирка: Фламиниев — на Марсовом поле и древний Большой цирк в долине между Палатинским и Авентинским холмами — грандиознейшее сооружение тогдашнего Рима. Места для зрителей, от-

деленные рядами от арены, располагались в три яруса, из которых только нижний был каменным, а верхние два — деревянными. Они часто рушились под тяжестью огромной массы зрителей, что приводило к человеческим жертвам. Самые нижние места предназначались для лиц сенаторского сословия, второй ярус — для всадников и верхний — для простого народа. К концу республики цирк стал также местом народных сборищ, а в ранний период империи — единственным местом, где народ общался со своими правителями, с императором и его окружением. По тому, как приветствовала императора толпа, собравшаяся в цирке, можно было судить о его популярности. Август особенно ревниво следил за тем, чтобы его появление встречали пылко и восторженно. Уступая требованиям публики в цирке, принцепс мог освободить преступника, одержавшего победу во время травли зверей, даровать жизнь гладиатору или дать свободу рабу, проявившему актерский талант на сцене. Устройство цирковых игр в конце республики было делом частных лиц и служило одним из средств завоевания народных симпатий и голосов на выборах. В дни, когда в цирке не устраивались игры и не проводились состязания, там собиралась разношерстная толпа — бродячие фокусники, цирюльники, врачи, предсказатели, астрологи, нередко наживавшиеся на доверии публики. Поэтому Гораций в одной из сатир говорит о «плутовском цирке».

Собственно, Большой цирк был ипподромом, предназначенным главным образом для состязаний в беге колесниц. Гонки на колесницах собирали больше всего народу. Большой цирк бывал полон в эти дни, а ведь он вмещал около 60000 человек. Подготовка к состязаниям отнимала немало времени и требовала больших средств. Пышно украшались колесницы и конская сбруя, одежды возничих блистали золотом. Столь же нарядными были руководители состязаний, консулы, преторы или эдилы, одетые в ярко-красные туники и расшитые золотом тоги. Руководитель состязаний держал в одной руке скипетр из слоновой кости с навершием в виде орла с распростертыми крыльями, а в другой — белый платок, который он бросал на арену, давая сигнал к началу состязаний. Игры состояли из двух частей: торжественного шествия, помпы и самих бегов. Шествие

начиналось на Капитолии, далее процессия двигалась по Этрусской улице и затем через Бычий рынок направлялась к цирку. Помимо устроителей игр, в этой процессии участвовали жрецы различных коллегий, возничие, просто юноши пешком или на конях, музыканты, танцовщицы и много другого люда.

Зрелище соревнований действительно было захватывающим. Возничие в ярких туниках и сверкающих золотом шлемах с гиканьем, размахивая бичами, гнали коней во весь опор, стремясь обойти друг друга, а зрители громкими криками подбадривали своих любимцев, на которых сделали азартные ставки. Часто возничие падали, разбиваясь насмерть, поэтому голову возничего защищал металлический шлем, а тело было обмотано толстыми кожаными ремнями, но и это не всегда помогало.

В эти дни в цирк стремились и стар, и млад. Находились ловкачи, умело извлекавшие доход из этой страсти римлян, занимая с ночи места и затем продавая их втридорога. В цирк приходили, чтобы завязать знакомство, поухаживать за дамой сердца. В поэме «Искусство любви» Овидий советует искать красоток именно в цирке. О том же пишет он в «Любовных элегиях»:

В цирке сегодня сижу я не ради коней знаменитых —
Нынче желаю побед тем, кого ты избрала,
Чтобы с тобой говорить, сидеть с тобой рядом, пришел я,
Чтобы могла ты узнать пыл, пробужденный тобой...
Ты на арену глядишь, ну, а я — на тебя: наблюдаем
Оба мы то, что хотим. Сыты обоих глаза.
Счастлив возничий, тобой предпочтенный, пусть кто бы
он ни был,
Значит, ему овладеть взором твоим удалось...
Мне бы удачу его! Упряжку погнав из ограды,
Смело бы отдался я бурному бегу коня,
Вот бы бичом я хлестал, тугие натягивал вожжи!
Мчась, того и гляди, осью бы мету задел!
Но тебя увидав, я бег бы тотчас замедлил,
И, ослабевшие, вмиг выпали б вожжи из рук...

Победитель получал богатый приз, его популярность не знала границ. Не случайно Гораций в первой оде 1-й книги говорит, что для многих высшее счастье — первым на колеснице достигнуть финиша и из земных господ вознестись тем самым до олимпийских богов.

Уже в конце республики с играми были связаны угощения народа и раздачи подарков, причем все это происходило прямо в цирке. Позднее угощения стали еще роскошнее, множество служителей с корзинами разносили лакомства для публики, разливали старое вино из засмоленных сосудов. Угощался весь римский народ, от последнего плебея до знатного сенатора и самого принцепса, оказываясь, таким образом, как бы за одним столом: это была демонстрация единства народа и правителей.

Отношение просвещенного римского интеллигента конца I в. н. э. к всеобщему увлечению цирковыми играми выражено в письме Гая Плиния Секунда Младшего: «Были цирковые игры. Этот род зрелищ меня менее всего увлекает: ничего нового, ничего отличающегося от прежнего, ничего такого, что бы ты, раз увидев, захотел посмотреть вновь. Тем более я удивляюсь, как столько тысяч людей по-детски стремятся видеть одно и то же — бегущих лошадей и людей, стоящих на колесах».

В «зрелищной индустрии» древнего Рима театр занимал сравнительно скромное место. Это положение хорошо иллюстрирует ставший хрестоматийным пример с постановкой пьесы Теренция «Свекровь». В прологе этой пьесы сообщается, что она дважды потерпела провал: в первый раз из-за того, что публика после начала представления сбежала, чтобы посмотреть на кулачные бои, а второй раз зрители сбежали на гладиаторские бои... Посещение театра в Риме стало входить в моду после того, как Рим, завоевав Италию и Сицилию, начал активно приобщаться к греческой культуре. В выборе сюжетов первые римские драматурги всецело ориентировались на греческие образцы — трагедии Еврипида, комедии Меландра и его продолжателей. На сцене изображалась частная жизнь греков, но вне конкретных географических и исторических реальностей. Перед зрителями комедии выступали все одни и те же, переходившие из одной комедии в другую сценические типы, своего рода маски: влюбленный юноша, скупой старик-отец, хвастливый воин, хитрый и находчивый раб.

Театров в Риме не строили очень долго. Считалось, что постоянные театральные представления расслабляю-

ще подействуют на воинский дух и моральную стойкость римского гражданина. Первые театры были деревянными — временные, наспех сколоченные подмостки сразу же разбирались после представления. Лишь к середине I в. до н. э. в Риме стараниями эдила Марка Эмилия Скавра был построен постоянный театр. Хотя он был деревянным, но отличался необыкновенной роскошью, судя по описанию Плиния Старшего. Сцена в три яруса была украшена 360 колоннами из дорогих сортов мрамора, сами ярусы были мраморными, за исключением верхнего — из позолоченного дерева. Между колоннами помещались 3000 статуй, стены были покрыты мраморными плитами и мозаичными картинами. По словам Плиния, любителя больших цифр, театр Скавра мог вместить 80000 зрителей.

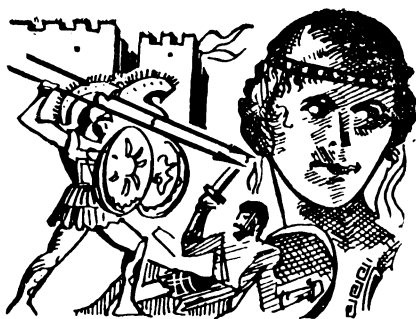
В 54 г. до н. э. Гней Помпей, построив первый в Риме каменный театр, счел необходимым соорудить выше него храм Венеры Победительницы, дабы места для зрителей, поднимавшиеся амфитеатром, служили как бы лестницей, ведущей к храму. То была явная уступка древней религиозной морали, носители которой с подозрением встречали все новое и необычное. В театре Помпея, по данным античных историков, могло поместиться до 40000 зрителей. За сценой этого театра был выстроен роскошный портик, украшенный произведениями скульптуры.

Мы можем себе представить, как строились римские театры по немногим, сохранившимся до нашего времени сооружениям этого типа (например, в Сабрате в Ливии или в Оранже во Франции). Места для зрителей поднимались, как и в греческих театрах, амфитеатром, сам он делился проходами на секторы, чтобы зрители могли свободно двигаться, занимая свои места. В самом низу находилась площадка — орхестра, но если у греков там танцевал и пел хор, то у римлян на орхестре располагались музыканты и сидели самые почетные гости. В 13 г. до н. э. Август построил в Риме в честь своего племянника Марцелла новый театр, о котором он упоминает в «Деяниях»: «Я построил у храма Аполлона, на территории, по большей части выкупленной у прежних владельцев, театр». Так как строился он на ровном месте, понадобились стены, подпиравшие места для зрителей. Из эстетических соображений стены театра Марцелла укра-

шны аркадами, создающими впечатление легкости и изящества всей конструкции.

Таков был Рим — ненасытного и жадного до зрелищ плебса и немногочисленной гордой элиты, определявшей судьбы народов и стран Средиземноморья и с помощью легионов державшей своих подданных в повиновении. Но существовал и другой Рим — Рим философов и художников, архитекторов и ученых, поэтов и писателей.

ГЛАВА

РИМСКАЯ ПОЭЗИЯ ДО ГОРАЦИЯ

В отличие от греческой литературы, которая развивалась спонтанно, опираясь почти исключительно на богатую традицию фольклора, римская словесность с самого начала испытывала сильнейшее влияние этрусской, затем греческой культуры. До конца своего исторического существования римская литература во многом пользовалась сюжетами и формами, заимствованными у греков. Само становление римской литературы произошло очень поздно, что не в последнюю очередь объясняется особенностями старого римского общества с его невниманием к художественному творчеству, к поэтам.

До середины III в. до н. э. римской литературы в собственном смысле этого слова не существовало. Лишь в устной традиции сохранялись обрядовые песни, исполнявшиеся с музыкальным сопровождением. Среди них были свадебные песни, насмешливые, иногда весьма вольные фесценнины, звучавшие в праздник урожая, погребальные нении, гимны жреческих коллегий с их архаичными, во многом уже непонятными позднейшим поколениям сакральными формулами. Уже в середине III в. до н. э. существовал особый, «национальный» поэтический размер — сатурнийский стих, которым написал первую римскую эпическую поэму Гней Невий. Гораций

невысоко ставили сатурнийский стих, называл его «ужасным», имея в виду, вероятно, его грубую простоту (Посл. II, 1, 158).

Однако первым римским поэтом был не Невий. Им стал пленный грек из Тарента, учитель Ливий Андроник (около 282—204 гг. до н. э.), который в середине III в. перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера — классическую книгу греческих школ. Перевод, выполненный сатурнийским стихом, по мнению более поздних римских писателей, был весьма косноязычным, но это не мешало ему оставаться той книгой, по которой римские дети учились родному языку до времен Горация. Неуклюжие стихи Андроника казались Цицерону первобытными, «каким-то произведением Дедала», мифического греческого художника, жившего в незапамятные времена. Зато поэму Невия Цицерон сравнивал с великолепными классическими статуями аттического скульптора Мирона. Дошедшие до нас отрывки поэмы Невия действительно отличаются легкостью стиха и чистотой латинского языка, впервые обретшего литературную форму.

Заслуги Андроника перед римской словесностью бесспорны. В 240 г. до н. э. по поручению римских магистратов Андроник сочинил по-латыни несколько трагедий и комедий, которые должны были ставиться во время «Римских игр». Сюжеты он взял из греческой, в основном Новой комедии. Хотя Цицерон и говорил, что пьесы Андроника не заслуживают вторичного чтения, первый римский поэт не был все же слепым подражателем, но весьма одаренным мастером-творцом. Диалогическим ритмам греческой драмы — ямбическому триметру, трохайческому тетраметру — он сумел, обладая тонким чувством меры, придать форму, доступную и приятную для римского уха. Недостаточно владевший латинским языком, Андроник тем не менее удостоился немалой чести от Римского государства. В 207 г. до н. э. ему был заказан гимн, который должны были исполнять 27 римских дев в торжественной процессии в честь богини Юноны. Заказ свидетельствовал о признании поэта обществом, об уважении к его полезному для сограждан труду.

В отличие от Андроника, вольноотпущенника Ливия Салинатора, Гней Невий (около 274—201 гг. до н. э.) происходил от свободнорожденных родителей, его общественный статус был неизмеримо выше, и это прояви-

лось в независимой позиции, которую он занял против знатного римского рода Метеллов. В своих стихах он жаловался на злую судьбу, которая делает Метеллов консулами Рима, на что Метеллы ответили тем же сатурнийским стихом:

Дадут Метеллы трепку Невию поэту...

Главным произведением Невия была уже упоминавшаяся эпическая поэма «Пуническая война», написанная под свежим впечатлением побед, одержанных Римом над Карфагеном в I Пунической войне. В семи книгах этого повествования рассказывалось о бегстве героя Энея из Трои, его путешествиях и основании Рима Ромулом (согласно одному из вариантов легенды, внуком Энея). Рассказ об основании Рима был вставлен в основное повествование о Пунической войне, подобно «Одиссее», где рассказ героя на пиру у феаков позволяет восстановить всю цепь событий. В самом рассказе о событиях Троянской войны читатель мог найти параллели к истории борьбы Карфагена и Рима. Писал Невий также трагедии, но комедии удавались ему больше. Смело выступая против знати и даже против Сципиона Африканского, он навлек на себя гнев сильных мира сего, за что, по всей видимости, и поплатился. Невий был вынужден покинуть Рим.

Сюжеты и формы Невий брал из греческой драмы, на сцене выступали актеры, одетые в греческий плащ — паллий, поэтому раннюю римскую комедию с античных времен принято называть «комедия паллиата». Тонкий юмор новоаттической комедии был недоступен грубоватой римской публике, и комические ситуации в римской паллиате приходилось утрировать. «Весь мир греческих драм воспринимался римлянином как далекая экзотика: мифологический фон трагедий казался «тридевятым царством», а традиционный фон комедийных ситуаций с их хитрыми рабами, изящными гетерами, учеными поварами и лстивыми параситами из «зеркала жизни» превращался в фантастически условный гротеск (нарочито подчеркиваемый римскими комедиографами: «Здесь, в Греции, так водится»)»¹.

¹ Гаспаров М. Л. Начало римской литературы // Полонская Л. П. Хрестоматия по ранней римской литературе, М., 1984. С. 8.

По-видимому, Невий был первым, кто прибег к приему контаминации: в основной сюжет, заимствованный у греческого драматурга, вставлялись дополнительные эпизоды и персонажи, взятые из других греческих пьес. Прием этот стал необыкновенно распространенным, им широко пользовались такие выдающиеся римские комедиографы, как Плавт и Теренций.

Влияние Невия ощущается не только у его младших современников (например, Энния), но у римских поэтов «золотого века», прежде всего, у создателя римского «национального» эпоса — Вергилия. «Разве Невий до сей поры не ходит по рукам и не застревает в душах людей, как будто являясь нашим современником?» — спросит позднее Гораций (Посл. II, I, 53).

Наиболее выдающимся римским поэтом архаической эпохи стал в глазах позднейших потомков Квинт Энний (около 239—169 гг. до н. э.), соединивший в себе поэта, философа и драматурга. Разносторонне образованный человек, Квинт Энний происходил из италийской знати. Местом его рождения был город Рудии в Калабрии, жители которого, как и многих других италийских городов, подверглись сильнейшей эллинизации. Греческий язык Энний знал с детства, язык осков был его родным языком, латинским же он овладел очень рано как языком народа-победителя, подчинившего себе Италию. Поэт шуточно говорил о себе, что у него три сердца, и ему действительно удалось объединить в своем творчестве традиции трех культур. Во II Пунической войне Энний служил в римской армии, затем поселился в Риме, где стал заниматься преподавательской деятельностью, одновременно обрабатывая греческие пьесы для римского театра. Будучи от природы мягким и уживчивым, он сблизился с римскими аристократами, добился римского гражданства. В среде просвещенных римлян, группировавшихся вокруг семейства Сципионов, он играл видную роль и даже был похоронен на семейном кладбище Сципионов.

В творческом наследии Энния мы находим произведения самых различных жанров. Это и драмы, и панегирики, и философские сочинения вроде «Протрептика» (изложения нравственных начал), и поэма «Эпихарм», излагавшая основы учения сицилийского философа и поэта Эпихарма, и прозаический трактат «Эвгемер», где

рационалистическая теория греческого философа получила доступную для римлян форму. Особенно важно для нас то, что Энний выступил зачинателем жанра «сатур», о котором речь пойдет ниже в связи с сатирами Горация. У Энния этот жанр еще не имеет отличительных признаков, свойственных позднейшей римской сатире: его сборник «Сатуры» («Смесь») состоял из небольших стихотворений на самые различные темы — спор с друзьями о поэтическом творчестве, описание паразитом выгод своего ремесла и т. п.

Благодаря тому интересу, который проявлял к драматургическому наследию Энния Цицерон, мы располагаем отрывками из его трагедий, которые все же позволяют получить представление о принципах его драматургии. В трагедиях он следовал преимущественно Еврипиду, невероятно популярному в те столетия в эллинистическом мире, когда греческий язык, литература и искусство совершали свое победное шествие по странам Средиземноморья. У Энния мы находим и прямые переводы из Еврипида (например, в пьесе «Медея, или Медея-изгнанница»).

Трагедии Энния имели большой успех у тогдашней римской публики. Величавая патетика, подчеркнутая риторичность монологов, риторическая мощь и пышность хорошо видны в монологе Андромахи (трагедия «Андромаха-пленница»):

Средь высших сил твоей лишилась, Гектор, я...
Куда идти и где искать мне помощи?
Подмоги ль ждать, иль сразу в бегство броситься?
Лишилась я кремля и града. Как мне быть?
А алтари отцов стоят разрушены,
В огне сгоревший храм лежит в развалинах,
И бревна кровли дочерна обуглены...
О мой отец, Приам, о моя родина!
О храм, с вратами звонкогласными закрытыми!
Я наслаждалась видом твоей роскоши,
Высокой кровли позолотой,
Слоновой костью царственно блистающей...
Все в жадном пламени сгорело,
Лишился жизни царь Приам,
И кровью залит жертвенник Юпитера...

Еще Невий сделал попытку вывести на сцену события римской истории. У него на подмостках говорили и действовали римские граждане, магистраты и жрецы, одетые в характерный римский костюм — тогу, укра-

шенную широкой пурпурной каймой, какую носили лица сенаторского сословия. Такая тога называлась «претекста» (дословно: «притканная к краю»), ибо кайму ткали нитями пурпурного цвета вдоль прямого края тоги, и потому трагедии из римской жизни также именовались «претексты». По образцу Невия Энний создал несколько претекст, из которых известны «Сабинянки» (на сюжет легенды из римского прошлого) и «Амбракия» (по имени города в Северной Греции, который осаждал Марк Фульвий Нобилиор, покровитель Энния).

Главным произведением, сделавшим Энния родоначальником римского национального эпоса (вершиной его стала «Энеида» Вергилия), были «Анналы». Поэма состояла из 30000 стихов, но до нашего времени сохранилось лишь около 600. «Анналы» повествовали об исторических подвигах римского народа — от основания Рима до событий, современных самому поэту. В поэме нашел свое завершение эпический стиль, основу которого заложил еще Невий. Энний же явился создателем латинского гекзаметра, перенеся на римскую почву стихотворный ритм, которым написаны поэмы Гомера. Влияние греческого эпоса проявляется и в поэтике Энния — в пышных описаниях батальных сцен, в участии богов, вмешивающихся в земные дела. Сам автор «Анналов» не считает нужным скрывать, чем он обязан Гомеру. В прологе поэмы он сообщает, как Гомер явился ему во сне, сообщив, что его душа отныне переселяется в Энния. И все же он не следует слепо за своим великим предшественником, а умело вносит римские мотивы, черты римского быта и верований. Так, мы находим в «Анналах» типично римскую сценку гадания по полету птиц, предвещающих Ромулу власть над Римом:

Падают с неба тогда священных трижды четыре
Тела птиц и к счастливым местам направляются быстро.
Ромул увидел тогда, что ему дано предпочтение,
Трон и власть над страной установлены этим гаданьем...

Возможно, следуя Аполлонию Родосскому, Энний вносит в эпически возвышенный стиль жанровые мотивы, например, в описание вещего сна Илии, дочери Энея, будущей матери Ромула и Рема. Описывается, как старуха-служанка дрожащими руками приносит ночью светильник деве Илии, испуганной вещим сном. Илия рассказывает старухе, как явившийся ей во сне отец пред-

сказал дочери вначале большое горе, а затем — большое счастье, причиной которого явится Тибр. Согласно легенде, брошенная в Тибр Илия стала супругой бога этой реки.

Художественная палитра Энния особенно богата и разнообразна. Он значительно обогатил «язык отцов», отмечает Гораций в поэме «О поэтическом искусстве». Энний умело использует звуковые эффекты, аллитерацию, игру словами с одинаковым набором согласных:

О Тит Татий тиран, тяготят тебя тяготы эти!

Часто используется звукопись, например, в описании сигналов, подаваемых боевыми трубами:

Тут пропела труба: «таратантара» — страшно и звонко...

Часты у Энния и гомеровские сравнения, например, уподобление столкнувшихся в схватке воинов буйным ветрам:

Вот сбежались они, словно ветры, когда дожденосный
Австр с Аквилоном сойдясь, своим могучим дыханьем
В море широком валы, состязаясь друг с другом, вздымают...

Хотя еще и несовершенный, гекзаметр Энния вытеснил собой сатурнийский стих из римской поэзии. Повидимому, Энний внес в римскую поэзию элегический дистих, которому суждена была блестящая будущность: достаточно вспомнить лирику Катулла, Тибулла, Проперция и Овидия.

Из эпитафии, сочиненной Эннием самому себе, видно, что он сознавал величие совершенного им:

Граждане, о, посмотрите на старого Энния образ:
Славные он воспевал подвиги ваших отцов.
Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным
Воплем. Зачем? Я живой буду летать по устам.

Давая скупые и меткие оценки своим предшественникам, Гораций назовет Энния «мудрым» за его философскую образованность, «храбрым» — за описание воинских подвигов римлян в «Анналах» и даже «вторым Гомером» (Посл. II, I, 49).

Драматургия Тита Макция Плавта (около 250—184 гг.) относится ко времени, когда поэзия в Риме уже обрела права гражданства и были выработаны основные критерии оценки художественного произведения, сложилась читательская и зрительская среда с определенны-

ми запросами и вкусами. Первые памятники драматической поэзии римлян, от которых сохранились лишь отрывки, представляли собой переделки и переводы на латинский язык сочинений греческих авторов. То, что такая переработка считалась чем-то само собой разумеющимся, видно из прологов комедий Плавта, где встречается такая фраза: «Плавт перевел на варварский язык». Латинский язык оценивается здесь с точки зрения греков, а та или иная пьеса выдается за перевод соответствующей греческой комедии, хотя вовсе не была простым переводом.

Римская драматургия испытала на себе мощное влияние народного итальянского театра, разновидностью которого является ателлана — небольшая одноактная пьеса, весьма популярная у жителей Кампании. В ней выступали одни и те же персонажи-маски, карикатурно воплощавшие известные человеческие пороки: Буккон — чванливый глупец, Доссенн — злой горбун, обычно выступающий в роли ученого шарлатана, смешной старик Папп и глупый обжора Макк. Гораций позднее заметит, что в прожорливых параситах Плавта ясно проглядывает Доссенн — персонаж ателланы. В этой народной драме большую роль играли музыкальное сопровождение и хореография, танец, что также перешло в театр Плавта. Ателлане были свойственны также элементы карнавальной вольности, издевки по адресу великих мира сего, что несколько не шокировало римскую публику. Вначале исполнявшаяся на языке кампанских осков, ателлана быстро перешла на латинский язык, а играть ее стали римские граждане. То был единственный вид сценических представлений, не считавшийся позорным для римлянина. Ведь в иных случаях актеры рисковали лишиться части гражданских прав из-за занятия профессией, позорящей римского гражданина.

Уроженец небольшого умбрийского городка Сарсины Плавт происходил из небогатой семьи. Разорившись, он был вынужден работать на мельнице. Здесь в минуты отдыха он сочинил свои первые три комедии. В прологе к пьесе «Ослы» он сам говорит о себе: «Макк перевел. А сочинитель — Демофил». То, что Плавт называет себя именем персонажа аттелланы, подтверждает сведения античных авторов о связи Плавта с народным театром. Пьесы его свидетельствуют о блестящем знании грече-

ского языка и литературы, в частности, произведений новоаттической комедии. Подлинными произведениями драматурга с античных времен считают 21 комедию: они и дошли до нас, правда, с пропусками и испорченными местами из-за несовершенства рукописной традиции.

Используя сюжеты, разрабатывавшиеся Менандром, Дифилом, Филемоном и другими авторами «новой комедии», Плавт, однако, переделывая их пьесы, далеко отходил от своего оригинала. «Серьезная» проблематика, свойственная упомянутым греческим авторам, мягкий юмор и филантропические идеи, так часто звучавшие со сцены в комедиях Менандра, не могли тронуть римскую малообразованную публику, привыкшую больше к сельскому труду и военным походам, чем к театру и поэзии. Чтобы завоевать симпатии зрителей, Плавт ориентировался на их повседневные интересы и представления, традиционные римские нравы, и потому мы так часто находим у Плавта грубые, порой непристойные шутки, буффонаду и фарс. Обычным персонажем его пьесы выступает хитрый и проказливый раб, ловко надувающий своего господина и выставляющий его в смешном виде на потеху публике. Но это не вызывало возмущения у свободных римских граждан, сидевших в театре: ведь им показывали со сцены греков, к которым они привыкли относиться с известной долей презрения. Да и сами человеческие типы и характеры, выступающие в комедиях Плавта, были тогда еще в значительной степени чужды римскому обществу: жадные и бесстыжие содержатели публичных домов, хвастливые и глупые наемные солдаты, алчные и бессовестные гетеры...

Язык комедий Плавта отличается поразительным богатством лексики, часто почерпнутой из простонародной речи. Награждая героев своих комедий говорящими именами, Плавт широко использует греческие корни. Так, герой комедии «Псевдол» ловкий раб-пройдоха носит имя, образованное от греческого слова «псевдос» — ложь и латинского «долус» — коварство. Героя комедии «Хвастливый воин» зовут Пиргополиник — по-гречески «Башнеградопобедитель». Комическое впечатление производит иногда нарочитая вычурность речи, совершенно не подходящая к ситуации: раб, которому не хочется черпать воду из колодца, грозит расправиться с ним, что-

бы от него «и духу не осталось», а герой комедии «Привидение», ревнуя свою возлюбленную к зеркалу, готов «разбить ему голову». Простонародная непосредственность и наивность реплик у Плавта таят в себе особую прелесть, нисколько не оскорбляя вкуса зрителей, и даже его непристойные шутки никогда не воспринимались как сальность или безнравственность. Идущая от ателланы веселая перебранка действующих лиц, сцены «поругования» отрицательных персонажей нравились публике, искавшей в театре прежде всего забаву.

Персонажи плавтовских комедий носятся по сцене, отчаянно жестикулируя, патетически бьют себя в грудь, предъявляют непомерные претензии, требуя чуть ли не божеских почестей, в упоении от одержанной победы танцуют непристойные танцы и готовы проехаться на спине побежденного противника. Такое поведение хорошо гармонировало с солеными шутками и остротами, рассчитанными на самый невзыскательный вкус. Вместе с музыкальным сопровождением все это создавало атмосферу брызжущего весельем представления, жизнерадостного, оптимистического, увлекавшего массу зрителей. Но поразительнее всего то, что эти грубые шутки и буффонада сочетаются у Плавта с высокопоэтическими сольными ариями. Их изысканная лиричность — предвестница будущего расцвета лирической поэзии в Риме.

Несмотря на кажущуюся «сниженность» сюжетов созданных им комедий, Плавт предстает в них подлинным мастером драматургии — в своих искусно построенных диалогах, метко придуманных словечках и репликах, в знаменитых плавтовских «квипрокво», когда действующие лица говорят о разных вещах, думая, что имеют в виду одно и то же, что приводит к сильным комическим эффектам.

Плавт широко использует контаминацию, сливая две или даже несколько комедий своих греческих предшественников в одну, варьируя и повторяя иногда комические сцены и эпизоды, вводя дополнительных действующих лиц, коренным образом изменяя все сценическое действие. Находки папирусов с пьесами Менандра показали, что Плавт не только смело переделывал оригинал, но изменял и даже углублял психологическую характеристику персонажей, приспосабливая их к вкусам римского зрителя, его пристрастиям и настроениям.

Традиционные персонажи - маски «новой комедии» меняют свой характер в пьесах Плавта. «Парасит» в греческой комедии — это бывший светский человек, который, обеднев, кормится за счет богатых юношей, развлекая их своей эрудицией и остроумием. Но у Плавта он превращается в обыкновенного прихлебателя, мечтающего только о даровом обеде. Гетеры греческих пьес — часто образованные дамы полусвета, умеющие петь, играть на музыкальных инструментах, доставляющие удовольствие посетителям своими талантами. У Плавта же они — просто легко доступные женщины.

Актерами театра Плавта чаще всего были вольноотпущенники, иногда рабы, которым поручалась также разработка музыкальной и хореографической части представления. Имена некоторых актеров и композиторов, принимавших участие в постановке пьес Плавта, до нас дошли. Популярность театральных представлений в Риме быстро росла. Они давались во время многих официальных религиозных торжеств, кроме того, их устраивали от случая к случаю наследники знатных умерших политических деятелей в дни погребения. Следствием этого явились значительная специализация в актерской среде, выделение определенных амплуа. Теоретик римского ораторского искусства Марк Фабий Квинтилиан рассказывает о двух прославленных комедийных актерах — Деметрии и Стратокле: «Один прекрасно играет богов, юношей, добрых стариков, хитрых рабов, сводников и вообще более подвижные роли... Махнуть рукой, испустить сладкий вздох на радость зрителю, наполнить ветром складки одежды при выходе на сцену, слегка выставить вперед правое бедро не было дано никому, кроме Деметрия... Стратоклу же удавались бег, подвижность, смех и затылок, спрятанный в плечи...».

В одном из своих посланий, посвященных литературе (II, 1, 58), Гораций приводит бытующее мнение о Плавте — «спешащем вслед за Эпихармом», сицилийским автором «дорической комедии», отличавшейся грубоватым стилем: «Смотри, как (скверно) рисует Плавт роли влюбленного юноши, скупого отца, коварного сводника, как сильно проглядывает у него Доссени сквозь образы прожорливых параситов. Плавт носится по сцене в плохо затянутом сокке» (под «плохо затянутым сокком»

мягкой обуви актеров комедии — в противоположность котурну трагических актеров — подразумевается несовершенство комедий Плавта). Гораций негодует, что Плавт озабочен лишь тем, сколько монет упадет в кошелек от представления, насколько не беспокоясь, потерпит ли оно провал или выстоит. Поэт неодобрительно отзываясь о грубовато-простонародной манере Плавта и связи его образов с фольклорной традицией. Горацию с его эстетическими принципами, утонченным вкусом конца I в. до н. э. пьесы Плавта казались недостойным фарсом.

В первой половине II в. до н. э., когда Плавта сменил на римской сцене Публий Теренций Афр (около 190—159 гг. до н. э.), Рим и другие города Италии заполнили представители греческой интеллигенции, люди свободных профессий, которые становились учителями, философами, художниками, архитекторами, профессорами риторики. Греческий язык, моды, обычаи проникали в римский быт, богатые люди украшали свои дома греческими вазами и статуями, возникли первые частные библиотеки. «Очень поздно, лишь после Пунических войн, начали римляне обращать внимание на греческую литературу, познавая, что полезного несут в себе Софокл, Феспид и Эсхил», — напишет впоследствии Гораций в послании к Августу (Посл. II, I, 161).

Часть римской аристократии начала проявлять интерес к философским теориям греков (еще Энний, как мы помним, создал первую латинскую дидактическую поэму философского характера). Особенно выделялась своей просвещенностью и увлечением греческой культурой семья Сципионов, члены которой оказывали немалое влияние на политическую жизнь Рима. Как сообщает историк Тит Ливий, еще Публия Корнелия Сципиона Африканского, победителя Ганнибала, упрекали за то, что он ведет образ жизни, не подобающий римлянину и вообще воину: посещает палестру в греческом плаще и сандалиях и даже читает книги! Вокруг этой семьи группировались просвещенные люди того времени: философы, историки, литераторы, юристы. Среди них — известный знаток греческой философии Гай Лелий, философ-стоик Панэтий, старейшина римских литераторов Энний, историк Полибий. Кружок Сципионов стал чем-то вроде литературно-политического салона, и в Риме дол-

го помнили о нем. Цицерон в некоторых трактатах-диалогах изобразил деятелей этого кружка беседующими о наилучших формах государственной жизни, ораторском искусстве, этических и иных философских проблемах. Эти-то люди и оказали покровительство Теренцию, когда он еще юношей прибыл в Рим. Он происходил из самых низов общества, был рабом, а затем вольноотпущенником сенатора Теренция Лукана, оценившего таланты юного раба и отпустившего его на свободу, предварительно дав ему хорошее образование. О своих знатных покровителях Теренций сам упоминает в пьесе «Братья».

В своем творчестве Теренций ближе всего следует Менандру, к которому восходят его первые четыре комедии: «Андрিয়нка» (девушка с острова Андрос), «Сам себя наказывающий», «Евнух» и «Братья». Теренция привлекали прежде всего гуманистическая направленность комедий Менандра, его глубокое проникновение в человеческие характеры, яркость обрисовки человеческих типов, оптимистическая вера в доброе начало, существующее в человеке.

Театр Теренция значительно отличается от того, что показывал ранее на римской сцене Плавт. Здесь мы уже не найдем экстравагантных шуток и буффонных ситуаций, духа шумного и веселого народного праздника, карикатурно очерченных отрицательных персонажей с их преувеличенными, в духе ателланы пороками. Комический элемент почти совершенно исчезает в пьесах Теренция, и их справедливее было бы называть не комедиями, а бытовыми драмами. В них разрабатываются исключительно бытовые, семейные темы: неожиданно и, казалось бы, беспричинно возникшая вражда между невесткой и свекровью («Свекровь»), спор между двумя стариками-братьями о том, как надо воспитывать детей («Братья»). Из комментария к пьесе «Свекровь» грамматика Элия Доната (вторая половина IV в. н. э.) можно заключить, что античные критики делили драматические действия на «подвижные», заполненные движением действующих лиц, и «статические», в которых персонажи спокойно обменивались репликами. Следуя этой классификации, мы могли бы сказать, что у Плавта комедии «подвижные», тогда как у Теренция — «статические».

В пьесах Теренция перед нами раскрываются трогательные, мастерски представленные истории, богатые ин-

тригой, неожиданными поворотами ситуаций, в которых большую роль играет случай. Изображаемые человеческие характеры трактованы глубоко и тонко, с подлинно гуманистическим интересом к тому доброму и благородному, что есть в людях.

Характерным образцом в этом смысле является «Свекровь», сюжет которой можно свести к рассказу о муже, совершившем насилие над своей будущей женой. Насилие было совершено ночью, и герой пьесы, юноша Памфил, не разглядел лица девушки. Через некоторое время родители женили его на некой Филумене, которая, по прошествии определенного срока, вдруг перестала разговаривать и встречаться со своей свекровью, искренне ее полюбившей. Истинной причиной таких осложнившихся семейных отношений является преждевременная беременность Филумены, но этого никто не знает, и в конце концов Филумена убегает в дом своих родителей. Добрая свекровь Сострата пытается изо всех сил вернуть невестку в мужний дом, но семейный разлад углубляется. Муж Филумены Памфил, узнав о преждевременных родах своей жены, отказывается от нее. Семейный мир восстанавливает добрая и гуманная гетера Вакхида, которую прежде любил юноша Памфил. Ей некогда он подарил кольцо, сорванное с руки девушки, над которой Памфил совершил насилие, и благодаря этому кольцу происходит «узнавание» — прием, характерный для новой аттической комедии. Пьеса заканчивается счастливым концом — в заключительной сцене Памфил в изысканных выражениях благодарит гетеру Вакхиду и получает от нее заверения, что тайна Филумены будет сохранена. В этой пьесе добрыми и гуманными людьми выступают все действующие лица, пастельными красками очерчены их характеры и поведение. Все действие протекает благопристойно, без резких поворотов, пылких проявлений страстей: действующие лица руководятся скорее рассудком, чем непосредственно взволнованным движением души.

Различия между театром Плавта и Теренция бросаются в глаза. Совершенно меняются комедийные типы: вместо скупых и злобных стариков, сварливых старух, не проявляющих никакого сочувствия к страданиям своих влюбленных сыновей — благожелательные и чуткие родители, изо всех сил старающиеся устроить счастье

своих детей; вместо хитрых и проказливых рабов — преданные слуги, пытающиеся содействовать благополучному разрешению конфликта; вместо жадных и корыстолюбивых гетер — добрые участливые девушки, которых злая судьба ввергла во власть жадного сводника (или сводни), но которые даже в этом положении сохраняют природную человечность.

Изменяется и язык комедии. Речь Теренция — рафинированно чистый язык образованной римской публики, на таком языке говорила правящая элита общества. Теренций мог его постоянно слышать в устах своих покровителей. Элегантность и изящество латинской речи Теренция высоко ценились позднейшими грамматиками. В его комедиях особенно часты монологи с философской окраской, нравоучительные сентенции, выражения, впоследствии вошедшие в поговорку (например, «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»).

Комедии Теренция были, таким образом, рассчитаны уже на иную публику, чем пьесы Плавта. Сама римская публика ко времени Теренция значительно изменилась. И все же не приходится удивляться тому, что пьеса «Свекровь», поставленная в 165 г. до н. э., провалилась во время первой и второй постановки (зрители просто сбежали: в первый раз соблазнившись выступавшими по соседству кулачными бойцами и канатными плясунами, а во второй раз — гладиаторскими боями). Эти факты стали хрестоматийными и часто приводятся в доказательство низкой образованности и культуры римлян, грубости их нравов. Гораций в послании к Августу (Посл. II, I, 185) с презрением отзывается о глупости «жалкого плебса», способного посередине театрального представления потребовать, чтобы ему показали травлю медведей или кулачный бой. Но не следует забывать, что даже Август, обладавший изысканным вкусом и сам причастный к литературе, был большим поклонником подобных зрелищ. Справедливость требует упомянуть, что та же римская публика с восторгом приняла комедию Теренция «Евнух»: представление было повторено в тот же день, а сам драматург получил самый высокий гонорар, который когда-либо выплачивался за подобные произведения.

Гораций отзывается о Теренции с большим сочувствием, чем о Плавте. Сравнивая Теренция с другим рим-

ским комедиографом, Стацием Цецилием, он отмечает, что тот побеждает зрителя «серьезностью», Теренций же — «искусством» (Посл. II, I, 59). Горация привлекали в комедиях Теренция тщательность отделки, изысканность языка, а также безупречный вкус и близость к греческому оригиналу, прежде всего, к комедиям Менандра, которого Гораций особенно любил. Но римские ценители изящной литературы понимали, насколько Теренций уступает своему греческому предшественнику. Поэтому Цезарь назвал Теренция «половинным Менандром».

В определенном и, конечно, строго ограниченном смысле предшественником Горация как художника-мыслителя можно считать Тита Лукреция Кара (около 95—55 гг. до н. э.), а как тонкого лирика, прекрасно усвоившего опыт древнегреческой поэзии — Гая Валерия Катулла (87—54 гг. до н. э.). К этим двум именам следовало бы присоединить и Луцилия, о котором речь пойдет ниже в связи с сатирами Горация.

Сам Гораций в своих симпатиях и антипатиях был, как мы видели, часто односторонен и склонен резко критически относиться к поэтам прошлых веков. Не щадил он и своих современников. Так, из многих поэтов Рима, живших с ним в одно время, он упоминает лишь избранных, чаще всего своих друзей. Среди них в первую очередь следует назвать Вергилия, которому он посвятил нежные прочувствованные строки. Тем не менее, Гораций очень осторожно, даже сдержанно отзываясь о его творчестве (Сат. I, 10, 44—45), говоря лишь о мягком и изящном таланте, которым одарили друга Камены. По-видимому, он вообще избегал касаться подобных тем, за редким исключением, к которым относится, например, первая ода второй книги его лирических произведений, в которой высоко оцениваются трагедии его высокого покровителя Азиния Поллиона (о которых, впрочем, современники были иного мнения). Близким другом Горация был Аристий Фуск, которому посвящены послание (Посл. I, 10) и ода (Од. I, 22). В шутовском и дружеском тоне Гораций приветствует друга, поклонника городской жизни, в то время как он сам по-прежнему влюблен в свое деревенское уединение. Но ни в послании, ни в оде Гораций не касается литературной деятельности своего друга, хотя традиция называет Фуска не

только грамматиком, но и автором трагедий. Посвятив недавно умершему другу-литератору Квинтилию Вару из Кремоны одну из своих од (I, 24), он и здесь, где упоминание о творчестве умершего было бы вполне уместным, воздерживается от всяких оценок и лишь в послании к Пизонам высоко отзовется об его остром критическом уме. Свойственная поэту сдержанность лишает исследователей его творчества возможности отыскать у него изъявления признательности тем, кого он мог бы назвать своими предшественниками в служении музам.

Называя Лукреция и Катулла прямыми предшественниками Горация, мы имеем в виду только то, что оба они стояли в центре определенных течений в римской литературной и общественной жизни, творили в кругу лиц, идеи и настроения которых оказались созвучными идеям и настроениям Горация: пристальное внимание к личной, частной жизни человека, его духовному миру, стремление отыскать тихую гавань, где можно было бы укрыться от грозных бурь гражданских войн и где мирный поэт сможет обрести истинный смысл своего существования и труда. Через все произведения Горация красной нитью пройдет одна из главных тем его творчества — прославление мирной сельской жизни и природы, на лоне которой поэт может спокойно отдаться выполнению своего истинного призвания. В среде мыслящей элиты римского общества усиливается интерес к проблемам этики, социологии, религии, возникает повышенный интерес к философским учениям прошлого.

Два популярных философских учения того времени нашли в Риме благодатную почву и дали пышные всходы: эпикурейская и стоическая школы. Кровавый террор марианцев и сулланцев оттолкнул многих от активной политической деятельности, которая становилась по сути дела невозможной, так как свободное волеизъявление римских граждан исчезало, а подлинными хозяевами государства становились честолюбивые полководцы, стоявшие во главе легионов и добивавшиеся единоличной власти. Эпикурейская доктрина как нельзя более подходила тем, кто, следуя эпикурову принципу «проживи незаметно», стремился уйти в частную жизнь, отказавшись от почестей и славы ради высших духовных устремлений, занятий философией, литературой или сельским хозяйством — традиционным занятием римлян. Так

можно было достигнуть свободы от волнений и страха, которую проповедовал некогда Эпикур. Популярности эпикуреизма способствовали его относительная простота и доступность: это учение было ориентировано больше на здравый смысл, чем на глубокий анализ абстрактных понятий и категорий.

К середине I в. до н. э. мы встречаем в Риме уже немало философов — эпикурейцев. В их среде и сложился Лукреций как мыслитель, автор удивительной поэмы «О природе вещей». По-видимому, он не успел завершить свой труд, придать ему целостность и исправить некоторые недописанные строки. Но и незавершенная, она пользовалась известностью среди образованных римлян, склонных к философским занятиям. В 54 г. до н. э. Цицерон писал своему брату Квинту: «Поэма Лукреция такова, какой ты характеризуешь ее в своем письме: в ней много проблесков природного дарования, но вместе с тем и искусства».

Цель поэта становится ясной из следующих строк поэмы:

...Учу я великому знанию, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий...

Освободить людей от суеверий и религиозных предрассудков может только учение великого Эпикура, объяснившее сущность мироздания. Лукреций посвящает ему самые восторженные строки:

Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отчески роду
Нашему ныне даешь наставленья, и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова золотые...

Образ пчелы впоследствии использует Гораций, говоря, что, подобно трудолюбивой пчеле, тратит много сил, слагая свои песни (Од. IV, 2, 27).

Сущность мироздания последовательно и полно раскрывает атомистическая теория Эпикура, изложенная торжественно и ярко языком эпической поэзии:

...Собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняя начала,
Все, из которых творит, умножает, питает природа
И на которые все после гибели вновь разлагает...
Их семенами вещей мы зовем и считаем телами.
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

Эти семена вещей вечны, как сама природа, в которой существует постоянный круговорот. Все в мире состоит из сочетаний этих первоначальных телец: они бесконечно разнообразны и по самой своей природе постоянно движутся. Условием их движения и сочетания является, согласно Лукрецию, наличие пустоты. Из этих частиц природа все создает сама, без участия богов:

Если как следует ты это понял, природа свободной
Сразу тебе предстает, лишенной хозяев надменных,
Собственной волею все без участия богов создающей.

Думать, что вся «дивная мира природа» создана богами для людей, просто безумие. И для чего понадобилась бы богам человеческая благодарность? Какая необходимость могла заставить их создать нечто новое? И в конце концов

... Откуда взялся у богов образец мироздания,
Да и само представление о людях запало впервые,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?

Поскольку пространство бесконечно, нельзя предполагать, будто сочетание атомов, породившее мир, было единственным в своем роде. В каждой части пространства должен возникнуть мир, ибо нет причин, которые могли бы этому помешать:

...Остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена, а также различные звери.

Неотъемлемая часть природы — человек, он смертен, смертна и его душа, состоящая из телец, намного более мелких, чем те, из которых состоит тело. Подобно туману, уносящемуся в воздух, душа после смерти рассеивается и покидает тело. Само тело подобно сосуду, заключающему в себе душу: когда гибнет сосуд, исчезает и его содержимое. Но если душа смертна, то вера в переселение душ и загробную жизнь лишена всяких оснований. Мифы о загробном мире — просто нелепые выдумки:

Что же до Кербера, Фурий, а также лишенного света
Тартара, что изрыгает из пасти ужасное пламя —
Этого нет нигде, да и быть, безусловно, не может.

Потустороннее, сверхъестественное вмешательство чуж-

до и истории человеческого общества. Некогда люди были просто первобытным стадом, жизнь их была жалким прозябанием и сводилась к полной опасностей борьбе за существование:

... Дикие звери

Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.

Но затем люди научились добывать огонь и пользоваться им, построили жилища, научились шить одежду. Таким же естественным путем развился язык. Вначале он состоял из телодвижений, жестов и мимики, позднее к ним стали примешиваться и звуки. Их совершенствование привело к созданию слов и фраз, сложившихся в единую языковую систему. В основе всего лежала нужда, заставившая людей учиться различным искусствам и ремеслам.

Поэма наполнена живыми, конкретными образами: природа и все рожденные ею существа выступают одухотворенными, наделенными живым чувством. И все же мысль побеждает в Лукреции поэта: отсюда несколько суховатый, иногда даже жесткий стиль поэмы.

Как далека от этого поэзия Катулла, буквально пронизанная бурными порывами чувств, которым он отдается всецело! Перед нами блистательный лирический калейдоскоп с бесконечно разнообразной и непрерывно сменяющейся гаммой красок. Самые трогательные, изысканные и нежные любовные излияния, обращенные не только к возлюбленной, но и к окружающим ее предметам и живым существам (например, воробью — ими забавлялись светские дамы), соседствуют с яростными, бичующими и злобными эпиграммами, полными грубых оскорблений, непристойных намеков и язвительных выпадов против ненавистных поэту лиц — таких, как Цезарь и его ближайшее окружение. В стихах Катулла немало «аттической соли» — то гневного сарказма, то мягкой, добродушной иронии или милой дружеской шутки. Катулл — первый поэт Рима, который выступает перед нами во всей своей яркой индивидуальности, как личность — с ее отчетливо выраженным характером, добродетелями и пороками, горестями и радостями.

Как и у Горация, мы найдем в стихах Катулла немало биографических сведений. Родился он в Вероне, на севере Италии, и даже перебравшись в Рим, он с осо-

бой теплотой и взволнованным чувством вспоминал родные места, Фирмион — «жемчужину», «глазочек» среди островов и полуостровов прекрасного Гардского озера.

Катулл получил хорошее образование, овладев богатым наследием всей греческой и римской литературы, поэтому он одним из первых получил титул «ученого поэта». Живя в Риме, он примкнул к группе молодых литераторов, куда входили известный поэт Лициний Кальв, грамматик Валерий Катон, Гельвий Цинна и некоторые другие, менее известные. То был тесный кружок друзей и единомышленников, сходных в своих литературных и светских увлечениях и вкусах. Почти все они были молоды, вели рассеянную светскую жизнь. Здесь высоко ценили острое словцо, шутку, яркий поэтический образ. Дух непринужденности и свободы, царивший в их кружке, хорошо передает обращение Катулла к Лицинию:

Друг Лициний! Вчера в часы досуга
Мы табличками долго забавлялись:
Превосходно и весело играли!
Мы писали стихи поочередно,
Подбирали размеры и меняли,
Пили, шуткой на шутку отвечая.

Если поэты старшего поколения, времен Энния, тяготели к греческим классикам, то друзья Катулла больше всего любили и следовали поэтам эллинистическим, особенно александрийским. С некоторым неодобрением Цицерон назвал их неотериками — «новаторами», «модернистами».

Катулл отдал дань «ученой поэзии» в традициях александрийцев, прежде всего Каллимаха, стремясь, как и они, разрабатывать редкие и малоизвестные мифологические сюжеты, тщательно отделывать стиль, используя при этом сложные метрические системы, и тем самым добиваться изысканности формы. На этом пути неотериков, последователей римского александринизма, ждали и удачи, и поражения, столь часто сопутствующие подражателям. Бессмертную славу Катуллу принесла не ученая поэзия, а лирика, особенно любовная. По своему характеру он был прежде всего лирическим поэтом — ближайшим предшественником Горация.

До Катулла волнения, тревоги и радости любви не находили отражения в римской поэзии (во всяком случае, в сохранившихся памятниках). По-видимому, это было связано с суровой моралью республиканского Рима, где выносить на суд общественности интимные переживания было отнюдь не принято. Любовные сцены в комедиях Плавта еще поверхностны, поданы скорее в юмористическом плане: слезливые стенания юноши Каллидора в комедии «Псевдол» были рассчитаны только на то, чтобы вызвать смех у публики. В Свадебном гимне Катулла звучат совершенно новые для римской общественной морали идеи и мотивы. Любовь, земная страсть выступает здесь как главная сила, связующая новобрачных. Катулл первым в Риме показал людям красоту любовной страсти, поднимающей человека над обыденностью и захватывающей его без остатка:

Обняв Акму, любовь свою, Септимий,
Нежно к сердцу прижал, сказал ей: «Акма!»
Если крепко в тебя я не влюбился.
Если вечно любить тебя не буду —
Как пропащие любят и безумцы —
Пусть в пустыне ливийской иль индийской
Кровожадного льва я повстречаю...

В центре лирики Катулла — история его любви к римской аристократке Клодии, красавице непостоянной и распушенной. В стихах Катулла она выступает под именем Лесбии, женщины с острова Лесбос — «острова любви». Ей посвящен целый цикл стихотворений, в котором поразительно глубокие и нежные строки сменяются затем злыми, бичующими выпадами против той же Лесбии, откровенно торгующей собой в грязных тавернах. Вероятно, в этих стихах — немалая доля стилизации в духе Архилоха, поэта VII в. до н. э., в язвительных ямбах поносившего красавицу Необулу и ее отца Ликамба после того, как он был ими отвергнут. Но тогда, когда любовь Катулла и Клодии была взаимной — чувство поэта было полным и искренним, а счастье казалось незыблемым и вечным:

Так будем, Лесбия, любовью жить одной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой
За все их — не дадим простой монеты медной!
Пушай восходит день и меркнет тенью бледной,
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.

Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, и сколько вновь — не счесть!
Когда же много их придется перечесть,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые люди нам завидовать не стали
(Узнав, как много поцелуев в свете есть!).

Однако вскоре к пылкой страсти примешивается тревога, непостоянство возлюбленной становится для поэта источником тяжелых переживаний. В минуты мучительных сомнений он восклицает:

Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!

Дурные предчувствия не обманули Катулла. Многочисленные измены Клодии заставили его в конце концов возненавидеть эту женщину. Истово и исповедально звучат знаменитые строки:

Я ненавижу, люблю. Почему — пожалуй, ты спросишь:
Сам не пойму. Но в душе, чувствуя муку, крушусь...

Расставаясь с Клодией навсегда, он пишет ей прощальное напутствие певучей сапфической строфой, которая позднее с такой силой привлечет к себе Горация. Форма оказывается здесь в непримиримом противоречии с содержанием, злобными и грубыми нападками на бывшую возлюбленную. Отныне он может только полагаться на верных ему друзей:

Фурий ласковый и Аврелий верный!

Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних:
Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша.
Только о любви пусть моей забудет...

Темы лирики Катулла и Горация нередко сходны — но как различны настроения, интонации, мысли и чувства обоих поэтов! Так, оба они вдохновлены картиной наступающей весны. У Катулла она пробуждает стремление к далеким странствиям, наполняя все его тело неведомой силой: «Уже весна несет с собой порывы тепла, а дыхание Зефира заставляет отступить яростные

полуночные ветры. Катулл, оставим же фригийские поля и тучные пажити жаркой Никеи и полетим к славным городам Азии!». А вот каким видится приход весны Горацию:

Вот сбежали снега, лугам возвращаются травы,
Стройным деревьям — листва.
В новом наряде земля, и стало не тесно уж рекам
Воды струить в берегах...

(Од. IV, 7)

Катулл полон радости и оптимизма, для него весна — пора надежд и обновления, Гораций же возвращается далее к своей излюбленной мысли о неизбежности смерти («Мы же... будем лишь тени и прах»). Такое же сходство мотивов и настроений мы встречаем в стихотворениях обоих поэтов, посвященных возвращению друзей из далеких странствий. Катулл весь исполнен восторга. Самый счастливый из людей, он готов без конца слушать рассказы вернувшегося друга, тогда как более сдержанный Гораций спешит отметить возвращение приятеля, Плотия Нумиды, традиционным ритуальным пиршеством, на котором будут куриться благовония, звучать музыка, а приглашенная на пиршество Дамалида одарит вернувшегося своей любовью...

В своем сабинском уединении, окруженный любимыми книгами и отдаваясь целиком поэтическому творчеству (отрываясь лишь для редких встреч с друзьями и поездок в Рим), Гораций, оценивая весь пройденный римской литературой путь, не мог пройти мимо творчества Катулла. Друг и покровитель Горация Азиний Поллион был связан с кружком неотериков, а их влияние на творчество Горация неоспоримо. Но вместе с тем, многое у них его настораживало и заставляло относиться к их поэзии с предубеждением. Катуллу у Горация уделено лишь одно вскользь брошенное замечание о некой обезьяне, научившейся петь стихи Катулла и Кальва (Сат. I, 10, 19). В этих строках сквозит явное недоброжелательство. Едва ли в основе его лежали какие-то личные мотивы: Катулл умер, когда Гораций был еще подростком. Видимо, дело было в различии взглядов на саму задачу поэзии. Для Катулла его стихи — только «безделки», забавы, обращенные к друзьям и возлюбленным. Такое отношение к священному долгу поэта-пророка, каким видел себя Гораций, не могло вызвать со-

чувствия в его душе. Нельзя забывать и о том, насколько чуждыми были сдержанному Горацию дух сексуальной распушенности, фривольная откровенность и игривое любование самыми интимными сторонами однополой любви, нередкие в стихах неотериков. Гораций же, даже касаясь подобных тем, всегда облакал их в благопристойные формы, за что и получил от Августа, хорошо его знавшего, по-солдатски грубоватое прозвище «чистюля». Любовь в лирике Горация — более целомудренная, как бы более «римская», чем те пылкие страсти, с которыми мы встречаемся в стихах Катулла.

В своем знаменитом стихотворении «Памятник» (Од. III, 30) Гораций поставит себе в особую заслугу, что он первый «эолийскую песнь» (то есть мотивы и ритмы поэзии эолийских поэтов Алкея и Сапфо) переложил на итальянский лад. Но он не вполне точен. Как мы видели выше, до него уже это сделал Катулл, который ввел в римскую поэзию «сапфическую строфу» и гликонические системы. Гораций мог в свое оправдание сослаться на то, что Катулл слишком вольно обращался с образцом и часто нарушал законы, по которым строились ритмические системы греческих поэтов. Но особенно важно, что Гораций следовал и высокой тематике эолийских поэтов (это проявилось в гражданственной направленности его од).

ГЛАВА

8

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПОЭТА

Жизнь античного писателя обычно скрыта за его произведениями и лишь немногие исключения существуют из этого правила. К ним — с известной оговоркой — можно отнести жизнь и творчество Горация. Разумеется, в его стихах не слишком много биографических сведений, но они вместе с краткими заметками Гая Светония Транквилла о жизни поэта все же позволяют судить о происхождении Горация, его судьбе, окружении, отношении к окружающему миру.

Время рождения поэта нам известно. Это произошло в консульстве Люция Аврелия Котты и Люция Манлия Торквата, в шестой день до декабрьских ид, что соответствует 8 декабря 65 г. до н. э. О дне своего рождения Гораций вспомнит в 13-м эподе: угощая своих друзей, он попросит принести вина, залитого в консульство «моего» Торквата. По обычаю, имена консулов, в год правления которых вино заливало в амфоры, обозначались на самой амфоре или привешенной к ней табличке. Вновь поэт вспоминает о дне своего рождения в III книге од:

Мой друг амфора, к жизни рожденная
Со мною вместе, в консульство Манлия...

(Од. III, 21, 1—2)

Поэт собирается открыть это вино в честь гостя и старого друга Марка Валерия Мессалы Корвина, некогда близкого к Бруту политического деятеля — прекрасного оратора и ценителя изящной словесности.

Родиной Горация была Венузия (ныне Веноза), небольшой итальянский городок, возникший как форпост римского влияния на юге Италии, в 294 г. до н. э., когда римское господство там только утверждалось. Самниты, жившие здесь прежде, были изгнаны, и некоторые склонны считать Горация потомком пленного местного жителя, на основании краткого замечания во второй книге сатир (II, I, 34), из чего следует, что автора можно считать луканцем или апулийцем. Но из этих слов поэта вытекает лишь то, что жители Венузии, родины поэта, могут считать себя луканцами или апулийцами из-за географического положения города, расположенного на самой границе этих двух областей. При Сулле, жестоко расправившемся с восставшими самнитами, Венузия стала военной колонией. Поселившиеся здесь сулланские ветераны с презрением относились к местному населению, и это впечатление поэт надолго сохранил в своей памяти.

Живя вдали от Родины, Гораций всю жизнь помнил рощи Венузии, родной Ауфид — быструю горную реку, которую он называет то «яростной» (Од. III, 30, 10), то «далеко гремющей» (Од. IV, 9, 2). Память детских лет навевала поэту мотивы одной из од, где рассказывается, как однажды его, утомленного игрой, сморил сон на склоне высокой горы Вольтура, и дикие голуби осыпали спящего мальчика листьями лавра и мирта, тем самым предрекая ему славу поэта:

То было в детстве, там, где у Вольтура,

Порог покинув нянюшки Пуллии,

...Я спал, играю утомленный —

Голуби скрыли меня, как в сказке...

(Од. III, 4, 9—13)

Отец Горация был вольноотпущенником, либертином. Подлинное имя его неизвестно. Полагают, что свое имя — Гораций — он получил от названия трибы, к которой приписана была Венузия, «Горациева триба». Поэт никогда не скрывал своего происхождения, хотя ему приходилось терпеть немало неприятностей из-за этого:

Всем я противен, как сын раба, получившего волю:
Нынче — за то, что тебе, Мecenат, я приятен и близок,
Прежде — за то, что трибуном я был во главе легиона...

(Сат. I, 6, 46—48)

В конце первой книги посланий, используя распространенный литературный прием, Гораций обращается к своему произведению, предсказывая ему нелегкую судьбу, не без горечи рекомендуя себя читателю:

Ты Расскажи, что я сын либертина, при средствах ничтожных
Крылья свои распростиер, по сравнению с гнездом, непомерно...

(Посл. I, 20, 20—21)

Сознание, что его отец был некогда рабом, угнетало поэта, особенно если учесть, что Август прилагал немало усилий к сохранению сословных привилегий, демонстративно подчеркивая свое уважение к старинным аристократическим родам. Но с какой гордостью делает это признание поэт, какое высокое чувство собственного достоинства, основанного на ясном представлении о величии совершенного им творческого подвига, движет им в его признании! Немногие дети вольноотпущенников смогли бы с таким спокойным достоинством заявить, подобно ему:

Нет, пока еще в здоровом уме, сожалеть я не буду,
Что у меня такой был отец...

(Сат. I, 6, 89—90)

Память о нем Гораций чтит всю жизнь.

Получив свободу, отец поэта стал сборщиком налогов (коактором). Экономя каждый грош, он купил затем небольшой участок земли. Занятие земледелием считалось в Риме почетным, с его помощью можно было стереть пятно рабского происхождения. Впоследствии Гораций так вспомнит о земельном владении своего отца:

Если я чист и невинен душой, и друзьям столь приятен,
(Вот как себя я хвалю!) — я отцу своему тем обязан,
Беден он был и владел небольшим и неприбыльным полем...

(Сат. I, 6, 71—74)

В родном поместье поэт научился ценить прелести мирной сельской жизни, к которой ему суждено было вернуться после долгих лет житейской борьбы и бурь гражданских войн,

Отец заботился о воспитании сына, давая ему первые уроки морали:

Это уроки отца: приучил он меня с малолетства
Склонностей злых избегать, отмечая примеры пороков...

(Сат. I, 4, 105—106)

В Ветузии существовала школа некоего Флавия (судя по имени — вольноотпущенника), где детей обучали чтению, письму и счету. По ироническому замечанию поэта, ее посещали дети «великих центурионов» (центурион — унтер-офицерский чин в римской армии), тогда как сам Гораций позднее служил в войсках Брута в должности трибуна и командовал легионом, равным по численности современной дивизии. То были сулланские ветераны, составлявшие элиту этого маленького италийского городка. Но отец поэта (отдадим должное его практическому уму) понимал, что его сын мало что вынесет из этой провинциальной школы. Поэтому он решил отвезти мальчика в Рим, чтобы он там

Тем же учился наукам, которым сенатор и всадник
Каждый своих обучает детей...

(Сат. I, 6, 77—78)

При этом отец Горация прилагал все старания, чтобы его сын, отправляясь в школу, выглядел не хуже других:

... Средь толпы приметив
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
Что на расходы немало в наследство оставил мне предок...

(Сат. I, 6, 78—80)

Наступала середина, I в. до н. э., Рим становился мировым центром культуры, науки и искусства совершали свое победоносное шествие по Италии. Главная роль здесь по-прежнему принадлежала греческим философам, художникам, риторам и грамматикам. Но в середине этого века появились уже десятки учебных заведений, основанных римскими грамматиками публичных школ, где углубленно изучались греческая и римская литература, философия, риторика, право. Каждая школа имела свое направление, свое лицо. Позднее во второй книге «Посланий» поэт вспомнит о «песнях» первого римского поэта Ливия Андроника (речь идет о латинском переводе «Одиссеи», выполненном неуклюжим

«сатурнийским» стихом). Эти песни диктовал юному Горацию «драчливый» Орбилий — так звали его учителя. В школе Луция Орбилия Пупилла будущий поэт изучал грамматику, риторiku, философию, читал и комментировал произведения греческих и римских поэтов. Если младшие ученики познавали основы родного языка по «Одиссее» Андроника, то старшие упражнялись в красноречии по старым пособиям, завезенным из Александрии, с о. Родоса и других центров эллинистической культуры. Светоний сообщает, что такая подготовка была необходимой для перехода в школу раторов («высшую школу» тогдашнего Рима).

Ко времени Горация римская образованная публика окончательно стала двуязычной. Греческий язык был в Риме вторым разговорным языком, и греческая литература, философия, науки вообще продолжали оставаться для римлян основным источником свежих интеллектуальных идей. В Риме ходило большое количество книг на греческом языке, попавших сюда вместе с другими трофеями, захваченными на Востоке. «Плененная Греция пленила дикого победителя и внесла искусства в деревенский Лациум», — говорит по этому поводу Гораций (Посл. II, 1, 156).

Новые веяния в римской поэзии, философии, филологии не сразу проникли в римские школы. Учитель Горация Орбилий Пупилл, по всей видимости, чуждался всяких новшеств и учил по-старинке. Сам он оказался причастным к науке и преподаванию лишь случайно, уйдя с военной службы. Впрочем, после смерти Орбилия его родной город Беневент воздвиг на Капитолии его статую: Орбилий был изображен сидящим, в греческом плаще (какой носили философы), у ног статуи стояли два круглых футляра для книг — в знак того, что он преподавал не только римскую, но и греческую словесность.

Можно предполагать, что в школе Орбилия большое внимание уделялось изучению Гомера. Повсюду в своих стихах Гораций обнаруживает блестящее знание поэм, а также того, что мы бы назвали сейчас «научной литературой вопроса», — сочинений александрийских филологов, занимавшихся критикой гомеровских текстов. Но даже Гомеру поэт в своем знаменитом «Послании к Пизонам» не прощает ошибок:

Я негодую, когда и наш добрый Гомер засыпает...

(Наука поэзии, 359)

Легко перечислить греческих поэтов, творчество которых было особенно близко Горацию, стихи которых он изучал и любил всю жизнь. Помимо Гомера, это были лирики Архилох, Алкей и Сапфо, оказавшие на него, как увидим, весьма сильное влияние, затем авторы Древней и Новой комедии, великие афинские трагики. Позднее, удалившись из Рима в тихое сабинское поместье, он захватил с собой тщательно подобранную библиотеку. Один из персонажей сатир так упрекает поэта:

Так для чего ж ты с собой захватил Платона с Менандром?
Или же взял Эвполида, а вместе с ним Архилоха?

(Сат. II, 3, 10—11)

Первые стихи Гораций написал еще в школе Орбилия по-гречески:

Я, хоть и здесь родился, писал по-гречески прежде:
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне:
«Безумец!»

В Греции много поэтов: толпу их умножить собою —
То же, что в лес дрова доставлять — ничуть не умнее!

(Сат. I, 10, 31)

Живую греческую речь поэт слышал с детства: в Венузии жило много греческих колонистов. Жителей Канузия, соседнего с Венузией городка, Гораций называет «двуязычными» за то, что обитавшие там греки и оски говорили на обоих языках (Сат. I, 10, 30). Греческая речь слышна была и в Риме на всех перекрестках, так что греческий ритор и писатель Дионисий Галикарнасский, преподававший в Риме во времена Горация, отважился утверждать, будто Рим — греческий город.

В образовании будущего поэта немалое место занимала философия. К ней он приобщился впервые еще в школе Орбилия. Изучение произведений Энния должно было ввести его в круг идей пифагорейцев, но окончательно свое философское образование он завершил в Греции. С согласия, а может быть, и по желанию отца поэт отправился в Афины, которые тогда жили за счет римско-италийской знатной и богатой молодежи, приезжавшей туда учиться. В Афинах еще теплился огонь,

зажженный великими философами в роще героя Академа (Академия Платона), в гимнасии Аполлона Ликейского (Ликей Аристотеля), в Стое — галерее, где когда-то учил Зенон из Кития, основавший школу стоиков, в Саду Эпикура:

Дали развития мне еще больше благие Афины —
Так, что способен я стал отличать от кривого прямое,
Истину-правду искать среди рощ Академа-героя...

Тот, кто избрал себе встарь Афины спокойные, ум свой
Целых семь лет посвящая наукам, состарившись в мыслях,
Как и от книг, средь людей молчаливее статуи часто,
Смех возбуждая в народе...

(Посл. II, 2, 43—45, 81—84)

Из этих строк иногда делали вывод, что поэт провел в Афинах целых семь лет. Тогда, если учесть, что в 42 г. до н. э. он уже сражался при Филиппах, прибытие его в Афины придется отнести к 49 г. до н. э., когда ему исполнилось 16 лет. Но большинство исследователей склонны относить приезд Горация в Афины к середине 40-х гг. до н. э.

Замечание Горация, что он искал истину «среди рощ Академа-героя», не следует понимать так, будто он посещал только философов Академии. Не меньше внимания он уделял стоической школе, учение которой было особенно популярно в Риме, а также философии Эпикура. К ней он сохранял интерес постоянно, до конца своей жизни. Гораций мог слушать лекции Теомнеста, руководителя тогдашней Академии,* и Кратиппа, главы перипатетиков. Вероятно, уже вернувшись в Италию, он познакомился с известным философом-эпикурейцем Филодемом, о котором вспоминает в одной из сатир (Сат. I, 2, 121).

Одновременно с Горацием в Афинах учился сын Цицерона. Сохранилось его письмо к вольноотпущеннику Тирону, помогавшему его отцу в литературных делах. В этом письме молодой Цицерон описывает свои занятия и жизнь в Афинах, и мы могли бы предположить, что сходный образ жизни вел и Гораций: «Я очень дружно живу с Кратиппом, который обращается со мной не как с учеником, но скорее как с сыном. С большим удовольствием я слушаю этого человека и вполне очарован приятностью его беседы. Я провожу с ним целые дни; а иногда и часть ночи и как можно чаще пригла-

шаю его к себе на ужин. Нередко он является ко мне неожиданно, застает меня за обедом и, отлагая в сторону суровость философа, превращается в человека, как нельзя более веселого и любезного. Что сказать тебе о Бруттии, с которым я также неразлучен? Он имеет дар примешивать шутку к ученым рассуждениям. В греческой декламации я упражняюсь под руководством Кассия, а в латинской — с Бруттием».

Немало дней провел Гораций в Элладе, знакомясь с ее достопримечательностями. Многие некогда знаменитые города этой колыбели человеческой цивилизации лежали в развалинах, но еще многое из необозримого богатства памятников классического греческого изобразительного искусства сохранялось, привлекая многочисленных путешественников со всех концов Средиземноморья. Один из корреспондентов писал Цицерону: «Возвращаясь из Азии, когда я плыл от Эгины к Мегаре, я обратил внимание на представившуюся моему взору окрестность. За спиной у меня была Эгина, впереди — Мегара, справа — Пирей, слева — Коринф: эти города, некогда бывшие цветущими, ныне представляют собой сплошные развалины, открывающиеся глазу путешественника...». Гораций не раз посещал эти места, где каждый, даже самый маленький городок, поселение, храм или театр, роща или ручей вызвали множество исторических, мифологических, литературных ассоциаций. Позже из кладезя этих впечатлений поэт будет черпать образы и сюжеты для своей лирики, вспоминая, например, «темные холмы Аркадии» (Од. IV, 12).

Но в то время, как юный Гораций искал истину в тенистых рощах Академии и, бродя под портиками Ликей, слушал бородатых греческих мудрецов, важно проповедовавших единственно верное в мире учение, на родине поэта назревали важнейшие события, вскоре втянувшие его в свой водоворот. Бури возобновившихся гражданских войн заставили его покинуть Афины, столь дорогие его сердцу:

Но оторвали от мест меня милых годы лихие...

К брани хотя и незрелый, гражданской войною и смутой

Был вовлечен я в борьбу непосильную с Августа дланью.

(Посл. II, 2, 46—48)

Трудно представить себе, как могло случиться, что такой совершенно неопытный в военном деле юнец, ка-

ким был в то время Гораций (притом происходивший из рода, лишенного военных традиций), занял в армии Брута должность военного трибуна и командовал легионом. Скорее всего, Гораций был обязан таким назначением самому Марку Юнию Бруту; проникшемуся особыми симпатиями к будущему поэту, заставившими забыть о трезвом расчете. Знакомство это могло произойти в сентябре 44 г. до н. э., когда Брут прибыл в Афины. Плутарх в биографии вождя республиканцев описывает, с каким восторгом встретили афиняне Брута и даже издали в его честь почетные постановления. Римская молодежь, учившаяся в Афинах и состоявшая в подавляющем большинстве из сыновей знати, потомков старинных родов, должна была с энтузиазмом встретить Брута. Для них он был человеком, восстановившим, как им казалось, древний республиканский строй, при котором государством правили их предки. Имя Брута звучало, как символ свободы. В уже упоминавшейся биографии Брута Плутарх описывает, как глава заговорщиков, уже покинувших Рим, «в Афинах старался привлечь к себе и объединить молодых римлян, изучавших там науки». Среди них был и молодой Цицерон, оказавший затем Бруту важные услуги. Вождь антицезарианской партии вел в Афинах такую же жизнь, как и многие жившие там римляне, «ходил слушать академика Теомнеста и перипатетика Кратиппа», как сообщает там же Плутарх. Гораций со своим особым интересом к философии и литературе, а также особой способностью привлекать к себе людей неминуемо должен был сблизиться с Брутом — не только политическим деятелем, но и образованным и одаренным литератором. Симпатии к Бруту он сохранил надолго, хотя открыто об этом заявлять, разумеется, не мог: это имя было одиозным для императора и его окружения. 20 лет спустя он глухо намекал на добрые отношения, существовавшие между ними:

Первым я Рима мужам на войне полюбился и дома...

(Посл. I, 20, 23)

С войсками Брута Гораций вначале двинулся на север, в Македонию, наместник которой Квинт Гортензий Гортал передал главе республиканцев два легиона. Бруту пришлось в Македонии столкнуться с Гаем Анто-

нием, переправившимся из Италии в Эпир, чтобы принять расквартированные в Эпидамне и Аполлонии легионы и затем передать их своему брату Марку Антонию. В этой борьбе Брут одержал победу и значительно усилил свою армию.

Из Греции армия Брута переправилась в Малую Азию, где предстояло изыскать средства для продолжения борьбы с цезарианцами. Горацию довелось побывать во многих местах, городах и на островах, прилегающих к Малой Азии — Лесбосе, Хиосе, Самосе и многих других. Воспоминаниями о пребывании в этих краях навеяны многие мотивы его стихотворений:

Как показались тебе, Буллатий мой, Хиос и славный
Лесбос, и Самос-краса, и Сарды, Креза столица,
Смирна, и с ней Колофон? Достойны иль нет своей славы?
Или невзрачны они перед Тибром и Марсовым полем?

(Посл. I, 11, 1—4)

Из Малой Азии войска Брута и Кассия вновь переправились в Европу, чтобы дать решительное сражение армиям триумвиров. Поражение республиканцев в битве при Филиппах в 42 г. до н. э. изменило судьбу поэта, оставив в его душе глубокий след. Седьмая ода II книги, посвященная возвращению друга и боевого соратника Помпея Вара, отважившегося и после Филиппа продолжать борьбу за республиканские идеалы, но в конце концов примирившегося с новым режимом, содержит характерные признания:

С тобой я пережил Филиппы, при тебе
Бежал, бесславно щит отбросив в низком страхе...
В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли и прахе.
Но средь врагов меня, в туман сокрыв густой,
Испуганного спас Меркурий быстрокрылый,
Тебя ж в сражение за новою волной
Опять умчал прилив с неотразимой силой...

(Перевод А. А. Фета)

Сознавая, что дело республиканцев бесповоротно проиграно, Гораций решил вернуться в Рим. Он был лишен качеств борца, политика или военного деятеля, будучи скорее склонен к созерцанию, глубокому размышлению, чем к жизни активной и деятельной. Он нашел в себе, однако, достаточно мужества, чтобы стойко перенести несчастье, общее для всех, кому дорого было

дело свободы. Принцип, провозглашенный им в послании к Нумицию

Сделать, Нумиций, счастливым тебя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть: ничему не дивиться...

(Посл. I, 6, 1—2)

был избран им в жизни раз и навсегда, спасая его в океане житейских бурь. В этом поэт был истинным римлянином, твердым в испытаниях, умеренно радующимся удаче. Таким, по-видимому, был и его отец, римлянин не по происхождению, но по воспитанию и образу мыслей.

В первые месяцы 41 г. до н. э. Гораций вернулся в Рим. Поместье его было конфисковано — Венузия оказалась в числе общин Италии, земли которых были предназначены триумвирами для поселения ветеранов. Отца, очевидно, уже не было в живых, и поэт оказался в трудном положении:

Крылья подрезаны, дух приуныл: ни отцовского дома
Нет, ни земли...

(Посл. II, 50—51)

В поисках средств к существованию на остатки отцовского состояния Гораций купил должность квесторского писца. Коллегия квесторских писцов делилась на три декурии, каждая из которых состояла из 9 (позднее из 12) человек, занимавшихся составлением финансовых документов, ведением отчетности и т. п. Они пользовались уважением. Цицерон в одной из речей называл их «почтенной коллегией». Вступив в эту «почтенную коллегию», Гораций сделал первый шаг в служебной деятельности. Члены коллегии писцов часто собирались вместе для решения общих дел, и о таких совещаниях поэт без всякого удовольствия вспоминает в 6-й сатире II книги. Обязанности финансового чиновника не могли удовлетворить Горация, уже ощутившего в себе могучее поэтическое дарование. Поэтому он не переставал искать себе такого места в жизни, где богатства его души и ума могли найти себе лучшее применение, а сам он — обрести независимое и спокойное существование. Таким прибежищем от житейских бурь и волнений стала сама поэзия, и он со сдержанной гордостью говорит о своем жизненном предназначении:

На кого в час рождения,
 Мельпомена, упал
 взор твой приветливый,
 Уж того ни кулачный бой
 не прельстит, ни успех
 в конном ристании.
 И ему не сужден триумф
 в Капитолии, в честь
 воинских подвигов,
 И венок победителя,
 растоптавшего спесь
 гордого недруга.
 Но в тибурской глуши стоит
 шум лесов и ручьи
 плещут и шепчутся:
 Он опишет в стихах их шум
 и надолго в веках
 этим прославится.
 Я горжусь — молодежь меня
 причисляет к своим
 лучшим избранникам,
 И с годами звучит слабей
 ропот зависти и —
 недружелюбия...

(Од. IV, 3)

Ранние сочинения поэта до нас не дошли, а все то, что сохранилось, было создано после возвращения в Рим и отмечено печатью зрелого таланта:

Вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
 Начал стихи я писать...

(Посл. II, 2, 51—52)

Уже вскоре после возвращения в Рим Гораций сблизился с Публием Вергилием Мароном, а через него — с его покровителем Гаем Азинием Поллионом, известным полководцем и другом Марка Антония, человеком, равнодушным к поэзии и литературе вообще, как и многие другие его современники. Интерес к литературе был характерной чертой для римской элиты конца гражданских войн, и причастность к ней мы можем отметить у очень многих, начиная с самого императора Августа, а если быть более точным — то уже у его приемного отца — Гая Юлия Цезаря.

Ко времени знакомства с Вергилием Азиний Поллион успел пройти большой жизненный путь профессионального военного и политика. В галльских войнах он служил под командованием Гая Юлия Цезаря и в гражданской войне между Цезарем и Помпеем естест-

венным образом оказался на стороне Цезаря, сопровождая его в самых трудных походах, выполняя ответственные поручения. После гибели Цезаря Поллион при посредстве Лепида добился того, что Секст Помпей оставил Дальнюю Испанию, которую и занял своими тремя легионами. В период II триумvirата он сблизился с Антонием, поручившим ему управление Транспаданской Галлией. Именно тогда познакомился Поллион с Вергилием. Восхищенный талантом поэта, он высказал пожелание, чтобы Вергилий написал римское повторение «Коядуньи» Феокрита. С этого момента их отношения становились все более дружественными, достигнув апогея в момент написания IV эклоги. Ведая в своей области распределением земель среди ветеранов, Поллион сохранил Вергилию его имение.

Отношения между триумвирами все более обострялись, но в 40 г. до н. э. они были вынуждены под давлением легионов пойти на мирные переговоры, закончившиеся Брундизийским соглашением. Интересы Антония в этих переговорах представлял Азиний Поллион.

После того, как примирившиеся триумвиры вернулись в Рим, Поллион занял должность консула. Это был наивысший взлет его политической карьеры. Римское общество приняло заключенный договор за гарантию будущего благополучия и мира, и Вергилий обратился к Поллиону с восторженной эклогой, предрекая наступление золотого века в связи с рождением чудесного ребенка (по наиболее вероятному предположению, речь идет о сыне Азиния Поллиона, Поллионе Салонине).

В последующие годы Азиний Поллион стал все более отходить от государственных дел. У него оказалось достаточно проницательности и здравого смысла, чтобы понять, куда ведет естественный ход вещей, но в то же время он слишком уважал себя, чтобы просто переметнуться на сторону победителя (как это делали очень многие). По-видимому, он не был убежденным цезарианцем. Когда Октавиан попытался привлечь его на свою сторону в борьбе против Антония (накануне битвы при Акции), Поллион ответил: «У меня большие заслуги перед Антонием, и ему, в свою очередь, я обязан немалыми благодеяниями. Поэтому я устраниюсь от решения ва-

шего спора и стану добычей победителя». Как и многим другим уцелевшим республиканцам, ему оставалась только роль молчаливого оппозиционера и сторонника порядка, восстановить который было уже невозможно.

С тем большим увлечением этот римский аристократ и интеллектуал погрузился в занятия литературой. Вокруг него группировались люди, сохранявшие в душе республиканские симпатии, стремившиеся удержать дух былой свободы в узком замкнутом кругу. В большинстве это были любители и ценители изящного слова, поэты и прозаики, в произведениях которых, несмотря на изысканность формы, прорывалась и злоба дня. Поэты оказывались связанными с политикой, а политики — с литературой.

Такое переплетение интересов было характерной чертой времени. Другим примером может служить судьба Корнелия Галла — полководца и поэта. Получив из рук Августа всадническое достоинство, он стал его помощником и получил пост префекта Египта после победы над Антонием. Но на административном поприще он не добился успеха, против него поступали доносы один за другим, и дело кончилось тем, что император освободил его от занимаемой должности. Впав в немилость, Корнелий Галл покончил самоубийством в 26 г. до н. э.

Четыре книги элегий Корнелия Галла были посвящены истории его несчастной любви к некоей Ликориде (имя, скорее всего, условно). Он был в дружеских отношениях с поэтами круга Вергилия и Горация, о чем говорят строки 10-й эклоги Вергилия:

К этой последней моей снизойди, Аретуза, работе:
Галлу немного стихов сказать я намерен, но только б
И Ликориде их знать. Кто Галлу в песнях откажет?

Молодой Гораций жадно вслушивался во все, что говорилось в этом литературном кружке, где, в отличие от Афин, пестовалось родное слово. Пристрастие самого Азиния Поллиона к старым латинским авторам не мешало другим выступать против

... Писателей древних, на коих
Мы, молодые, глядим свысока...

(Cat. I, 10, 7—8)

В литературном кружке Азиния Поллиона формировались требования к поэтическому произведению, отра-

женные впоследствии в «Науке поэзии» Горация. Здесь все подвергалось критике, юмор и ирония находили благодарную почву, каждое острое словцо или поэтическая находка встречались с одобрением, достойно оценивались и запоминались надолго.

К важнейшим литературным фактам, рисующим настроение этого кружка, относится сочинение самого Азиния Поллиона, посвященное истории гражданских войн. Оно не сохранилось, но было использовано более поздними историками. В первой оде II книги, которая носит характер посвящения, Гораций дает оценку этому труду, несомненно, привлечшему к себе внимание римской читающей публики: «Поллион! Ты трактуешь историю гражданской войны, начавшейся при консуле Метелле¹, причины [другой] войны², пороки и средства [к которым прибегали борющиеся стороны], игру фортуны, опасную дружбу принцепсов, войны и оружие, покрытое еще не искупленной кровью — [итак], дело, исход которого полон опасностей: ты ступаешь по огню, едва присыпанному коварным пеплом. Но пусть Муза суровой трагедии на время покинет театр. Как только ты изложишь историю государственных деяний, ты вновь возьмешь на себя исполнение великого долга, надев котурн Кекропса³ — ты, всегда бывший защитой обвиняемым и опорой решающему дела сенату, увенчанный славой далматийского триумфа... И вот уже напрягаешь слух, внимая грозному рокоту боевых труб, звучат военные рожки, блеск оружия пугает быстрых коней, и страх охватывает всадников... И кажется, я вижу перед собой великих вождей, покрытых почетной пылью сражений, и весь мир склонившимся ниц — кроме непреклонного духом Катона. Юнона и боги, дружественные африканцам, которые некогда, бессильные, покинули неотмщенную землю, совершили ныне надгробную жертву Югурте внуками тех, кто одержал над ним победу... Какое поле, орошенное латинской кровью, не засвидетельствует своими могилами нечестивость [междоусобных] сражений? Как и гром

¹ Имеются в виду события I триумvirата (60 г. до н. э.), когда Помпей, Цезарь и Красс объединились для совместных действий.

² По-видимому, речь идет о войне Красса с парфянами.

³ Котурн Кекропса — метонимическое выражение, вместо «трагедии Кекропса», т. е. аттические трагедии (Кекропс — мифический царь древней Аттики).

падения [царства] Гесперии, слышный даже мидянам? Какая пучина, какие потоки остались в стороне от [бедствий] войны? Какое море Давнии не изменило свой цвет от резни? Какой берег остался незапятнанным нашей кровью?

Но, надменная Муза, не заставляй меня, оставившего шуточные песни, взять на себя исполнение кеосских нений⁴: лучше вместе со мной у грота Дионеи ищи мотивы с более легким плектром⁵.

В этой оде поэт отдает должное смелости Поллиона, решившегося написать историю событий, столь близких по времени, участники которых еще хорошо их помнили. Поллион рискнул в этом труде с симпатией написать о республиканцах, несмотря на то, что к власти в Риме пришли их противники. Тайная симпатия чувствуется в строках оды, где поэт открыто восхищается подвигом непреклонного вождя республиканцев Катона Утического. Болью за Рим, понесший огромные потери в ходе кровавых гражданских войн, наполнен поэтический голос Горация. Горацию, бывшему соратнику Брута, явно импонировало благожелательное отношение Поллиона к Бруту и Кассию, о которых сочинение Поллиона, по словам Тацита, сохранило «добрую память».

Поллион пытался возродить древнюю аттическую трагедию на римской почве, обычными героями у него выступали цари (по словам Горация, Сат. I, 10, 42, Поллион воспекает деяния царей трижды прерванной стопой, т. е. ямбическим триметром, размером классической трагедии). Хотя Вергилий в VIII эклоге нашел возможным заявить, обращаясь к Поллиону: «Дано ли мне будет рассеять по миру песни твои, что одни лишь достойны котурна Софокла?», Тацит в «Диалоге об ораторах» весьма критически отзывается о творчестве Азиния Поллиона: «Азиний, хотя и родился во времена, нам близкие, также представляется мне учившимся при Менениях и Аппиях. Стиль Пакувия и Акция находит свое выражение у него не только в трагедиях, но также и в речах — до того он жесток и сух».

По-видимому, главное в литературной деятельности

⁴ Кеосские нении — погребальные плачи, которыми некогда прославился греческий поэт Симонида с о. Кеоса.

⁵ Плектр — инструмент, которым играли на лире (здесь метонимически в смысле «тон», «строй»).

Поллиона заключается не столько в собственном творчестве, сколько в его умении собирать вокруг себя способных литераторов, в критических суждениях, отличавшихся особой остротой и меткостью. Он ввел в римскую литературную жизнь рецитации — открытое чтение произведений литературы в узком кругу знатоков, первым подав этому пример.

Поллион был также выдающимся собирателем и ценителем книги. После триумфа над парфинами в 39 г. до н. э. он основал на средства от военной добычи первую публичную библиотеку в Риме. Она помещалась на Авентинском холме в портике храма Свободы (возможно, что этим Поллион хотел подчеркнуть значение свободы литературного творчества для расцвета духовной культуры).

Кроме Горация, в кружок Азиния Поллиона входили поэт Луций Варий Руф, политик и оратор Марк Валерий Мессала Корвин, первыми оценившие стихи Горация. К ним примыкали и другие, имена которых поэт сам называет в одной из сатир:

Только бы Плотий, и Варий, и мой Меценат, и Вергилий,
Муж благородный Октавий, и Валгий, и Виски — два брата,
Вместе с Аристом Фуском меня за стихи похвалили!
К ним и тебя, Поллион, и тебя, благороднейший Фурний,
Бибула, Сервия к ним и Мессалу с достойнейшим братом:
Многих других просвещенных друзей обхожу я молчаньем...

(Сат. I, 10, 73—87)

В этом перечне одним из первых названо имя Мецената, и мы вправе отнести эти строки ко времени, когда поэт уже сблизился со всемогущим сподвижником Октавиана. Впервые поэт встретился с Меценатом в начале 39 г. до н. э., но был тогда принят им весьма холодно. Однако меньше чем через два года их отношения наладились: есть основания полагать, что как раз в это время Меценат старался собрать вокруг себя поэтов, готовых прославить деяния Октавиана. Довольно скоро Гораций и Меценат подружились, о чем говорит эпиграмма, написанная самим Меценатом и сохранный нам Светонием:

Если я пуще собственного брюха
Не люблю тебя, друг Гораций, пусть я
Окажусь худощавее, чем Нинний...

К Меценату поэт обращается постоянно во многих

своих произведениях—эподах, сатирах, одах, посланиях.

Гай Цильний Меценат вел свое происхождение от древних этрусских царей, правивших некогда в древнем Арреции, но позже переселившихся в Рим. Потомки этого рода не проникли в тесный круг римской аристократии и остались всадниками — Гораций подчеркнуто называет его «дорогим всадником» (Од. I, 20,5) и «цветом всаднического сословия» (Од. II, 16, 20). Он так и не перешел в сенаторское сословие, предпочитая не слишком выставлять напоказ свое влияние на ход государственных дел. С момента прибытия Октавиана в Рим он тесно связал свою судьбу с наследником Цезаря, став его незаменимым советником, поверенным в самых тайных замыслах и делах, исполнителем наиболее ответственных дипломатических поручений. Когда Октавиану, ставшему уже императором Августом, случалось заболеть, он на время болезни переезжал в дом Мецената на Эсквилинском холме, где воздух был целебнее и чище. Вместе с тем, Меценат не был чопорным вельможей, был щедр, гостеприимен, жизнерадостен, весел: его дворец и сад всегда оставались открытыми для друзей. Изнеженный и склонный к полноте, он предавался гастрономическим и любовным излишествам, отчего часто болел. Но он понимал пользу физических упражнений — плавал, играл в мяч на Марсовом поле, причем его партнером нередко бывал Гораций. Однако силой духа он не отличался, и стоило ему заболеть, как он начинал изводить друзей и близких бесконечными стонами и жалобами. Гораций часто виделся с Меценатом, подолгу жил в его доме, а тот, в свою очередь, посещал виллу Горация, отдыхая душой в его обществе. Поэт был приятным и тактичным собеседником, избегавшим разговоров о политике и не интересовавшимся сведениями, составлявшими государственную тайну. Гораций всегда оказывался душой общества — не случайно Август называл его «милейшим человечком» и пытался привлечь ко двору. Часто поэт вместе со своим высоким покровителем отправлялся к общим знакомым на званый обед.

И все же, как справедливо заметил Л. Мюллер, «привязанность Горация к Меценату никогда не доходила до ослепления»⁶. Поэт не приписывал своему покровителю

⁶ Мюллер Л. Жизнь и сочинения Горация. СПб., 1880. С. 24.

качеств, которых за ним не водилось, и нигде, например, не восхвалял стихов Мецената, хотя тот, несомненно, с удовольствием выслушал бы одобрительный отзыв от такого знатока и ценителя, каким был Гораций. Любовь к литературе была одной из слабостей этого государственного мужа, которую он, впрочем, разделял с самим принцепсом. Меценат был высокообразованным человеком: Гораций называет его «знатоком обоих языков» (Од. III, 8,5), имея в виду его великолепное знание как греческой, так и латинской поэзии (Од. III, 8,5), а также ученым (Посл. I, 19,1). По сообщению Луция Аннея Сенеки, Меценат даже написал книгу под названием «Прометей», где излагал общие начала словесности. Стихи Мецената были цветистыми и выпренными, так что Август, по словам Светония, подшучивал над своим приближенным, называя их «напомаженными завитушками», и даже писал на них пародии. Подсмеиваясь над любовью Мецената к пышным эпитетам, он писал ему в частном письме: «Здравствуй, мое черное дерево из Медуллии, слоновая кость из Этрурии, камедь из Арреция, сталь из Суперна, жемчужина из Тибра, смарагд Цильниев, яшма из Игувия, берилл Порсенны и, чтобы сказать все наиболее кратким образом, пластырь для блудниц».

Память о нем была еще свежа в Риме в середине I в. н. э., когда тот же Сенека писал о Меценате: «От природы он был велик и мужествен духом, да только распустился от постоянных удач». И в другом письме: «Больше всего его хвалят за незлобивость. Он не касался меча, не проливал крови, и если чем выставлял напоказ свое могущество, так только вольностью нравов. Но он сам подпортил эту славу затейливостью чудовищных речей. По ним видно, что он был изнежен, а не кроток. Это станет ясно каждому, кто познакомится с его кудрявым слогом и мыслями, нередко величавыми, но теряющими силу прежде, чем они высказаны до конца...»

К числу наиболее близких Горацию людей принадлежал и Марк Валерий Мессала Корвин. Скупые строки стихов Горация мало что расскажут нам об этом человеке. В одной из од III книги Гораций говорит о Мессале, что, хотя он «влажен от сократических речей», он не станет пренебрегать вином, которое будет открыто в честь гостя. Сократические речи — это диалоги, обычная фор-

ма философских произведений школы Сократа. Диалоги были особенно популярны в Афинах, где аристократ Мессала учился вместе с Горацием. В «Науке поэзии» Гораций назовет его красноречивым.

Мессала был всего на четыре года старше Горация. С поэтом его связывали не только дружба со времен пребывания в Афинах, но и близость идей и жизненного выбора. Оба они встали под знамена Брута и Кассия, не раздумывая, увлеченные идеей восстановления республики. Когда остатки республиканских войск при Филиппах предложили Мессале взять на себя командование, он отверг это предложение, поняв, как и Гораций, что дело республиканцев проиграно. После Брундизийского мира Мессала перешел в ряды сторонников Октавиана, и с момента окончательного установления принципата занимал видные посты, был сенатором. Хотя Август и не забывал о его республиканском прошлом, он относился к нему с уважением и ценил его ораторский талант. Память о выдающемся ораторском таланте Мессалы сохранил Квинтилиан: «Мессала — оратор блистательный и речь его чиста». Вторит ему и Сенека: «Мессала отличался поразительной одаренностью во всех областях наук и искусств и тщательнейшим образом следил за чистотой латинского языка».

В доме Мессалы, широко открытом для римских литераторов, царила полная непринужденность отношений и дух насмешливого скептицизма: поощрялись шутки и остроты самого вольного содержания. Особенно увлекались в кружке Мессалы «Приапеями» — стихотворениями, обращенными к богу Приапу, богу садов, полей и деторождения. Статуи этого божества с огромным яркочерного цвета фаллом служили пугалом, отгонявшим воров и птиц. Для этого на голове статуи пристраивали свирель, издававшую при дуновении ветра резкие звуки. К подножию статуи Приапа обычно прикреплялись насмешливые и вольные стихи, «приапеи». С этим жанром связана 8-я сатира первой книги сатир Горация.

К старшему поколению поэтов — друзей Горация принадлежал Луций Варий Руф, имя которого произносилось в литературных кругах Рима с большим уважением. Он был известен как автор эпических поэм, и Гораций в одной из од назовет его «лебедом Меонийской

песни», т. е. преемником Гомера. Еще в сатирах он писал о нем:

Пламенный Варий ведет величавый рассказ в эпосе,
Равных не зная себе...

(Сат. I, 10, 43—44)

«Лебедь Меонийской песни» Варий создал эпическую поэму, где воспел подвиги Марка Випсания Агриппы, зятя принцепса. Другая его поэма называлась «О смерти Цезаря». Около 31 г. до н. э. Варий написал «Панегирик» Октавиану, из которого Гораций заимствовал два стиха, искусно вставив их в одно из посланий (Посл. I, 16, 27—28). Сочинял Варий и трагедии. Одна из них — «Фиест» — особенно славилась. Квинтилиан счел возможным сопоставить ее с лучшими греческими трагедиями.

В особенно близких отношениях Варий находился с Вергилием. Издав по указанию Августа «Энеиду» Вергилия после смерти автора, Варий ничего не добавил в текст, исполнив тем самым предсмертную волю поэта. «Даже незавершенные стихи он оставил, как они были», — рассказывает Светоний. Вергилий, Варий и Плотий Тукка составили союз поэтических сердец, людей утонченной и высокой культуры, таланта и безукоризненного вкуса. Все они были приверженцами эпикурейской философии, к которой их приобщил в свое время грек Филодем, живший в доме римского аристократа Кальпурния Пизона.

Вот к этому тесному кругу людей, объединенных общими литературными интересами, и примкнул Гораций. Вергилий, а затем Варий представили поэта Меценату. Им, своим лучшим и вернейшим друзьям, посвятил Гораций нежные и трогательные строки в сатире «Путешествие в Брундизий»:

Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе,
Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, подобных которым земля не носила,
И к которым сильнее меня никто не привязан.
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Здрavo помыслив, скажу: ни на что не сменяю я друга!

(Сат. I, 5, 39—44)

В 40—35 гг. до н. э. Гораций создал свои первые книги, привлёкшие к нему внимание римских читателей:

«Эподы» и «Сатиры». В эподах нашла отражение и гражданская тематика, но несмотря на подчеркнутую дружбу с Меценатом, которому они посвящены, поэт избегает делать выбор между Антонием и Октавианом и нигде прямо не говорит об этих людях, державших в руках судьбы Римского государства. Приблизительно в это же время увидели свет и сатиры, критиковавшие падение нравов — следствие гражданских войн. Позиция поэта вполне отвечала устремлениям Октавиана, старавшегося консолидировать римское общество для борьбы с врагом, которым официально провозглашалась египетская царица Клеопатра, хотя в действительности им был Антоний, соперник Октавиана в борьбе за власть.

На первых порах Горацию приходилось делить время между государственной службой, посещением домов знатных покровителей и друзей и занятиями литературой. Бесконечная сутолока, шум и суета огромного города утомляли и раздражали. Творчество требовало тишины и душевного спокойствия, о которых Гораций, живя в Риме, мог только мечтать. Эпикурейский принцип «проживи незаметно» был здесь совершенно неосуществим. Поэт желал немногого:

Вот в чем были желанья мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой...

(Сат. II, 6, 1—3)

Мечта Горация исполнилась в 32 г. до н. э., когда Меценат подарил ему небольшую виллу в районе Сабинских гор, вблизи маленького поселения Вария (ныне Виковаро), омываемого водами реки Анио, лежащего в 8 милях к юго-западу от городка Тибур (ныне Тиволи). Долина, где находилась вилла, орошалась прохладными и чистыми водами ручья Дигенции (ныне Личенца), из которого жители близлежащей деревни Манделы брали воду для питья и купались в знойную пору лета. Ручей этот Гораций особенно любил:

Всякий раз, как меня освежают Дигенции холодной
Воды, что поят крестьян Манделы, дрожащих от стужи —
Что я, мой друг, ощущаю, о чем, полагаешь, молюсь я?
Будет пускай у меня, что уж есть...

(Посл. I, 18, 104—107)

Горные цепи и скалы, замыкающие долину, создавали особый микроклимат с умеренной температурой, при-

крывая долину от холодного ветра зимой и спасая от палящего зноя летом. Жить здесь было намного приятнее, чем в знойном и душном Риме... Плодородные поля и луга долины щедро вознаграждали земледельца за его нелегкий труд. Летом в предгорьях приятно звучали свирели пастухов, перегонявших стада овец и коз. Тенистые рощи манили прохладой, и Гораций, любивший одинокие прогулки, не раз находил там приют под крышей домика, построенного из местного тибуртинского камня с его нехитрым убранством и утварью, успокаивавшими глаз после роскоши столичных дворцов.

Земли Горация обрабатывали всего восемь рабов (в одной из сатир поэт грозит дерзкому рабу послать его девятым на сабинское поле). Кроме рабов, на земле трудились еще пять арендаторов — «добрых отцов», как называет их Гораций. Очевидно, в годы гражданских войн эти земли были заброшены, и теперь требовались немалые усилия, чтобы вернуть им бывшее плодородие. Рабами ведал управляющий — вилик, которому хозяин доверял ведение всех дел, когда ему приходилось покидать поместье и уезжать.

В Рим, всякий раз, как дела, ненавистные мне, меня тащат...

(Посл. I, 14, 17)

Археологические раскопки 20—30 гг. нашего времени позволили исследователям представить себе размеры и планировку дома, где жил поэт. Дом занимал площадь 42×31 м и имел несколько спален и жилых комнат, а также кладовые и кухни. Полы в помещениях были украшены мозаикой, выложенной искусными геометрическими узорами, как было модно во времена императора Августа. Стены дома были украшены фресками (фрагменты их хранятся в местном музее в Личенце). На фресках — полуобнаженные фигуры с ветками в руках, видимо, сцены сельского праздника, бюст полуобнаженной женщины в шлеме и такой же бюст танцовщицы довольно грубой работы. Несколько лучше нарисован юный Вахс с венком на голове. Юноша с греческим профилем, держащий кифару в правой руке, с запрокинутой головой и взглядом, устремленным вдаль, напоминает нам о том, что дом принадлежал поэту.

Внутреннее убранство дома было простым и непри-

хотливым — таковы были вкусы хозяина. Сюда он приглашал гостей на скромное пиршество:

Если ты гостем решишься возлечь на короткое ложе,
Если со скромного блюда вкушать не боишься ты зелень —
С солнца последним лучом ожидать я, Торкват, тебя стану...

(Посл. I, 5, 1—3)

В хозяйстве виллы был небольшой лесок: своего старосту Гораций называет «виликом лесов и небольшого поля» (Посл. I, 14, 1). Из лесу возили дрова для очага, у которого темными зимними вечерами так уютно чувствовал себя хозяин виллы. Вероятно, все основные продукты питания производились прямо в поместье. Правда, местное сабинское вино было невысокого качества. «Дешевое сабинское», говорит о нём Гораций, приглашая к себе Мецената на скромное пиршество:

Выпьешь ты простого вина Сабина
В скромном канфаре — но зато недаром
Я его залил, запечатав гипсом,
В день незабвенный...

(Од. I, 20, 1—4)

Из этих строк видно, что поэт сам занимался хозяйством в духе староримских традиций и даже иногда брался за кирку, работая на поле (Посл. I, 14, 39).

Но увы, Горацию не всегда удавалось надолго задержаться в своем Сабине. Дружба с Меценатом (высокий покровитель желал видеть поэта как можно чаще), а также живое общение с собратьями по Музе вынуждали вновь отправляться в шумный и беспокойный Рим. Особенно неприятны там были поэту лица, добивавшиеся протекции или стремившиеся выведать у него тайны великих мира сего. Не без сарказма описывает Гораций в одной из сатир свое общение с Меценатом:

Да, скоро будет восьмой уже год, как я стал Меценату
Близок, как стал для него совершенно своим человеком,
Близость же вся — для того, чтоб почаще с собою в коляске
Брать меня, с тем, чтоб вести разговор — о суших безделках!
Спросит: «Который час дня?» иль «Какой гладиатор искусней?»,
Или заметит, что утро прохладно и надо беречься...
Но невзирая на это, завистников больше и больше
С часу на час у меня...

(Сат. II, 6, 40—47)

Но не только для Рима покидал Гораций свой любимый Сабин. У него было еще и «городское поместье» в Тибуре, небольшом городке к востоку от Рима. В нача-

ле XIX в. один французский путешественник в своих «Письмах об Италии» оставил нам описание Тиволи, древнего Тибура, а также мест, где находилась сабинская вилла Горация. Тогда еще в долине реки Анио во множестве возвышались руины древнеримских сооружений, романтично вырисовывавшихся на фоне ярко-синего неба и скалистых горных отрогов, вечнозеленых рощ. Автор дополнил свое описание гравюрами, исполненными им самим. Его карандаш живописца свидетельствует об одаренности автора в неменьшей степени, чем его перо писателя: «Когда Август покорял мир, искусства избрали Италию своей новой родиной, а за ними последовали все наслаждения, и прежде всего те, которые доставляет деревенская жизнь. Именно в эту столь блестящую эпоху окрестности Тиволи стали убежищем целого множества знаменитостей: Вергилий, Гораций, Проперций, Варрон и Меценат, покровитель изящной словесности, искусств, и все, кто снискал успех на этом поприще, стали обитателями берегов Анио. Меценат построил здесь, в самом Тибуре, загородный дом, скорее, даже поселение, обширное пространство которого еще и поныне заполнено множеством прекрасных сооружений, принадлежащих вечности. Этот мудрый римлянин мало ценил шумные наслаждения столицы, не доверяя заботам и волнениям, которые всегда сопутствуют колеснице тщеславия. Предпочитая очарование частной жизни пустому блеску величия, он отказался занять первые места в государстве, предложенные ему самым могущественным властителем в мире, другом и тайным поверенным в делах которого он был... Многие авторы утверждали, что у Горация не было никакого имения в Тиволи и что его единственный сельский дом находился у подножья Сабинских гор, близ Личенцы. Менее категоричный, чем они, я согласился бы, пожалуй, с тем, что он обладал фермой на этом месте...»⁷.

В Сабине и в Тибуре Гораций провел последние годы своей жизни. Но он любил и путешествовать по Италии, не раз отправляясь на своем смирном муле, с небольшой поклажей и в сопровождении одного слуги на юг, вдоль Аппиевой дороги, чтобы увидеть живописный Тарент (город, который он особенно любил) или побывать

⁷ *Castellan A. L. Lettres sur l'Italie. P., 1819. P. 84.*

в родных местах Апулии и Лукании. Или же направлялся в благословенную Кампанию с ее прекрасными сельскими пейзажами, уютными городками, овеваемыми морским бризом. Охотно бывал, как мы помним, и в Байях, модном курорте, где подогреваемые подземным теплом минеральные источники дарили исцеление страждущим. «Священная земля Италии» всегда стояла перед взором поэта, всегда была для него источником высокого вдохновения. Гораций был ее подлинным сыном и великим певцом вместе с дружественным ему другим великим поэтом Рима — Вергилием.

В последние годы своей жизни Гораций сблизился с самим принцепсом и его двором. В то время военное счастье, искусство и опыт Марка Випсания Агриппы обеспечивали Августу неограниченную власть над Римом и провинциями, а хитрая дипломатия Мecenата — контроль над общественным мнением. Умный, расчетливый и жестокий политик, Октавиан Август постепенно, так, чтобы это не бросалось в глаза, сосредоточивал в своих руках всю полноту действительной власти, используя с этой целью prerogative республиканских магистратур. Важнейшей из них была пожизненная трибунская власть, делавшая его личность священной и неприкосновенной. Полностью подчинив себе сенат и народ, опираясь прежде всего на армию, достигшую колоссальных размеров, он правил фактически единовластно, однако всячески избегал называть себя монархом, подчеркивая свои заслуги как «восстановителя республики». Он зачастую даже поощрял «свободные» высказывания и критику его действий, дав народу права, при которых «нам достались мир и принцепс», как не без сарказма пишет Тацит в «Анналах». Республиканские магистратуры, которые занимал Август, утратили такие определяющие признаки, как срочность и отчетность. Допуская в сенате скрытую оппозицию новому режиму как символ суверенитета римского народа, Август делал все для того, чтобы она была «оппозицией» его величества». Чтобы не выпустить ее из рук, он создал также узкий президиум сената, состоявший из действующих магистратов и избранных по жребию 15 сенаторов, который готовил дела к обсуждению, причем его рекомендации носили обязательный характер.

Стараясь завоевать популярность, Август заигрывал

с народом, как сообщает Светоний: «Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе как простой гражданин». Одновременно в провинциях усиленно насаждался религиозный культ императора. Уже в 36 г. до н. э. города Италии признали в нем бога-заступника (в первой эклоге Вергилий называет его богом, вернувшим на землю мир). Изображению Августа стали оказывать божеские почести, приносить жертвы. В 28 г. до н. э. специальным решением сената обожествление Августа было узаконено. Хотя Август и запрещал ставить ему алтари и храмы в Риме, в провинциях его культ был широко распространен, проникая оттуда и в Италию. Возвеличению личности Августа способствовало обширное строительство, которое он развернул в Риме и в городах Италии, восстанавливая старые храмы и воздвигая новые. Он не жалел усилий, дабы продемонстрировать свое уважение к старинным обычаям, религии, нравам, заботясь об их возрождении как в обществе, так и в частной жизни римлян. Добившись принятия законов против разврата, он сурово преследовал за порочный образ жизни даже собственную дочь и внучку (обе они были сосланы по его приказу). При этом он отнюдь не был лишен обычных человеческих чувств, разделяя пристрастия и вкусы своих современников, любил зрелища: цирк, театр, имел друзей и посещал их дома, бывая на семейных праздниках, увлекался литературой, нежно любил свою жену Ливию (впрочем, и с ней, по словам его биографа Светония, вел разговоры по заранее составленному конспекту).

В Риме тех лет царил настоящий культ художественного слова. Август не составлял в этом отношении исключения. Он получил хорошее образование, которое развил самообразованием, и пробовал свои силы и в прозе, и в поэзии. Светоний сообщает, что Август «написал много прозаических сочинений всякого рода», в том числе и сочинение «О моей жизни». Он пытался даже писать трагедии — известны их названия: «Аякс» и «Ахиллес». «За трагедию он взялся было с большим пылом, но не совладал с трагическим слогом и уничтожил написанное», — сообщает Светоний. Он же упоминает о другом произведении Августа, написанном эпическим гекзамет-

ром и называвшемся «Сицилия», а также о сборнике эпиграмм, которые он сочинял во время купания. О литературных увлечениях принцепса Гораций вспоминает в одной из од:

Как только войско, в битвах уставшее,
Великий Цезарь вновь городам вернет,
Ища закончить труд тяжелый —
В грот Пиерид вы его ведете...

(Од. III, 4, 36—40)

(грот Пиерид считался обиталищем Муз). Читал Август очень много. Его привычка вставлять греческие выражения и в речи, и в документы и письма, любовь к литературным цитатам выдавали блестящее знание классических образцов.

Нет сомнения, что принцепс прекрасно понимал разницу между собственными дилетантскими упражнениями и сочинениями великих поэтов, живших в его время. Он настойчиво добивался, чтобы Гораций жил при его дворе. Мысль, что его имя и деяния будут увековечены в бессмертных стихах, не могла не льстить его самолюбию. При дворе Августа умели ценить художественное слово, об этом прямо пишет Светоний: «Он всячески поощрял таланты своего века. Читавших ему свои произведения он слушал милостиво и терпеливо, не только поэтов и историков, но также риторов и философов». Новинки литературы доставлялись ему лично. В первой книге «Посланий» Горация мы находим послание к Виннию Азелле, который должен был передать Августу «запечатанные свитки», содержащие оды поэта.

Близость к императору наложила отпечаток на все позднее творчество Горация. Прославление деяний самого Августа, его пасынков и полководцев дало повод многим критикам обвинять поэта в лести и угодничестве. Действительно, если в эподах и сатирах имя Августа почти не упоминается, то в одах оно встречается все чаще и похвалы ему звучат все громче. В самой поздней IV книге од поэт, не жалея эпитетов, прославляет «второго Ромула», совершившего подвиги, равные подвигам Геракла, и заслужившего божественные почести, которые воздают ему благодарный сенат и римский народ. Однако, в отличие от своих современников — Вергилия, Проперция, Гораций никогда прямо не называет Августа богом: близость ко двору не отняла у поэта то-

го, чем он более всего дорожил в своей жизни— чувства независимости и свободы. О характере отношений, сложившихся между императором и поэтом, рассказывает Светоний: «Сочинения Горация так ему нравились, и Август настолько был уверен, что они останутся в веках, что поручил ему не только сочинение столетнего гимна, но и прославление победы его пасынков, Тиберия и Друза, над винделиками и для этого заставил его к трем книгам од после долгого перерыва прибавить четвертую. А прочитав некоторые его беседы⁸, он таким образом жаловался, что в них не упомянут: «Знай, что я на тебя сердит за то, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут ее позором для тебя?». И Август добился послания к себе, которое начинается так:

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
Рима державу оружием хранишь, добронравием красишь,
Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
Вред, у тебя если б время я отнял беседою долгой...

Гораций упорно отказывался от должностей, которые ему предлагал принцепс, и Светоний в биографии поэта специально отмечает это, прекрасно понимая, как человек, опытный в делах придворных, чего мог стоить такой отказ. Как видно из письма Августа к Мecenату, текст которого приводит Светоний, император предлагал Горацию должность личного секретаря. «До сих пор я сам мог писать своим друзьям, но так как я теперь очень занят, а здоровье мое некрепко, то хочу отнять у тебя, нашего Горация. Поэтому пусть он перейдет от стола твоих прихлебателей к нашему царскому столу и пусть поможет нам в сочинении писем». Но даже после того, как Гораций отказался сделать это, Август продолжал подчеркивать свое дружеское расположение к нему (Светоний говорит: «Навязывать свою дружбу»). Биограф цитирует другое письмо Августа к Горацию: «Располагай в моем доме всеми правами, как если бы это был твой дом: это будет ... только справедливо, потому что я хотел, чтобы между нами установились именно та-

⁸ Тон непринужденной беседы, характерный для посланий Горация, как и для сатир, дал повод называть произведения этого жанра «беседами».

кие отношения, если бы только твое здоровье это допустило». И еще в одном месте: «Как я помню о тебе, ты сможешь услышать от нашего Септимия, ибо мне случилось при нем высказывать мое о тебе мнение. И хотя ты, гордец, относишься к нашей дружбе с презрением, мы со своей стороны не оплатим тебе надменностью». Кроме того, среди прочих шуток, он часто называл Горация «чистюлей» и «милейшим человечком» и не раз, добавляет Светоний, осыпал его своими щедротами.

Издав три книги од, Гораций не собирался возвращаться к этому жанру. Годы тянули к «суровой прозе»: «прозаическая Муза» (Сат. II, 6, 77), привлекавшая его еще в молодые годы, давала, казалось, гораздо больший простор для мысли, для рассуждений о морали и философии, все больше занимавших его в последние годы жизни. Особенно дорожил он возможностью высказаться по поводу самой литературы, и этой потребности лучше всего отвечала форма посланий. Первая книга «Посланий» вышла в свет около 20 г. до н. э., как видно из заключительного 20-го послания, где поэт шутливо рекомендует себя читателю, сообщая свой возраст.

Смерть Вергилия год спустя нанесла тяжелый удар римской литературе. Гораций оказался единственным, кому Август мог поручить сочинение юбилейного гимна для Столетних игр, который должны были исполнять подростки из благородных семейств. Настойчивость Августа увенчалась успехом, и Гораций не только написал «Столетнюю песню», но и добавил к трем книгам од четвертую, содержащую произведения по преимуществу официального, придворного характера, где прославлялись победы Августа и его пасынков. «И юбилейный гимн, и оды 17—13 гг. до н. э., составившие отдельно изданную IV книгу од, написаны с прежним совершенным мастерством, язык и стих по-прежнему послушны каждому движению мысли поэта, но содержание их однообразно, построение прямолинейно и пышность холодна»⁹.

Вторая книга «Посланий» также несет на себе отпечаток тесных связей поэта с двором принцепса. Она состоит из послания к Августу, о котором шла речь выше, послания к Флору и послания к Пизонам, которое иног-

⁹ Гаспаров М. Л. Поэзия Горация // Квинт Гораций Флакк. Сочинения. М., 1970. С. 37.

да называют «Наукой поэзии». Все три носят литературно-теоретический характер и как бы подводят итог жизненному пути поэта, его опыту и раздумьям о принципах и законах художественного творчества.

В последние годы своей жизни Гораций пользовался уже всеобщим признанием, как крупнейший римский поэт-лирик. Известно, что в это время наиболее смелые педагоги Рима, например, Квинт Цецилий Эпирот, вводили в своих школах изучение творчества наиболее крупных современных им поэтов — Вергилия и других, как сообщает Светоний. Среди них, несомненно, был и Гораций.

Умер Гораций в 8 г. до н. э. и был похоронен на окраине Эсквилинского холма, рядом с Мекенатом, пережив своего друга и покровителя всего на 59 дней. Слова его оды:

... Выступим, выступим
С тобою вместе в путь последний —
Вместе, когда бы его ни начал!

(Од. II, 17, 10—12)

оказались пророческими.

ГЛАВА

9

КНИГА ЭПОДОВ

Книга эподов содержит ранние произведения Горация, хотя издана она была лишь около 30 г. до н. э., одновременно со второй книгой сатир. Первые эподы были написаны еще тогда, когда поэт только что вернулся в Рим, после битвы при Филиппах: политические стихи дышат еще не остывшим жаром гражданской войны. Другие были созданы в конце войны между Октавианом и Антонием, накануне битвы при Акции и после нее. Среди стихов этого сборника мы находим юношески пылкие строки, направленные против недругов поэта или пожилых прелестниц, домогающихся любви молодых людей. Сам Гораций впоследствии назовет свои эподы «ямбами» и пожалеет, что не смог тогда сдержать своих эмоций:

... В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В гневе толкнул написать поспешно
Те ямбы...

(Од. I, 16, 22—25)

Форма, избранная поэтом, была заимствована из древнегреческой лирики. Эподы еще в VII в. до н. э. писал Архилох, явившийся создателем этого жанра. «У него у первого мы находим эподы и тетраметры», — сообщает Плутарх в сочинении «О музыке». «Яростным был Архилох кователем грозного ямба», — скажет позднее

сам Гораций в «Науке поэзии», а в послании к Меценату он замечает:

... Первым паросские ямбы
Лацию я показал, Архилоха размеры и страстность
Брал я, не темы его, не слова, что травили Ликамба...

(Посл. I, 19, 24—26)

Преследовавшие Архилоха невзгоды — несчастная любовь, тяжкие лишения, выпавшие на его долю, когда он стал наемным солдатом, опасности морских путешествий — дали темы для стихов, полных боли, бичующего сарказма и даже ярости, когда он пишет о своих врагах, но дышащих необыкновенной нежностью и теплотой чувства, когда он обращается к друзьям или возлюбленной. Он изобрел необычайно живой и энергичный ритм эпода, в котором могли сочетаться ямбические триметры и диметры:

О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских!

Само слово «эпод» — греческое. Оно означает «припев» и относится, собственно, ко второй, более короткой строке парной строфы, которая как бы «припевается» к первой.

Обращение Горация к столь древнему образцу может объясняться и тем, что Архилох, как и он сам, был отмечен печатью рабского происхождения и мучительно переживал это. Оба они испытали тяжкие удары судьбы, было нечто сходное в темпераменте их обоих. Но главное заключалось в том, что именно к этому времени в эстетических взглядах современников Горация произошел поворот от пышного «азиатского» стиля к древней суровости, простоте и силе.

У Горация мы находим большое разнообразие ритмов, восходящих к Архилоху. Зачастую в эподах сочетаются различные размеры, например, дактилические (гекзаметр) и ямбические (ямбический диметр). В этом ритме написаны 14 и 15 эподы:

То была ночь, и сияла луна среди чистого неба,
Среди мерцанья малых звезд,
Страстно тогда ты клялась, богов оскорбляя заране,—
Клялась, твердя слова мои...

(Эп. 15, 1—4)

Дактилический гекзаметр мог соединяться и с ямбическим триметром:

Вот уже два поколения томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается...

(Эп. 16, 1—2)

Во второй строке Гораций иногда использует ямбо-элегический стих, где к ямбическому диметру присоединяется дактиль:

Грозным ненастьем свод затянуло небес, и Юпитер
Низводит с неба снег и дождь: стонут и море, и лес...

(Эп. 13, 1—2)

С метрической точки зрения, можно отметить, что первые десять эподов написаны чистым ямбом, эподы с 11 до 16 основаны на сочетании дактилических и ямбических размеров, а эпод 17 состоит из чистых ямбических триметров.

Среди тем ранних эподов особенно интересной и важной представляется гражданская: она проходит красной нитью через все творчество Горация, но с наибольшей силой и пафосом звучит именно здесь. Ужасы гражданских войн, разорение и гибель многих тысяч людей, деградация сельского хозяйства и падение древних устоев государственной и общественной жизни, патриархальной римской морали — все это наполнило душу поэта болью и тревогой за судьбы родины. Струны его юношеской лиры звенят негодованием против тех, кто готов был принести в жертву своему ненасытному честолюбию интересы всего общества:

Куда, куда вы ринулись, преступные,
Мечи в безумьи выхватив?
Ужели мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою?
Нет, не затем, чтоб Карфагена гордого
Сожгли твердыню римляне,
И не затем, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным —
А для того, чтоб парфянам на радость Рим
Погиб от рук сынов своих!
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем...
Слепая ль ярость вас влечет? Неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат. И лица всех бледнеют мертвенно,
Умы в оцепенении...
Да, Рим гнетут сурово судьбы горькие,
И тот братоубийства день,

Как пролилась кровь Рема непевинная,
Кровь, правнуков заклывшая¹.

Никогда в римской литературе до этого стихотворения не звучали с такой потрясающей силой и искренностью боль и тревога за судьбы родины. Патетический тон эпода переносит нас в Рим эпохи великих ораторов: с высокой поэтической трибуны Гораций обращается ко всему народу Рима и Италии. Гражданское звучание оды подчеркнуто риторическими вопросами, обычными в практике римских ораторов. Мысль поэта предельно ясна: не становясь ни на чью сторону, он проклинает братоубийственные войны сами по себе. Эту же тему продолжает и 16-й эпод: вот уже два поколения римлян страдают от бедствий гражданских войн, и Рим, устоявший под натиском марсов, этрусков, яростного Спартака, ненавистного Ганнибала, разрушается собственными силами. Где же спасение? Автор сам отвечает на поставленный риторический вопрос. Римлянам следует покинуть Италию и отправиться на поиски новых земель, поклявшись при этом никогда не возвращаться на любимую родину. Надо достичь островов Блаженных,

Где урожай дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет...

(Эп. 16, 43—44)

Только на этих островах сохранился золотой век, некогда царивший на земле. Тут, в 16-м эподе, чувствуется несогласие с настроениями и идеей знаменитой 4-й эклоги Вергилия, где предсказывается скорое наступление золотого века повсюду на земле. Временное примирение Октавиана и Антония, позволившее оттянуть новую вспышку междоусобиц, наполнило Вергилия оптимизмом, тем более, что примирение явилось результатом дипломатических усилий покровителя поэта Азиния Поллиона. По-видимому, Гораций не разделял всеобщего восторга по поводу примирения полководцев, понимая, что оно не принесет стране долгожданного мира и благополучия. Скептицизм Горация говорит о трезвой оценке ситуации, золотой век оставалось искать лишь на островах Блаженных... Ход истории вскоре подтвердил, что мира надо было ждать еще долгие годы.

¹ Эпод цитируется в переводе А. П. Семенова-Тянь-Шанского (с редакционными поправками автора настоящей книги).

Сближение с Меценатом не могло не повлиять на отношение поэта к разворачивающимся перед его глазами событиям. Теперь он уже по-другому должен был относиться к могущественному триумвиру, наследнику Цезаря. О том, как складывались новые взгляды Горация, позволяют судить два «актийских» эпода, связанных с событиями, которые завершились битвой при мысе Акций 2 сентября 31 г. до н. э.

Тема первого эпода — своеобразное поэтическое напутствие Меценату, отправляющемуся на войну. Если в более ранних эподах, а также в сатирах имя Октавиана даже не упоминается, то здесь, в этом эпode, чувствуется, что Гораций заинтересован в его победе. Наиболее важен для понимания новой политической позиции поэта 9-й эпод, написанный сразу после получения известия о победе при Акции. Обращаясь, как обычно, к Меценату, Гораций спешит отпраздновать победу, воображая пиршество в его «высоком» дворце, где заветное цекубское вино будет выпито под мелодичные звуки торжествующих флейт и лир. Радость от великолепной победы соединяется с обличением Антония, посрамившего честь римского воина союзом с Клеопатрой:

О, римский воин — не поверят правнуки —
Порабощен царицею!
В оружии, с поклажей — служит женщине
И евнухам морщинистым...

(Эп. 9, 11—14)

Поэт восторженно славит величие исторической победы Октавиана, решившей судьбу Рима. «Ю, триумфе!», — восклицает он, торжествуя. «Вождя, равного ему, ты не видел ни в Югуртинской, ни в Пунических войнах...». Отныне все в Риме избавлено от страха за судьбу Цезаря, в вакхическом безумстве предстоит теперь смыть следы тяжелых переживаний.

В эпode нет ничего воинственного, он обращен к душевному другу, общественное настроение составляет здесь лишь фон для выражения личных отношений, но фон этот очень важен и значителен. Мы можем себе представить, что чувствовали в Риме накануне получения известий о ходе сражения, ощутить напряженность этого ожидания. Отныне Гораций всецело на стороне Цезаря, воспекает его победоносное оружие, его самого, как величайшего полководца в истории Рима. Победа

при мысе Акийй решила судьбу поэта: ему предстояло встать в ряды «певцов века Августа».

Жизнь в сабинском имении, ставшем для поэта уютным пристанищем, дала поэзии Горация другое направление, и в проникновенных строках восхваляет он прелесть деревенской жизни, мирные сельские радости на лоне природы. В какой-то мере эта тема перекликалась с тенденциями внутренней политики императора, стремившегося к возрождению сельского хозяйства Италии, пришедшего в упадок после гражданских войн. В официальной идеологии «века Августа» занятие земледелием выступает как источник добрых старых нравов, традиционного римского трудолюбия, мужества и дисциплины, благодаря которым Рим стал властелином мира. Буколическая поэзия Вергилия, и особенно его поэма о земледелии «Георгики», родилась отнюдь не случайно. Меценат, действуя здесь, как, впрочем, и во всех других делах, в полном согласии с Октавианом, настойчиво убеждал Вергилия написать поэму о сельском хозяйстве, подчеркивая, насколько важно для государства вернуть уважение к этому древнему занятию римлян. Картины благоденствия на лоне природы, ухоженной трудами земледельца, представлены на барельефах знаменитого «Алтаря мира», сохранившихся до нашего времени.

«Георгики» Вергилия появились в римских книжных лавках около 30 г. до н. э., примерно тогда же, когда вышли в свет эподы Горация. Поэма сразу же привлекла к себе внимание Октавиана: занятый государственными делами, он не забывал следить за литературой, живо интересуясь всеми книжными новинками. Биографы Вергилия Сервий и Донат сообщают, что после битвы при Акции, когда победитель отдыхал в небольшом кампанском городке Абелле и лечился там от болезни горла, он слушал чтение Вергилия в течение 4 дней, знакомившего его с «Георгиками» (когда Вергилий уставал читать, его подменял Меценат). Успех поэмы о земледелии позволяет понять мотивы 2-го эпода Горация. Здесь некий человек (имя его мы узнаем лишь в конце эпода) хвалит сельскую жизнь, превознося ее до небес:

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Участок отчий пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,

Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь волн морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном...

(Эп. 2, 1—12)

Далее поэт рисует идиллическую картину, как пришедший с поля усталый муж садится за скромную домашнюю трапезу, которую готовит ему жена — смуглая апулийка или сабинка. Но тут идиллия вдруг прерывается иронической концовкой:

Такие речи Альфий-ростовщик ведет —
Вот-вот уже крестьянин он —
Но вновь собрал он к Идам² свои денежки
И вновь к Календам³ в рост пустил.

Мы встречаемся в этом эпосе с распространенным типом людей, любящих поговорить о добрых делах, высказывающих даже благие намерения их совершить, но на практике следующих лишь своим повседневным корыстным интересам. Гораций откровенно посмеивается над теми, кто, восхваляя сельскую жизнь, сам не покидает Рима. Посмеивается он, видимо, и над собой — ведь ему, полюбившему сельское уединение Сабина, слишком часто приходилось его покидать ради «гордых порогов граждан, власть имеющих».

Второй эпод интересен и тем, что в нем отражен принцип творчества поэта — «смеясь, говорить правду».

Эподы 11, 13, 14, 15 образуют в книге особый цикл: в них нет ни политики, ни того, что так свойственно ямбической поэзии — язвительных насмешек, злого сарказма. Они отличаются особым настроением — поэт пробует свои силы в области чистой лирики. Здесь еще сильно влияние Катуллы — полушутливый, полусерьезный тон 11-го эпода звучит совершенно по-катулловски, когда поэт всерьез уверяет, что не в состоянии писать стихи под воздействием сильного любовного чувства. 13-й эпод с его сквозным мотивом:

² Иды — 13-й (в январе, феврале, апреле, июне, августе, сентябре, ноябре и декабре) или 15-й (в остальные месяцы) день в римском календаре.

³ Календы — первый день месяца.

... Урвем же, други,
Часок, что послан случаем...

(Эп. 13, 3—4)

определит тему многих лирических произведений поэта, где этот принцип эпикурейской этики найдет достойное поэтическое воплощение. В 13-м эпосе впервые выступает характерный для позднейшей лирики Горация композиционный прием: стихотворение начинается с яркой картины природы, которая затем эмоционально подводит к выражению переживаний и мыслей поэта. Так, картина бури, кратко, но выразительно описанная, вселяет в читателя настроение тревоги и грусти:

Грозным ненастьем свод небес затянуло: Юпитер
Низводит с неба дождь и снег — стонут и море, и лес.

Затем звучит мажорный призыв:

Надо нам быть веселей! Пусть забудется хмурая старость!
Времен Торквата консула дай нам скорее вина!

(Эп. 13, 1—2, 5—6)

Значительное место занимает в эподах Горация любовная тема. Любовные эподы Горация во многом отличаются от лирики Архилоха. У греческого поэта любовь — всепоглощающее чувство, человек уже не может мыслить ни о чем другом, он полностью захвачен и покорен любовным порывом. Столь же естественно это могучее чувство превращается в смертельную ненависть к той, которая его отвергла. Здесь поистине любовь сильна, как смерть, бурные порывы чувства сменяются мучительной болью неразделенной страсти. В этом смысле ближе к Архилоху лирика Катулла с ее необычайно сложной гаммой переживаний и сомнений. Лирика Горация откроет нам совершенно иное отношение к женщине — более рассудочное, сдержанное, мы бы сказали, более римское. Гораций никогда не теряет головы и даже в минуту самых пылких объяснений, нежных излияний, остается самим собой. — философом, созерцателем, скептиком, знающим цену всему, что бывает на свете. Все быстротечно, и вещам не следует придавать большего значения, чем они того заслуживают. Таков 11-й эпод, обращенный к одному из близких друзей: «Петтий, мне, охваченному сильным чувством любви, уже не доставляет удовольствия писать стишки, как раньше... Вот

уже третий декабрь лишил лес его украшения с той поры, как я перестал пылать любовью к Инахии...». Греческое имя Инахия, вероятно, условное, во всяком случае это не римлянка из добропорядочной семьи. Поэту стыдно вспомнить о своем несчастье, он сокрушается, рассказывая, как не раз пытался забыть эту страсть и все равно направлялся к недружелюбно встречавшим его дверям. Зато теперь он пылает любовью к Ликиску, хвлящемуся, что затмит любую бабенку своей нежностью. Освободить поэта от этой любви не могут ни советы друзей, ни тяжкие оскорбления, но лишь пыл нозой любви к чистой девушке или стройному юноше.

15-й эпод, быть может, самый яркий из всех любовных эподов Горация. Это рассказ о любви поэта к некоей Неэре. После пылких клятв в верности возлюбленному она забыла его ради более богатого соперника. Обращаясь к нему, поэт восклицает: «А ты, счастливцев, ныне гордо выступающий и радующийся моему несчастью — пусть ты будешь богат скотом и землями, по которым протекает золотonosный Пактол, пусть будут тебе доступны тайны дважды рожденного Пифагора, пусть ты красотой одержишь верх над Ниреем⁴ — ты также изведешь печаль, когда лишишься любви, и тогда я посмеюсь в свой черед».

Глубоким чувством проникнуты первые строки этого эпода:

То была ночь и сияла луна средь чистого неба,
Среди мерцанья малых звезд,
Страстно клялась ты тогда, богов оскорбляя заране,
Клялась, твердя слова мои,
И, обвиняя сильнее, чем плющ, ствол дуба высокий,
Меня руками гибкими,
Ты повторяла: «Пока Орион⁵ мореходов тревожит,
А волк грозит стадам овец,
Длинные ветер пока развеивает власы Аполлона —
Взаимной будет наша страсть...

(Эп. 15. 1—10)

Давно замечено, что эти строки близки к стихотвор-

⁴ Нирей — греческий герой, участник Троянской войны, считавшийся самым красивым в греческом войске после Ахилла.

⁵ Орион — мифический великан-охотник, превращенный богами в созвездие. Его заход в начале ноября считался предвестником гроз.

рению известного поэта, современника Горация — Мелеагра:

Ночь пресвятая, и ты, о светильник — мы оба избрали
Вас как свидетелей клятв, данных друг другу тогда.
Я поклялась, что любить лишь его одного буду вечно,
Он же поклялся меня не оставлять никогда.
Ныне он говорит, что вода унесла эти клятвы:
Ныне, светильник, его видишь в объятьях другой...

Но у Мелеагра на измену возлюбленного жалуется девушка, тогда как у Горация они меняются ролями.

Эпод Горация написан на одном взволнованном дыхании, в нем изящно и тонко сменяют друг друга чарующее описание любовных клятв при свете луны и мерцании звезд, гордые слова отвергнутого влюбленного, не желающего предаваться малодушному унынию и, наконец, злая насмешка над нынешним избранником Неэры — ведь и его ждет подобная участь: быть покинутым ради другого.

Близко стоят к своим древним прототипам, эподам Архилоха, эподы 4, 5, 6, 8, 10 и 12. Язвительный сатирический тон в них доходит до бичующего сарказма, ненависть поэта к выведенным там типам порочных людей ничуть не меньше, чем у Архилоха. 4-й эпод направлен против выскочки-вольноотпущенника (в одних рукописях есть заголовок «Против Ведия Руфа», в других — «Против Секста Мены, вольноотпущенника Помпея», но в самом стихотворении имена отсутствуют). Поэт презирает его не за рабское происхождение (в устах Горация это звучало бы по меньшей мере странно), а за заносчивость, с которой этот бывший раб, влача длинную тогу, расхаживает в месте прогулок римской знати, по Священной дороге, вызывая всеобщее негодование. Недавно битый испанскими линьками, сохранивший на ногах следы оков, он теперь — владелец имения в Фалерне в 1000 югеров и топчет Аппиеву дорогу своими галльскими скакунами. И если уж он — военный трибун, то зачем же выводить в море столько кораблей с тяжелыми роstrами против разбойников и беглых рабов? Концовка эпода позволяет его точно датировать: он относится к 37 г. до н. э., когда Октавиан вел войну против Секста Помпея, создавшего в Сицилии государство, где нашли приют беглые рабы, остатки помпеянцев и другие противники триумвиров.

Пятый эпод рисует ужасную сцену, как старые колдуньи, похитив мальчика из знатной семьи, готовятся убить его, чтобы из его внутренностей приготовить противоротное зелье. Колдуньями руководит страшная Канидия,

... Чьи волосы нечесаны,
И перевиты змеями,
Велит и ветви фиг, с могил добытые,
И кипарис кладбищенский,
И яйца, кровью жабы окропленные,
И перья мрачных филинов,
И травы, ядом на лугах набухшие,
В Иолке и Иберии,
И кость, из пасти суки тошей взятую,
Сжигать в колхидском пламени...

(Эп. 5, 15—24)

Зелье, которое она готовит, должно вернуть ей любовь Вара, «блудного старца», который изменяет ей с другими. Канидия упоминается также в 3-м эподе, и комментатор Горация Порфирион пишет о ней: «Под именем Канидии поэт изобразил неаполитанскую продавщицу снадобий Гратидию, на которую он часто обрушивается, как на отравительницу. Но так как непозволительно писать стихи, позорящие какое-то определенное лицо, по этой причине поэт придумывает сходные имена...». Поэт не пожалел черной краски, рисуя образ омерзительной колдуньи-детоубийцы. Таких ворожей немало было в те времена в Риме и Италии, где пышно расцветали всякие суеверия. Свинцовые таблички с заклятиями (на них писали имена людей, которых хотели погубить), обычно закапывавшиеся в могилы, находят сегодня в большом количестве как в Италии, так и за ее пределами. Гораций, как и его друг Вергилий, тяготел к эпикурейской философии, последователи которой считали своим долгом разоблачение суеверий. Действа Канидии-отравительницы он еще раз изобразил в 8-й сатире первой книги сатир, где деревянная статуя Приапа заявляет:

Но ни воры, ни звери, которые роют тут норы,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум человека...

(Сат. I, 8, 17—19)

Этот мотив, как и другие, навеян греческими образцами. Нет сомнения, что перед глазами поэта, когда он созда-

вал образ отвратительной Канидии, стояла колдунья из идиллии Феокрита. Но у Феокрита приворотное зелье готовит молодая влюбленная женщина, тогда как в эподе Горация ситуация утрирована: гнусная старуха старается приворожить распутного старика. Пародийность, гротеск восходят к традициям эллинистического искусства, когда художники любили изображать уродцев, безобразных старух и стариков.

Не меньше, чем колдуньи, вызывали гнев молодого поэта бездарные графоманы, которых немало было в «век Августа», когда занятия литературой вошли в моду. Против одного из таких писак направлен 10-й эпод Горация, созданный в жанре поэтического напутствия (но «напутствия наоборот»: на голову «вонючки Мевия»⁶ призываются все беды, которые только могут выпасть на долю путешественника):

Идет корабль, с дурным отчалив знаменьем,
Неся вонючку Мевия:
Так в оба борта бей ему без устали,
О, Австр⁷, волнами грозными!
Пусть море вздыбив, черный Эвр⁸ пронесется,
Дробя все снасти с веслами,
И Аквилон⁹, пусть дует, что нагорные
Крушит дубы дрожащие...

(Эп. 10, 1—8)

Точно неизвестно, чем и как досаждал Горацию Мевий, но, по-видимому, это была достаточно одиозная личность. Даже очень мягкий по характеру Вергилий (за что насмешливые неаполитанцы прозвали его «девой») был вынужден дать ему отпор в своих эклогах, написав:

Бавля кто не отверг, пусть любит и Мевия песни...

(Экл. 3, 90)

⁶ О литераторе, с таким именем упоминает Порфирион в комментариях к сатирам.

⁷ Австр — южный ветер.

⁸ Эвр — восточный ветер.

⁹ Аквилон — северный ветер.

К своим литературным противникам Гораций был непримирим, о чем свидетельствует его отношение к Проперцию. Имя его ни разу не упоминается в произведениях Горация, хотя он отдает дань уважения почти всем своим современникам-поэтам. Его отталживал, по всей вероятности, слезливый тон элегий Проперция, отсутствие тонкого вкуса и чувства меры. Оба они не упоминают друг о друге, и это взаимное умолчание достаточно красноречиво.

Обычно сдержанный, «чистюля», как называл его Август, Гораций, как мы видели, бывает и яростен, и циничен. Откровенные до непристойности эподы 8 и 12 ставят немалые преграды перед переводчиками. В 8 эподе идет речь о некоей престарелой прелестнице, которая пытается влюбить в себя поэта. Оказывается, она увлечена философией стоиков, книги которых разбросаны по ее шелковым подушкам. Но все это не поможет ей в любовных делах, ибо с возрастом она утратила всякую женственность, способную пробудить любовное чувство. В 12 эподе вновь говорится о ней — женщине, достойной того, чтобы с ней имели дело черные слоны. Однако она настойчиво преследует поэта любовными посланиями, как будто он принадлежит к людям, лишенным вкуса. Она упрекает его за холодность, он же с жестокой откровенностью признается в причине своего чисто физиологического отвращения к ней, при том с такими деталями, которые делают этот эпод непереводаемым.

Уже античные критики были, по-видимому, смущены слишком откровенным — и если называть вещи своими именами — непристойным характером этих стихов. Квинтилиан, писавший о том, что не хотел бы комментировать некоторые произведения Горация, имел в виду, вероятно, именно эти эподы. Но сам Гораций не испытывал никакой неловкости — подобные стихи были обычны в среде, для которой они предназначались. Хотя представления о непристойном в античности не так уж сильно отличались от современных, все же в определенных жанрах поэты не чувствовали себя скованными «рамками приличий».

Сохранившиеся фрагменты переписки Августа также доносят до нас дух грубоватого цинизма, господствовавшего среди ближайшего окружения принцепса.

В коротких эподах Горация, сильных и звучных, полных юношеской пылкости и огня, заключено ясное поэтическое видение мира, доступное подлинному гению. Мы находим здесь редкое богатство образов, мыслей и чувств, отлитых в новую для латинского стиха чеканную форму. Эподам еще недостает того кристально чистого звучания, неповторимой лаконичности и философской глубины, которой будут отличаться лучшие оды Горация, но уже этой небольшой книгой стихов поэт уверенно заявил о себе как о звезде первой величины на литературном небе Рима.

ГЛАВА 10

САТИРЫ

Если в эпохах Гораций следовал греческим образцам, то созданный им цикл сатир был чисто римским жанром, имевшим уже почти двухсотлетнюю историю.

Слово «сатира», как предполагают, происходит от латинского прилагательного «сатур», означающего «полный», «сытый». Оно употреблялось в сочетании «сатура ланкс», «полная чаша»: так называлось блюдо с первыми плодами, подносившееся Церере, богине урожая, и сам дар был символом изобилия и плодородия. Термин «сатира» был связан на первых порах с представлением о смеси, и его стали употреблять в переносном значении: так, закон, в который включались статьи различного характера, назывался «сатура лекс». Античный грамматик Диомед дает следующее определение сатире, как литературному жанру: «Сатирой ныне у римлян называется поэтическое произведение, составленное в духе древней комедии, поносящее кого-либо и преследующее своей целью изобличение человеческих пороков, какие писали Луцилий, Гораций и Персий. Некогда же так называли произведения, состоящие из разнообразных стихотворений, какие писали Пакувий и Энний».

Родоначальником сатиры был Квинт Энний — недаром Гораций добродушно-иронически называет его «отец Энний» (Посл. I, 19, 7), но подлинным создателем этого жанра стал Гай Луцилий (около 168—103 гг.

до н. э.). Гораций называл его «изобретателем», ибо он

... Тот, кто стяжал себе вечную славу,
Риму сатиру открыв...

(Сат. I, 10, 49—50)

Состоятельный римский всадник, близкий к Сципиону Младшему, Луцилий никаких должностей не занимал и посвятил свою жизнь литературе, тогда только начинавшей входить в моду. Как и Энний, он был превосходным знатоком греческой культуры, бывал в Афинах, где познакомился с местными нравами, что отразилось в его сатирах. Сатиры Луцилия содержали резкое, подчас грубоватое обличение пороков людей, принадлежавших к самым различным слоям населения.

Суждение Горация о Луцилии важно не только как мнение великого поэта, следовавшего Луцилию в выборе жанра. Это суждение блестящего литературного критика и глубокого знатока литературы, обладавшего, в отличие от нас, полным собранием сочинений Луцилия. В одной из своих сатир, беседуя с юристом Гаем Требо-нием Тестой, он высказал следующее суждение о его творчестве:

... Почему же Луцилий,
Первым начавший сатиры писать, отважился дерзко
Первым совлечь с подлецов блестящую кожу притворства,
Выставить их наготу?
Он нападал без разбора на всех, на незнатных и знатных,
Только одну добродетель щадя и тех, кто с ней дружен...

(Сат. I, 2, 62—70)

В этих строках можно уловить некий подтекст: в отличие от него, Горация, Луцилий мог нападать на великих мира сего, не страшась возмездия, ибо то было время республиканских свобод, о которых бывший соратник Брута и Кассия забыть не мог. Отдавая должное его заслугам, Гораций все же понимал, что стихи Луцилия зачастую носили характер грубой импровизации, хотя и отличались большой внутренней силой:

... Да, я сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто ж, бессмысленный, будет
В этом его защищать? Однако на той же странице
Я ж его и хвалил за едкую соль его шуток...

(Сат. I, 10, 1—4)

Особенно резко Гораций порицал несовершенство поэтического языка Луцилия, то, что он «в латинские строки

много греческих слов подмешал» (Сат. I, 10, 20—21).

Подлинной зрелости и классической чистоты жанра сатира достигла у самого Горация. Она была близка характеру его таланта, его ироническому, насмешливому уму, скептическому отношению к действительности.

Ко времени Горация этические беседы стали обычным явлением в римской интеллектуальной среде. Чем менее нравственным было поведение тех или иных государственных мужей, тем охотнее они рассуждали о моральном долге, добродетелях гражданина, его обязанностях и т. п. (сочинение «Об обязанностях» написал Цицерон, который сыграл немалую роль в популяризации греческих этических теорий). В домах римских аристократов жили греческие учителя и философы — проповедники различных философских учений. Излюбленной формой распространения философских знаний была диатриба — непринужденное, в духе свободной беседы рассуждение на философскую, чаще этическую тему. Диатриба была богата образными выражениями, включала в себя множество анекдотов, басен, мифов и просто забавных рассказов. Юмористический тон и пестрота повествования обеспечивали этому жанру прочную популярность среди слушателей и читателей, принадлежащих к средним слоям населения. Большим успехом пользовались диатрибы Биона Борисфенита (первая половина III в. до н. э.) с их, как выразился Гораций,

... Едкою, черною солью...

(Посл. II, 2, 59)

Поэт называет их «беседами» и тем же словом обозначает свои сатиры. В какой-то мере они и продолжают традиции старой эллинистической диатрибы, одним из создателей которой считается Бийон. Другим источником вдохновения для Горация в его сатирах были сочинения Мениппа, славившиеся в римских литературных кругах как «Менипповы сатиры».

К эллинистической диатрибе восходит свойственный сатирам Горация стиль непринужденной, легкой и остроумной беседы. Реплики пропитаны «аттической солью». «Смеясь, говорить правду» — вот цель, которую ставит перед собой Гораций, но смех этот очень редко был злым. Знаток человеческих слабостей, сам им не чуждый, автор относится к ним снисходительно, иногда на-

смешлив, чаще ироничен, но всегда склонный к юмору. Многие конкретные лица сливались в один собирательный образ — празднующегося, развратника, мота, скряги, искателя наследств, бродячего философа... Некоторые имена выведенных в его сатирах людей прозрачно намекают на основное свойство их характера («Пантолаб» — «Хватай — Все»). Этот литературный прием, древний, как мир, восходил к праотцу всех поэтов, к Гомеру, но особенно часто встречался в новой комедии, типы которой наложили отпечаток на персонажей сатир Горация. Несмотря на свою молодость, автор сатир обладал уже достаточным жизненным опытом, знанием людей, чтобы отважиться вступить на далеко не безопасную стезю критики общественных пороков. Эподы энергичны, порывисты, страстны — в сатирах преобладает спокойный, созерцательный тон задушевного разговора, слог изобилует здесь наречиями, вводными словами, обиходными выражениями, взятыми из разговорного языка.

Иногда автор примеривает поведение людей к самому себе, проверяя, мог бы он поступить точно так же, а если нет, то почему:

Ложусь ли в постель иль гуляю под портиком — всюду
Я размышляю всегда о себе. «Вот это вернее,
Думаю я, вот так поступая, я жил бы получше,
Да и угоднее был бы друзьям. Вот такой-то нечестно
Так поступил: неужель, неразумный, я сделаю то же?»

(Сат. I, 4, 133—137)

Гораций был твердо убежден, что зло исправимо: надо только ярко обрисовать пороки людей, показать их смешную или даже отвратительную сторону. Разумеется, обличение пороков касалось только сферы частной жизни: политические проблемы из поля зрения полностью исключены.

10 сатир, входящих в первую книгу, созданы еще тогда, когда поэт после возвращения в Рим служил квесторским писцом. Это первая половина 30-х гг. до н. э., когда поэт уже подружился со своим могущественным покровителем Мecenатом. К Октавиану Гораций в это время не был, по всей видимости, близок, и умолчание о нем (за исключением косвенных, ничего не говорящих намеков) ясно говорит о том, что поэт с настороженностью следил за ходом политических событий.

Формирование жанровых особенностей сатиры можно проследить на примере 7-й сатиры, одной из самых ранних. Эпизод, положенный в основу сюжета, относится ко времени, когда Гораций служил в войсках Брута в Малой Азии. Перед трибуналом Брута, пропретора Азии, затеяли тяжбу римский всадник Публий Рупилий Рекс и богатый торговец Персий. Как видно из античных комментариев, Рекс отличался необыкновенным высокомерием и заносчивостью, за что и получил свое прозвище («Рекс» — царь). К Горацию, как сыну вольноотпущенника, он относился с презрением. Соперник его богач Персий, полугрек, полуримлянин, снискавший к себе в провинции не меньшую ненависть, чем Рупилий, предъявил ему иск. Лстыивый тон его обращения к Бруту вызвал дружный смех присутствовавших римлян:

Претора Брута сперва расхвалил он и спутников Брута,
Солнцем всей Азии Брута назвав, он к звездам благотворным
Свиту его приравнял. Одного лишь Рупилия словом
Злым окрестил, назвав его Псом — звездой, ненавистной
Всем земледельцам...

Совсем иначе выступил перед трибуналом Рупилий:

А пренестинец в ответ на его ядовитые речи
Начал браниться, да так, как бранится мужик-виноградарь...

Не выдержав потока брани Рупилия, Персий

... Латинского укуса вдоволь отведав,
Вдруг закричал: «Умоляю богами, о Брут благородный!
Ты ведь с царями справляться привык: отчего же ты медлишь
Этому шею свернуть? Вот твое настоящее дело!

(Сат. I, 7, 23—29, 32—35)

Глупая, претенциозная выходка Персия могла только позабавить Брута и его окружение. Сатирически описав эту тяжбу, Гораций явно намеревался развлечь своих соратников, участников похода Брута. Но само имя Брута было ненавистно Октавиану, и для того, чтобы сочинение было опубликовано, нужны были особые причины. В середине 30-х гг. I в. до н. э., после того как судьба республиканской оппозиции была решена окончательно, сатира (при некоторой доработке, которой она, несомненно, подверглась при издании) должна была звучать по-другому: она представляла в комическом виде и самого Брута, замешанного в эту смешную ссору. Ему предлагалось свергнуть еще одного «царя»,

Рупилия Рекса, и это звучало иронией. Быть может, поэт в какой-то мере иронизировал и над собой, своими несбывшимися республиканскими идеалами. Во всяком случае, при таком понимании сатира не могла вызвать тревогу у всемогущего триумвира Октавиана.

Героическое и комическое здесь постоянно смешиваются. Спор между Рупилием и Персием изложен эпически, противники сравниваются с Ахиллом и Гектором, упомянуты и другие герои эпоса, Диомед и Главк Ликиец. Но одновременно приводится и иное сравнение — с парой известных в Риме гладиаторов, Битом и Бакхием, что создает пародийный, комический эффект.

Очень близка к 7-й 5-я сатира, также посвященная малозначительному, на первый взгляд, эпизоду: путешествию поэта и его спутников в Брундизий. Весной 37 г. Октавиан послал Мецената в Брундизий вести переговоры с представителями Антония. В пути к Меценату присоединились поэты Гораций, Вергилий, Варий, критик Плотий Тукка и ритор Гелиодор. Они составили «когорту друзей», свиту Мецената. Гораций вел путевой дневник, описывая остановки по пути в Брундизий, людей, встречавшихся по пути, забавные происшествия, случившиеся за время поездки. Этот путевой дневник, изложенный в стихотворной форме, составил 5-ю сатиру. Форму путевого дневника Гораций, по-видимому, заимствовал у Луцилия, который в 3-й книге своих сатир описал путешествие из Рима в Сицилию (как сообщает Порфирион в комментарии к сатирам Горация).

Прибыв в Таррацину, Гораций стал ожидать своих спутников:

Должен сюда был прибыть Меценат достойнейший: вместе
С ним и Кокцей — послы для свершения важного дела,
Опыт имея мирить друзей, разошедшихся прежде...

(Сат. I, 5, 27—29)

Поэт хорошо усвоил основной принцип, которому следовал его друг, искусный дипломат: сдержанность, соблюдение тайны в государственных делах — важнейшие условия успеха, «Опыт», о котором идет здесь речь — это предшествовавшие переговоры Марка Кокцея Нервы и Мецената, приведшие к временному примирению Октавиана и Антония в 40 г. до н. э.

Далее с добродушной иронией столичного жителя автор живописует захолустные итальянские городки и селе-

ния, через которые пролегал их путь, а также «события», происходившие по дороге.

В Арицию поэт прибыл с «ученейшим из всех греков» (здесь скрыта легкая ирония) ритором Гелиодором. Отсюда они двинулись в Форум Аппия — городок, до отказа набитый матросами и скверными харчевнями. Тут начинался канал, ведущий через Помптинские болота к Таррацине. Ночью, когда поэт плыл на барке, ему докучала перебранка рабов и матросов. Вместе со злыми комарами и без усталости квакавшими лягушками они ни на минуту не дали заснуть. В Таррацине Гораций встретил дипломатов Октавиана и Антония, и уже вместе они отправились в Фунды. В этом скверном городке они запомнили претора Ауфидия Луска, бывшего писца, прорвавшегося к местной власти и заносчиво выставлявшего напоказ свои знаки отличия — тогу с широкой пурпурной полосой. Тщеславие его дошло до того, что даже по улице перед ним постоянно носили жаровню с горящими углями, издававшими благовонный запах.

В Синуэссе Горация ожидала радость встречи с друзьями — Туккой, Варием и Вергилием. Задушевный тон описания этой встречи, искренняя радость Горация свидетельствуют о чистой, ничем не омраченной дружбе, связывающей участников кружка Мecenата.

На шестой день путешествия они прибыли в Капую, где Гораций и Вергилий собрались отдохнуть и отоспаться, Мecenат же отправился играть в мяч. Переночевав на богатой вилле Кокцея, путешественники стали свидетелями забавной перебранки за столом двух паразитов — прихлебателей Кокцея. Рассказ об этом начинается с пародии на «Одиссею» Гомера:

Муза, поведуй о том нам теперь, как в битву вступили
Мессий Кикирр и Сармент, и скажи нам о роде обоих...

Интерес к происхождению героев повествования напоминает нам также начало пародийной поэмы «Батрахомиахия».

На восьмой день путешественники оказались в Беневенте. Там в харчевне не в меру усердный хозяин едва не сжег тощих дроздов, которыми собирался потчевать путников, а взметнувшееся пламя чуть не привело к пожару: «Надо было видеть, как голодные гости и перепуганные рабы тащили угощение и гасили пламя...». Оттуда они направились в Апулию и прибыли в Тривик, где

остановились на вилле и вдоволь надышались едкого дыма (в камине жгли сучья с зелеными листьями). Здесь поэт пережил неудачное любовное приключение, окончательно испортившее ему настроение.

На 10-й день путники явились в Канузий, затем вновь пустились в дорогу. Жители городка Эгнатий стали уверять Горация, что у них в храме благовонные смолы тают сами, без огня, по воле божества. «Но меня научили, что боги живут блаженной жизнью, и если природа и являет что-нибудь удивительное, то вовсе не боги в гнев посылают это людям» (Гораций явно цитирует здесь поэму Лукреция «О природе вещей»). На 15-й день путешественники прибыли в Брундизий:

Стал Брундизий концом — пути долгого, длинной поэмы.

Сравнение 5-й сатиры со стихами Луцилия, где тот описывал свое путешествие из Рима в Сицилию, показывает, что Гораций также выдержал стиль путевого дневника, но сделал это тоньше, изящнее, ироничнее.

Вторая сатира также принадлежит к числу ранних. Главная идея ее может быть выражена одним стихом:

Глупый, порока стараясь избегнуть, страдает противным.

(Сат. I, 2, 24)

Это положение иллюстрируется рядом картинок, взятых из жизни: «Все сирийские флейтщицы, бродячие лекари, попрошайки, мимы и подонки опечалены и возбуждены смертью певца Тигеллина. Почему? Да он был к ним щедр! Напротив, другой, чтобы не показаться мотом, отказывает бедному другу в небольшой ссуде, с помощью которой тот смог бы спастись от жестокого голода и холода...» Такие же крайности наблюдаются в модах: один разгуливает, опустив тунику до пят, другой же, напротив, задирает ее до неприличия: «Изящный Руфилл пахнет душистыми пастилками, Гаргоний же — козлом. Нет середины».

Но наибольшую опасность для общества представляют развратники: «Есть такие, кто может дотронуться лишь до женщины, роскошная одежда которой, опускаясь до пят, оторочена внизу у лодыжек. Напротив, другой пылает страстью лишь к девкам из публичного дома...». Развратников ожидают всевозможные неприятности: «Этот вот стремглав кинулся с крыши, тот забит

плетьюми до смерти... Третий, спасавшийся опрометью, попал в плен к шайке злых разбойников. Один откупился деньгами, другого слуги облили мочой... Случается даже так, что прелюбодея оскопляют — и все скажут, что по справедливости... Все, кроме Гальбы».

В низшем сословии этот товар куда безопасней!
Вольноотпущенниц я разумею, которых Саллюстий
Любит безумно, как истый блудник. Но было бы лучше,
Если бы он понимал, как жить с умом и по средствам...»

(Сат. I, 2, 47—50)

В конце на сцену выступает сам поэт:

Я не таков: мне Венера мила, что быстрее и доступней.

(Сат. I, 2, 119)

Нетрудно заметить, что сатира эта — настоящая «скандальная хроника», намекающая или даже указывающая на известных всему Риму гуляк и мотов, растративших целые состояния на модных танцовщиц или мимических актрис, любителей приволокнуться за чужими женами, соблазнительей девушек из порядочных семейств. Поэтому они относились враждебно к поэту — об этом мы узнаем из второй книги сатир. По утверждениям других, он порочил честных людей. Гораций ответил недоброжелателям своей 4-й сатирой. В ней поэт, обращаясь к прошлым временам, показывает, как древние комедиографы Эвполид, Кратин, Аристофан пользовались свободой слова, изобличая воров, прелюбодеев или иных дурных сограждан. Им следовал Луцилий, отличавшийся, правда, излишним многословием. Он же, Гораций, говорит редко и кратко, за что благодарен богам, сделавшим его таким. Вот Фанний, портрет которого вместе с томами написанных им книг выставлен на продажу, благоденствует. Сочинений же Горация никто не покупает: автор боится читать их вслух перед публикой, ибо есть люди, которым этот род литературы (сатиры) доставляет менее всего удовольствия, ибо слишком многие из этих людей заслуживают осуждения. Возьми любого из толпы — и он непременно будет отягощен пороком либо жадности, либо честолубия. Этот изнывает от страсти к замужним женщинам, тот — к мальчикам. Иной пленен блеском серебряной утвари, а другой — бронзовой.

Все они вместе бояться стихов, ненавидят поэтов...

(Сат. I, 4, 33)

Они говорят, что поэт готов осмеять даже близких, лишь бы рассмешить публику. Стоит ему начеркать что-нибудь, как сразу его стихи становятся известными всем — старухам, несущим воду из фонтана, рабам из пекарни. Гораций продолжает: «Прежде всего я должен исключить себя из числа тех, за которыми признал бы право называться поэтами. Недостаточно уметь закруглить стих, чтобы получить право на это звание... Ты предоставь эту честь человеку, в ком заключен врожденный дар и божественный дух, уста которого вещают возвышенным языком...». •

Гораций со всей остротой ставит здесь проблему жанра: является ли сатира чистой поэзией или же она приближается к комедии нравов, в которой «нет ни огня, ни силы, ни в языке, ни в сюжете». В римских литературных кругах вопрос о том, что есть поэзия, обсуждался весьма оживленно, о чем свидетельствует высказывание Цицерона: «Как я замечаю, некоторым представляется, будто речь Платона и Демокрита, хотя и отличается от поэзии, должна, по причине ее волнующего характера и необычайной чистоты и ясности выражения, скорее, относиться к числу поэтических произведений, чем сочинения комических поэтов, язык которых, если исключить стихи, ничем не отличается от повседневной обыденной речи» (Орат. 20, 67). Гораций замечает: «Если из того, что я ныне пишу и что ранее писал Луцилий, изъять твердый стихотворный размер и слова, которые стоят позади, поставить вначале, то ты не найдешь членов разъятого на составные части поэта, как это бы имело место, когда ты распустишь стих:

...Когда железные двери
И затворы войны крушились свирепым раздором...

(Сат. I, 4, 60—61)

Гораций здесь цитирует стих Энния, как указывают древние комментаторы Порфирион и Сервий. Далее поэт продолжает:

«Но покончим с этим: вопрос о том, является ли сатира поэзией или нет, мы отложим до другого раза. Теперь я хочу остановиться на том, заслуженно или нет вызывает у тебя подозрения этот род сочинений... Отчего ты меня боишься? В книжных лавках нет моих книг, и косяки их дверей не увешаны объявлениями о них... И

читаю я свои произведения только друзьям, да и то по их требованию, а не везде и не для всех желающих. Конечно, есть поэты, которые читают свои стихи на форуме или в термах в присутствии толпы моющихся (ведь красиво резонирует голос в закрытом помещении). Тщеславному человеку, не задающемуся вопросом, уместно ли такое чтение и является ли момент для него подходящим, это приятно».

На упреки недоброжелателей, будто он любит причинять людям зло своими сочинениями, Гораций отвечает: «Это мнение не разделяют его друзья — единственные люди, кто его хорошо знают. Часто во время пиршества один из гостей не перестает злословить по адресу остальных — кроме, разумеется, хозяина. Но подвыпив, начинает потешаться также и на его счет. И этого человека ты, не любящий коварных идей, считаешь остроумным, изящным, воспитанным, любящим шутку? Я же лишь, однажды подшутивший над Руфиллом, пахнущим душистыми пастилками, и Горгонием, пахнущим козлом, кажусь тебе злоречивым и недоброжелательным?».

Поэт вспоминает далее уроки отца, показавшего ему на примере конкретных лиц, как важно избегать дурных наклонностей. Сам он любит долго размышлять наедине с собою и, когда есть время, забавляться писанием — это один из его небольших недостатков. Но если этот недостаток не сочтут извинительным, за автора тотчас же вступится толпа поэтов.

Близость Горация к Мecenату вызывала у многих зависть, переходившую в открытое недоброжелательство. Им Гораций ответил 6-й сатирой, без сомнения, одной из лучших. Хотя он и обращается в ней к своему могущественному покровителю, мы не найдем здесь даже оттенка лести или угодничества. Поэт счастлив тем, что Мecenат оценивает людей по их достоинствам, не обращая внимания на их происхождение, хотя сам происходит от царей, а деды его как с материнской, так и с отцовской стороны командовали легионами. Между тем глупая и пошлая толпа готова предоставлять самые большие почести совершенно недостойным, пуча глаза на стоящие в атриях их домов изображения предков. Все люди — как родовитые аристократы, как и лица низкого происхождения, — рабы собственного тщеславия,

ибо слава тащит их за собой, как триумфальная колесница побежденных, и особенно опасна для незнатных, так как вызывает у остальных острое чувство зависти. Как только эти теряющие здравый смысл люди надевают красные башмаки сенаторов и распускают на груди складки тоги с широкой пурпурной каймой, как сразу же могут услышать голоса: «Что это за человек? Кто был его отец?». Поэт размышляет:

«Теперь пойдет речь обо мне, которого постоянно поносят все за то, что я сын вольноотпущенника, которого ненавидят теперь все за то, что я, Меценат, постоянный твой спутник, а некогда ненавидели за то, что я, когда был военным трибуном, командовал римским легионом. Но ведь это совсем разные вещи: если раньше, может быть, моей должности могли завидовать не без основания, то теперь нет никаких оснований завидовать моей дружбе с тобой, особенно потому, что ты осторожен в выборе друзей и держишься как можно дальше от корыстолюбивых искателей».

Далее поэт признается, что вовсе не по воле слепого случая стал другом Мецената, а был представлен ему Вергилием. Очень сдержанно рисует он первую встречу с Меценатом:

Детская робость мешала мне вымолвить больше. Сказал я
Просто, кто я...

(Сат. I, 6, 57—58)

Немного сказал и Меценат при этой встрече и только через 9 месяцев вновь вызвал поэта, приказав считать себя в числе его друзей. Поэта особенно радует, что его высокий покровитель оценивает людей не по происхождению, а по образу жизни и чистому сердцу.

Здесь Гораций посвящает несколько сдержанных, но прочувствованных строк памяти отца — редкий в истории античной литературы образец поэтической автобиографии. Бросая прямой вызов нормам тогдашней общественной морали, Гораций заявляет: «Пока он в здравом уме, он никогда не станет сожалеть, что у него такой был отец, и не станет оправдываться в том, что у него были незнатные или несвободные родители». Если бы закон природы позволил вдруг выбрать иных родителей, то он, Гораций, удовлетворился бы своими и не стал бы искать таких, за плечами которых высокие должнос-

ти: «Впрямь мне спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!» — восклицает поэт в конце сатиры. «Я шествую в одиночестве, — продолжает поэт, — куда пожелаю, спрашиваю, почем овощи, мука; гуляю по таящему в себе обманы цирку и вечером по уже успокоившемуся форуму. Наконец, возвращаюсь домой, к глиняной чашке, полной лука порея, гороха с блинами. За ужином мне прислуживают три раба и на столике с белой мраморной столешницей стоят две чаши и черпак...».

Шестая сатира содержит в себе очень мало «сатирического». Кроме выпада против Тиллия (107 сл.), которого по дороге в Тибур непременно сопровождают пятеро рабов, несущих его ночной горшок и сосуд с вином, и против Новия Младшего, жестокого ростовщика, здесь трудно указать, против кого конкретно направлена эта сатира. Поэт защищает свои этические позиции, его постулаты ясны и оригинальны. Они подкрепляются продуманной аргументацией, яркими сентенциями, облеченными в лаконичную и чеканную форму. Общественный резонанс сатиры должен был быть очень громким.

Третья сатира 1-й книги посвящена часто встречающейся привычке людей осуждать чужие пороки, не замечая собственных. Позлословить о других — большое удовольствие для таких людей. Столичные жители часто готовы посмеяться над провинциалом, встречая людей «по одежке» и составляя мнение о них по внешним признакам — и, конечно, ошибаясь при этом:

Вот человек: он строптив, не по нашему тонкому вкусу,
Можно смеяться над ним за его деревенскую стрижку,
За неумелую складку на тоге, башмак не по мерке:
Честен и добр он зато, и лучше — нет человека!
И неизменный он друг, и под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества духа!

(Сат. I, 3, 29—34)

Еще античный комментатор Горация Псевдо-Акрон заметил, что здесь описан Вергилий. Хотя некоторые современные исследователи склонны отвергнуть это предположение, надо признать, что в нарисованном Горацием портрете есть много общих черт с Вергилием, каким мы его знаем по рассказам античных биографов. Так, Донат пишет о его «деревенской наружности». Сам Гораций называет автора «Энеиды» в другом месте «чистой душой» (Сат. I, 5, 41).

К недостаткам окружающих надлежит относиться так, как отец относится к недостаткам своих детей, а любовник — к недостаткам возлюбленной:

Так ты суди и о друге, и, ежели скупо живет он,
Ты говори, что твой друг бережлив; коли хвастает глупо,
Ты утверждай, что друзьям он понравится шутками хочет,
О грубияне развязном скажи: «Он прост и отважен»,
О горячем — «Он пылок не в меру». От этого дружба
Крепче бывает меж нас и согласия благо приносит!

(Сат. I, 3, 49—54)

Люди склонны не только сурово осуждать чужие недостатки, не замечая своих, но и превращать подлинные достоинства в пороки, злословя о ближних и очерняя истинную добродетель. Кто родится без пороков? Люди совершают различные проступки, и за каждый надо назначать соразмерное наказание:

Те, для кого все проступки равны, все равно не сумеют
В жизни так рассуждать: против них и рассудок, и опыт,
Против них, наконец, и мать справедливости — польза!

(Сат. I, 3, 96—98)

Поэт выступает здесь против этического учения стоиков, утверждавших, что все проступки в равной мере наказуемы. Чтобы доказать ложность этих утверждений, Гораций, не называя при этом источника, исходит из теории Лукреция о возникновении идеи социальной справедливости и создании законов:

В те времена, когда из земли поползло все живое,
Между собою за все дрались бессловесные твари,
То за нору, то за горсть желудей кулаками, когтями,
Палками бились, затем и мечами (нужда научила!):
После, как только они имена для вещей подыскали,
Начали строить они города, от войны избавляясь,
Против воров, лиходеев законы издали...

(Сат. I, 3, 99—105)

Законы были созданы из страха перед несправедливостью. По мнению Горация, никогда не утвердится учение, будто тот, кто ломает в чужом саду виноградную лозу, и тот, кто похитит ночью из храма священный предмет — совершают одинаковое преступление. Стоической доктрине противопоставлено учение эпикурейцев, согласно которому за различные проступки полагаются соответствующие им наказания.

Стоики учили, что мудрец — будь он царь или са-

пожник — всегда и красавец, и носитель всех человеческих достоинств. «Но если ты уже царь, — спрашивает далее поэт, — то почему же ты желаешь того, что уже, судя по твоим словам, имеешь?». «Озорные мальчишки таскают тебя за бороду, — продолжает он, — толпа их окружает тебя и преследует, и ты, жалкий, пробиваешься сквозь нее, громко ругаясь — ты, величайший из царей...». Эта изящная концовка сатиры, приближающейся к эллинистической диатрибе благодаря философской проблематике и диалогу, служит серьезной и важной цели. Так воплощается принцип, положенный поэтом в основу своих сатир — «смеясь, говорить правду».

Шутки над учением стоиков, превозносивших свое учение как единственно верное, свысока относившихся к другим философским школам, были широко распространены в античности. Сам Гораций настроен не доктринерски: он исходит из простого здравого смысла и соображений общественной пользы.

Восьмая сатира очень мало похожа на все остальные: написанная в уже известном жанре приапей, она проникнута духом раскованного веселья, царившим в среде эпикурейцев, окружавших Мецената. Сатира начинается с того, как статуя Приапа, бога — покровителя садов, изображение которого с непристойно торчащим фаллом, окрашенным в красный цвет, должно было отпугивать воров и птиц, сама рассказывает, как ее смастерили. Мастер долго раздумывал, что бы ему изготовить из обрубка древесного ствола — скамью или бога, «и предпочел, чтобы я стал богом».

...С тех пор я пугаю

Птиц и воров. Отгоняю воров я правой рукою

И непристойным колом, покрашенным красною краской,

А тростник на моей голове птиц прожорливых гонит,

Их не пуская садиться в сад у молодом на деревьях...

(Сат. I, 8, 3—7)

В этом шутиливом повествовании можно усмотреть язвительный выпад образованного римского скептика против верований простонародья, поклонявшегося грубо обтесанному чурбану как богу. Далее излагается история о том, как деревянный Приап, с возмущением глядя на колдовские проделки уже известной нам ворожеи Канидии и ее достойной подружки Саганы, издал неприличный звук, громко треснув и до смерти перепугав отвра-

тительных подружек, стремглав кинувшихся бежать. Мы видим, что трезвомыслящий эпикуреец Гораций по-прежнему верен своей ненависти к суевериям и их служительницам — колдуньям, проявившейся еще в эпохах.

Восьмая сатира заставляет нас вспомнить о распространенной во времена Горация игре в литературных кругах Рима, состоявшей в сочинении забавной и остроумной надписи на пьедестале статуи Приапа (из подобных стихотворений сложился сборник «Приапеи»). Одно из вошедших в этот сборник стихотворений живо напоминает нам эту сатиру Горация:

Ты, дурная, чего смеешься, девка?
Не Пракситель меня тесал, не Скопас,
И не Фидия был резцом я сделан:
Из чурбана меня изваял вилик,
И сказал мне: «Отныне будь Приапом!»

В сатире оказались задетыми лица, выведенные под говорящими именами: шут Пантолаб (в переводе с греческого «Хватай— Все»), мот Номентан, некая Педиятия. В комментарии к изданию Горация Я. Круквий замечает: «Педиатий, римский всадник, промотав свое состояние, стал заниматься проституцией, поэтому-то Гораций и назвал его в женском роде Педиатией...».

Человеческие пороки неисчислимы. Девятая сатира направлена против тех, кто стремится во что бы то ни стало проникнуть в тайны великих мира сего и люто завидует тем, кто причастен, быть может, к этим тайнам. В свободной, непринужденной манере Гораций описывает случай, который с ним произошел во время прогулки:

Как-то я шел, как обычно, Священной дорогою, в мыслях
Нечто держа, пустяки, весь в них погрузившийся думой...

(Сат. I, 9, 1—2)

По дороге встретился некий человек и стал назойливо расспрашивать поэта о делах, рассказывать о себе, говорить о чем угодно — о городе, улицах и прочих вещах, о чем обычно говорят люди, не имеющие серьезного предмета для обсуждения, но старающиеся войти в контакт с собеседником любым способом. Горацию, то замедлявшему, то ускорявшему шаги в надежде, что спутник его покинет, никак не удавалось от него избавиться. Между тем, тот начал превозносить свои поэтические таланты и убеждать поэта подружиться с ним, способ-

ным так быстро сочинять стихи (именно это свойство Гораций порицал в творчестве Луцилия, как мы видели выше). Далее стало ясно, что стихи были лишь предлогом. Главным, ради чего был затеян весь разговор, было желание назойливого спутника попасть в дом Мецената. Избавиться от надоедливого болтуна никак не удавалось, пока того не встретил истец, заставивший его отправиться с ним в суд. «Так избавлен я был Аполлоном!». Описанная сценка отличается необыкновенной живостью и реализмом: подобный тип наглого и назойливого проныры стал обычным в те годы, когда карьеры создавались и рушились столь же быстро, сколь стремительно развивались события политической жизни.

Главная идея написанной позже других, но открывающей книгу первой сатиры выражена предельно ясно: никто в этом мире не бывает довольным своей участью и каждый завидует соседу. С этим связана и другая мысль: люди готовы терпеть всяческие невзгоды, лишь бы обеспечить себе безбедную старость. Но жадность, с которой люди стремятся к накоплению богатств, равно как и страх потерять накопленное, мешает насладиться тем, что уже удалось приобрести. Истинная причина недовольства каждого своей судьбой — человеческая алчность.

На сцену выходят представители разных профессий. Воин, отягощенный годами, увечьями и невзгодами войны, завидует купцу, но тот, корабль которого часто становится игрушкой разбушевавшейся стихии, восклицает: «Военная служба лучше!». Юрист, которого ранним утром, с пением петухов будит стук клиента, явившегося за советом, хвалит жизнь крестьянина, а тот, придя в город по судебным делам, прославляет городскую жизнь. Но пусть некое божество скажет: «Ну, хорошо, я доставлю вам то, чего вы желаете. Ты, который был воином, стань купцом, а ты, ученый юрист — земледельцем. Переменитесь все местами!». Тут все откажутся исполнять веление божества. Однако ведь вовсе не шутки ради начал поэт речь обо всем этом, хотя кто запретит ему «смеясь, говорить правду?» Так прозвучало здесь программное заявление Горация о характере его сатир.

Крестьянин, тяжелым плугом переворачивающий пласты земли, продувной трактирщик, воин, моряк, смело пускающийся к плаванию — все говорят, что трудятся лишь с одной целью: пожать плоды своих трудов в

старости. Но в отличие от муравья, который все тащит в общую кучу, а в ненастье мудро пользуется накопленным, «тебя ни зной, ни зима, ни огонь, ни море, ни война не могут оторвать от наживы...». Но что тебе пользы от множества золота и серебра, которое ты тайком и боязливо прячешь под землю? — спрашивает далее поэт. Ведь твой желудок вмещает не больше, чем мой. И если ты в караване рабов нес целую корзину хлеба, то все равно получил бы на обед не больше того, кто ничего не нес. И скажи, имеет ли значение для человека, живущего по законам природы, вспахивает ли он 100 югеров или же 1000?».

Значительная часть людей, увлеченная обманчивой жадой богатства, твердит: «Нельзя останавливаться на достигнутом, ибо человек значит ровно столько, сколько имеет».

...А знаешь ли деньгам ты цену?

Знаешь ли, деньги на что? Чтоб купить овощей или хлеба,
Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно...

(Сат. I, 1, 73—75)

Скупого ожидает тяжелая судьба. Если он заболит, ни жена, ни дети не желают ему выздоровления. Но и мотом быть незачем. Не следует впадать в крайности:

Мера должна быть во всем, везде свои есть пределы.

(Сат. I, 1, 106)

Эти слова Горация стали афоризмом. Здесь поэт-эпикуреец вновь следует Лукрецию, утверждавшему в своей поэме: «Если бы кто-нибудь направлял человеческую жизнь по верному пути, величайшим богатством человека была бы жизнь, при которой он мог бы довольствоваться малым: не существует нужды для того, кому надо немного» (О природе вещей, IV, 1116 слл.). В конце сатиры мы находим еще одну цитату из Лукреция (III, 951), требующего, чтобы человек уходил из жизни безропотно, подобно тому, как покидают пир уже насытившиеся.

Вернемся теперь к причинам, заставившим поэта избрать несколько неожиданную для человека его взглядов и склада характера тему — критику нравов и пороков современного ему общества. После тихих Афин, где едва теплилась общественная жизнь, где в тиши рош Академии можно было отвлечься от суеты громадного Рима,

после недолгой военной карьеры и общения с людьми, принадлежавшими к избранной аристократической элите, поэт погрузился в шум и сутолоку миллионного города, с его толпами людей на улицах и площадях, вечно голодным нищим плебсом, с неуверенными в завтрашнем дне сенаторами и всадниками, испытывшими на себе ярость солдатни триумвиров, — города, где каждый стремился к сиюминутной личной выгоде, удовлетворению своих мелких страстей, забывая думать о благе общества — и все это поразило его до глубины души. Он взглянул на жизнь уже не глазами ученика афинских философов, но взрослым человеком, прошедшим суровую школу войны... Глубокие раздумья и привели его к мысли показать обществу его пороки, избрав для этой цели зеркало сатиры.

Изданные им сатиры были пикантны, остры. Блестящая литературная форма сочеталась в них с глубоким философским содержанием, дававшим пищу для размышлений не только человеку его круга, но и любому мыслящему римлянину, не остающемуся равнодушным к судьбе общества, в котором он жил. Книга сатир сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Каждый с удовольствием находил в изображенных Горацием типах людей черты своего соседа. Афористическая форма позволяла легко запоминать эти стихи и в подходящий момент блеснуть яркой цитатой.

Но вместе с тем многие почувствовали себя задетыми и обвинили поэта в тенденциозности: были и такие, которые отрицали за сатирами право называться литературным произведением. Поэт ответил своим противникам первой же сатирой II книги:

Многие думают, будто излишне в сатире я резок
И выхожу из законных границ: другим же, напротив,
Что ни пишу я, все кажется слабым...

(Сат. II, 1, 1—3)

Собеседником поэта здесь выступает Гай Требаций Теста, видный юрист того времени. И это не случайно: в сатире идет речь о праве Горация на критику общественных пороков, и знаток права может быть здесь естественным оппонентом. Сам Требаций Теста был близок к литературным кругам и состоял в переписке со многими видными литераторами.

Собеседник поэта начинает свою речь с совета писать не сатиры, а стихи, прославляющие подвиги «непобедимого Цезаря»: за этот труд автор вправе ожидать достойной награды. Отвечая ему, Гораций шутливо жалуется на недостаток сил: не каждый может достойно воспеть сражения, описать галлов, пораженных дротиками римлян, раны парфян, падающих с коней. Зато он вправе продолжить дело, начатое Луцилием, и поэт уверен, что Цезарь одобрит его намерения. Это упоминание об Октавиане, как о человеке, чей голос является решающим в литературных спорах, характерно для наступившей новой эпохи и в жизни римского общества, и в творчестве Горация.

Перебирая пороки своих современников, поэт не пропускает и чревоугодия, весьма распространенного тогда в среде римской знати. Во второй сатире, проповедуя умеренность, он хочет вести эту беседу натошак, ибо «сытый желудок всегда обыденною брезгует пищей». Изысканные блюда, которыми увлекаются римляне, только разрушают здоровье — впрочем, как и чрезмерная скупость, стремление экономить на собственном желудке:

...Держись середины!

Чисто жить — это значит ходить в незапятнанном платье,
А вовсе не то, чтоб всегда и везде щегольски наряжаться...

(Сат. II, 2, 63—65)

«Золотая середина» — вот принцип, которого надо придерживаться в жизни. Эта же идея лежит в основе 3-й сатиры II книги и будет лейтмотивом ряда его лирических произведений («К Лицинию Мурене». — Од. II, 10).

В 3-й сатире II книги поэт беседует с неким Дамасиппом — забавным человеком, разорившимся на неудачных спекуляциях и теперь дающим советы другим по части приобретения недвижимости, антиквариата и т. п. Отпустив бороду и надев плащ философа, Дамасипп одновременно проповедует стоическую мудрость на площадях Рима. В праздник Сатурналий, прибыв к Горацию на его сабинскую виллу, Дамасипп стал избочивать поэта в лени, неразумном поведении и других пороках. Но прежде всего он советует поэту побольше писать, и за этот совет Гораций насмешливо его благодарит, призывая богов воздать Дамасиппу добром и одарить его... брадоб-

реем. Из страстей, которые делают людей безумными, на первое место надо поставить скаредность (84—158), затем мотовство и честолюбие (159—222), затем разгул и распутство (224—280) и наконец, суеверие (281—295). Изобличение всех этих пороков дано в живых картинах, необыкновенно наглядно и выразительно обрисованы поступки людей. Сценическая живость диалога позволяет сгладить впечатление монотонности из-за слишком затянувшейся беседы.

Добродушно подшучивая над Дамасиппом (вероятно, собирательный образ), поэт отнюдь не собирается насмеяться над самим стоическим учением, бывшим особенно популярным в Риме того времени.

В седьмой сатире II книги Гораций продолжает ту же тему. Здесь он выводит на сцену своего раба, долго прислушивавшегося к тому, как хозяин сочиняет стихи и затем, пользуясь вольностями Сатурналий, вступившего с ним в спор: он начинает изобличать пороки людей, бросающихся из одной крайности в другую. Это относится и к самому поэту, который, находясь в Риме, скучает по деревне, а находясь в деревне, превозносит Рим до небес. И вообще неизвестно, чьи пороки заслуживают большего порицания — его, раба, или господина:

Ты, господин, но не меньше, чем я, людьми и вещами
порабошен...

«Кто же поистине свободен?» — вопрошает далее раб тоном философа и сам отвечает:

... Мудрец, который владеет собою,
Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы,
Кто не подвластен страстям..

(Сат. II, 7, 75—76, 83—85)

Четвертая сатира II книги связана по содержанию со 2-й и 8-й, но по композиции напоминает 3-ю сатиру: короткий диалог обрамляет пространное рассуждение на гастрономическую тему, произносимое неким Катием. Тонем оракула эта личность преподносит кулинарные советы как некое «новое учение», превосходящее все то, чему учили Пифагор, Сократ или Платон. Таким образом, «новое учение» служит дополнением к советам. Их дает Офелл во 2-й сатире и в «Застольной речи», которую произносит Насидиен в 8-й сатире. Точно неизвестно, является ли Катий лицом вымышленным, или же такой

человек действительно существовал. Комментатор Горация Я. Круквий замечает к 47 стиху сатиры: «Гораций насмехается над ним за то, что в своей книге «О хлебопекарном деле» он сам о себе пишет: «Все это первым открыл и познал Катий Мильтиад». Можно предположить, что Катий Мильтиад был вольноотпущенником и автором книги о кулинарном искусстве (не исключено также, что Гораций воспользовался этим, довольно известным именем для создания образа «мудреца-кулинара»: «ученый Катий» живо напоминает маску новой комедии, повара-шарлатана, перешедшую затем и в римскую).

Напыщенная лекция Катия начинается с того, что продолговатые яйца вкуснее округлых — в них белее белок и крепче желток. Вообще все преподносимое Катием «учение» делится на три части: о закуске, о самом обеде и о десерте (что соответствует трем частям римского торжественного обеда, традиции которого ко времени Горация полностью сложились).

Знаменитая восьмая сатира описывает пир у Насидиена, на котором присутствовал и Меценат. Описание этого званого обеда поразительно напоминает известную картину пиршества у Тримальхиона, богатого и тщеславного выскочки, в романе Петрония «Сатирикон». Крикливая роскошь граничит здесь с сумасбродством, сам хозяин с назойливым бахвальством комментирует каждое поданное к столу блюдо и т. д. Можно предполагать, что в римской литературе этого времени существовал своеобразный литературный жанр — комическое описание пира. У Горация Насидиен, богатый всадник, необыкновенно глупый, хвастливый и жадный человек, изо всех сил добивается того, чтобы гости оценили его аристократизм и знание гастрономии. Безвкусные и претенциозные рассуждения Насидиена по поводу каждого блюда и хвастливые заявления, которыми он сопровождает свои гастрономические выдумки, лишая гостей аппетита, вдруг прерываются: балдахин, висевший над обеденным столом, рухнул, обдав и гостей, и стоявшие перед ними блюда тучей пыли. Потрясенный до глубины души случившимся, хозяин расплакался, но один из гостей, промотавший свое состояние и играющий роль парасита при Насидиене, стал его утешать, важно и громко объявив гостям:

... На пиру, как в бою, в неудаче сильнее, чем в удаче,
Истинный дар познается хозяина и полководца...

(Сат. II, 8, 73—74)

Претенциозное и глупое сравнение пира со сражением производит здесь дополнительный комический эффект.

В пятой сатире II книги очередь доходит до охотников за наследствами (их развелось в те времена особенно много). Беседуют герои Гомера Улисс (Одиссей) и Тиресий, пародируется сцена из XI песни «Илиады». Одиссей спрашивает, как можно поправить свое состояние. Тиресий отвечает:

«Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С удочки, хитрая рыбка, приманку сорвав рыболова,
Ты надежд не теряй и готовься на промысел снова...

(Сат. II, 5, 23—26)

Мы читаем вторую книгу сатир дальше — и вдруг интонация, стиль меняются. Шестая сатира не похожа на другие. Здесь нет диалога, насмешки; настроение глубоко лирическое, задушевное. Поэт рассказывает, как изменилась его жизнь, когда он поселился в сабинском имении. Привычный для нас сатирический элемент встречается только в первой ее части, описывающей жизнь поэта в Риме, встречи со случайными знакомыми, надеющимися что-то выведать у Горация, близкого к властям, или добиться у него заступничества перед Мecenатом.

Начинается сатира с торжественного и прочувствованного изъявления благодарности богам за полученное имение, и это делает ее похожей на послание к Мecenату: имя его встречается далее все чаще. Поясняя, почему он предпочитает деревню городу, Гораций вводит в сатиру совершенно новый художественный элемент: басню о городской и сельской мыши (поэт мог услышать ее еще в детстве, у луканских или апулийских крестьян, чей грубоватый мужицкий юмор всегда ему нравился). Городская мышь, побывав в гостях у сельской и с презрением поглядев на ее убогое житье, пригласила ее к себе. Когда та прибыла в городской дом, ее угостили остатками пышного пиршества: яства следовали за яствами. Но в самый разгар праздничного обеда мыши услышали лай господских псов, ворвавшихся в зал. В поисках

убежища и спасаясь от псов, сельская мышь сказала городской:

Нет, эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глотать чечевицу...

(Сат. II, 6, 116—117)

Так изящно и непринужденно заключает Гораций повесть о прелестях деревенской жизни.

Краски, которыми нарисованы в этой сатире картины жизни тогдашнего Рима, необычайно яркие. Слышен оглушающий шум Вечного Города, мы ощущаем, как тяжело продвигаться по тесным римским улицам, когда поэт, отчаянно расталкивая локтями толпу, прокладывает себе дорогу на Эсквилин.

Вторая книга сатир значительно отличается от первой. Если в первой книге еще идет поиск тематики и формы и главные особенности жанра, заложенного Луциллем, только складываются (сатиры I книги еще не являются беседами, автор чаще говорит от своего имени), то во второй решительно побеждает диалогическая форма: автор предпочитает отступить на задний план, выдвигая своих персонажей на авансцену. В каждой сатире II книги последовательно развивается одна главная идея, что придает всему произведению законченный характер. Так получает воплощение принцип, сформулированный позже в «Послании к Пизонам»:

И да будет поэма всегда простой и единой.

(Наука поэзии, 23)

Заметно усовершенствована и сама система стихосложения во второй книге сатир, здесь меньше отступлений от метрических норм, чем в первой. Но острота бичующего смеха слабеет: все реже встречаются конкретные лица, против которых направлено жало сатиры, сами темы мельчают; критика общественных пороков не поднимается выше обеденного стола.

В дальнейшем творчестве поэт не вернулся к этому жанру. Возможно, он считал сложившиеся объективные условия неблагоприятными для его развития.

ГЛАВА 11

ЛИРИКА

Непередаваемая в переводе гармония ритмов, предельной лаконизм и выразительность поэтического языка, классически строгие образы, глубина и богатство выраженных мыслей и чувств делают оды Горация шедевром мировой литературы. Сочетание лирического дара с насмешливым умом бытописателя и сатирика не было чем-то исключительным в истории римской словесности, и в этом смысле предшественником Горация был Катулл. Но замкнувшись в мире изысканной учености, вращаясь в кружке близких друзей и возлюбленных, Катулл был гораздо дальше в своих стихах от реальной жизни сограждан, чем Гораций. Лирика Катулла — преимущественно любовная. Напротив, в сферу интересов Горация-лирика входят и философия, и политика, и любовь, и история, его заботит настоящее и тревожит будущее.

Одновременно он открыл новую для римского стихосложения форму лирического самовыражения. В итоговой оде первого лирического сборника (III, 30) он сдержанно, но с достоинством скажет, что о нем будут помнить как о поэте, который «первым эолийскую песню переложил на итальянский лад». «Эолийская песнь» — это лирика греческих поэтов Алкея и Сапфо, живших в конце VII — начале VI вв. до н. э. на острове Лесбосе и писавших на эолийском диалекте. В молодости, подолгу

живя на земле древней Эллады, поэт на всю жизнь полюбил эти звонкие песни с их богатой фольклорной основой, мелодичными системами ритмов и музыкальных мотивов. Позднее он произнесет торжественную здравицу в честь гениальных греческих лириков, заявив, что «хотя мэонийский певец Гомер и занимает первое место среди поэтов, муза Пиндара и Симонида, грозного Алкея и могучего Стесихора никогда не останется забытой. Время не погубило игривых песен Анакреонта, и дышит еще любовь, пылает могучая страсть в звонких струнах лиры, которую держала в руках эолийская певица Сапфо» (Од. IV, 9, 5—12). Сложившаяся ко времени Горация греко-римская культура нашла самое ясное и чистое выражение в лирике поэта, и слияние этих двух элементов, греческого и римского, не позволяет зачастую отыскать фактическую основу того или иного произведения, конкретный факт, положенный в основу оды. Единичное неразрывно слито с общим, без приземленной конкретизации мотива.

То, что именно эолийскую лирику Гораций избрал образцом, не было случайностью. Алкей и Сапфо еще при жизни стали предметом всеобщего восхищения. Благодарные потомки окружили их благоговейным почитанием, граничившим с обожествлением. Платон даже назвал Сапфо десятой Музой. К Алкею и Сапфо Горация влекла и сама природа его собственного дарования, поэтическое сродство душ. Поэт высоко ценил у лесбосских лириков великолепное мастерство композиции и ритмики, свободный полет фантазии, образный строй поэтического мышления, вдохновленного и реальностями жизни, и древними мифами, и историческими преданиями. О силе увлеченности поэта эолийской лирикой говорит то, что из дошедших до нас 102 лирических стихотворений Горация 63 написаны алкеевой и сапфической строфой.

С Алкеем Горация роднили пламенная гражданственность поэзии, восприятие жизни как движения и борьбы. Об этом прямо свидетельствует одна из ранних од Горация:

Грозный слышу зов. Твоим песням чудным,
Лира, встарь внимал я душой беспечной:
Звуком вечных слов зазвени и ныне
Песни латинской,
Ты, на ком бряцал гражданин лесбосский

В час, когда борьбы утихала ярость
Иль когда корабль, разбитый бурей,
Ставил на якорь...
Пел он Вакха, Муз и Венеру с сыном,
Кто во всем всегда неразлучен с нею,
Пел он Лика черных очей сверканье,
Черные кудри...

(Од. I, 32) ¹

По своему содержанию и композиции первый лирический сборник, состоящий из трех книг — удивительно целостный и стройный. Первая ода первой книги посвящена Мекенату, ему посвящен и весь сборник. Вторая ода обращена к Августу — поэт придавал особое значение своим отношениям со всемогущим принцепсом. Третья ода обращена к Вергилию — близкому другу и собрату по Музе. Перед нами три человека, с которыми судьба поэта оказалась связанной особенно тесно. Завершается сборник знаменитым «Памятником», и нотки сдержанной гордости, звучащие в этой полной внутренней силы оде, говорят нам о том, что поэт создавал значение совершенного им творческого подвига.

Когда был создан первый лирический сборник, точно не известно. В оде II, 4 Гораций пишет, что ему пошел пятый десяток — значит, она создана после 25 г. до н. э. Опубликовав первый сборник, поэт собирался на этом закончить свой путь поэта-лирика. Однако позже он вернулся к лирической Музе, и написанные в 17—13 гг. до н. э. оды составили IV книгу. Итак, четыре книги од охватывают самый значительный отрезок жизни Горация, более полутора десятков лет, годы наивысшего расцвета его поэтического дарования. Поэт стремится осмыслить современный мир, определить в нем свое место. И мы можем проследить эволюцию его политических взглядов, формирование его симпатий и антипатий, интересов и настроений.

К самым ранним следует отнести оду I, 14, совпадающую по мотиву с известным стихотворением Алкея, избравшего родное государство в образе корабля, захваченного бурей. Гораций также использует этот традиционный в античной поэзии образ. Обращаясь к кораблю, увлеченному бурным потоком в открытое море, поэт молит его отыскать поскорее надежную гавань, ибо уже

¹ Одна цитируется в нашем переводе.

стонут надломленные мачты и корпус не в силах вынести удары грозных волн: «Недавно бывший для меня предмет тревог и отвращения, а теперь пробудивший во мне надежду и отяготивший немалыми заботами, да избежишь ты моря, что течет меж Кикладами». Не звучит ли здесь характерное признание поэта — изменение его взглядов на политику, судьбы Рима? Недавние тревоги и отвращение ко всему происходящему в государстве можно связать с подавленным настроением поэта после поражения республиканцев при Филиппах. Осторожность, с которой Гораций высказывается о предстоящих бурных событиях, более всего соответствует духу 5-й сатиры I книги («Путешествие в Брундизий»). По всей вероятности, ода относится ко времени, когда разрыв между Антонием и Октавианом стал неизбежным — к осени 34 г. до н. э.

В духе другой известной оды Алкея, где греческий поэт торжествует, радуясь смерти своего политического противника — тирана Мирсила («Пить, пить давайте, каждый напейся пьян. Хоть и не хочешь, пьянствуй: издох Мирсил»), Гораций призывает торжественно отпраздновать поражение египетской царицы Клеопатры, когда Октавиан занял Александрию в 30 г. до н. э.:

Теперь настал нам час пировать, друзья!
В веселом танце оземь стучать ногой...
Ведь дедов вина не подобало нам
Пить, от угроз пока не избавлен Рим:
В своем безумии царица
И Капитолий снести грозилась...

(Од. I, 37, 1—2, 5—8)

Тон этой уже более поздней оды строго официален. Хотя главным противником Октавиана в войне, о которой здесь идет речь, был Антоний, Октавиан и его окружение стремились представить эту войну как ответную акцию Рима против египетской царицы, якобы стремившейся поработить Рим. Для римлян с их еще живыми республиканскими традициями само слово «царица» звучало однозвучно. Но прославляя победу Октавиана, поэт отдает должное и Клеопатре, которая предпочла добровольную смерть позорному плену. Победитель же Октавиан не занимает в оде того места, какого мы могли бы ожидать: создается впечатление, что автор больше радуется поражению царицы, чем победе Октавиана.

Иная тенденция пронизывает оды I, 2 и I, 12. Первая была написана под впечатлением тревожных событий 22 г. до н. э., когда Тибр вышел из берегов, а с недавно выстроенного Пантеона ударом молнии были сброшены статуи. В глазах суеверных римлян то был знак гнева богов. Кого же должен молить народ о спасении, кому Юпитер поручит искупить совершенные злодеяния? Поэт перебирает олимпийских богов и называет в конце концов Меркурия, изменившего свой облик и принявшего образ юноши, который не считает для себя низким называться «мстителем за Цезаря». «Мсть за Цезаря» была официальным лозунгом, который Октавиан провозгласил в самом начале своей карьеры, когда он юношей прибыл в Рим для вступления в свои права наследника Цезаря. Изображение Октавиана в виде Меркурия встречается на римских монетах этого времени. Обращаясь непосредственно к императору, Гораций, однако, и здесь весьма осторожен в выборе выражений: почетные титулы, которыми он его награждает, можно отнести и к Меркурию.

В сходном духе написана «пиндарическая» ода I, 12. Главную мысль ее, выраженную в заключительной строфе, можно сформулировать так: «Юпитер на небе, Август на земле». Но упоминание о «славной смерти Катона», непримиримого противника Цезаря, покончившего самоубийством после поражения республиканцев — явная и смелая дань республиканским настроениям. Ода I, 12 не принадлежит к лучшим в лирике Горация: медленное «восхождение» оды к главному предмету — прославлению Августа — затруднено перечислением греческих и римских богов и героев, а также исторических лиц (Нума, Тарквиний Гордый, Катон, Регул и т. д. — подбор имен случаен и лишен внутренней логики). Вообще ода написана без вдохновения, велением разума, а не сердца. Трудно давался поэту путь, пройдя который, он стал «певцом века Августа».

Еще один не слишком удавшийся панегирик — ода III, 25. Поэт восклицает: «Я буду воспевать то, что еще никем не воспето!». Конечно, речь идет опять об Августе. Небольшая, в 20 строк ода декларативна, лишена глубоких мыслей и впечатляющих образов. Некоторые исследователи склонны полагать, что идеи гражданской лирики поэта в большей степени порождены об-

шей политической атмосферой, чем идущим из глубины души вдохновением. Но чтобы судить об этом, рассмотрим сначала шесть так называемых «римских од», открывающих III книгу первого лирического сборника.

Термин «римские оды» вошел в научный оборот в конце XIX в. и хорошо отражает главную особенность этих стихотворений — их гражданскую, патриотическую направленность. В них выражены идеи духовного, религиозного и нравственного возрождения Рима, составляющие часть официальной идеологии при Августе и лежавшие в основе его законодательства. Гораций прославляет древнюю римскую «виртус» — понятие, включавшее в себя беззаветное мужество в бою, неподкупную честность и другие высокие гражданские добродетели. Все они сделали государство римлян великой державой и должны быть восстановлены после долгих лет гражданских войн.

«Римские оды» тесно связаны между собой: первая и шестая (начало и конец цикла) утверждают религиозные основы римского гражданского мировоззрения, их главная идея — «от богов начало, и к богам стремится исход». Начало каждой из остальных од продолжает мысль, высказанную в конце предыдущей. Так, первая ода заканчивается осуждением богатства, вторая начинается с прославления бедности; конец второй оды грозит наказанием преступнику, начало третьей прославляет мужа, «твердого в достижении цели». Естественно предположить, что все шесть «римских од» были написаны в одно и то же время — после 27 г. до н. э., так как Октавиан уже назван Августом. Скорее всего, эти оды относятся к середине 20-х гг. до н. э.

Первая ода прославляет римских богов и должна открыть собой новый цикл песен, каких ранее никто не слышал, предназначенных для юношей и девушек. Всю надежду на моральное возрождение римского общества поэт возлагает на подрастающее поколение, не знавшее ужасов гражданских войн и не отягощенное связанными с ними преступлениями. Он воспекает умеренность, повиновение богам, мирный сельский труд. Молодость и доблесть — об этом автор размышляет и во второй оде. Сильному римскому юноше необходимо уметь переносить лишения и тяготы войны. Прекрасна и славна смерть за отечество, трусость же не спасает от смерти:

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет доблесть славой немеркнувшей...

(Од. III, 2, 17—19)

Доблесть «не слагает власти по прихоти толп народных». Выражение «популярис аура» выглядит здесь так, как будто оно только что взято из политического жаргона эпохи. В нем заметен уничижительный оттенок, и это свидетельствует о переходе поэта на цезарианские позиции, ставшем результатом перемены его убеждений, сознания того, что республиканский образ правления себя изжил.

Предмет третьей оды — твердость в достижении справедливой цели (добродетель, как полагает поэт, в высшей степени свойственная древним римлянам). Она же отличает и Августа — ему уготовано место среди богов на Олимпе. Прообразом Августа является основатель Рима Ромул, причисленный по воле Марса и Юноны к богам. На месте Трои остался лишь прах, тогда как слава Рима воссияет до небес — само слово «Рим» внушит страх народам от Европы до Нила.

Четвертая ода несколько выделяется среди остальных. Она посвящена Каменам, римским Музам, с детских лет покровительствующим поэту, который, со своей стороны, платит им глубокой признательностью:

Я ваш, Камены, ваш, поднимусь ли я
К сабинам в горы или пленит меня
Пренесты холод, влажный Тибур
Или потоки в прозрачных Байях...

Музы всесильны. Даже великий Цезарь испытал на себе их власть:

Как только войско, в битвах усталое,
Великий Цезарь вновь городам вернет,
Ища окончить труд тяжелый,—
В грот Пиерид вы его ведете...

(Од. III, 4, 21—24, 37—40)

Музы покровительствуют Августу и дают ему благие советы, легшие в основу его кроткого и благодетельного правления. Ведь сила без разума падает под громадой собственной тяжести, и боги возвеличивают надлежащим образом устроенную и умеренную власть.

Любовь к родине и героизм самопожертвования — тема 5 оды. Примером служит здесь подвиг Регула: Гораций обращается к героическим образам римской истории,

но и здесь начинается с похвалы Августу, живому божеству. Это свидетельство новой, более высокой ступени культа Августа: вместе с призывом к новым завоеваниям оно говорит о тесной связи поэта с политикой нового режима.

Шестая ода образует вместе с первой своеобразную рамку, заключая весь цикл. Лейтмотивом звучит в ней все та же религиозная идея:

Богов чти свято — помни всегда завет:
От них начало, в них заключен конец...

(Од. III, 6, 5—6)

Документы эпохи, надписи («Деяния божественного Августа») и произведения изобразительного искусства позволяют составить представление об усилиях, затраченных Августом, чтобы доказать свое благочестие. На барельефах великолепного памятника искусства эпохи Августа «Алтаре Мира» мы видим императора и членов его семьи в роли участников жертвенной процессии. Августа часто изображали в костюме жреца (одна из таких статуй хранится в римском музее Терм), а после смерти Лепида Август стал верховным понтификом — официальным главой римской религиозной иерархии.

Предметом особой заботы Августа стала римская семья. В 18 г. до н. э. он начал широкую программу реформ в области семьи и брака: сюда входили законы о наказаниях за нарушение супружеской верности, установления ряда привилегий для многодетных семей и т. д. С этой целью общественное мнение готовилось исподволь, и об этом ясно свидетельствует шестая ода. Гораций восклицает:

В грехом обильный век оскверняются
Сначала семьи, браки, рождения:
Таков источник наших бедствий
В нашей отчизне, во всем народе...

(Од. III, 6, 17—20)

Воины, сразившие царя Пирра, Антиоха, Ганнибала, были воспитаны не так, как нынешнее поколение:

То были дети воинов-пахарей,
В полях ворочать глыбы привыкшие
Киркой сабинской, и по слову
Матери строгой таскать из леса
Вязанки дров...

(Од. III, 6, 37—41)

Образ крепких и послушных материнскому слову юношей возник, скорее всего, из впечатлений, вынесенных поэтом от постоянного общения с сабинскими горцами, мужественными и трудолюбивыми. Спустя много лет юношами из сабинских деревень восхищался ученый земледелец Колумелла, писавший в предисловии к своему трактату «О сельском хозяйстве»: «Это истинные потомки Ромула; постоянно упражняясь на охоте и в сельском хозяйстве, они отличаются особой крепостью и здоровьем, что позволяет им, закаленным в мирных трудах, легко переносить все тяготы войны, когда в этом возникает необходимость...».

Конец оды, однако, пессимистичен: Гораций жалуется, что грядущее не предвещает Риму ничего хорошего, от поколения к поколению граждане Рима все больше вырождаются. Вряд ли такие мысли соответствовали официальным установкам — смелость, с которой они высказаны, говорит о значительной духовной самостоятельности поэта и в эти годы.

В римских одах нашли опозитизированное выражение идеология и практика нового режима. В IV книге од все, что напишет об Августе и его семье Гораций, примет характер панегирика. Ко времени создания IV книги од Гораций уже прочно вошел в круг приближенных императора Августа, где высоко ценились умение поддерживать живой и приятный разговор, остроумие, эрудиция, литературный талант. Воспитывавшийся в доме Августа Юл Антоний, сын Марка Антония, советовал Горацию воспеть подвиги принцепса в стиле Пиндара, и поэт ответил ему одой IV, 2, где уподобил смельчака, рискнувшего вступить в соревнование с Пиндаром, несчастному Икару. Ему уготована та же участь, ведь великий греческий лирик не сравним ни с кем:

Как с горы поток, напоенный ливнем,
Сверх крутых берегов устремляя воды,
Рвется, так кипит глубиной безмерной
Пиндара слово...

(Од. IV, 2, 5—8)

Однако панегирики принцепсу и его пасынкам Тиберию и Друзу были все же написаны. Это входящие в четвертую книгу оды 4, 5, 14, 15, созданные, как сообщает Светоний, по прямому заказу Августа. Всю пылкость души и силу таланта вложил здесь Гораций в

прославление побед, одержанных в 15 г. до н. э. Тиберием и Друзом над воинственными германскими племенами ретов и винделиков, угрожавшими безопасности римской Галлии. В быстрой и впечатляющей победе римское общество увидело возрождение былой славы римского оружия. Друзу, несмотря на его молодость (ему еще не исполнилось 24 лет) были декретированы знаки преторского достоинства. Будучи честолюбивым и одаренным от природы, молодой Друз успел к этому времени стать любимцем солдат и римского плебса. Он был прямой противоположностью Тиберию, угрюмому и заносчивому. К тому же его особенно любил Август: в Друзе он видел своего преемника.

Панегирический эффект достигается в этой оде великолепным сравнением юного Друза с молодым орлом, впервые вылетевшим на добычу:

Орел, хранитель молнии блещущей,
В пернатом царстве стал повелителем,
Когда похитил Ганимеда,
Волю Юпитера исполняя:
Сначала юность, пылкость врожденная
Птенца толкнули к первому вылету,
Потом учил его полету
Ветер весенний, развеяв тучи...

(Од. IV, 4, 1—8)

Композиция оды симметрична: первая часть прославляет самого Друза, вторая — его предка, консула Гая Клавдия Нерона, одержавшего важную победу во время II Пунической войны. Пасынок Августа выступает достойным наследником своих воинственных предков, и заслуги молодого полководца становятся еще значительнее, оттененные подвигами «Рода Неронова».

Верноподданническими настроениями проникнута и 5-я ода второго сборника, приветствующая возвращение Августа после устройства дел в провинциях (13 г. до н. э.):

Отпрыск добрых богов, рода ты Ромула
Охранитель благой, мы заждались тебя!
Ты пред сонмом отцов нам обещал возврат
Скорый: О, воротись скорей!

В ярких образах рисует Гораций расцвет земледелия, торговли, мореплавания, наступивший в «век Августа»:

Безопасно бредет ныне по пашне вол,
Сев Церера хранит и Изобилие,

Корабли по морям смело пронóсятся,
Нету пятен на честности...

(Од. IV, 5, 1—4, 16—20)

Молитвой за здоровье Августа заканчивается эта ода, холодная и пышная — свидетельство уже установившегося культа императора (которому суждено было стать главным официальным культом поздней империи). Август выступает здесь благодетельным богом, даровавшим Риму и Италии процветание и мир. Средствами изобразительного искусства эта же идея воплощена в барельефах Алтаря Мира, строительство которого было начато приблизительно в то же время, к которому относится 5-я ода. Полное название жертвенника — Алтарь Священного Мира, и слово «священный» совпадает по звучанию с титулом императора «Август». Отсюда становится ясной связь сооружения с культом императора. На этом алтаре высшие магистраты Рима, жрецы и весталки должны были ежегодно приносить благодарственную жертву богам. Раскопки 1903 и 1937—1938 гг. позволили реконструировать памятник с большим количеством подлинных частей. На барельефах алтаря представлены сцены из легенды об основании Рима, изображение Теллус, богини земли, с персонифицированными Воздухом и Водой. Животные, лежащие у ног богини, а также дети, играющие фруктами и ищущие грудь у Матери Земли, символизируют процветание и мир.

Оды в честь Августа и его семьи характерны для последнего лирического сборника Горация. Вместо гимна государству и прославления его традиционных устоев, которое звучит в «римских одах» первого сборника, мы находим здесь панегирик земным богам, императору и его пасынкам. Подлинным апофеозом Августа может быть названа 15-я ода:

.... В твой век, о Цезарь,
Тучнеют нивы, солнцем согретые,
Знамена дремлют в храме Юпитера...
... Ты обуздать сумел
Рукой железной зло своеволия,
Изгнав навеки преступленья,
Ты возвратил нам былую доблесть...

(Од. IV, 15, 4—6, 9—12)

Об официальном положении Горация как поэта империи говорит и заказанный ему Августом «Столетний

гимн», который должен был исполняться во время Столетних игр. Учрежденные в 249 г. до н. э., они позднее были забыты. В 17 г. до н. э. Август решил их возобновить — они должны были праздноваться в мае в течение 3 дней и 3 ночей.

По своей структуре гимн напоминает оды Пиндара. Первая половина гимна представляет собой молитву, обращенную к Аполлону, Диане и другим богам. Поющие молят богов о благополучии для Рима — самого славного из всех городов, какие видит солнце. На помощь римским роженицам призывается Илития: так она будет содействовать осуществлению законов императора, поощряющих деторождение. Призыв наполнить землю хлебом и скотом и тем самым вернуть Риму былое счастье обращен к Паркам и богу Термину, охраняющему границы полей. Во второй части после рассказа о том, как троянцы по велению бога Аполлона заняли этрусский берег и основали Рим, вновь звучит молитва богам о даровании добрых нравов римским юношам и покоя старцам — да исполнят боги желания славного потомка троянца Анхиза и богини Венеры (имеется в виду Август). Основные черты политической программы императора отражены в гимне с предельной четкостью.

Давно отмечено это противоречие в творчестве Горация: с одной стороны, он стремится к самоутверждению, свободному и независимому развитию своего духовного начала, противостоящего внешнему миру, разрушающему действующему на личность; с другой — он пишет панегирики Августу, восхваляя его так, как восхваляют божество. Некоторые исследователи его творчества склонны объяснять это явление переворотом, произошедшим в мировоззрении поэта. После битвы при Филиппах, разочаровавшись в политической деятельности, Гораций перешел на позиции эпикурейской доктрины с ее девизом «живи незаметно». Позже, войдя в окружение Августа благодаря дружбе с Меценатом, он стал сторонником нового режима, проповедником традиционной римской морали, стоических добродетелей, ставших основой официальной идеологии эпохи Августа. Но такое объяснение неудовлетворительно хотя бы потому, что обе позиции в сознании поэта сосуществуют длительное время. Частное и общественное, эпикурейское и стоическое начала уживаются иногда даже в одном стихотворении.

Насколько искренним был Гораций, прославляя Августа? Читать между строк — занятие трудное и неблагодарное, особенно когда эти строки написаны две тысячи лет тому назад. Нет сомнений в том, что превращение Горация в официального поэта империи было длительным и непростым — об этом ясно говорят как сочинения поэта, так и его биография, написанная Светонием. Давление со стороны властей и самого Августа, несомненно, имело место и не могло не сыграть своей роли. Совершенно невозможно поверить в искренность поэта, когда речь идет об обожествлении Августа. Ведь это писал Гораций:

Мы же, как только уйдем
В край, где почтенный Эней, где Тулл богатейший и Марций,
Будем лишь тени и прах...

(Од. IV, 7, 14—16)

Итак, даже древние цари и герои обратятся в бесплотные тени и прах, полагает Гораций, верный эпикурейской доктрине, с точки зрения которой обожествление живых людей — не более как пустое суеверие.

Многое в лирике Горация было несомненной данью официальной идеологии, некоторые стихи написаны по прямому заказу императора и его окружения. Но в последний период своей жизни, когда были написаны политические «римские оды», поэт признал перемены, происшедшие в римском государстве, благом, и это заставило его примириться с утратой республиканских свобод. Он разделил настроения той части римского общества, которая, по словам Тацита, «предпочла безопасное настоящее — таившему в себе опасности прошлому...».

Если сравнить оды, проникнутые патриотическими мотивами, глубокой и искренней озабоченностью судьбами Рима, с официальными, где поэт возносит хвалу Августу и членам его семьи, то можно заметить, что эстетическая ценность тех и других далеко не равнозначна. Римские оды отличаются особой приподнятостью тона и продиктованы чувством, идущим из самой глубины души поэта: они несут в себе поэтический заряд большой покоряющей силы. Многие строки этих од стали крылатыми выражениями. Нельзя не восхищаться могучими образами, заключенными в этих гармонических строфах, где каждое слово, каждая фраза обладает особой емкостью и полнотой звучания. Небольшие по объ-

ему произведения высокого идейно-художественного значения достигают максимума энергии и выразительности, донося до нас дух суровой римской старины, ревнителем которой Гораций выступал еще в сатирах. Основные идеи римских од не находятся в противоречии со старой республиканской идеологией, привлекавшей Горация в молодые годы.

Иное впечатление складывается у читателя от панегирических од поэта, прославляющих императора и членов его семьи. На официальную идеологию нового режима сильнейшее влияние оказывал эллинистический восток, где ранее всего началось обожествление Августа и членов его семьи, быстро распространившееся затем на Италию и Рим. Наивная вера в сверхъестественное происхождение императора свойственна даже такому просвещенному автору, каким был Светоний. Август почитался как новоявленный Меркурий (или Аполлон), а супруга его Ливия — как богиня Церера. Об этом свидетельствуют надписи эпохи и дошедшие до нас произведения изобразительного искусства. Прославляя властелина Рима, Гораций следовал литературным штампам эллинистической поэзии, хотя и старался избежать чрезмерной лести и идолопоклонства.

Примирившись с новым порядком, а затем перейдя в ряды его сторонников, Гораций стал писать так, как это требовал от него принцепс. Иногда ему удавалось отклонять настойчивые требования Августа (мы узнаем это от самого поэта — в одах I,6 и IV,2), но к концу жизни ему все чаще приходилось уступать. Однако искусство жестоко мстит тем, кто нарушает его непреложные законы. Официальные стихи Горация, несмотря на безукоризненную технику и профессиональное мастерство, в большинстве случаев лишены того подлинного блеска поэтического откровения, который присущ лучшим произведениям величайшего римского лирика.

Разумеется, нигде эпикурейские взгляды Горация не выступают так явно, как в одах философских:

Левконой, оставь:
знать не дано,
рано ли, поздно ли
Смерть нам боги пошлют,
мне и тебе,
и в вавилонские
Числа ты не вникай!

Лучше терпи,
 что принесет нам день.
 Много ль Зевс положил
 зим нам прожить,
 или последнюю —
 Ту, что ныне дробит
 глыбами скал
 волны тирренские,
 Будь разумна! Цеди
 в кубок вино,
 светлой минутою
 Нить надежд обрывай.
 Речь сократи —
 время ревнивое
 Мчится... Пользуйся днем,
 меньше всего
 вера в грядущее.

(Од. I, 11)

В этой известной оде, состоящей из восьми стихов (для удобства читателя мы разбили их здесь на составные ритмические единицы), по выражению итальянского исследователя Э. Касторины, «заключен весь Гораций»². Советы, которые поэт дает своей подруге, не отличаются от тех, с которыми он обращается к Сестию (Од. I,4), к юноше Талиарху (Од. I,9), к поэту Тибуллу (Посл. I,4), к Буллатию (Посл. I,11), к Меценату (Од. III,8,27). Человеку не дано знать, что несет с собой грядущее, и потому он должен полагаться только на сегодняшний день, наслаждаясь кратким мгновением, учил Эпикур. Отчетливо и выразительно прозвучит тот же принцип в оде III,29:

Лишь тот живет хозяином сам себе
 И жизни рад, кто может, сказать при всех:
 «Сей день я прожил...».

Идеями эпикурейской этики проникнута и ода III, 1, открывающая цикл «римских од». Прославляя абсолютную власть Юпитера, поэт подчеркивает, что хотя блага на земле распределены неравномерно, смерть уравнивает всех. Тому, над чьей нечестивой шеей навис обнаженный меч, не доставят наслаждения сицилийские пиршества, а пение птиц или игра кифары не навеют сна. Зато легок покой поселянина: тому, чьи желания простираются лишь на необходимое, не доставят волнений ни бурное море, ни осенняя непогода:

² Castorina E. La poesia d'Orazio. Roma, 1965. P. 102.

Зачем на зависть людям высокие
Покои мне и двери роскошные?
Зачем менять мне дол сабинский
На истомляющее богатство?

(Од. III, 1, 45—48)

С годами исчезла юношеская пылкость, некогда приведшая поэта под знамена Брута, и на смену ей явились рассудительность умудренного жизненным опытом человека, стремление к умеренности и нравственной уравновешенности, заставлявшее избегать крайностей — то, что в классической оде «К Лицинию» названо «золотой серединой»:

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть...

(Од. II, 10, 5—8)

В оде «К Деллию» поэт советует хранить присутствие духа даже в самых тяжелых жизненных ситуациях:

Хранить старайся духа присутствие
Во дни напасти — в дни же счастливые
Не опьяняясь ликованием,
Смерти, как все мы, подвластный Деллий...

(Од. II, 8, 1—4)

Отметив, что эту же мораль проповедовали ученики Аристотеля, П. Грималь добавляет: «Она не совпадает с эпикурейской моралью, где понятие меры употребляется совсем в другом смысле. Для эпикурейца мера, которой следует придерживаться — это та, которая приводит нашу жизнь в согласие с требованиями природы. Гораций остается верным эпикурейскому учению, но возвращается к нему через отклонения, чуждые теоретикам доктрины...»³. Еще более откровенно, чем Эпикур, восхвалял наслаждение как высшее благо Аристипп: необходимо полностью посвятить себя удовольствиям, не думая о грядущем. В послании к Меценату прозвучит характерное признание:

Спросишь, пожалуй, кто мной руководит и школы какой я?
Я никому не давал присяги на верность ученью:
То я, отдавшись делам, служу гражданскому благу —
Доблести истинный страж, ее непреклонный приспешник;

³ Grimal P. Horace. Paris, 1958. P. 43.

То незаметно опять к наставленьям скачусь Аристиппа —
Вещи себе подчинить, а не им подчиняться стараюсь...

(Посл. I, 1, 13—18)

Как для Лукреция и других римских эпикурейцев, для Горация вечно обновляющаяся, прекрасная в своей загадочности и бесконечном разнообразии природа всегда служит неисчерпаемым источником мудрости, душевного равновесия и покоя. Все преходяще: зима сменяется весной, знойное лето — дождливой и холодной осенью. Приход весны наполняет радостью сердце поэта, и он находит звучные, чистые и ясные тона в своей поэтической палитре, рисуя чарующие своей живой прелестью картины:

С гор сбежали снега, зеленеют луга муравью,
Листьями кроется лес:
В новом наряде земля, и рекам снова просторно
Воды струить в берегах;
Грация с сестрами вновь среди нимф начинает, нагая,
Легкий водить хоровод...

(Од. IV, 7, 1—8)

Но тут же в эту идиллическую картину вплетается грустный мотив:

Ты же бессмертья не жди, — так год, прожитой нам вещает,
Месяц вещает и день...

Мысль о неизбежности смерти всюду нарушает идиллию весеннего возрождения природы:

Злая сдается зима,
Сменяясь
вешней лаской ветра.
Влекут на блоках высохшие судна:
Скот истомился в хлеву,
а пахарю
стал огонь не нужен,
Луга седой не убеляет иней.
Вот и Венере вослед
сплетаются
в нежном хороводе
В сияньи лунном Грации и нимфы...

(Од. I, 4, 1—6)

Эти строки заставляют вспомнить знаменитую картину Боттичелли «Примавера», где рядом с прекрасной Примаверой («Весной»), щедро усыпавшей землю цветами, сплетаются в изящном гармоническом движении три Грации. Но неожиданно, без всякой связи с этой сверкающей

всеми красками жизни картиной, рисуемой Горацием, жестоким диссонансом врывается напоминание о смерти, перед которой все равны:

Бледная смерть свысока
ногой стучит
в дверь лачуги бедной
И в пышные врата чертогов царских..

(Од. I, 4, 13—14)

Поэт не может забыть о смерти, идея неминуемого конца владеет им даже в минуты любовной ласки или вакхического застолья, когда он обращается к близким. Раздумьем о смысле и цели жизни, о неизбежном ее конце заполнена знаменитая ода «К Постуму»:

О, Постум, Постум, как быстротечные
Мелькают годы! Нам благочестие
Отсрочить старости не может
Или избавить от лютой смерти...

Мы все увидим черный, извилистый
Коцит, лениво волнами плещущий...

(Од. II, 14, 1—4; 17—18)

Между повторяющимся призывом к наслаждению жизнью и постоянным напоминанием о неизбежности смерти в эпикурейской этике, как ее понимали тогда римляне, никакого противоречия нет.

Отвергая народную веру, будто боги постоянно вмешиваются в человеческую жизнь, и считая источниками вредных суеверий и невежество, и особенно страх перед смертью, эпикурейцы не оспаривали традиционных форм почитания богов. Ода II, 17, написанная после того, как Мecenат оправился от тяжелой болезни (как все слабые люди, он изнурял Горация бесконечными жалобами), заканчивается призывом: «Помни, что ты обещал построить храм и воздать богам жертвы, мы же заколем скромную ярку».

Впрочем, последовательным эпикурейцем Гораций никогда не был и не раз, по-видимому, пересматривал свои взгляды. Об этом, в частности, свидетельствует ода, особенно привлекавшая к себе исследователей:

Богов поклонник редкий и ветренный,
Учений ложных долги приверженец,
От заблуждений вспять направить

Ныне я утлый свой челн стараюсь...

(Од. I, 34, 1—4)

Что заставило поэта отказаться от «ложных учений» (в более точном переводе «безумной мудрости» — в которой мы, без сомнения, можем видеть учение Эпикура)? Ведь именно она была причиной того, что поэт стал редко и скудно воздавать почести богам. Оказывается, это было знамение сверху — неожиданно раздавшийся гром с ясного неба: Юпитер, огненным перуном разрывающий облака, прогнал по ясному небу свою пылающую колесницу и грохочущих коней. Поистине, Юпитеру подвластны и земли, и реки, и предел земной тверди, хранимый Атлантом. Он может сделать низкое высоким, а знатных лишить их блеска и славы. Стремление же человеческого ума все изведать и познать вызывает гнев богов:

Нет для смертного трудных дел,
Нас самих к небесам гонит безумие;
Нашей собственной дерзостью
Навлекаем мы гнев молний Юпитера...

(Од. I, 3, 37—40)

Но насколько «отречение» поэта от учения Эпикура было серьезно и искренне? Некоторые полагали, что в этой оде немало иронии⁴. Ирония и шутка были для Горация средством «смеясь, говорить правду», удобной маской, позволявшей держаться совершенно непринужденно. Едва ли взгляды поэта существенно изменились. Ведь уже вскоре после опубликования первого лирического сборника (где мы находим это «отречение») Гораций в «Посланиях» назовет себя «поросенком эпикурова стада» (Посл. I, 4, 15).

По-видимому, римский стоический идеал для Горация был одновременно данью официальной идеологии, тогда как эпикуреизм, ясно прослеживаемый в наиболее искренне звучащих произведениях поэта, был глубинной основой его мировоззрения. Называя себя «поросенком эпикурова стада», Гораций пытается отшутиться в серьезном вопросе: эпикуреизм стоял близко к атеизму в глазах ревнителей римской старины. Но для просвещенного римлянина религия часто была лишь

⁴ *Wilkinson L. P. Horace and his lyrics Poetry. Cambridge, 1951. P. 27.*

данью традиционализму, хотя и значила больше, чем для современного европейца, забывающего о боге в тот самый момент, когда он покидает храм. Религия и неразрывно связанная с ней мифология составляют в искусстве Горация зачастую лишь элемент поэтической формы. Прекрасная, проникнутая глубоким чувством единства с природой молитва фавну (Ода III, 18), покровителю стад и поклоннику пугливых нимф, прославляет сельский праздник. Козленок, закланный для пира, полные чаши вина, благовонный дым курений, поднимающийся с древнего алтаря, — все это детали дорогой сердцу поэта мирной сельской жизни, и фавн является лишь ее символом.

Мировоззрение поэта, как оно предстает перед нами в его произведениях, определить не так просто. Гораций — поэт, впитавший учения различных философских школ и обыгрывающий эту премудрость то насмешливо, то серьезно, и притом так, что далеко не всегда читатель в состоянии решить, где поэт иронизирует, а где говорит со всей искренностью: ведь, по его собственным словам, он «никому не давал присяги на верность ученью».

Вслед за Алкеем, воспевшим вино и любовь, Гораций говорит о себе: «Я пою о пирах и прелестницах» (Ор. I, 6, 17), а в оде к Вакху добавит: «Дано воспеть мне Вакха неистовство» (II, 19, 9). Поэт не принадлежал к числу людей с аскетическим складом характера, его неудержимо притягивали радости земной жизни. Любовь и вино составляют важный предмет его поэзии, в своей основе жизнелюбивой, несмотря на звучащие в ней пессимистические нотки. Отмечая победу римского оружия и праздную встречу с друзьями после долгой разлуки или просто принимая дорогого гостя, Гораций любовно описывает разнообразные сорта вин, которые будут поданы к столу, будь то дорогие массикское, цекубское, фалернское, заморское хиосское или дешевое сабинское, которое он сам в своем имении изготавливает и закупоривает в амфоры подобно рачительным итальянским крестьянам или владельцам вилл средней руки.

Поэт часто называет свою лиру «игривой», а музу — «вольной». В оде, посвященной Азинию Поллиону, он обратится к музе с шутливым упреком, убеждая ее оставить серьезные темы и искать мотивы «у грота Дио-

ней», богини Венеры. Четвертая часть всех стихотворений, вошедших в первый лирический сборник, посвящена теме любви.

В оде I, 5 поэт уподобит любовь бурному морю: черные ветры грозят гибелью пустившемуся в плавание путешественнику. Увы, возлюбленные коварны, доверяться им опасно:

Наивный думает, что если ты ласкаешь
Его, готовая всечасно для утех,
Ты будешь, золотце, с ним и всегда такая ж.
Нет, бедный, буря спит... Но горе в ней для тех,
Кто верит блеску волн...

....А я уж буруну
Внемлю бестрепетно: на храмовой стене
Одежды влажные повесил я Нептуну
И доску пригвоздил: ты не опасна мне.

(Од. I, 5, пер. И. Анненского)

Закljučая свой первый лирический сборник, поэт уподобит любовь ...войне, заметив при этом, что сам он «воевал не без славы». Теперь он лиру, на которой воспевал любовь, и оружие страсти — факелы, освещавшие путь к дому возлюбленной, ломы, которыми он взламывал двери ее дома — посвящает Венере и вешает их на стену ее храма (Од. III, 26).

Познав рано волнения любви, поэт так и не завел семьи, прожив всю жизнь холостяком. Он сам говорит об этом, обращаясь к Меценату:

Ты смущен, знаток языков обоих!
Мне, холостяку, до календ ли марта?
Для чего цветы? С финиамом ларчик?
Или из дерна
Сложенный алтарь под горящим углем?⁵

(Од. III, 8, 1—5)

На Горация больше, чем на кого-либо из римских поэтов, его современников, оказали влияние традиции греческой эротической поэзии, значительно отличавшейся от современной европейской. То высокое чувство, возведенное в средние века в настоящий культ служения даме (получивший отражение в лирике трубадуров и куртуазных романах), мало свойственно античности. Для

⁵ 1 марта в Риме справлялся праздник Матроналий. Мужья устраивали молебствие богам, дарующим прочный брачный союз. Богине Юноне приносили в жертву цветы.

греков, как и для родственных им по культуре римлян, на всем долгом пути их истории любовь к женщине редко становилась возвышенным чувством, любовью одного к одной на всю жизнь. Она сводится почти исключительно к естественному влечению полов. Духовная близость играет значительно меньшую роль. Литература древних знает и высокое чувство любви (Гемона к Антигоне в «Антигоне» Софокла, образы любящих женщин у Эврипида), но эти исключения только подтверждают правило. Такой характер любовной лирики Эллады был связан с приниженным положением женщины в греческом обществе, где ей был закрыт доступ к образованию, общественной и культурной жизни.

В римском обществе положение женщины ко времени Горация значительно изменилось. Древние суровые патриархальные нравы, когда женщина вместе с детьми и рабами находилась полностью под властью отца семейства, канули в прошлое. Женщина, главной добродетелью которой было блюсти дом, рожать детей и прясть шерсть, превратилась в светскую даму, интересующуюся поэзией, музыкой и даже политикой. Все это относится, разумеется, к женщинам из высших слоев общества.

К середине I в. до н. э. устои римской семьи уже были в значительной степени расшатаны. Развод становится частым явлением в жизни имущих классов, как и случаи супружеской неверности со стороны женщин. Картина всеобщего разврата, нарисованная Горацием во 2-й сатире 1-й книги, отражает действительное положение вещей, хотя и с известными преувеличениями. Император Август принял ряд законов, направленных на укрепление семьи, и был вынужден сослать собственную дочь Юлию Старшую за порочное поведение (та же участь постигла и его внучку, Юлию Младшую).

Эти изменения в положении римской женщины не могли не отразиться и на любовной поэзии. Возлюбленная Катуллы Клодия чувствовала себя свободной женщиной. Любовные стихи, которые посвятил ей поэт, заметно отличаются от греческой эротической лирики. В его стихах глубокое, сильное чувство, владеющее влюбленным, нежное и трогательное восхищение предметом любви сменяется демонически яростной и бурной враждебностью (ср. знаменитое «Ненавижу и люблю...»). Надежда, вера, сомнение, ненависть, отчаяние звучат здесь

с необыкновенной силой. Подобные формы выражения любовного чувства были редкими в греческой эротической поэзии, и Катулл открывал своей лирикой новые пути. Ему во многом следовали Альбий Тибулл и Секст Проперций.

Гораций в любовной лирике тяготеет к традиционным античным нормам. В 5-й оде II книги мы находим яркий образ молодой телки, которая еще не в силах вынести тяжесть ярма и быка, что «взъярен любовью», Стихотворение обращено к Лалаге, возлюбленной Горация, и в нем слово «венус» (любовь) употреблено как в отношении к человеку, так и к животному. Любовь в одах Горация — естественное влечение полов. В 12 оде III книги юная Лида сравнивается с молоденькой кобылкой-трехлеткой, весело играющей на просторном лугу и не позволяющей до себя дотронуться. В отличие от жгучей страсти, пылающей в песнях его любимой поэтессы Сапфо, любовь у Горация — легкое, бездумное чувство, не оставляющее глубоких следов, «легко доступная Венера» (Сат. I, 2, 119) или «уступчивая Венера» (Сат. I, 4, 114). Любовь — лишь игра, цель которой — наслаждение. Только в одном стихотворении (Од. I, 13) поэт говорит о том, что трижды счастливы те любовники, кого связывают неразрывные узы и чья любовь кончается вместе с жизнью.

Кто эти женщины в одах Горация, которым порой посвящены весьма нескромные описания? Кто такая Инахия, увековеченная в уже упоминавшемся 12-м эпосе, кто скрывается под именами Лалаги, Тиндариды, Барины, Хлои, Неэры? Бросается в глаза, что все эти имена — греческие. Такие носили обычно дамы полусвета, вольноотпущенницы, состоявшие на содержании, или просто жрицы свободной любви. Эти имена имеют определенное значение: Гликера — сладкая, Лалага — болтунья, Хлоя — юная и т. п. Одна из этих женщин, Миртала, прямо названа либертиной, вольноотпущенницей: «Самого меня, когда владела мною изысканная любовь, желанными оковами сковывала либертина Миртала, более пылкая и бурная, чем волны Адриатики, ударяющие в берега заливов Калабрии» (Од. I, 33, 13—16). Тиндариду Гораций пытается прельстить уютной сельской жизнью в сабинском имении, где она будет пить лесбосское вино с «его небуйным, легким хмелем» и избежит

бурных проявлений ревности со стороны некоего Кира (судя по имени, также вольноотпущенника), преследовавшего ее в Риме своей любовью. Другая из этих дам, которую раб должен был по приказанию Горация пригласить на пирушку, некая Лида, несомненно, была женщиной легкого поведения, жившей, однако, не в публичном доме, а в уединенном месте (Од. II, 11). Пригласив к себе некую Неэру, поэт приказывает убрать дом цветами и приготовить вино и благовония, но при этом высказывает опасение, что «ненавистный привратник может ее задержать» (Од. III, 14). Кто же этот привратник, лицо, в чьей собственности находится Неэра? Ответ, по-видимому, может быть только один: содержатель публичного дома.

Уже упоминавшаяся Лида — частая героиня любовных од. Она с особым пристрастием развращает юношей: поэту жаль юного Сибариса, соблазненного Лидой (Од. I, 8). Гораций некогда и сам испытал к ней сильное чувство, и памятником этой любви стала ода III, 9 — самая знаменитая из любовных песен Горация. Но и эта страсть временами переходила в жгучую ненависть. В оде I, 25 поэт описывает в мрачных красках будущее своей возлюбленной, предрекая ей жалкую участь: постарев, она будет тщетно взывать к проходящим мимо нее заносчивым блудникам, не в силах найти того, кто утолил бы ее похоть.

На фоне стихов, восхваляющих прелести вольноотпущенниц или, напротив, бичующих заносчивых и неуступчивых «львиц» полусвета, выделяется ода II, 12, где под псевдонимом Ликимнии выступает знатная дама, жена Мецената Теренция. Она названа «госпожой», и Муза повелевает поэту воспеть ее сладкое пение, прекрасные, сверкающие глаза и верное любви сердце (правда, позднее историк Дион Кассий расскажет, что, уже будучи замужем за Меценатом, она вступила в связь с самим Августом). Но Гораций с восхищением рисует образ прекрасной молодой женщины и, обращаясь к Меценату, с пафосом восклицает:

Все богатства казны Ахеменидовой,
Аравийских дворцов, пашен Мигдонии
Неужели бы ты взял за единственный
Волос милой Ликимнии?
В миг, как шею она страстным лобзаниям
Отдает иль тебя, в шутку упорствуя,

Отстранит, чтобы ты сам поцелуй сорвал
Или чтобы самой сорвать?

(Од. II, 12, 21—28)

Любовь проходит, как молодость. Союз влюбленной пары разорвет новая любовь, и та, которая ныне пользуется взаимностью, завтра будет отвергнута, а тот, кого сегодня одарила своей любовью прекрасная женщина, завтра может оказаться забытым ради другого, более красивого и молодого или просто богатого и знатного. Многообразие любовных интриг связывает не только влюбленную пару, но втягивает в орбиту их интимных отношений и переживаний окружающий мир: богиня любви, властная над миром, в жестокой игре соединяет и разъединяет людей, привлекая одних и отталкивая других. Поступки ее слепы и иррациональны, и эту истину в отточенной художественной форме открывает нам ода I, 33:

Альбий, ты не скорби, страстью любви горя,
К злой Гликере; тоской в грустных элегиях
Не кручинься, что вдруг младшего возрастом
Предпочла тебе ветренно.
Ликориду, чей лоб сужен изысканно,
К Киру чувство томит — Кир же Фолоею
Увлечен. Но скорей впрямь сочетаются
Козы с волчьим отродием,
Чем Фолоя впадет в любодеение.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, кто не сходствует
Ни душою, ни внешностью.
Вот и мне довелось быть, когда лучшая
Улыбалась любовь, скованным с Мирталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов
И изгибов Калабрии...

В отношения любовной пары у Горация часто вмешивается третий. Трудно сохранить верность, когда влюбленный надолго покидает свою возлюбленную, принуждаемый к тому войной или торговыми делами. В оде III, 7 поэт, обращаясь к Астериде, призывает ее не плакать о Гигесе, который вернется из плавания весною с вифинским товаром. Он свято хранит ей верность, хотя и его соблазняют прекрасные женщины. Но и сама Астерида не должна засматриваться на Энипея!

Мифологические образы и параллели, восходящие к ученой поэзии александрийцев, обычны для любовной поэзии времени Горация. Еще Антимак из Колофона,

предшественник александрийских поэтов, пытался утешиться в своей скорби по умершей возлюбленной примерами несчастной любви мифологических героев. Но Гораций вплетает мифы в ткань своих од с редким тактом, легко и естественно, счастливо избегая при этом в большинстве случаев монотонности и длиннот, которыми страдают произведения даже таких больших мастеров, как Публий Овидий Назон.

Воспевая Венеру, Гораций не забывает отдать должное Вакху, дарующему забвение от печалей. Когда Квинктилий Вар приобрел виллу вблизи дома Горация в Тибуре, поэт, имеющий уже опыт в сельском хозяйстве, советует ему посадить виноградник и заняться виноделием:

Трудным делает Вакх
тем, кто не пьет,
жизненный путь: нельзя
Едких сердца тревог
прочь отогнать,
кроме вина, ничем.

(Од. I, 18, 3—4)

Вино создано богами на радость людям, ссоры Вакху ненавистны: только в варварской Фракии люди на пирушках дерутся тяжелыми кубками. Но радуясь встрече с другом, вернувшимся в Рим после долгого отсутствия, поэт готов пить, как дикие фракийцы эдоны (Од. II, 7). О них же вспомнит Гораций в оде к Плотию Нумиде (I, 86), когда будет отмечать обильными возлияниями его прибытие из Испании. И все же для каждого «есть мера в питье», и миф о пьяной драке кентавров с греками лапифами на свадьбе Пирифоя и Гипподамии — лучший урок пьяницам (кентавры пили несмешанное вино, подчеркивает Гораций — од, I, 18, 8).

Эротические и вакхические мотивы соединены в оде I, 19, где поэт обращается к могучей богине любви. Перед нами римский вариант знаменитой оды Сапфо. Но если гречанка Сапфо, обращаясь к богине, пытается подчинить ее своей воле, то римлянин Гораций, напротив, готов немедленно повиноваться воле богини. Эротические и вакхические мотивы сплетаются в единое целое в сцене интимной пирушки (ода I, 13, центральный образ которой — ярко написанные поэтом снежно-белые плечи прекрасной Лидии, обрызганные вином).

Соглашаясь, что подлинной поэзией могут называть-

ся у него только «песни» — или, как их стали называть поздние комментаторы, используя греческий термин, оды, Гораций слегка иронизирует над противниками, враждебно встретившими его сатиры. Но как истинный художник, он в глубине души ясно сознавал, что именно лирический дар составляет наиболее сильную сторону его таланта. В оде 1, 1 «К Мecenату» он с гордостью и верой в высокое предназначение своих лирических произведений назовет себя «лирикус ватес» — «лирическим пророком». В заключительной оде первого лирического сборника, знаменитом «Памятнике» (од. III, 30) он в сдержанной, но полной достоинства манере оценит совершенный им творческий подвиг, выразив надежду, что славу ему принесет «перевод эолийской песни на италийский лад». Ограничивал ли он свои заслуги перед римской литературой только тем, что следовал эолийским поэтам? Конечно же, нет. Гораций был ярко самобытным поэтом и сам это прекрасно сознавал, понимали это и поздние ценители его гения. Недаром А. С. Пушкин в письме А. Бестужеву писал: «У римлян век посредственности предшествовал веку гениев — грех отнять это титуло у таковых людей, каковы Вергилий, Гораций... хотя они... шли столбовой дорогою подражания...». Но тут же Пушкин спешит оговориться: «Винovat! Гораций не подражатель»⁶.

Рассчитывая на тонкого и взыскательного ценителя, Гораций находит оригинальную форму, вводит в свою лирику элементы диалога, обращаясь к определенному лицу и часто называя его по имени. Это обращение носит характер посвящения и говорит о дружеских связях между названным лицом и поэтом.

Подобный литературный прием использовали уже эолийские поэты. Но Алкей и Сапфо обращались к своим адресатам как равный к равному. Положение Горация было иным, и его поэтическое «я» не совпадает с обыденным: ведь частное и незначительное лицо, каким был в Риме бывший квесторский писец, да еще сын вольноотпущенника, не могло претендовать на роль человека, дающего политические советы великому римскому народу или его вождям. Такое поведение могло быть естест-

⁶ Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1962. Т. 9. С. 158.

венным лишь для поэта-пророка, жреца Муз, гордо заявлявшего:

Противна чернь мне, таинствам чуждая!

(Од. III, 1, 3)

В первом лирическом сборнике 46 од (более половины) содержат персональное обращение. Гораций в одах обращается и к кораблю (I, 3; I, 14), и к источнику (III, 13), и к амфоре (III, 21). Некоторые оды обращены к божеству, сближаясь с гимном. Таких гимнических од в первом сборнике более десяти. Обращение к определенному лицу придавало лирическому стихотворению задушевный, интимный тон. С другой стороны, среди адресатов Горация мы встречаем множество людей, занимавших в государстве видное положение, и это говорит о значении, которое поэт придавал своим одам, а также о широком отклике на них у наиболее видных его современников.

Каждое литературное произведение, по мнению поэта, обогащает читателя. Стихи заключают о себе много общего с картинами, одни из которых пленяют с первого взгляда, другие — после десятикратного рассмотрения (Наука поэзии, 365). Техника литературного мастерства тропы и фигуры — все, в конечном счете, сводится к слову: «Тот, кто желает создать по законам искусства поэму... все без различья слова, в коих блеска почти не осталось, смело выгонит вон... а те, что скрывались во тьме, он снова откроет народу...» (Посл. II, 2, 109 сл.). Лексика од отличается от лексики сатир и посланий: слова обиходные, бытовые, столь частые в сатирах и посланиях, в одах почти полностью исчезают. Сам лаконизм языка, присущий поэту, выражается здесь главным образом в снижении роли глагольных форм. Исчезает исторический инфинитив, столь свойственный латинской повествовательной речи; с другой стороны, поскольку в одах поэт либо призывает к чему-нибудь, либо предостерегает, то повышается роль сослагательного наклонения и форм будущего времени. При этом целое предложение может быть сжато до пределов одного существительного или прилагательного.

Гораций стремится сохранить греческое звучание собственных имен, что делает поэтический образ более точным и убедительным. Впоследствии об использовании

греческих слов в римской поэзии Гораций напишет:

Будет и к этим словам доверье, особенно если
Греческим семенем в меру усеется римская нива...

(Наука поэзии, 52—53)

Вообще свежесть и новизна поэтического языка — непременное условие успеха:

Всегда дозволено было и будет
Новым чеканом чеканить слова, их в свет выпуская!

(Там же, 58—59)

Главное в оде Горация — не выбор эпитета, а оригинальное его употребление. Только благодаря «хитрой связи» (Наука поэзии, 47), известное и обычное слово становится новым и необычным:

Великую важность и силу
Можно и скромным словам придать расстановкой и связью.

(Там же, 242—243)

Новизна контекста позволяет обнаружить скрытые в слове оттенки значения, показать его с неведомой до этого стороны. Создание необычного контекста связано также с необходимостью подчинить порядок слов стиха ритмической конструкции. При этом определение могло оказаться отделенным от определяемого слова барьером в несколько слов или даже в целую строку. Так возникает «напряженная конструкция», характерная для поэтов эпохи Августа. Гораций применяет ее даже тогда, когда метрика допускает использование обычного для прозаической речи порядка слов:

Спокойным в бедах ты постарайся, друг,
Дух сохранить свой...

(Од. II, 3, 1—2)

Здесь прилагательное «спокойный», служащее у Горация определением к существительному «дух», отделено от него группой слов; при этом определяемое даже перешло в следующий стих. Подобный переход встречается чаще всего в пределах одной строфы, но может захватить и следующую строфу. Такой прием в стихосложении, называемый французским термином «анжамбман», не вполне обычен для латинской поэзии, где каждый стих должен, как правило, содержать законченную мысль. Но в одах Горация этот прием способствует величественному и плавному движению стиха, прочному

сцеплению разнородных элементов. Можно встретить сходные явления и в русской поэзии — например, в стихотворении А. С. Пушкина «Наездники»: «Уж полем всадники спешат, дубравы кров покинув зыбкой, коней ласкают и смирят, и с гордой шепчутся улыбкой»⁷.

В центре предложения Горация стоят существительные, номинативные конструкции — глаголами оды Горация вообще бедны⁸.

Получив точное и выразительное определение, существительное становится носителем основного смысла поэтической фразы, повышает свою семантическую емкость: так создается возвышенный «пиндарический» стиль. В то же время преобладание существительных способствует удивительной вещественности, конкретности и наглядности стиха. 20-я ода I книги содержит приглашение Меценату прибыть в имение поэта и отведать там простого сабинского вина. В оде всего три строфы, 12 стихов, но в эти немногие строки поэт сумел вложить поразительное богатство мыслей, образов и чувств. В этой маленькой оде 10 существительных с простыми и выразительными определениями, причем только 3 из них связаны с определениями (прилагательными), остальные входят в состав напряженных номинативных конструкций. «Простое сабинское», которым поэт собирается угостить друга, будет подано в небольших канфарах, греческих чашах (скромные кубки соответствуют простому вину). Но зато поэт сам залил это вино в амфоры и засмолил их в тот день, когда Меценат впервые после болезни появился в театре и был встречен всеобщей овацией. Так звучит это в прозаическом пересказе, в стихотворении же Меценат услышал, как «берега отцовской реки» (Тибра; Тибр — этрусская река, и поэтому оказывается в родственных отношениях с потомком этрусских царей Меценатом) вместе с «игривым образом Ватиканской горы» (отзвуком, эхом овации, отраженной холмами Рима) возвращают ему хвалу, которую воздал ему народ. Так из немногих слов рождается величественный и поразительно емкий образ всенародной популярности Мецената. Необычное выражение «игривый образ горы» точно передает причудливое явление природы: эхо, словно играя,

⁷ Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1959. Т. 1. С. 378.

⁸ Гаспаров М. Л. Поэзия Горация // Квинт Гораций Флакк. Сочинения. М., 1970. С. 13.

разносится по холмам Рима, оно определяется как образ, подобие подлинного звука и вместе с тем как образ горы, отражающей этот звук.

С легкой иронией в собственный адрес заканчивает Гораций эту прелестную миниатюрную оду: ведь ни фалернские, ни формийские холмы не питают тех лоз, сок которых наполнит чаши в минуту дружеского свидания. К столу не будут поданы изысканные вина, изготавливаемые в Формии и на полях Фалерна в Кампании... Но это была бы именно проза, географический и поэтический образ оказался бы утерянным. Несмотря на небольшие размеры миниатюры, поэт и здесь нашел возможность окинуть взглядом дорогую его сердцу Италию — славный Фалерн, где производилось лучшее в Италии вино (воспетое Катуллом), древний Формий в Лациуме, славившийся культурой виноградной лозы.

Горацию свойственно необычайно конкретное, «вещное», предметное видение мира. Все объекты, окружающие поэта, с их цветом, запахом, вкусом, сам материал, из которого они состоят, изображаются во всех оттенках их вещественности и в то же время сжато и скупое, но от этого еще более выразительно. Например, в оде II, 17, где козы названы — с добродушной усмешкой горожанина, недавно переселившегося в деревню — «женами дурно пахнущего супруга».

Оды Горация, как и вообще стихи, в античную эпоху были рассчитаны на устное чтение. Отсюда — игра ассонансов, придающая особый блеск поэтическому слову Горация. В оде III, 30 — знаменитом «Памятнике» — мы находим характерное сочетание «монументум эре перенниус» («памятник долговечнее меди») и здесь повторяющиеся звуки «м» и «н» должны передать тяжелый звон бронзы.

В совершенстве владея «магией слова», богатством лексических средств, Гораций в работе над стихом был поистине неутомим. В оде IV, 2 поэт писал о том, насколько выше поэзия Пиндара в сравнении с его, Горация, творениями: «Могучий порыв ветра поднимает, о Антоний, Диркейского лебедя, когда он устремляет свой полет к высокой гряде облаков. Я же, подобно Матинской пчеле, затрачивающей много усилий в поисках желанного тимьяна по берегам влажного Тибура, творю скромно своим трудом мне достающиеся песни...».

Особой, для современного читателя трудноуловимой красотой отличаются стихотворные размеры, введенные Горацием в римскую поэзию, новые и усовершенствованные им метрические системы. Его предшественник Катулл уже сделал попытку сохранить в своем переводе знаменитой оды Сапфо так называемую сапфическую строфу, но заслуга утверждения в латинской поэзии логэдических систем, применявшихся Алкеем и Сапфо, в основном принадлежит Горацию. Термин «логэдический» происходит от греческих слов «логос» (прозаическая речь: с ней античные теоретики литературы сближали ямбо-трохаические системы) и «аойдэ», песнь (под этим термином в данном контексте подразумеваются дактилические системы). Таким образом, логэдический стих — это соединение ямбо-трохаических и дактилических стихотворных ритмов.

Сапфическая строфа, которая, наряду с алкеевой, стала в одах излюбленным ритмом Горация, состоит из трех одиннадцатисложных стихов логэдического типа (— ◡ — — — ◡ ◡ — ◡ — ◡), которые замыкаются четвертым, состоящим из дактиля и трохея (— ◡ ◡ — ◡). Примеры сапфической строфы можно отыскать во всех четырех книгах од Горация:

Вещий внук Атланта, Меркурий! Мудро
Ты смягчил людей первобытных нравы
Тем, что дал им речь и назначил меру
Грубой их силе...

(Од. I, 10, 1—4)

Кроме «малого» сапфического стиха, у Горация встречается еще и пятнадцатисложный сапфический стих, который в соединении с группой — ◡ ◡ — ◡ — ◡ образует вторую сапфическую строфу:

Ради богов бессмертных,
Лидия, скажи: для чего ты Сибариса губишь?

(Од. I, 8, 1—2)

Более сложна алкеева строфа. Первый стих здесь — одиннадцатисложный логэдический, но с анакрузой (вступительным тактом), которая может быть и кратким,

и долгим слогом: — — ◡ — — // — ◡ ◡ — ◡ —. Здесь двумя косыми чертами обозначена цезура — пауза в момент высшего подъема интонации. Эту паузу Гораций, в

отличие от Алкея, соблюдает почти всегда. Второй стих алкеевой строфы подобен первому, третий (в зависимости от манеры, в которой его скандируют) может рассматриваться как состоящий из двух трохайческих диподий (двойных стоп) с анакрузой: — — ◡ — ◡ — ◡ — ◡.

Четвертый стих, также логоэдический по типу, состоит из двух дактилей и двух трохеев (— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡). Вот пример алкеевой строфы, особенно часто встречающейся в первых трех книгах од:

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам рассеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Что за дело
Мне до угроз полуночных скифов?

(Од. I, 26, 1—4)

Наряду с сапфической строфой, алкеева строфа была любимым ритмом Горация: ею написаны 37 од.

Логоэдическая триподия (тройная стопа) может быть введена хориямбом (соединением ямба и хорей), вместе с базой (тип анакрузы, состоящей из спондея), образуя асклепиадов стих. Первая ода первой книги написана асклепиадовым стихом:

Славный внук, Меченат, праотцев царственных...

Четырежды повторенный, он образует первую асклепиадову строфу. Если заменить в ней четвертый стих гликоном (— — — ◡ ◡ — ◡ —), образуется вторая асклепиадова строфа:

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры неся, в грустных элегиях,
Не пеняй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветренно...

(Од. I, 33, 1—4)

Замена стретъего стиха этой строфы ферекратеом (— — — ◡ ◡ — —) образует третью асклепиадову строфу:

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, которую мать в дебрях оставила
И напрасно страшится
Леса легкого шороха...

(Од. I, 23, 1—4)

И, наконец, четырежды повторенный большой асклепиадов стих образует пятую асклепиадову строфу:

Вар, дерев никаких
ты не сажай
раньше священных лоз
В рыхлой почве, вблизи
Тибура рощ,
подле стен Катилы:
Трудным делает Вахх
тем, кто не пьет,
жизненный путь: нельзя
Едких сердца тревог
прочь отогнать,
кроме вина, ничем...

(Од. I, 18, 1—4)

Помимо логаядических систем, особенно частых в лирике Горация, встречаются у него чисто дактилические системы, как, например, героический гекзаметр. В сочетании с усеченным дактилическим триметром он образует первую архилохову строфу:

С гор сбежали снега, зеленеют луга муравую,
Листьями кроется лес...

(Од. IV, 7, 1—2)

Замена усеченного триметра усеченным тетраметром образует вторую архилохову строфу:

Славный Архит, земель и морей, и песков исчислитель,
Ныне лежишь ты, покрытый убогой...

(Од. I, 28, 1—2)

Соединение большого архилохова стиха (— ∪ ∪ — ∪ ∪ — // ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ — ∪) с усеченным ямбическим триметром образует третью архилохову строфу:

Злая сдается зима, отступая пред вешней лаской ветра:
Влекут на блоках высохшие судна...

(Од. I, 4, 1—2)

- Встречаются в одах и так называемый Гиппонактов стих, и ионики (∪ ∪ — —), но уже очень редко. Это далеко не полный перечень метрических систем в лирике Горация: всего их насчитывают до 13, а если добавить те, что встречаются в эподах, число их дойдет до 20. В большинстве случаев все они введены в римскую поэзию именно Горацием.

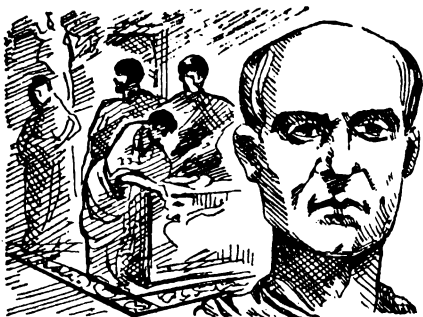
Изысканные ритмы, игра цезур, повышения и понижения тона были важным элементом формы, оттеняли и усиливали звучность и красоту Горациева стиха. Стихи его, по-видимому, пелись. Недаром поэт был уверен, что никогда не изгладится в памяти людей «слово... соединенное со звуком струн» (Од. IV, 9).

Влияние ритмов Горация на более позднюю поэзию Европы ощущается довольно долго. Знаменитый «Памятник» А. С. Пушкина своей ритмической структурой несколько напоминает метрические системы Горация: строфа из трех стихов, каждый из которых состоит из шести ямбических стоп, замыкается более коротким из четырех ямбов:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

•

ГЛАВА 12

ПОСЛАНИЯ

Гораций назвал свои «Послания» беседами (Посл. II, 1, 25) так же, как и сатиры. Как и сатиры, они не должны были, по его мнению, считаться подлинной поэзией, в отличие от лирических од. Изданные после выхода первого сборника од, «Послания» несут на себе следы душевной усталости и неудовлетворенности, дающей себя знать в приглушенно звучащих пессимистических нотах¹. Радости бытия, бурные страсти стали отходить в прошлое, а холодная и трезвая мысль все более отеснять живое волнение души. «Оставив стихи и другие забавы» (Посл. I, 1, 10), поэт погрузился в проблемы теории литературы и философии, интересуясь преимущественно этическими учениями. Свои мысли и этические постулаты, привлекавшие его в учениях философов, знакомых ему еще с юношеских лет пребывания в Афинах, он старался выразить в простой и доступной форме, чтобы «быстро их доставать» (там же, 12), т. е. легко включать в состав своих произведений. Здесь мы заглядываем в его творческую лабораторию. Стараясь охватить как можно более широкий круг вопросов, поэт все же

¹ В послании к другу, поэту Альбию Тибуллу, Гораций с грустью пишет:

С каждым прожитым днем считай, что прожил ты последний!
Радостным будет тот час и желанным, какого не ждал ты...
(Посл. I, 4, 13—14)

отдавал предпочтение оригинальным идеям. Своего друга Цельса Гораций предостерегает:

Ищет пусть мыслей своих, избегает трогать творенья
Тех, что уже Аполлон Палатинский в святилище принял...

(Посл. I, 3, 16—17)

Послание Горация является своеобразным поэтическим письмом. Оно имеет адресат, лицо, названное, как правило, в самом начале послания. Но это лицо может быть и фиктивным (Посл. I, 13; I, 14), а адресат — и неодушевленным предметом: послание I, 20 обращено к самой книге посланий, которую поэт, выпуская в свет, решил снабдить личным напутствием.

Поэт обращался к определенным лицам еще в сатирах. Однако там это было лишь поэтическим посвящением, и темы сатир развиваются далее без всякой связи с тем или иным адресатом. Иначе обстоит с посланиями, где обращение носит отнюдь не формальный характер. Поэт упоминает в послании о предметах, значение и смысл которых могли быть полностью понятны только адресату и немногим другим посвященным лицам, но для современного читателя они составляют загадку. Кто был Юлий Флор, к которому обращается поэт в 3 послании I книги? Или Цельс? Что связывало их с поэтом? Сейчас слишком многое выяснить уже не удастся. О Юлии Флоре известно из короткого сообщения комментатора Горация Порфириона: поэт Юлий Флор составлял свои сатиры из стихов Энния, Луцилия, Варрона. Не требует особых комментариев послание I, 9 — своеобразное рекомендательное письмо, которое должен передать пасынку Августа Тиберию некий Септимий, желавший во что бы то ни стало оказаться в свите наследника принцепса. Гораций написал свое послание, уступая настойчивым просьбам Септимия и без всякого желания — откровенно сообщая об этом Тиберию.

Послания написаны тем же языком, что и сатиры. Есть общее и в их содержании — преобладают размышления на этические темы. Но если сатиры дают обобщенное отражение действительности, то в посланиях преобладают конкретные ситуации: поэт ведет повествование от своего имени и прямо выражает собственное мнение. Проблемы, затронутые в посланиях, имеют не только личный, но и общественный характер, талант поэта по-

прежнему блистает свежестью, а ум его — пронизательностью и остротой, что делает послания документом большого идейно-художественного значения. Это произведения зрелого художника и мыслителя, глубокого знатока жизни и искусства, высказывающего по поводу затронутых в них проблем веские и оригинальные суждения. Темы посланий были весьма актуальными для своего времени и не потеряли своего значения в последующие эпохи.

Первая книга состоит из 20 посланий. Последнее обращено к самой книге. Напутствуя ее перед выходом в свет, автор шутливо, но не без затаенной горечи упрекает ее в том, что она слишком торопится увидеть свет: судьба, которая ее ожидает, не радует поэта. При этом автор, пользуясь случаем, представляет себя читателю, сообщая и свой возраст — 44 года, исполнившиеся ему в консульство Лепида и Лоллия, т. е. в 21 году до н. э. Примерно тогда же и эта книга посланий была издана. Почти целиком она посвящена этическим проблемам, наставляя, как «правильно жить». Вторая книга посланий посвящена литературно-критическим проблемам и включает в себе наставления, как «правильно писать». Послания были написаны в разное время. Они представляют собой итог творческой деятельности Горация, когда он глубоко задумывался о том, что же является главным в творчестве поэта, каким законам оно подчиняется, что отличает хорошего поэта от плохого.

Исследователей творчества Горация всегда интересовало, выдуманы ли ситуации, описанные в посланиях I книги, или же они носят автобиографический характер. Видимо, в разных случаях дело обстоит по-разному. Так, можно предполагать, что уже упоминавшееся послание I, 9, обращенное к пасынку Августа, отражает какую-то действительную ситуацию. Напротив, послание вилику (I, 14), старшему рабу Горация в сабинском имении, скорее всего, основано на ситуации выдуманной: поэт вложил в уста рабу мысли, казавшиеся ему недостойными свободного человека.

Известный комментатор произведений Горация Хайнце первым указал на то, что литературным прообразом его посланий послужили письма Эпикура. Они и навели поэта на мысль дать литературно-философский портрет своей жизни и одновременно отразить «дух времени»,

дабы морально воздействовать на современников, создать для них свод жизненных правил, единственно достойных свободного человека². Предположение Хайнце заслуживает внимания хотя бы потому, что к учению Эпикура Гораций, по его собственным словам, испытывал симпатии всю жизнь. Но ведь послания писал и Луций, сатиры которого послужили образцом для Горация, поэтому можно предполагать какое-то влияние и с его стороны. При таком понимании послания Горация не должны восприниматься как собрание писем, написанных по разным поводам разным людям. Для античного читателя — впрочем, как и для современного — то был прежде всего определенный литературный жанр. Об этом говорят и стилистическое единство, и стройная композиция сборника, имеющего как пролог — посвящение (послание к Мecenату), так и эпилог (послание к самой книге).

Доминирующая тема, лейтмотив всех посланий — прославление сельской жизни, только и позволяющей сохранить нравственную чистоту, независимость и внутреннюю свободу. Сам Гораций обрел эту свободу в своем сабинском имении, играющем роль декорации, на фоне которой разыгрывается действие ряда посланий. К числу «сабинских», в частности, принадлежит послание I, 16. В нем с особой любовью описаны тенистая долина, где расположено поместье, обилие зелени и влаги. Мы находим здесь живописные описания гор. Не доход с виллы, а климат и пейзаж радовали поэта, в них он находил душевное успокоение, источник чистого вдохновения: «Это милое и — если поверишь — уютное захолустье... представит тебе меня целым и невредимым в сентябрьские дни...». Занимаясь хозяйством и читая на досуге книги любимых авторов, находя время и для литературного труда, Гораций приобщался здесь к староримскому образу жизни с его суровой простотой, нравственным и физическим здоровьем, основой которого были постоянный труд на поле и в винограднике. Именно здесь, по мнению автора послания, человек обретает истинные, а не мнимые ценности, столь привлекательные в глазах его современников. Обращаясь к Квинтию, он не без

² Heinze R. Horazens Buch der Briefe // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 43. 1919. S. 305 ff.

ироний замечает: «Ты же живешь правильно, если стараешься быть таким, как о тебе говорят». Однако поэт советует Квинтию доверять своим чувствам, а не тому, что о нем говорят сограждане, считающие его счастливым. Ведь только глупый считает свою болезнь позором и скрывает ее, вместо того, чтобы ее лечить. Действительно счастливым может стать лишь мудрый и честный. В конце концов, мудрый всегда сможет избежать страданий, добровольно уйдя из жизни.

В послании I, 6 поэт формулирует главное условие счастья: ничему не удивляться. Поэт исподволь готовит читателя к усвоению эпикурейской доктрины, ее этической первоосновы, заключающейся в свободе от волнений суетного мира и страха (в подтексте ряда посланий звучит эпикурейский принцип «проживи незаметно»).

Во многих посланиях первой книги настойчиво противопоставляются город и деревня. Это противопоставление — символическое: сопоставляются два отношения к окружающей действительности, два жизненных идеала. В послании I, 10, обращенном к другу-литератору Аристию Фуску, автор иронически противопоставляет себя, «любителя села», своему адресату, человеку избранного круга — «любителю Рима». Лишь в этом они расходятся, во всем же остальном их вкусы и мнения совпадают. «Я живу и царствую, — говорит о своей жизни в сабинской вилле Гораций, намекая на учение стоиков, согласно которому мудрец — и царь, и богач, и красавец. Деревенский хлеб поэту слаще городских пирогов. Есть ли места на земле, где зима мягче, где свежий ветерок так приятно смягчает палящий зной, когда солнце находится в созвездии Пса и Льва? Где завистливая забота не нарушает приятных сновидений? Поэт советует: «И под бедной кровлей ты сможешь обогнать в жизненном состязании царей и их друзей». Намек был слишком явным, чтобы его не поняли современники. Отношения с одним из «друзей царя», Мecenатом, не всегда складывались гармонично и ровно. Источники не сохранили сведений о явных или скрытых размолвках или огорчениях, причинявшихся поэту, вынужденному в течение долгих лет пользоваться покровительством знатного друга. Проникнуть хотя бы частично за завесу тайны, скрывающей истинный характер их отношений (они стали классическим примером покровительства, оказываемого худож-

нику, и имя Мецената стало нарицательным), позволяет послание I, 7. Оно написано в ответ на упреки Мецената, недовольного долгим отсутствием поэта. В сдержанном и полном достоинства, но вместе с тем любезном и дружеском тоне Гораций говорит, что дорожит своим здоровьем (разумеется, это был только предлог!) и потому прибудет в Рим не раньше весны. Своим благосостоянием он, конечно, обязан Меценату, сделавшему ему такой дорогой подарок, как сабинское имение. Этот подарок совсем не таков, каким одарил своего гостя некий калабриец, усердно потчевавший его грушами, а затем предложивший набрать их в подарок детишкам. Когда гость решительно отклонил дар, хозяин с досадой сказал: «Придется теперь скормить их свиньям!».

Анекдот должен был не только позабавить Мецената, но и смягчить отказ поэта, а также тонко выразить благодарность за полученное поместье: ему дорог этот дар, но еще дороже свобода. Чтобы объяснить это Меценату и притом не разгневать высокого покровителя, Гораций прибегает к эзоповой басне о лисице, забравшейся сквозь узкую щель в короб с зерном, но не сумевшей выбраться оттуда из-за раздувшегося брюха. Наблюдавшая издали за ее тщетными усилиями ласка сказала не без злорадства: «Коль хочешь выбраться, стань такой же тощей, какой была, когда в эту щель вползала!». За этой шуткой стояло нечто серьезное: ради свободы поэт готов отказаться от многого. «Свой свободный покой я не променяю на все сокровища арабов» (Посл. I, 7, 36). Слово «покой» в этом контексте может означать еще и учение, литературные занятия: это придает дополнительный смысл словам поэта.

Однако нет оснований думать, будто это послание свидетельствует о каком-то кризисе в его отношениях с Меценатом, как полагали некоторые исследователи. В позиции, занятой здесь Горацием, не было ничего нового. Еще в первом лирическом сборнике было им твердо сказано:

...Возвратив дары
И в добродетель облачившись,
Бедности рад я и бесприданной...

(Од. III, 29, 49—51)

Размолвка не могла быть серьезной, о чем говорит сам факт включения послания в сборник, предназначен-

ный для издания. Судя по тому, что нам известно о Мecenате, он охотно прощал поэту его строптивость, подражая в этом самому Августу, который писал Тиберию: «Не слишком возмущайся, если кто-нибудь говорит обо мне дурно. Довольно и того, что никто не может нам сделать ничего дурного».

Шутливое послание к Винию Азине (I, 13), который должен был передать посылку с книгой стихов Горация самому Августу («если он сам их попросит»), свидетельствует, однако, что поэт хорошо знал грань допустимого в отношениях с великими мира сего и умел не переходить пределов. Золотую середину в отношениях с патроном — не быть слишком грубым, но не становиться шутом — проповедует Гораций в послании к Лоллию (I, 18). Такой же принцип он положил в основу своих отношений с Мecenатом.

Вторая книга посланий состоит из послания к Августу и послания к Юлию Флору, где речь идет о теории поэзии. Естественным образом к этой книге примыкает послание к Пизонам, называемое также «Наука поэзии» (или «Искусство поэзии»).

Небольшая по объему вторая книга посланий как бы добавлена к первой. Подтверждение этому мы находим у Светония, который в биографии поэта сообщает, как Август, прочтя несколько посланий Горация, упрекнул его: «Знай же, я гневаюсь на тебя, что ты, написав множество такого рода сочинений, ко мне ни разу не обратился в них. Или ты боишься навлечь на себя презрение потомков тем, что покажешь свою близость к нам?». Как рассказывает далее Светоний, Гораций в ответ обратился к императору с посланием, начинающимся словами:

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты...

Правила, которыми должен руководствоваться поэт, интересовали Горация еще тогда, когда он писал свои первые сатиры: в 4 сатире I книги он уделяет немалое внимание вопросу о том, как «правильно писать», но в связи с конкретным анализом сатир Луцилия. Теперь же в послании к Августу проблемы теории литературы ставятся в более общем виде. При этом надо было быть твердо уверенным в интересе принцепса к литературе, к проблемам мастерства поэта. Есть основания полагать,

что послание к Августу относится ко времени после завершения длительной творческой паузы в жизни Горация (20—17 гг. до н. э.)³.

Поэт сожалеет, что послание его слишком длинно и отвлекает императора от защиты «дела Италии» с помощью оружия, от совершенствования законов и общественных нравов. Ромул, другие древние герои также утверждали мир, основывали города и распределяли земли, но они лишь после смерти удостоились заслуженных ими почестей. Августа же

...Спешим почтить и при жизни,
Ставим тебе алтари, чтобы клясться тобою, как богом...

(Посл. II, 1, 15—16)

Ставя Августа выше древних героев, римский народ проявляет высшую мудрость: в остальном же он относится с презрением и ненавистью ко всему, почитая лишь то, что отжило свой век и исчезло с лица земли. Уважением окружены лишь Законы XII таблиц, книги понтификов, пророчества жрецов, считавшиеся даром Муз. Толпа любителей и ценителей литературы чтит лишь старых поэтов, превозносит их до небес, намеренно закрывая глаза на их недостатки. Истинным мотивом поведения «критиков» служит не столько их любовь к древним, сколько ненависть к современным поэтам. Конечно, продолжает Гораций, нет необходимости изгонять стихи Ливия Андроника, которые ему диктовал когда-то его учитель, драчливый Орбилий, но удивительно то, что они могут казаться прекрасными, едва ли не совершенными творениями поэзии. Ведь если и попадется там хороший стих или яркое слово, этого еще недостаточно, чтобы считать удавшейся всю поэму.

Греки питали особое пристрастие к скульптуре, живописи, сценическому искусству, легко меняя свои увлечения, как дети — свои игрушки. Совсем другой образ жизни вели римляне — серьезный и полный трудов. Теперь же все — стар и млад — жинулись писать стихи: «И сам я, утверждавший, что не пишу стихов, оказался лживее парфян и первый с раннего утра требую, чтобы мне подали калам, харту и ларцы для книг».

³ Гаспаров М. Л. Послание Горация к Августу // Вестник древней истории. 1964. Вып. 2. С. 62—73.

В то же время поэты

...Не жадны,
Любят одни лишь стихи и к ним одним лишь
пристрастны...
Могут лишь хлебом одним и стручками простыми
питаться...
(Посл. II, 1, 119—123)

Они исправляют души, «избавив от зависти, гнева, упрямства», «доблести славя дела и благими примерами учат грядущие годы...» Мысль о высоком призвании поэзии — важнейшая в послании. Вместе с апологией современной поэзии она должна внушить императору, что к поэтам следует относиться с особым вниманием, им надо помочь утвердиться при дворе, наконец, поднять поэтов в их собственном мнении.

Историю поэтического творчества в Риме Гораций набрасывает свободно и изящно. Вначале устное народное творчество было грубым и примитивным: после осенних полевых работ, во время сельского праздника, когда приносились жертвы богам, крестьяне «бранью друг друга в стихах осыпали чредою». Затем закон запретил открыто нападать на личности и высмеивать их в стихах. Но главным, решающим условием развития отечественной словесности стало проникновение греческой культуры:

Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый искусства внесла...

(Посл. II, 1, 156—157)

Первые авторы «неразумно боялись отделки, считая постыдной». Резко отзываясь Гораций о Плавте с его грубыми и несовершенными сценическими характерами, да и о самих римских зрителях, которым кулачные бойцы доставляли больше удовольствия, чем представление самой талантливой пьесы.

Что же главное в поэтическом искусстве?

Чту я поэта, когда мне вымыслом грудь он стесняет,
Будит волнение, поконит иль ложными страхами полнит,
Словно волшебник несет то в Фивы меня, то в Афины...

(Посл. II, 1, 211—213)

Эти строки перекликаются с «Наукой поэзии». Надо, чтобы драматический поэт страдал сам, если он хочет добиться, чтобы глубоко переживали действие его пьесы зрители, Сходны и другие идеи обоих посланий: достой-

на осуждения лень римских поэтов, мешающая им тщательно отделять свои сочинения. Истинный поэт трудится не ради денег, а ради славы. Весьма ценно то покровительство, которое оказывает великий Август римским поэтам. Гораций тонко льстит императору, сравнивая его с Александром Македонским, и притом к невыгоде для последнего. Ведь Александр поручил прославить его подвиги плохому поэту Хойрилу, Август же обладает тонким художественным вкусом:

Не позорят тебя сужденья твои о поэтах,
Как и дары, что они с одобрения всех получили,
Оба любимых тобою поэта — Вергилий и Варий...

(Посл. II, 1, 245—247)

Собственно к теории поэзии Гораций обращается в послании к Пизонам, созданном, по всей видимости, после послания к Августу (было бы странным, если бы поэт, близкий ко двору императора, стал бы пересказывать в послании к самому принцепсу истины, изложенные прежде в послании к малозначительным людям, какими были Пизоны). Логически путь постепенного оформления литературно-теоретических взглядов поэта представляется более естественным: Гораций двигался индуктивным путем, постепенно переходя от частных высказываний к общим генерализующим положениям. Лишь позднее у него должна была возникнуть мысль изложить свои взгляды на поэзию в произведении обобщающего типа. Необходимо учесть, что «Наука поэзии» носит следы недоработки, иногда случайного сопоставления отдельных мыслей. Заметна и композиционная рыхлость, чем послание к Пизонам разительно отличается от других сочинений Горация, по композиции всегда безупречных. Перед нами — явно позднее произведение поэта.

О Пизонах, к которым обращено это произведение поэта, комментатор Горация Порфирион пишет: «Эту книгу, которая называется «Наука поэзии», он адресовал Луцию Пизону, позднее ставшему префектом города (ибо сам Пизон был человеком, причастным к свободным искусствам), а также его сыновьям». По всей вероятности, речь идет о римском аристократе, консуле 15 г. до н. э. Луции Кальпурнии Пизоне. Семейство Пизонов увлекалось философией и литературой и было тесно связано с интеллектуалами тогдашнего Рима, поэтому посвящение ему этого теоретического трактата в стихах

вполне естественно и понятно. Сыновья этого Пизона, названные в нем юношами, могли достигнуть такого возраста к 13—11 гг. до н. э. (отец их родился в 49 г. до н. э., а римляне женились обычно в возрасте 20—25 лет). Таким образом, предположение о позднем происхождении трактата подтверждается и этим косвенным соображением.

Порфирион сообщает также, что Гораций в «Науке поэзии» свел воедино основные положения из наставления философа-перипатетика Неоптолема из Париона (конец III в. до н. э.) по теории литературы. Во многом Неоптолем следовал трактату Феофраста, ученика Аристотеля. Так находит свое объяснение близость теоретических положений «Науки поэзии» и «Поэтики» Аристотеля. Эта близость проявляется прежде всего в том, что «Наука поэзии» уделяет главное внимание театру: эпическая поэзия рассматривается спорадически, а лирическая (против ожидания!) совсем не рассматривается. Это тем более примечательно, что сам Гораций ни трагедий, ни комедий не писал, равно как и эпических поэм, считая себя неспособным к подобного рода творчеству. Учение Аристотеля о «цели» трагедии находит отражение у Горация, когда он говорит, что песни хора должны быть «к общей направлены цели». «Началом» и как бы «душой трагедии» Аристотель считает сюжет — то, что он называет «мифом», «сказанием». Продуманного сюжета требует от автора и «Наука поэзии»:

Следуй преданью, поэт, а в выдумках будь согласован...

(Наука поэзии, 119)

Эпопея, в точном согласии с учением Аристотеля, мыслится Горацию как жанр, в котором в зародыше есть уже все, что есть в трагедии. Как и Аристотель, Гораций стремится не к созданию свода рецептов по каждому жанру, а рассматривает наиболее общие принципы искусства. Здесь мы находим объяснение тому, что в самом начале «Науки поэзии» Гораций использует пример из области изобразительных искусств («общее есть у стихов и картин»), формулируя абсолютный закон прекрасного, и только после этого переходит к проблемам театра, двигаясь от общего к частному. Он напоминает, что поэту надо рассчитывать свои силы при выборе темы, требует ясности композиции, тщательной отдел-

ки стиля, начиная с выбора слов и ритмов. Как частный случай проявления законов искусства, утверждается соответствие формы и содержания. Стихотворный размер — элемент формы, и Гомер своим гексаметром дал образец.

...Каким стихотворным размером
Петь мы должны о царях, вождах и войнах кровавых...

(Наука поэзии, 73—74)

Напротив, ямб пригоден для того,

...Чтоб вести разговоры на сцене,
Зрителей шум покрывать и события показывать въяве...

(Наука поэзии, 81—82)

Особенности речи персонажа драмы определяются его происхождением и социальным положением. Характеры трагедии должны оставаться цельными на всем протяжении действия. Конечно, «трудно сказать по-своему общее», но подражательность недопустима. Вместе с тем надо быть осторожным и избегать широковещательных деклараций, ибо часто бывает, что

Мучится в родах гора, а рождает — смешного мышонка...

(Наука поэзии, 139)

Учение о драме у греков и римлян Гораций завершает историческим экскурсом. Повторяется высказанное ранее требование относительно соответствия характера персонажа его возрасту (ясный пример композиционной несогласованности в «Науке поэзии»). Материал для характеристики сценических масок поэту, по всей видимости, дала Новая комедия. Тип старика поэт рисует в следующих чертах:

Старца со всех сторон обступают одни беспокойства,
Все-то он ищет, а то, что найдет — для него бесполезно.
Дело и речи свои он ведет боязливо и вяло,
Медлит решение принять, мечтает пожить и подумать,
Вечно ворчит и брюзжит, восхваляя минувшие годы...

(Наука поэзии, 169—173)

Вновь возвращаясь к сюжету драматического произведения, поэт останавливается на вопросе, может ли драматург использовать сюжеты предшественников или должен заново их изобретать. Попутно автор делает тонкие замечания о том, какие действия могут быть показаны на сцене, а какие только рассказаны. Говорится о делении пьесы на акты, о роли хора, о музыкальном сопро-

вождении и т. п. Примеры берутся из греческого искусства:

...Образцы вам — творения греков:

Денно и ночью листайте вы их неустанной рукою!

(Наука поэзии, 268—269)

Хотя достижениям греческого искусства отдается должное в полной мере, Гораций особенно близко к сердцу принимает все связанное с родной ему римской словесностью. Вслед за греками римляне создали собственную трагедию (претексту) и комедию (тогату), однако ошибка римских поэтов заключалась в том, что они не старались тщательно отделять свои произведения. При этом поэт открыто порицает традиционный и восходящий еще к Демокриту взгляд, будто художник творит одним лишь вдохновением. Ведя речь о театре, Гораций часто ссылается на публику, но это не римская толпа, о которой он отзывается с пренебрежением, порицая ее за невзыскательность и грубость, а некое идеальное собрание знатоков, обладающих строгим вкусом и весьма требовательных. Такую публику и составляли образованные римляне, причастные к искусству и наукам, вроде семейства Пизонов.

Далее автор касается условий, которым должна отвечать сама личность поэта («Поэтика» Неоптолема также состояла из трех разделов: о поэзии вообще, о жанрах и о поэте). Исходя из собственного опыта, Гораций высоко оценивает философское образование писателя, постулируя примат содержания над формой:

Мудрость — вот где исток и основа стихов настоящих:

Всякий предмет тебе разъяснят философские книги,

А уяснится предмет — без труда и слова подберутся...

(Наука поэзии, 309—311)

Поэзия или приносит пользу, или доставляет эстетическое наслаждение, «или надеется сразу достичь и того, и другого». Лучше всего поступает тот, кто старается соединить полезное с приятным (это выражение Горация вошло в пословицу). Конечно, степень таланта различна, а ошибки допускает даже Гомер, ибо в человеческой природе нет совершенства. Но «плох тот певец, который снова и снова, как его ни учи, повторяет все ту же ошибку». Праздный вопрос: что важнее в поэте, дарование или образование. Одно без другого никогда не

дает добрых плодов. Если ты поэт, не торопись зазнаваться, когда бедный клиент хвалит твои стихи — ведь он делает это из нужды. Зато

Здравый ценитель (и дельный) бессильные строки осудит...
(Наука поэзии, 445)

Заканчивается «Наука поэзии» саркастическим описанием полоумного поэта, пристающего ко всем без разбора с чтением своих стихов.

Композиция этого послания всегда вызывала немало разноречивых толкований у исследователей творчества Горация. Распределение материала представлялось хаотическим, лишенным внутренней логики. Это казалось тем более странным, что сам автор здесь требует от поэтического произведения «ясного порядка». Поэтому давно уже было высказано предположение, что «Наука поэзии» дошла до нас в искаженном виде. Многие пытались переставлять части текста, меняя их местами, стремясь восстановить «первоначальный» вид поэмы. Многолетняя дискуссия показала, однако, что все попытки реконструкции «первоначального» текста «Науки поэзии» носят произвольный характер. Необходимо учесть, что послание к Пизонам не является обычным трактатом, но прежде всего поэтическим произведением определенного жанра. В свободной и непринужденной манере, остроумно и слегка иронично, легко переходя от одного предмета к другому и вновь к нему возвращаясь, Гораций просто ведет беседу (именно так называл Гораций свои послания). Такому тону легкой беседы хорошо соответствует кажущаяся бессистемность распределения материала: это светский разговор знатока, а не педантично профессорское изложение основ поэтического ремесла. Надо помнить и то, что образованные читатели (к ним, без сомнения, принадлежали Пизоны) могли понимать поэта с полуслова ⁴.

⁴ Grimal P. Essai sur l'art poétique d'Horace. Paris, 1968. P. 8.

ГЛАВА 13

ГОРАЦИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Дошедший до нас сборник произведений поэта позволяет проследить весь его творческий путь, от первых эподов до посланий, посвященных проблемам теории литературы.

Что значат стихи Горация для истории, для поэзии, для человечества?

В них удивительно полно, ярко и верно отражен мир, в котором жил поэт, с его прошлым и настоящим, волнениями и страстями, мыслями и чувствами, традициями и верованиями. Мы видим пестрый Рим и цветущие города Италии. Рисует ли он сельские пейзажи — горы, реки, леса, селения или города, родная Италия с огромной любовью сохранена в его строках. Фантазия поэта легко и прихотливо переносит нас то на берега быстрого Ауфиды, то в плодородный Ферентум, то в леса и урочища Бантии, то к горам Матины, то на склон высокого Вултура, то к чистым и прохладным струям Бандузии или Дигенции, то в сумрачные леса Тибура. Эти имена приобрели поэтическое звучание — поэтическое бессмертие. Следую ли мы за поэтом, взяв его в спутники, в Рим, — и здесь камни и развалины встают, превращаясь в стены

и мощные улицы, роскошные дворцы знати, пышные храмы и портики. Идем ли мы вместе с поэтом по Священной дороге или посещаем «плутовской цирк», сидим ли в амфитеатре, следя за боем гладиаторов вместе с жаждущей крови беснующейся толпой, следуем ли на Марсово поле или поднимаемся на Эсквилин, где стоял дворец Мецената, или на Палантин, где в скромном доме оратора Гортензия находилась резиденция императора, тщательно охраняемая преторианцами,— всюду перед нами оживают тени далекого прошлого, становятся явью воспоминания о давно ушедшем мире, куда переносит нас гений поэта.

В этом возвращенном к жизни мире мы видим живых людей, находящихся на самых различных ступенях социальной лестницы, от императора и членов его семьи до самых низов общества — торговцев, ремесленников, уличных цирюльников, трактирщиков и даже рабов. Среди всех этих фигур, то величественных и неприступных, то придавленных тяжким бременем подневольного бытия, встречаем самого поэта, скромно пробирающегося по узким улицам Рима или отправляющегося в свое сабинское поместье на старом муле по вымощенной плитами дороге, ведущей на север, к месту, где река Анио берет начало в горах Апеннин и поворачивает на юго-запад.

К концу жизни Гораций стал, наряду с Вергилием, самым популярным римским поэтом. В заключительном стихотворении первого лирического сборника (Од. III, 30) он со сдержанной гордостью выражает уверенность в бессмертии своего поэтического наследия:

...Лучшая часть моя
Избежит похорон: буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною
Всходит по ступеням в храм Капитолия...

Современникам трудно было не поддаться обаянию музыки поэта. В увлеченности его стихами признавался Овидий:

Слух мне однажды пленил на размеры щедрый Гораций —
Звон авзонийской струны, строй безупречный стихов...

(Скорбные элегии, IV, 10, 49—50)

А известный оратор и теоретик искусства красноречия Квинтилиан, прославляя совершенство сатир Горация,

спешит оговориться, что он, возможно, не вполне объективен из-за чрезмерной любви к поэту.

Творчество поэтов-сатириков Персия и Ювенала красноречиво свидетельствует о том, что римская сатира в своем развитии следовала по пути, проложенному Горацием. «Языческое» жизнелюбие великого лирика несколько не помешало тому, что его стихами зачитывались позднеримские христианские писатели, в частности, Аврелий Пруденций (конец IV в.).

В средние века популярность Горация продолжала возрастать, особенно в VIII—IX вв., во времена Каролингов: об этом говорит большое число рукописей с сочинениями поэта, относящихся к этой эпохе (всего около 250). Но поистине второе рождение ему суждено было пережить в Италии XIV—XV вв., когда могучее движение гуманистов высоко подняло его на щит вместе с другими римскими поэтами. Лирика Горация оказала значительное влияние на творчество поэтов так называемой новолатинской литературы: Джакомо Саннадзаро (1458—1530) и других. Еще раньше Франческо Петрарка признавался, что Горацию обязан больше, чем кому-либо другому. В XV—XVI вв. Горация читают повсюду в Европе. Замечено, что после изобретения книгопечатания ни один латинский автор не мог сравниться с ним по числу переизданий¹.

Оды Горация послужили образцом для Пьера Ронсара, выпустившего в свет в 1550 г. «Первые четыре книги од». Горацианские мотивы (например, «Пользуйся днем, меньше всего веря в грядущее») находят у Ронсара своеобразное продолжение и развитие:

Не держим мы в руке своей
Путей грядущих наших дней,
Жизнь в праздничной одежде!
Пока мы королевских ждем
Щедрот и милостей — умрем,
Напрасной преданы надежде...²

Сочинения Горация, особенно его послания, были высоко оценены в середине XVI в. в манифесте французских писателей-гуманистов, объединившихся в кружок

¹ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957. С. 395.

² Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1938. С. 355.

«Плеяды». Жоакен дю Белле называет Горация среди тех поэтов, чьи стихи могут серьезно обогатить французский язык. Поэты «Плеяды» не стесняются заимствовать у Горация целые строки. Антуан де Баиф, например, начинает свое стихотворение «Вакханки» цитатой из Горация (Од. II, 19, 1—2):

В зеленой рощице я Вакха повстречал,
(Потомство, верь сему) — он гимны распевал... ³.

В Европе эпохи Возрождения и Нового времени самое пристальное внимание привлекали литературные послания Горация. Поэтика европейского классицизма основывалась на «Послании к Пизонам» не в меньшей степени, чем на «Поэтике» Аристотеля. Тракта в стихах «Поэтическое искусство» Никола Буало (1674 г.) воспроизводит не только традиционное название послания Горация, но и «весь ход изложения с тем же расположением материала и с многочисленными заимствованиями деталей, которые даются нередко в дословном переводе» ⁴.

Нападки на Горация в Новое время со стороны морализирующей критики, порицавшей «распущенность и непристойность» его стихов, вызвали появление в 1754 г. трактата Готхольда Эфраима Лессинга «Апология Горация». Выдающийся немецкий драматург и теоретик литературы защищал поэта с позиций рационализма, с помощью тонкой философской критики. Восторженные отзывы посвятили римскому лирику писатели Иоганн Готфрид Гердер, Фридрих Готлиб Клопшток, Кристоф Мартин Виланд, переводивший послания Горация. Этот перевод высоко оценил Гете, который писал об этом в письме к фон Кнебелю от 5 мая 1782 г. Гердер даже издал «Письма о чтении Горация», вышедшие в свет в начале XIX в.

Видные деятели русского классицизма XVIII в. превосходно владели греческим и латинским языками и в богатом наследии античной литературы отыскивали созвучные их идеям и творческим замыслам мотивы и образы, перерабатывая их для нужд российской словесности, русского просветительства. Свои первые сатиры на рус-

³ Там же. С. 362.

⁴ Тронский И. М. Указ. соч. С. 394.

ском языке А. Д. Кантемир писал по античным образцам, следуя в первую очередь Горацию. Как видно из небольшого стихотворения, приложенного к его первой сатире, Кантемир ставил себе это в особую заслугу:

Что дал Гораций, занял у француза,
О, сколь собою бедна моя Муза...⁵.

У Горация Кантемир заимствует не только приемы композиции, но и саму манеру задушевной беседы, а иногда и поэтические образы. Он и стал первым переводчиком Горация, переложив в 1744 г. силлабическим стихом 1-ю книгу «Посланий»⁶.

Его современник В. К. Тредиаковский, изучая древнюю латинскую словесность, утвердился в мысли, что для российского стихосложения горацянская строфа открывает большие возможности усовершенствования. В своем трактате «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» он приводит образцы горацянской строфы на русском языке. И хотя горацянская строфа не прижилась в русской поэзии, интересно и важно само обращение отечественного классицизма — в поисках новых путей и форм — к поэтике Горация. Свое собрание сочинений, вышедшее в двух томах в 1752 г., Тредиаковский открывает переводом двух главнейших для литературной традиции классицизма трактатов — Буало и Горация.

Одновременно с Тредиаковским углубленным изучением поэзии Горация занялся А. П. Сумароков, попытавшийся применить в своем творчестве метрические системы римского поэта. Пример тому — «Горацянская ода» (1758 г.), воспевающая праздник на берегах Невы:

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,
Что сталося на счастье сей стране?
Здесь молния, играя, блещет,
Радостны громы селитра мечет...⁷.

Впрочем, цезурованная строфа Горация, которую пытаются воспроизвести в русском стихе Сумароков, здесь не выдержана, чередование ударных и безударных слогов лишь весьма приблизительно передает ритмы алкеева

⁵ Кантемир А. Собр. стихотв. Л., 1956. С. 237.

⁶ Кантемир А. Указ. соч. С. 317—326.

⁷ Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957. С. 100.

одиннадцатисложного, десятисложного и девятисложного стиха.

Оппонент Тредиаковского и Сумарокова в поэзии М. В. Ломоносов также вдохновлялся идеями и формами лирики Горация. Открывая серию переводов знаменитой оды «Памятник», Ломоносов, в основном точно следуя латинскому тексту, смело вводит вместе с тем автобиографическую тему:

Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатной род препятством не был...

Пожалуй, наиболее значительную попытку ввести горацянские ритмы в практику русской поэзии совершил В. В. Капнист. В его сочинениях 90-х гг. XVIII в. встречаются подражания Горацию: он видел в римском поэте своего учителя и предшественника в деле обличения человеческих пороков. Русскому поэту могли быть близки и характер, и образ жизни, избранный некогда Горацием: Капнист и сам стремился держаться подальше от императорского двора и жил в провинциальном уединении. С 1804 г. в течение почти двух десятков лет он постоянно занимался переводами Горация, стремясь как можно полнее передать поэтические достоинства его стихов. За это время он создал ряд удачных подражаний горацянским одам — целый цикл стихотворений. В предисловии к нему русский поэт со всей откровенностью говорит о трудностях, которые пришлось ему испытать: «Не зная латинского языка, должен я был угадывать красоты знаменитого подлинника из чужеземных, большею частью весьма неверных переводов»⁸. Опасаясь, что его труд «принужден будет пред просвещенными знатоками выдерживать убийственное сравнение с превосходным произведением бессмертного пиита», Капнист вместе с тем надеялся на благосклонность читающей публики России к «русскому Горацию».

Пути, которыми должна развиваться русская поэзия, искал и видный языковед, поэт и теоретик литературы А. Х. Востоков. В 1812 г. он опубликовал «Опыт о русском стихосложении», высоко оцененный Пушкиным. Но еще ранее, в 1805 г., он издал «Опыты лирические», куда включил несколько стихотворений, имитирующих ло-

⁸ Капнист В. В. Избр. произв. Л., 1973. С. 134.

гаэдийские системы Горация. Мы находим здесь цикл из трех горациевых од. Последняя из них — ода «К Мecenату, о спокойствии духа» (Од. III, 29) — переведена Востоковым алкеевой строфой:

Премудро скрыли боги грядущее
От наших взоров темною ночью,
Смеясь, что мы свои заботы
Вдаль простираем. Что днесь пред нами,
О том помыслим!...⁹

В отличие от Сумарокова, он точно воспроизводит ритм подлинника средствами силлабо-тонического стихосложения.

В XIX в. оды Горация переводили И. И. Дмитриев, И. С. Аксаков, В. И. Орлов, В. С. Филимонов, А. А. Фет, выпустивший в 1883 г. полный перевод всех од Горация, и многие другие поэты и переводчики¹⁰. Оду Горация III, 29 перевел также Ф. И. Тютчев: это было первое произведение поэта, появившееся в печати. Особое внимание русских поэтов привлекла ода III, 30 («Памятник»), которая послужила прообразом известных стихотворений Ломоносова, Державина, Пушкина, Брюсова и ряда других. Творческая история знаменитого пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг» заслуживает особого рассмотрения. За ним угадывается целый мир представлений, образов и литературных реминисценций не только русской, но и мировой культуры, что сознательно подчеркнул поэт, поставив эпитафией первые слова оды Горация III, 30 — «экзеги монументум» («Я воздвиг памятник...»)¹¹.

История текста и изучения пушкинского стихотворения с большой полнотой воссоздана в монографии М. П. Алексеева, подводящей итог многолетним исследованиям¹². Это, вероятно, единственный пример монографии, посвященной только одному стихотворению, но труд ис-

⁹ Востоков А. Стихотворения. М.; Л., 1935. С. 165.

¹⁰ Русским переводчикам Горация посвятил свое исследование немецкий русист В. Буш (*Busch W. Russische Horaz — Übersetzungen*. Wiesbaden, 1964), допустивший в своей работе ряд неточностей.

¹¹ С. М. Бонди неточно переводит начальные слова оды Горация «Я достроил памятник» (см.: Бонди С. М. О Пушкине. М., 1978. С. 447).

¹² Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг». Л., 1967.

следователя следует считать полностью оправданным. «Памятник» — ключевое стихотворение для понимания поэзии Пушкина так же, как его исторический прототип, завершающая ода первого лирического сборника Горация — для понимания творчества великого римлянина.

Итак, Пушкин следовал традиции. Но как далеко эта традиция уходит и насколько связана она с прототипом?

В 60-х гг. прошлого столетия было принято понимать «Памятник» Пушкина, пишет М. П. Алексеев, прежде всего как подражание стихотворению Державина и общему их источнику — оде Горация. В действительности, замечает далее автор, ода Горация и слова из нее, взятые Пушкиным в качестве эпиграфа, были лишь «подобием музыкального ключа в нотной рукописи — знаком выбора стилистической тональности»¹³. Пушкин прямо примыкает здесь к античной традиции. С. М. Бонди вернулся к той точке зрения, что «Пушкин в своем стихотворении откровенно цитирует всем известный тогда текст «Памятника» Державина...»¹⁴. Однако сравнение трех произведений — оды Горация, «Памятника» Державина и стихотворения Пушкина — приводит к выводу, что гениальный русский поэт постоянно держал в памяти латинские оды Горация.

Сдержанному горацянскому «Не весь я умру» пушкинское «Нет, весь я не умру» соответствует гораздо больше, чем державинское «Так! Весь я не умру». Нельзя считать простой случайностью, что и пушкинская, и горацянская фразы начинаются с одного и того же отрицания. Но Пушкин придал ей новый блеск и яркость: полная внутренней экспрессии, поэтическая фраза Пушкина выражает самый характер его поэтического темперамента, пылкость и категоричность его убежденности.

Пушкинское обращение «Веленью божию, о муза, будь послушна, обиды не страшась, не требуя венца...» заключает в себе скрытую полемику со словами Горация «Благосклонная, окружи мне, Мельпомена, волосы дельфийским лавром». Соответствующая фраза державинского «Памятника» — «Чело твое зарей бессмертия венчай» — отстоит от прототипа, стихотворения Горация, гораздо дальше. Точно так же смысл пушкинского выра-

¹³ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Бонди С. М. Указ. соч. С. 447.

жения «нерукотворный памятник» заключает в себе ясный намек на первые строки оды Горация III, 30, где Гораций противопоставляет свой памятник тем, которые сотворены людьми из меди, или египетским пирамидам.

Мы помним, как обозначает Пушкин пределы своей поэтической бессмертной славы:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Исследователи не обратили достаточного внимания на то, что наиболее близкими этим пушкинским строкам оказываются стихи не оды III, 30, а другой — II, 20, также посвященной теме бессмертия поэта. Здесь Горацию представляется, что после смерти он превратится в поющего лебедя:

Внесусь на крыльях мощных, невиданных
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья...

Меня увидят даки, таящие
Свой страх перед римским строем, колхидяне,
Гелоны дальние, иберы,
Галлы, которых питает Рона...

В этой оде Горация каждому из названных им народов дано строгое и лаконичное определение (в цитированном переводе этот лаконизм не так заметен), как и у Пушкина. В связи с одой Горация I, 20 вспоминали другую оду Державина — «Лебедь», также навеянную горацианскими мотивами:

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чуждь...¹⁵

Нетрудно заметить, что перед мысленным взором Пушкина стоял именно античный прототип, а не стихотворение Державина: как и у Горация, у Пушкина перед каждым этнонимом — славян, тунгусов, калмыков — стоит краткое, но чрезвычайно выразительное определение. Тем более, что слова Горация в оде II, 20, 4 «недосягаемый для злословья» находят ясную параллель в пушкинской строке: «обида не страшась...».

¹⁵ Стихотворение Державина цитируется по изданию: Русская поэзия XVIII века. М., 1972. С. 632.

Начало оды III, 30 Пушкин приводит по-латыни также в одном из вариантов второй главы «Евгения Онегина»:

И этот юный стих небрежный
Переживет мой век мятежный.
Могу ль воскликнуть, о, друзья,
Exegi monumentum я¹⁶.

М. П. Алексеев указывает, что Пушкин неверно акцентирует этот стих Горация¹⁷. Действительно, ритм первой асклепиадовой строфы, которым написана ода III, 30, здесь не соблюден. Но его и нельзя было вставить в структуру четырехстопного ямба, которым написан «Евгений Онегин». Скорее всего, Пушкин приводит первые слова горацианской оды в их «прозаическом» звучании. Такому способу цитирования способствовало, вероятно, то, что оды Горация долгое время принято было называть по их первым словам — и они, естественно, произносились «прозаически».

Отмечая параллели к тексту «Памятника» Пушкина, необходимо проявлять осторожность — ведь этот шедевр русской поэзии глубоко оригинален. Об этом иногда забывают. Так, анализируя одну из первоначальных редакций четвертой строфы стихотворения:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу,
И милосердие воспел,

и сопоставляя ее с «римскими одами» Горация, Дж. К. Ньюмен находит здесь горацианские идеи¹⁸. Но приписывать Горацию свободололюбивые мысли, якобы содержащиеся в «римских одах» — значит неверно понимать истинный смысл его стихов, где он прославляет новый режим, установленный в Риме Августом. По мнению Ньюмена, который полемизирует здесь с Алексеевым, «Памятник» Пушкина связан с одной из римских од (III, 1). В действительности можно говорить лишь о связи пушкинского стихотворения с русским переводом указанной оды Горация, принадлежащим В. Капнисту, при-

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; 1937. Т. 6. С. 300.

¹⁷ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 89.

¹⁸ Newman J. K. Pushkin and Horace // Neohelikon, 1975. Т. 3. Р. 333.

том только со строфической системой этого перевода. Капнист перевел оду Горация шестистопным ямбом с четвертым усеченным четырехстопным стихом — сходным ритмом написан «Памятник» Пушкина¹⁹.

Поддаваясь очарованию пушкинского стиха, мы иногда склонны принимать всерьез чуть иронические строки:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

Но надо ясно отдать себе отчет, что поэт получил в Лицее прекрасное филологическое образование. Латинский язык, чтение произведений великих римских поэтов было любимым занятием лицеиста Пушкина. Недаром в аттестате, выданном ему после окончания Лицея, значилось, что на выпускном экзамене он показал весьма хорошие успехи в латинской словесности. Шутливое признание поэта, что в лицейские годы он увлекался Апулеем («читал охотно Апулея, а Цицерона не читал») напоминает нам не только о литературных симпатиях юного поэта, но и о том, что он легко мог читать в оригинале такого трудного для понимания автора, как Апулей из Мадавры. Уроки профессора русской и латинской словесности Н. Ф. Кошанского, а затем и горячо любимого им Галича оставили в душе Пушкина глубокий след. В 1815 г. он обратился к Галичу с посланием, где призывает его покинуть Петербург с его белыми ночами. В сельском уединении они станут вместе читать «тибурского мудреца» — Горация:

Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом
С тибурским мудрецом,
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем²⁰.

Любовь к чеканному стиху Горация Пушкин сохранял всю жизнь. Первыми стихотворными опытами юного поэта, как и его друга Дельвига, были подражания Горацию. В «Послании к Юдину» (1815 г.), одном из ранних

¹⁹ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин А. С. Исследования и материалы. М., 1958. Т. 2. С. 77.

²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1977. Т. 1. С. 120—121.

произведений лицейского периода, поэт славит мирную деревенскую жизнь:

Мне видится мое селенье
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.

Здесь ясно слышны отзвуки «сабинских посланий» Горация с их противопоставлением деревни городу. Среди книг, с которыми не собирается расставаться поэт в сельском уединении, конечно, Гораций:

И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь, под дубом наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах ²¹.

Тот же мотив звучит в стихах «Лицинию»: «В деревню пренесем отеческие лары!». У 16-летнего поэта такие строки могли быть навеяны только литературными увлечениями.

Имя Горация стоит в ряду самых любимых поэтов и в стихотворении «Городок»:

На полке за Вольтером
Вергилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державинным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем ²².

В 1833 г. Пушкин переводит четырехстопным ямбом оду «К Мекенату» (Од. I, 1):

Царей потомок Мекенат,
Мой покровитель стародавний... ²³.

А позже, в 1835 г., не расставаясь с любимым поэтом, он полностью переводит оду II, 7 («К Помпею Вару»):

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы

²¹ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 150.

²² Пушкин А. С. Указ. соч. С. 85—86.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 2. С. 612.

И браней ужас я делил,
 Когда за призраком свободы
 Нас Брут отчаянный водил?
 С кем я тревоги боевые
 В шатре за чашей забывал
 И кудри, плющем увитые,
 Сирийским мирром умащал?
 Ты помнишь час ужасной битвы,
 Когда я, трепетный квирит,
 Бежал, нечестно бросив щит,
 Творя обеты и молитвы?
 Как я боялся! Как бежал!
 Но Эрмий сам внезапно тучей
 Меня покрыл и вдаль умчал
 И спас от смерти неминучей.
 А ты, любимец первый мой,
 Ты снова в битвах очутился...
 И ныне в Рим ты возвратился,
 В мой домик темный и простой.
 Садись под сень моих пенатов.
 Давайте чаши. Не жалея
 Ни вин моих, ни ароматов.
 Венки готовы. Мальчик! лей
 Теперь некстати воздержанье:
 Как дикий скиф, хочу я пить.
 Я с другом праздную свиданье,
 Я рад рассудок утопить²⁴.

Вольный перевод оды Горация был предназначен Пушкиным для включения в «Повесть из римской жизни», которую он начал писать в 1833—1835 гг. Герой повести, римский вельможа и писатель времен Нерона, высказывает сомнение по поводу мнимой трусости Горация, цитируя оду «К Помпею Вару». Сохранившийся отрывок повести заканчивается словами: «Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мecenата своею трусостью, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута».

Возможно, Пушкин в будущем намеревался перевести всего Горация, как хотел перевести Ювенала²⁵. Говоря о переводе оды Горация II, 7, В. Г. Белинский с восторгом писал, что Пушкин как никто другой поразительно верно чувствовал и понимал великого римского поэта: «Перевод из Горация или оригинальное произведение Пушкина в гораианском духе — что бы ни была она, только никто ни из старых, ни из новых русских пе-

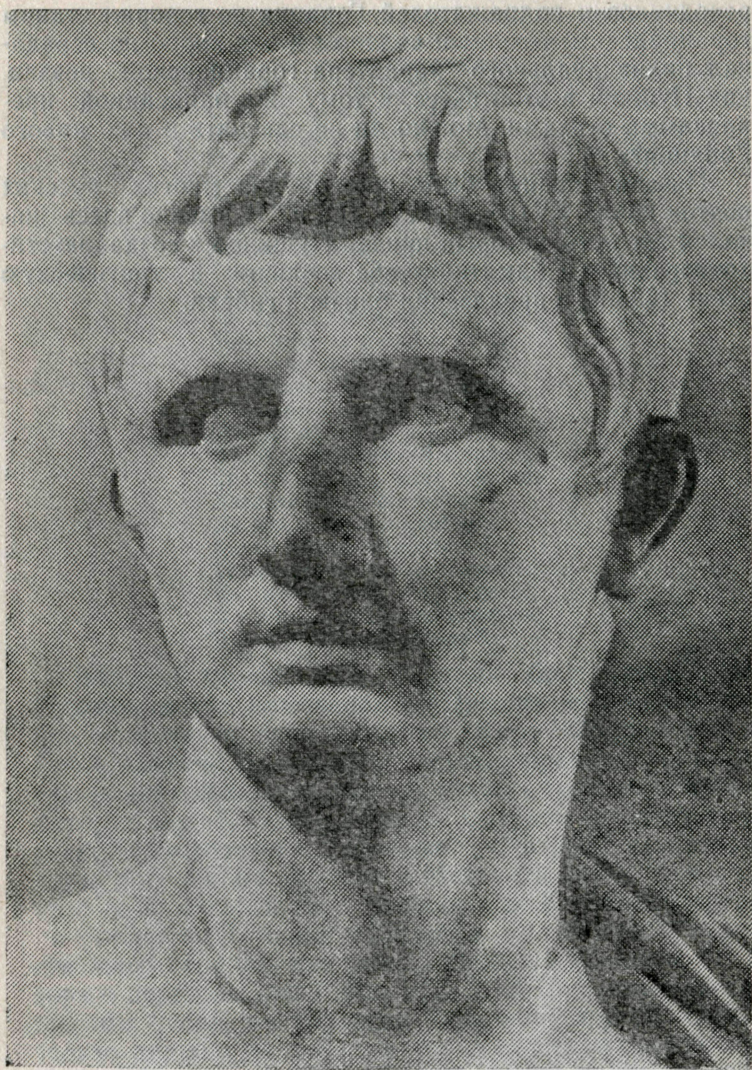
²⁴ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 438.

²⁵ Суздальский Ю. П. Пушкин и Гораций // Иноземна филология. Львів. 1966. Вип. 9. С. 145.

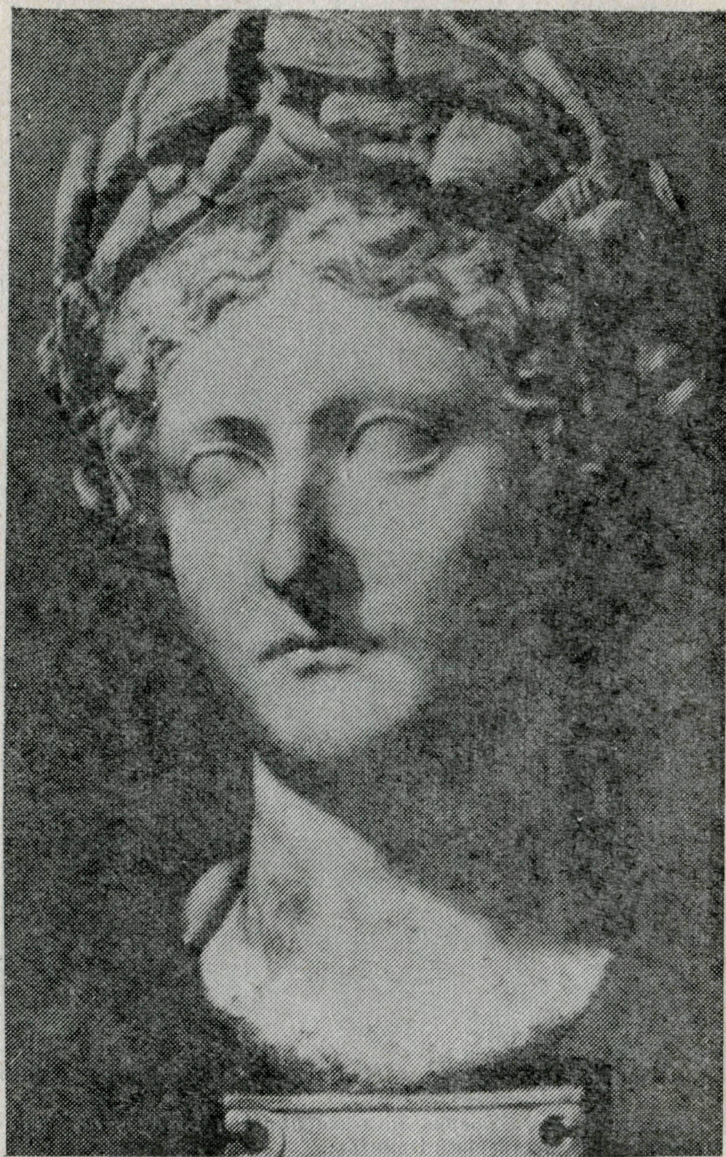
реводчиков и подражателей Горация не говорил таким гораццианским языком и складом и так верно не передавал индивидуального характера гораццианской поэзии, как Пушкин в этой пьесе, к тому же написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать в них живого Горация?»²⁶.

Поэзия Горация была школой для многих русских поэтов конца XVIII—начала XIX в. И именно здесь начался тот путь, который привел Пушкина к созданию стихотворения «Я памятник себе воздвиг» в трагическую осень 1836 г., в преддверии близкой гибели.

²⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 288.

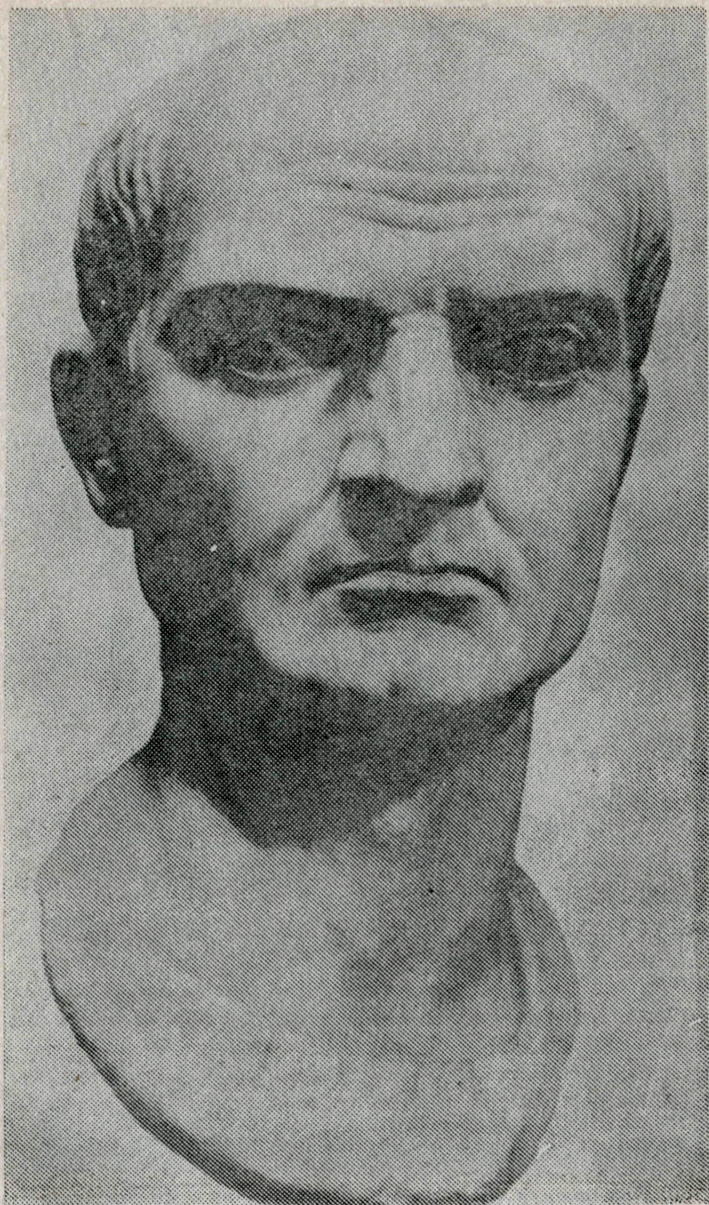
1. Голова статуи императора Августа. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

2. Портретный бюст Ливии, супруги императора Августа. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

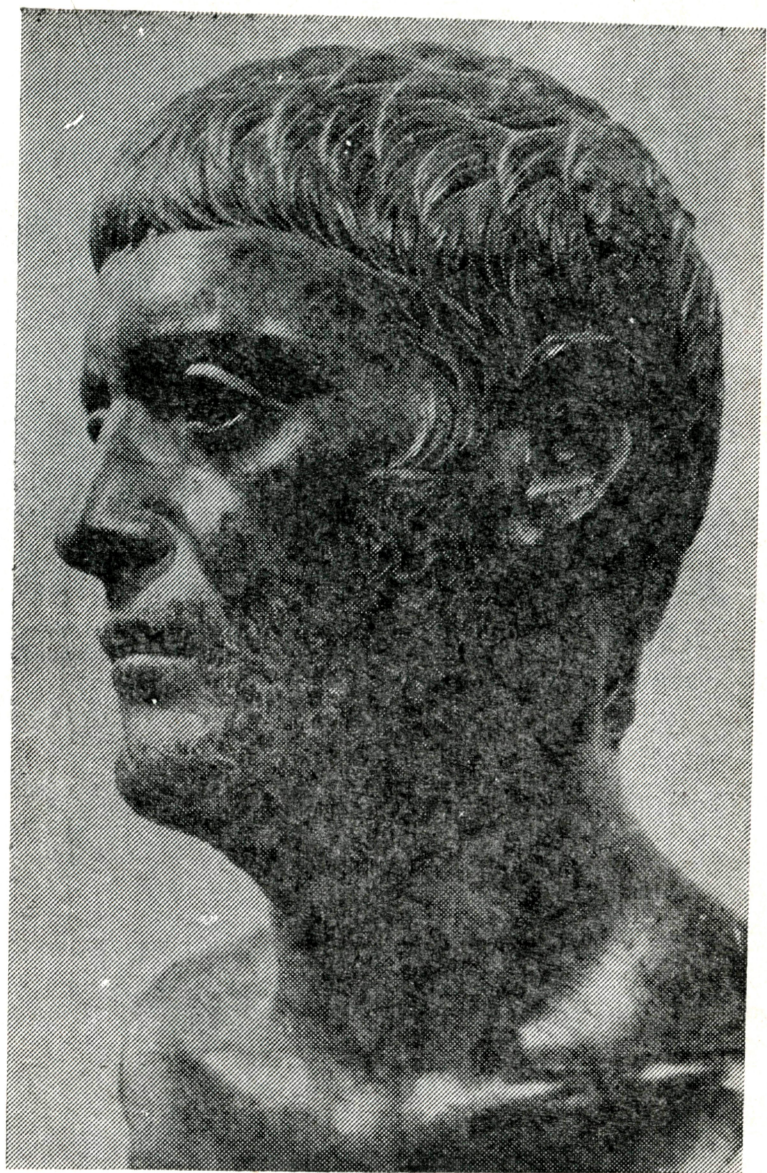
3. Портретный бюст Тиберия, пасынка императора Августа. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

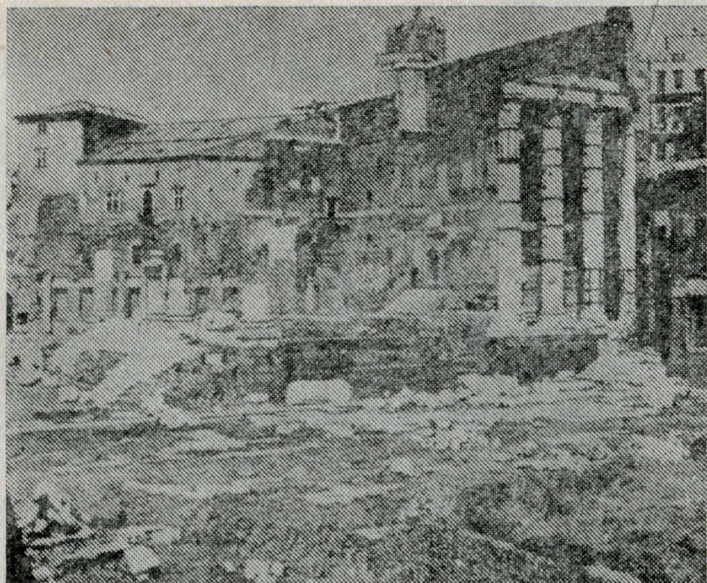
4. Меценат, портретный бюст. Рим. Новый Музей в Палаццо
деи Консерватори

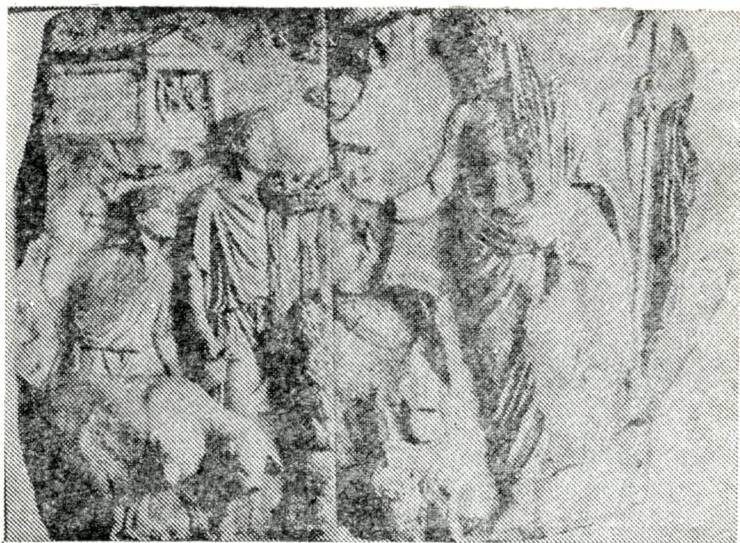
5. Римлянин в позе оратора. Флоренция. Археологический музей

6. Портрет римлянина, конец I в. до н. э. (небритые щеки — признак траура или скорби). Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

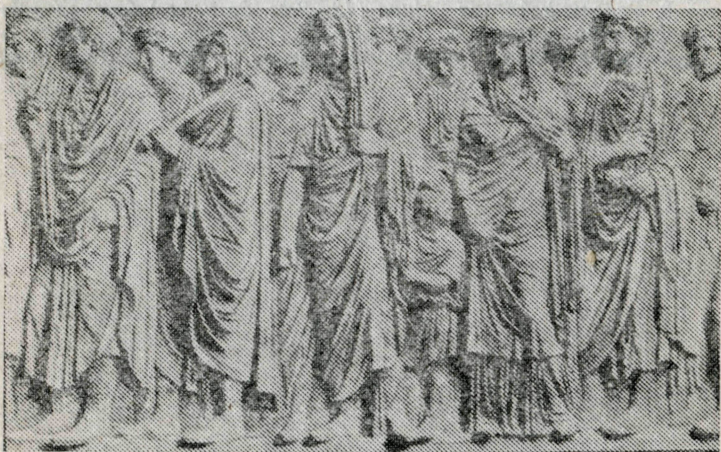
7. Форум Августа. На переднем плане — колонны храма Марса Мстителя, построенного в память о победе Августа над убийцами Гая Юлия Цезаря

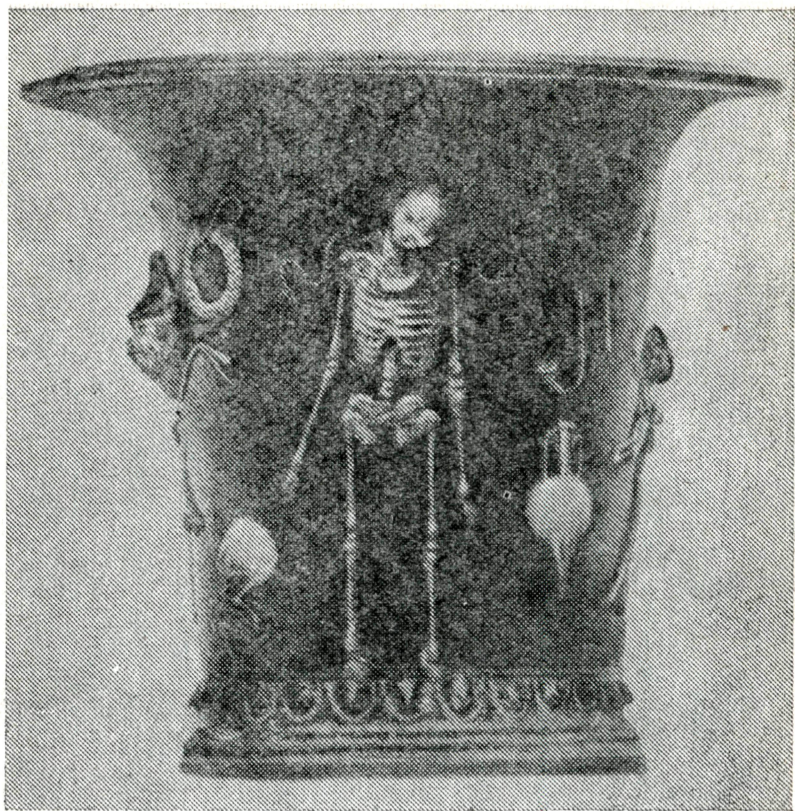
8. Барельеф Алтаря Мира (13—9 гг. до н. э.) (справа — мифический основатель Римского государства Эней, слева — юноша с дарами, начатками плодов). Рим, Алтарь Мира

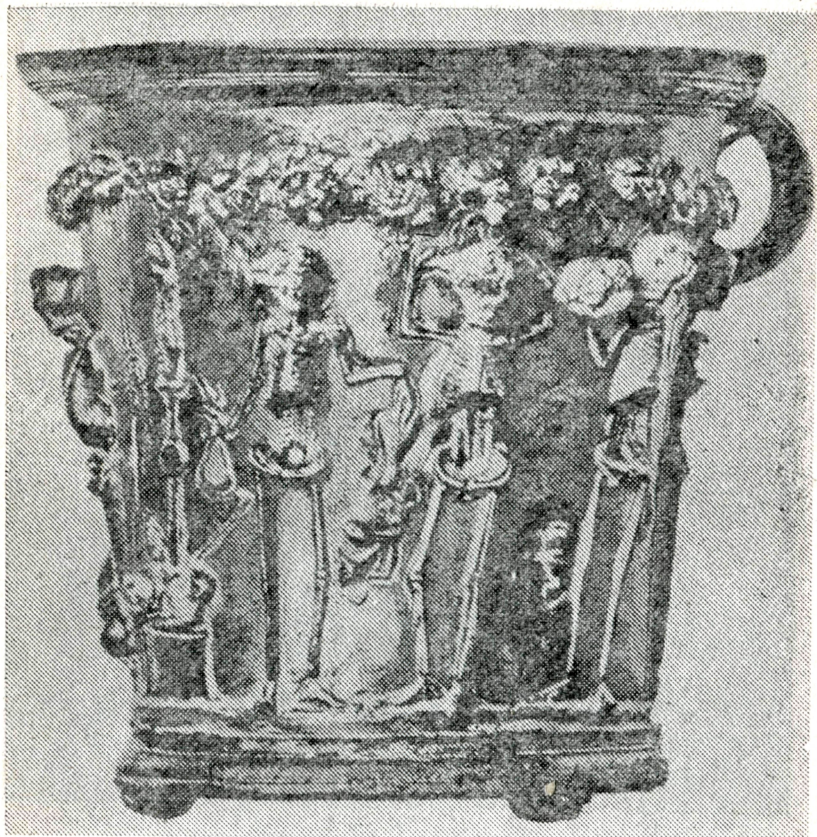
9. Барельеф Алтаря Мира. Фигуры символизируют процветание Италии и всего мира под благотельным правлением императора Августа

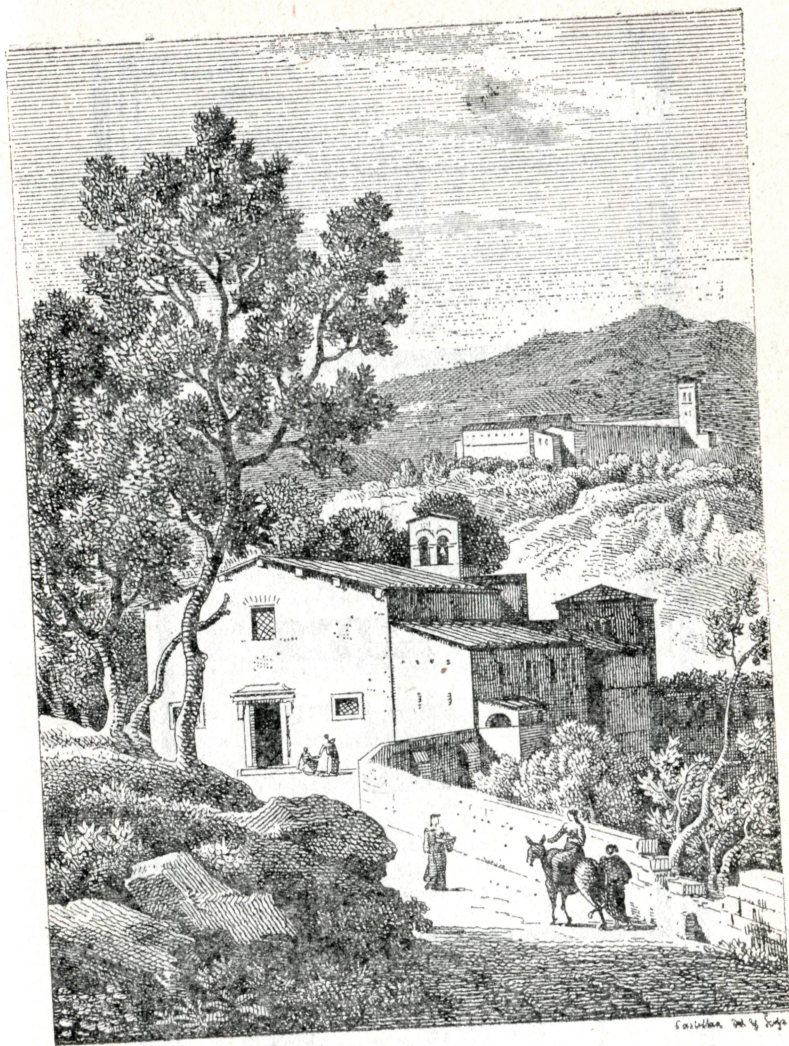
10. Барельеф Алтаря Мира. Сцена жертвоприношения. На переднем плане — Август и Ливия

11. Глиняный кубок. Рядом со скелетом человека — венок, окорок, свирель и флейта. На кубке греческая надпись: «Приобретай и пользуйся». Берлин. Государственный Музей

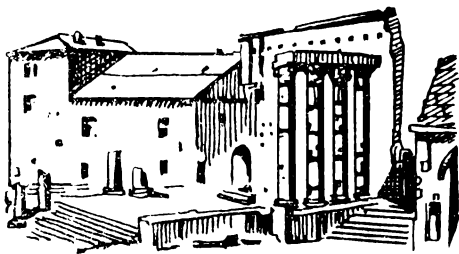

12. Серебряный кубок из виллы Боскореале (Помпей): скелеты изображают писателей и философов Греции. Надпись вверху поясняет главную идею декора: «Наслаждайся жизнью, пока жив, что будет завтра — неизвестно». Париж. Лувр

• SITE DE LA MAISON D'HORACE. •

13. Местоположение виллы Горация

**ИЗБРАННАЯ
ЛИРИКА
ГОРАЦИЯ**

*De arte
poëtica*

ИЗБРАННЫЕ ОДЫ

I.1.

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть герои, кому высшее счастье
Пыль арены даёт в беге увертливым

Раскаленных колес; пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов толпы пылкой и ветренной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык плугом распахать
Лишь отцовский удел — даже и Аттала

Всем богатством, увы, в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистойвой
Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит, звуки тревожные
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Все охотник в лесу, лань ли причуяли
Своры верных собак, сеть ли кабан прорвал.

Но меня только плющ, славных отличие,
К вышним близит; меня роща прохладная,
Там, где нимф хоровод легкий с сатирами,
Ставит выше толпы — только б Евтерпа мне

В руки флейту дала и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбосскую,
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня —
Я до звезд вознесусь почестью дивною.

¹ Перевод А. П. Семенова-Тянь-Шанского с редакционными поправками.

Луцию Сестию

1.4.

Злая сдается зима, сменяясь вешней лаской ветра;

Влекут на блоках высохшие судна;

Хлевы не радуют скот, а пахарю стал огонь не нужен;

Луга седой не убеляет иней,

И при сияньи луны Венера уж водит хороводы,

И Граций нежных среди нимф фигуры

Так отбивают ногой, пока еще не успел циклопам

Вулкан, пылая, разогреть все кузни.

Надо теперь украшать нам головы свежим миртом или

Цветами темн, что одели землю.

В роще тенистой теперь вновь надо нам принести в дар Фавну

Ягненка или козлика — на выбор.

Бледная смерть свысока ногой стучит в дверь лачуги бедной

И в пышные врата чертогов царских.

Сестий счастливый! Нам жизнь короткая возбраняет планы.

К тебе уж близки Ночь и теней царство.

Как и Плутона жилье унылое, где лишь водворишься,

Не будешь больше в пиршествах царить ты,

Ни любоваться красою Ликида, что ныне восхищает

Всех юных, чтобы стать и дев любимцем.

Жертва женской ветрености

1.5.

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,

Что тебя обнимал в гроте приветливым,

Весь в цветах, раздушенный,

Для кого ты украсила

Волны пышных кудрей? Сколько же раз потом

Веру в счастье он будет оплакивать

И дивиться жестоким

Водам, бурей взволнованным.

Тот, кто полон тобой, кто так надеется

Вечно видеть тебя верной и любящей

И не ведает ветра

Перемен. О несчастные

Все, блистаешь пред кем светом неверным ты!

Про меня же гласит надпись священная,

Что мной влажные ризы

Богу моря уж отданы.

I.8.

Лидия, ты скажи мне,
Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
Прочной уздой зубчатой?
Иль почему вдруг Тибра воды стал опасаться, точно

Яда змен, еля
Избегать, и рук, к синякам прежде привычных, ныне
Не упражняет боем
Тот, кто ловко диск и копье раньше метал далеко?

Что ж? Он быть спрятан хочет,
Как Фетиды сын, говорят, скрыт был под женским платьем,
Чтобы не пасть, с ликийцев
Ратями сойдясь на войне под обреченной Троей?

Юноше Талиарху

Смотри: глубоким снегом засыпанный
Соракт белеет, и отягченные
Леса с трудом стоят, а реки
Скованы прочно морозом лютым.

Теплей чтоб стало, нового топлива
В очаг подбрось и полною чашею
Черпни из амфоры сабинской,
О Талиарх, нам вина постарше!

Богам оставь на волю все прочее:
Лишь захотят — и ветер, бушующий
В морях, спадет, и не качнутся
Ни кипарисы, ни старый ясень.

О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими, как должно, день нам дарованный
Судьбой и не чуждайся, друг мой,
Ни хороводов, ни ласк любовных,

Пока далеко старость угрюмая
И ты цветешь. Пусть ныне влекут тебя
И состязанья, и в урочный
Вечера час нежный лепет страсти.

И пусть порою слышится девичий
Предатель — смех, где милая спряталась,
И будет у тебя запястье
Или колечко любви залогом.

Левконоя, оставь: знать не дано, рано ли, поздно ли
 Смерть нам боги пошлют — мне и тебе — и в вавилонские
 Числа ты не вникай! Лучше терпи, что бы там ни было,
 Много ль Зевс положил зим нам прожить или последнюю—

Ту, что ныне дробит пеною волн скалы тирренские,
 Будь разумна: цеди влагу вина, светлой минутою
 Нить надежд обрывай. Средь болтовни время ревнивов
 Быстро мчится. Лови день и оставь веру в грядущее.

Как похвалишь ты, Лидия,
 Розоватый ли цвет шеи у Телефа,
 Руки ль белые Телефа —
 Желчью печень моя переполняется.

И тогда не владею я
 Ни умом, ни лицом: слезы украдкою
 По щекам моим катятся,
 Выдавая огонь, сердце сжигающий.

Я сгораю, когда тебе
 Буйный хмель запятнал плечи прекрасные
 Или пламенный юноша
 Зубом запечатлел след на губе твоей.

Не надейся любезною
 Быть надолго тому, кто так неистово
 Милый ротик целует — тот,
 Что Венеры самой нектар отведывал.

Те лишь много крат счастливы,
 Кто связался навек прочными узами;
 Им, не слушая жалобы,
 Не изменит любовь раньше, чем смерть придет.

О корабль, понесут в море опять тебя
 Волны! Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!
 Неужель ты не видишь,
 Что твой борт потерял уже

Весла, бурей твоя мачта надломлена,
 Снасти глухо трещат, крепеи все сорваны,
 И едва уже днище
 Может выдержать грозную

Силу волн. У тебя нет уже паруса,

Ни богов на корме, в бедах прибежища.
Хоть сосною понтийской
Леса знатного дочерью,

Ты как матерью горд... Род не при чем уж твой:
На свой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Кикладами!

I,16

Неизвестной

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
Моим злословья полным ямам
В волнах морских иль в огне — где хочешь!

Ни Диндимена в древнем святилище,
Ни Феб, ни Либер не потрясают так
Души жрецов, ни корибанты
Так не грохочут гремящей медью,

Как духи гнева — им не страшны ничуть
Ни меч германца, грозный шум волн морских
Ни яркий пламень, ни Юпитер,
С грохотом страшным разящий с неба.

Ведь Прометею, чтобы людей создать,
Пришлось собрать все свойства частицами
И, по преданью, в наши души
Злобы и ярости льва добавить.

Лишь духи гнева лютую вызвали
Судьбу Фиеста. Гнев был причиной,
Что города бесследно гибли
После того, как на месте стен их

Надменный враг землю распахивал,
Уйми же гнев свой! В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В злобе толкнул написать поспешно

Те ямбы. Ныне горечь прошедшего
Стремлюсь сменить я дружбой и кротостью.
Мою вину мне в песнях новых
Дай искупить и верни мне душу!

Мать страстей беспощадная,
И Дионис молодой, с резвою вольностью,
Душу вы повелели мне
Вновь доверить любви, было забытой мной.

Восхищен я Гликерою,
Что сияет светлей мрамора Пароса,
Восхищен и задором я,
И опасной для глаз прелестью личика.

И бессилен пред натиском
Я Венеры. Она с Кипром рассталася
Про парфян ли, про скифов ли —
Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте ж, прислужники,
Дерна мне и ветвей свежих, и ладана,
И вина с чашей жертвенной:
Да богиня грядет, жертвой смиренная!

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его ведь сам я,
В амфору налив, засмолил в тот день, как
Рукоплескали

Дружно все тебе, лишь в театр вошел ты,
Всадник Меценат дорогой, и, вторя,
Разносил хвалу вдоль реки родимой
Холм Ватикана.

Цекуба, вино пей себе ты дома
И каленских лоз дорогую влагу;
У меня ж Фалерн, как и Формий лозы
Чаш не наполнят.

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Зевеу, богу всевышнему.

Славьте, дети, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Альгида,

**Бора на Эрманфе,
В кудри Крага зеленого.**

**Вы же, юноши, все славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Делос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.**

**Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войн отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!**

1,22

Аристию Фуску

**Кто душою чист и незлобен в жизни,
Не нужны тому ни копье злых мавров,
Ни упругий лук, ни колчан с запасом
Стрел ядовитых,**

**Будет ли лежать его путь по знойным
Африки пескам, иль в глуши Кавказа,
Иль в стране чудес, где побережье лижут
Волны Гидаспа.**

**Так, когда брожу я в лесу сабинском
Без забот — с одной только песней к милой
Лалаге моей — с безоружным встречи
Волк избегает**

**Равного ж ему не кормили звери
Древние леса, не рождала даже
И пустыня та, что всех львов питает
Грудью сухою.**

**Брось меня в страну, где весны дыханье
Не способно жизнь возрождать деревьев,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;**

**Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю —
Лалаги своей разлюблю ль я голос,
Или улыбку?**

1,23

Робкая лань

**Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, что мать среди гор в дебрях оставила
И напрасно страшится
Леса легкого шёпота.**

Лист взметнется сухой внешним дыханием,
Шелохнет ли слегка быстрый бег ящериц
Веточку ежевики —
Вся она уже в трепете.

Верь, не тигр я, не лев, страшный сын Ливии,
Чтоб тебя растерзать, хищно набросившись!
Стыдно к матери бегать:
Зрелишь ты для суиружества!

1,24

На смерть Квинтилия Вара

Можно ль меру познать скорби в столь горестной
Злой утрате такой? Траура песнь в меня,
Мельпомена, вдохни — ты, кому дал отец
Звонкий голос с кифарою!

Так! Ужели навек обнял Квинтилия
Сон? Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра — Честь неподкупная,
Совесть, Правда открытая?

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.
У богов ты, увы, с верой не вымолишь
Друга, что доверял ты им!

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,
Раз Меркурий, не знающий

Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом своим
Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?
Тяжко! Но претерпеть легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя.

1,25

Лидии

Реже по ночам в запертые ставни
Раздается стук молодежи дерзкой,
Чтоб прервать твой сон, и покой свой любит
Дверь на пороге,

Что она легко покидала прежде.
Стала слышать ты все слабей и реже:
«Сна лишен тобой я — ужель спокоен,
Лидия, сон твой?»

Увядая, ты по лихим повесам
В свой черед всплакнешь в уголке безлюдном,
Под напев ветров, что ярятся пуше
Под новолунье;

И в тот час, когда любострастья пламень,
Что в обычный срок кобылицу бесит,
Распалит тебя, ты возропщешь, плача,
В горьком сознании,

Что и плющ, и мирт лишь в красе зеленой
Ценит молодежь, предавая воле
Спутника зимы — ледяного ветра —
Листья сухие.

1,26

Квинту Элию Ламию

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам развеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Безучастен
Стал я к тому, кто в стране полночной

Грозит другому, и Тиридата что
Страшит. О Муза, сердцу любезная!
Ключей ты любишь свежесть: свей же
Свей же для Ламия цвет весенний

В венок душистый. Что без тебя моя
Хвала? Достоин быть он прославленным
Тобой и сестрами твоими
Плектром лесбосским на струнах звонких.

1,30

К Венере

Кипр любезный свой ты покинь и, внемля
В ладана волнах тихий зов Гликеры,
В дом ее явись, о Венера — Книда,
Пафа царица!

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий,
Грации в своих вольных тканях, нимфы,
Без тебя тоской повитая Геба,
С ней и Меркурий.

1,31

В храме Аполлона

Что просит в новом храме поэт себе
У Аполлона? И с возлиянием

О чем он молит? Не богатых
Пресит он нив средь полей сардинских,

Не стад обильных в жаркой Калабрии,
Не злата с костью белой из Индии,
Не тех угодный, что спокойным
Таким живет молчаливый Лирис.

Пускай снимают гроздь каленские
Кому фортуна их предоставила;
Пусть пьет купец хоть золотыми
Чашами вина — свою наживу —

Богов любимец, ибо не раз в году
Простор он видит вод атлантических
Благополучно. Мне ж оливки,
Мне лишь цикорий и мальвы — пища.

Так дай прожить мне тем, что имею я,
О сын Латоны! Дай мне, молю тебя,
Здоровья и с рассудком здравым
Светлую память в союзе с лирой.

Лири

Грозный слышу зов. Твоим песням чудным,
Лири, встарь внимал я душой бесечной;
Звуком вечных слов зазвони и ныне
Песни латинской!

Ты, на ком бряцал гражданин леобосский
В час, когда борьбы утихла ярость,
Иль когда корабль, разбитый бурей,
Ставил на якорь.

Пел он Вакха, Муз и Венеру с сыном,
Кто всегда везде неразлучен с нею,
Пел он Лика черных очей сверканье,
Черные кудри.

О краса и честь Аполлона, лири,
На пирах богов услажденье Зевса,
Сладкий от трудов и целебный отдых,
Зову покорствуй!

Альбию Тибуллу

1,83

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятном
Грех Гликерынося, в грустных элегиях,
Не пейяй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветрено.

Ликорида, чей лоб сужен изысканно,
К Киру страстью горит; Кир же Фолоєю
Увлечен; но скорей, впрямь сочетаются
Козы с волчьим отродием,

Чем Фолоя впадет в любодеяние.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, кто не сходствует
Ни душою, ни внешностью.

Вот я мне довелось быть, когда страстная
Улыбалась любовью, скованным с Мирталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов
И изгибов Калабрии.

На прежний путь

1,34

Вогов поклонник редкий и ветреный,
Пока, безумной мудрости следуя,
Блуждаю — ныне вспять направить
Я принужден свой челнок и прежних

Путей держаться. Ибо Диеспитер,
Обычно тучи молнией режущий,
По небу чистому внезапно
Коней промчал с грохотаньем тяжким,

Что потрясает землю недвижную,
И зыби рек, и Стикс, и ужасные
Врата Тенара, и Атланта
Крайний предел. Только бог сей властен

Высоким сделать низкое, славного
Низринуть напрочь, выявив скрытое:
Судьба венец с тебя срывает,
Чтобы, ликуя, венчать другого.

Мальчику прислужнику

1,36

Мальчик, не терплю я затей персидских,
Не люблю венков я, сплетенных туго!
Брось искать вокруг уголка, где роза
Поздняя светит.

К мирту ничего прибавлять не надо:
Мирт простой к лицу и тебе, когда ты
Служишь, как и мне, когда пью, укрывшись
В тень винограда.

Квинту Деллию

II,3

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием,
Смерти, как все мы, подвластный Деллий

Печально ль будет жизни течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалерна лучшей марки,
Праздник на мягкой траве встречая.

Не для того ли тень сочетается
Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью — не к тому ли
Резвой струею ручей играет,

Чтобы сюда ты вина подать велел,
Бальзам и розы, дивно цветущие,
Пока судьба, года и Парок
Темная нить еще срок дают нам?

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными.
И дом с поместьем — и богатством
Всем завладеет твой наследник.

Не все ль равно, ты Инаха ль древнего
Богатый отпрыск, рода ли низкого,
Влачащий дни под чистым небом —
Ты беспощадного жертва Орка.

Мы все гонимы в царство подземное.
Вертится урна: рано ли, поздно ли
Наш жребий выпадет, и вот он —
В вечность изгнания челнок пред нами.

Ксанфию из Фокиды

II,4

Ксанфий, не стыдись, полюбив рабыню!
Вспомни, что раба Брисеида так же
Белизной своей покорила снежной
Гордость Ахилла!

Так же и Аянт, Теламона отпрыск,
Пленной был прельщен красотой Текмессы;
Вспыхнул и Атрид посреди триумфа
К деве плененной,

Вслед за тем, как вождь фессалийцев славный

Разгромил врагов, и как смерть героя
Гектора дала утомленным грекам
Легче взять Трою.

Может быть, тебя осчастливит знатный
Род Филлиды вдруг; может быть, затмила
Царскую в ней кровь лишь судьбы немилость —
Кто это знает?

Не могла бы быть из презренной черни
Взятая такой бескорыстной, верной,
Если бы была рождена Филлида
Матерью низкой.

Рук ее, лица, как и ног точеных
Красоту хвалю я без задней мысли.
Подозренья брось — ведь пошел уже мне
Пятый десяток!

Придет пора

II,5

Она на нежной шее, покорствуя,
Пока не в силах вынести тяжкое
Ярмо, в труде равняясь паре,
Иль тяжесть быка, что взъярен любовью.

Ее мечты — средь луга зеленого,
Где телке любо влагой проточною
Умерить зной или резвиться
В стаде телят в ивняке росистом.

К незрелым гроздьям брось вожделение!
Придет пора, и ягоды бледные
Лозы окрасит в цвет пурпурный
Пестрая осень в черед обычный.

Свое получишь! Время жестокое
Бежит и ей в те годы придаст оно,
Что у тебя отнимет; явно
Лалага будет искать супруга

И всех затмит — за робкой Фолоею
Хлориду даже, что ярче месяца
Сияет белыми плечами,
Споря красою с книйдией Гигом,

Который, если он вдруг вмешается
В девичий круг, то длинными кудрями
И ликом женственным обманет
Даже того, кто пытлив и ворок.

11,6

В Гадес, знаю я, ты готов, Септимий,
Следовать за мной, и к кантабрам диким,
И к заливам тем, где кипят извечно
Маврские волны.

Но моя мечта, чтоб Тибур, что создан
Греческим колоном, приют под старость
Дал, и в нем от бурь, от путей и службы
Отдых обрел я.

Если ж возбранят мне и это Парки,
К милым устремлюсь берегам Галеза,
Пышнорунные где пасутся овцы
В царстве Фаланта.

Улыбнулся мне больше всех на свете
Этот уголок. Там и мед гиметтским
Не был превзойден, а оливки спорят
Славой с Венафром.

Долги весны там, там Юпитер зимы
Мягкие нам шлет, и, любезный Вакху,
Зависти там чужд плодоносный Авлон
К гроздьям фалернским.

Этот край — приют, благодати полный,
Нас с тобой зовет, и, быть может, должной
Оросишь слезой ты горячий прах там
Друга поэта.

На возвращение друга

11,7

О ты, с кем часто к мигу последнему —
Водимы были мы в воинствах Брутовых,—
Кто возвратил тебя квиритом
Отчим богами под родное небо,

Помпей, любимый друг и товарищ мой,
С которым часто день коротал я свой
За чашею в венке, душистым
Мирром сирийским умастив кудри?
С тобой Филиппы вместе я пережил
И бегство, щит как бросил бесчестно я,
Когда дух войска был уж сломлен,
Грозные ж пали лицом на землю.

Но я в кровавой схватке Меркурием
Спасен был, скрытый в трепетном сумраке;

Тебя же снова волн громады
Бросили в бурь и волнений бездну.

Воздай же Зевсу должное жертвою
И, утомленный долгою службою,
Под лавром ты моим приляг и
Ждавших тебя не щади кувшинов.

Ты кубки крепкой влагой массийского
Наполни, мази лей благовонные
Щедрей из раковин. Кто мирт нам
Иль сельдерей заплетет венками?

Кого Венера, выбрав, назначит нам
Главой пирушки? Я же упьюсь вином
Не хуже эдонийцев. Сладко
Буйствовать пьяным, встречая друга!

Вальгию Руфу

II,9

Не вечно дождь на нивы златистые
Из низких льется туч, и до Каспия
Колышат бури гладь морскую,
Как и не вечно, не каждый месяц

Друг Вальгий, верь мне — в дальней Армении
Недвижен лед, иль роши дубовые
Гаргана стонут от Борея,
Ясени ж наши стоят без листьев.

Лишь ты один о Мисте утраченном
Все горько стонешь, с памятью милою
Не расставаясь на восходе
Вespera, ни на его закате.

Не все же годы Нестор оплакивал
Смерть Антилоха, сына любимого;
Не вечно слезы лили сестры
Или родители по Троиле.

Уйми же слезы, брось свои жалобы!
Не лучше ль спеть про новые Августа
Трофеи славные, поведав
О кеприступных Нифата высях

Иль о реке, что в Мидии вольною
Не будет больше, вместе с подвластными
Отныне Риму племенами,
И о лишенных простора скифах.

II,10

Будешь процветать, не стремясь, Лициний,
В даль морей и не прижимаясь робко,
Из боязни бурь, к берегам неровным
и ненадежным.

Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, в других что питает зависть —
Дивных чертогов.

Чаще рушит вихрь великаны сосны,
Тяжелей обвал высочайших башен,
А вершины гор привлекают пламя
Молний небесных.

Так в беде большой ко всему готовый
Жив надеждой; но средь удач — опаслив;
Зиму лютой дав, ее вновь сменяет
Тот же Юпитер.

Плохо пусть сейчас — не всегда ж так будет
Наступает миг — Аполлон кифарой
Музы будит сон: не всегда одним он
Занят все луком!

Силен духом будь, не клонись в напасти,
А когда вовсю дует ветер попутный,
Мудро сократи, подобрав немного
Вздувшийся парус.

Бесполезная роскошь

II,15

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняют платан безбрачный
Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде.

И лавр густою перекрыл зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый:
Предки другой нам пример являли.

Немногим каждый лично владел тогда,

Но процветала общая собственность;
Не знали предки в жизни частной
Портиков длинных лицом на север;

Не возбранялся прежде законами
Кирпич из дерна, и одобрялся лишь
Расход общественный на мрамор
Для городов и величия храмов.

Мера в жизни

II, 18

У меня ни золотом,
Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
Колонн, гиметтским мрамором венчанных;

Как наследник Аттала
Сомнительный, я не стяжал чертогов,
И одежд пурпуровых
Не ткут мне жены честные клиентов.

Но за то, что лирою
И пенснопенья даром я владею,
Мил я и богатому.
Ни от богов, ни от друзей не жду я —

Блага в жизни большего:
Одним поместьем счастлив я в Сабинах.
Днями дни сменяются,
И, нарождаясь, вечно тают луны;

Ты ж готовишь мраморы,
Чтоб строить новый дом, когда могила
Ждет тебя разверстая,
И, ненасытный, ты выносишь в Байях

Берег в море шумное,
Как будто тесно для тебя на суше!
Что ж? Тебе и этого
Все еще мало и, снеся границы,

Рад своих клиентов ты
Присвоить землю — и чета несчастных
С грязными ребятами
Богов отцовских тащит, выселяясь...

А меж тем, вернее нет
Дворца, что ждет у жадного Плутона
Знатных ли, богатых ли
В конце дороги. Что ж еще ты бьешься?

Та ж ведь расступается
Земля пред бедным, как и пред царями;

Прометея хитрого
Не спас Харон за злато; Орком гордый

Тантал, как и Тантала
Весь род обуздан. Но Плутон, чтоб бремя
Снять с бедняги честного,
Готов на помощь, званный и незванный.

Римскому юношеству

III,2

Военным долгом призванный юноша
Готов да будет к тяжким лишениям:
Да будет грозен он парфянам
В бешеной схватке копьём поднятым.

Без крова жить средь бранных опасностей,
Он пусть привыкнет. Пусть, увидав его
Со стен твердыни вражьей, молвит
Дочке невесте жена тирана:

«Ах, как бы зять наш будущий царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
Не раззадорил льва, что в сечу
Бурно кидается в яром гневе!»

Красна и сладка смерть за отечество;
А смерть разит равно и бегущего,
И не щадит у молодежи
Сяин и поджилок затрепетавших.

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет доблесть славой немеркнувшей
И не приемлет, не слагает
Власти по прихоти толп народных.

И, открывая небо достойному
Бессмертья. Доблесть рвется заказанным
Путем подняться и на крыльях
Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также хранителям
И тайн. И если кто элевсинские
Нарушит тайны, то его я
Жить не оставлю под общей кровлей.

Плыть в общем судне. Часто Диеспитер
Караёт в гневе с грешным невинного,
Но редко пощадит злодея
Кара, пусть даже настигнув поздно.

Примирение

III, 9

Мил пока оставался я
И другой не дерзал страстно обвить рукой
Шею девственно-белую —
Право, был я царя персов счастливее.

«Не пылал пока страстию
Ты к другой, вознеся Хлою над Лидией —
С гордым Лидии именем
Я счастливей была римлянки Илии».

Надо мной уж царит теперь,
Звоном цитры пленив, Хлоя фракиянка.
За нее умереть я рад,
Было б лишь суждено счастье любви моей.

«А меня страсти пламенем
Опалил Калаид, юный сын Орнита.
За него хоть две смерти мне —
Только б счастлив всегда друг мой любезный был».

Ну, а если б пришла опять
К нам любовь и ярмом прочно сковала б нас?
Если б русую Хлою я
Позабыл и открыл двери для Лидии?

«Хоть звезды он прекраснее,
Ты древесной коры легче и Адрия
Злого ты своенравнее —
Рада б я жить — с тобой, и умереть — с тобой».

Серенада

III, 10

Пусть из Дона струи, Лика, пила бы ты,
Став женой дикаря — все же простертого
На ветру пред твоей дверью жестокою
Ты меня пожалела бы!

Слышишь, как в темноте двери гремят твоей,
Стонет как между стен, ветру ответствуя,
Сад твой, как леденит Зевс с неба ясного
Стужей снег свежавыпавший?

Гордость ты позабуди, столь ненавистную
Для Венеры, чтоб нить вдруг не прервалась —
Ведь родил же тебя не Пенелопею
Твой отец из Этрурии!

И хотя б осталась ты непреклонною
Пред дарами, мольбой, бледностью любящих,

Между тем как твой муж юной гречанкою
Увлечен — все же смилуйся

Над молящим! Не будь дуба упорнее
И ужасней в душе змей Мавритании:
Ведь не вечно мой бок будет бесчувственным
И к порогу, и к сырости!

Жалоба Необулы

III, 12

Пожалей же ту, что хочет волю чувству дать живому
И тоску развеять хмелем, но от страха обмирает
Перед тяжестью укоров.

Ведь у бедной Необулы легкокрылый сын Венеры
Уж похитил и корзинку, и работу — дань Минервы:
Ослепил ее блеск Гебра,

Что смывает в волнах Тибра с плеч могучих притиранье —
Гебра всадника, искусней самого Беллерофонта;
Он не знает поражений

Ни в бою, ни в быстром беге: он искусно на поляне
Вмиг оленя поражает, а в кустах и в дебрях леса
Ловко вепря добывает.

Бандузийский ключ

III, 13

О Бандузии ключ! Влагой хрустальною
Возлиянья вином в праздник достоин ты!
Завтра в дар тебе козлик
Будет дан. Уже лоб его

Вздут буграми рогов, признаком мужества,
Но вотще — оросит кровью багряною
Хладом дышащий берег
Стада резвого баловень.

И не властны тебя жечь раскаленные
Дни Каникулы; ты радуешь свежестью
То волов истомленных,
То овец забредающих.

Станешь также и ты славным источником,
Как спую я про сень дуба могучего
Над скалою, с которой
Ток болтливый твой прядает.

Посвящение Диане

III, 22

Страж окрестных гор и лесов, о Дева,
Ты, что внемля зов троекратный юных
Жен родильниц, их бережешь от смерти,
Ликом тройная!

Будет пусть твоей та сосна, что сенью
Дом венчает мой; пусть под ней тебя я
Кровью одарю кабана, чей острый
клык столь опасен.

К Венере

III, 26

Прелестным долго знал я чем нравиться
И долго службу нес не без славы я;
Теперь оружие и лиру
После побед их стена та примет,

Что охраняет образ Венеры нам.
Сюда, сюда вы яркие факелы
Несите, и к воротам крепким
Грозные ломы, а также луки.

О золотого Кипра владычица
И Мемфа, снега вечно лишенного,
Царица вышняя! Бичом ты
Раз хоть коснись непокорной Хлои.

Памятник

III, 30

Создал памятник я. Он долговечнее
Меди и пирамид выше он царственных.
Не разрушит его дождь разъедающий
Ни жестокий Борей, ни бесконечная

Цепь грядущих веков, в даль убегающих
Нет, не весь я умру! Лучшая часть меня
Избежит похорон: Буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною

Всходит по ступеням в храм Капитолия.
Скажут все обо мне, что возвеличился
Сын страны, где шумит Луфид стремительный,
Где безводный удел Давна — Апулия,

Эолийский напев в песнь италийскую
Перелив. Возгордись этою памятной
Ты заслугой моей и, благосклонная
Мельпомена, увей лавром чело мое!

IV, 3

Тот, кого, Мельпомена, ты
При рождении хоть раз взглядом приветила,
Не прославится в Истмиях
Знаменитым бойцом и победителем,

Не помчится на греческой
Колеснице. Его ратные подвиги
Не введут триумфатором
В Капитолий за то, что он надменные

Смел угрозы царей во прах
Нет! Но воды, Тибур плодотворящие
И дубравы тенистые
В эолийских стихах славу родят ему.

В Риме, городе царственном,
Молодежью включен быть удостоен я
В круг поэтов излюбленных,
И уж меньше разит зуб меня Зависти.

О, на лире божественной
Звуки славные струн дивно родящая,
Муза, песнь лебединую
Рыбам властная дать, если захочешь ты!

Это твой только дар благой —
Что прохожим знаком я становлюсь теперь,
Как хозяин родимых струн —
Что живу и люблю, если любим я стал.

Торквату

IV, 7

Снег последний сошел, зеленеют луга муравую,
Листьями кроется лес;
В новом наряде земля, и стало не тесно уж рекам
Воды струить в берегах;

Грация с сестрами вновь среди нимф уж дерзает нагая
Легкий водить хоровод —
Ты же бессмертья не жди, это год прожитой нам вещает
Так же, как солнца закат.

Холод Зефиром сменен, весна поглощается летом,
С тем, чтоб и лето прошло:
И уже сыплет дары плодоносная осень, чтоб вскоре
Стала недвижно зима.

Месяца в небе ущерб возмещается быстро луною;
Мы же, когда низойдем

В вечный приют, где Эней, где Тулл велепный и Марций —
Будем лишь тени и прах.

Знает ли кто, как подарят нам боги хоть день на придачу
К жизни уже прожитой?
Пусть же минует все то рук наследника жадных, чем можешь
Жизнь ты свою усладить!

Стоит тебе умереть, лишь Минос приговор в преисподней
Свой над тобой изречет —
Ни красноречье тебя, ни твое благочестье, ни знатность
К жизни, Торкват, не вернут.

Даже Дианой не мог Ипполит целомудренный к жизни
Быть возвращен от теней,
И не способен Тесей сокрушить цепи Леты, в которых
Страждет давно Пирифой.

Лице

IV, 13

Вняли, Лица, моим боги желаниям,
Вняли, Лица! И вот ты уже старишься
Но все хочешь казаться
Юной! Пляшешь, бесстыдница,

Пьешь и хочешь зазвать песнью дрожащею
Ты Эрота, но тот жертву ждет новую
На ланитах цветущей
Хии, цитры владычицы.

Он, порхая, дубов дряхлых сторонится,
И тебя потому он избегает, что
У тебя уж морщины,
Зубы желты и снег в кудрях.

И ни косская ткань полупрозрачная;
Ни камней дорогих блеск не вернут тебе
Тех времен улетевших,
След которых лишь в записях.

Где же прелесть, увы, где же румянец твой,
Где движений краса? Облик где девы той,
Что любовью дышала
Сердце тайно в полон брала.

Состязалась красой с юной Кинарою?
Но Кинаре судьба краткий лишь век дала,
Собираясь, вороне
Старой возрастом равную,

Лику долго хранить, чтоб над старухою
Издваться могли юноши пылкие,
Не без громкого смеха
Пред обугленным факелом.

«Блажен лишь тот, кто суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих,
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми,
Как рад снимать он груш плоды отборные
И виноград пурпуровый
Тебе, Приап, как дар, или тебе, отец
Сильван, хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый
Или в траву высокую.
Лепечут воды в русле между тем крутом,
Щебечут птицы по лесу,
Струям же вторят листья нежным шепотом,
Сны навевая легкие...
Когда ж Юпитер громовержец вызовет
С дождями зиму снежную —
В тенета гонит кабанов свирепых он
Собак послушной сворою,
Иль расстилает сети неприметные,
Дроздов ловя прожорливых;
Порой и зайца в петлю ловит робкого,
И журавля залетного,
Ужели дум нельзя развеять суетных
Среди всех этих радостей,
Вдобавок если ты с подругой скромною,
Что нянчит милых детушек,
С какой-нибудь сабинкой, анулийкою,
Под солнцем загоревшую?
Она к приходу мужа утомленного
Очаг зажжет приветливый,
И скот загнав за изгородь, сама пойдет
Сосцы доить упругие,
Потом вина подаст из бочки легкого
И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего

Восточный ветер с бурею;
 И не прельстит цесарка африканская,
 Иль франколин Ионии
 Меня сильнее, чем оливки жирные,
 С деревьев прямо снятые,
 Чем луговой щавель, для тела легкая
 Закуска из просвирника,
 Или ягненок, к празднику заколотый,
 Иль козлик, волком брошенный;
 И как отрадно наблюдать за ужином
 Овец, домой стремящихся,
 Волон усталых с плугом перевернутым,
 Что позади волочится,
 И к ужину рабов, как рой собравшихся
 Вокруг Пенатов дедовских!»
 Когда наш Альфий-ростовщик так думает —
 Вот-вот уже хозяин он,
 И все собрал он, было, к Идам денежки —
 Да вновь к Календам в рост пустил!

К римлянам

Эп. 7

Куда, куда вы ринулись, преступные,
 Мечи в безумьи выхватив?
 Ужели мало и полей, и волн морских
 Залито кровью римскою?
 Нет, не затем, чтоб Карфагена мощного
 Сожгли твердыню римляне,
 И не затем, чтобы британец скованным
 Прошел по Риму гордому —
 А для того, чтоб парфянам на радость Рим
 Погиб от рук сынов своих!
 Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
 Враждуя лишь с другим зверьем...
 Слепая ль ярость вас влечет? Неистовство?
 Иль чей-то грех? Ответствуйте!
 Молчат. И лица всех бледнеют мертвенно,
 Умы в оцепенении...
 Да, Рим гнетут сурово судьбы горькие
 И тот братоубийства день,
 Как пролилась кровь Рема неповинная —
 Кровь, правнуков заклывшая.

Измена

Эп. 15

Ночью то было — луна на небе ясном сияла
 Среди мерцанья звездного,
 Страстно тогда ты клялась, богов оскорбляя заране —
 Клялась, твердя слова мои,
 И обвиняя тесней, чем плющ ствол дуба высокий,
 Меня руками гибкими,
 Ты повторяла: доколь стадам будут волки грозиться,

Пловцам — восход Ориона,
Длинные ветер доколь развевает власы Аполлона —
Взаимной будет наша страсть!
Вольно накажет тебя мне свойственный нрав, о Нэзра!
Ведь есть у Флакка мужество!
Он не потерпит того, что ночи ты даришь другому;
Найдет себе достойную,
И не вернет красота оскорбленному прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралась!
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно гордишься
Моим хвалясь несчастьем:
Пусть ты богат и скотом, и землею, пускай протекает
По ней рекою золото:
Пусть доступны тебе Пифагора воскресшего тайны,
Прекрасней пусть Нирея ты —
Все же, увы, и тебе оплакать придется измену —
Смеяться будет мой черед!

К римскому народу

16

Два уж томятся у нас поколения гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается,
Рим, что сгубить не смогли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсенны грозного этрусская,
Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллоброги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеекою,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью,
Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается;
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О ужас! Будут дерзностно разметаны...
Иль, быть может, вы все, иль лучшие, ждете лишь слова
О том, что может прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому, как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые,
Так же бегите и вы, куда б не несли наши ноги,
Куда бы ветры вас не гнали по морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!
Но поклоняемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес — забыть о возвращении!
К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку,
Или когда Апеннин высокий низвергнется в море,
Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Играть голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни,
Козла ж заманит моря глубь соленая!

Верные клятве такой, запретившей соблазн возвращения,
Мы всем гуртом, иль стада бестолкового
Лучшею частью — бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах
Трусливо волю к жизни потерявшие.
Вы же, в ком сила жива, не слушая женских рыданий,
Летите мимо берегов Этрурии:
Манит нас всех Океан, омывающий землю Блаженных.
Найдем ту землю, острова богатые,
Где урожай дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины,
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без принужденья там к дойникам устремляются козы,
Спешат коровы к дому с полным выменем,
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни;
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет — не смывает там землю
Дождливый Эвр влагой непрестанною,
И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Благославляет все царь небожителей;
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.
Не устремлялся корабль аргонатов в тот край незакатный,
И не ступала там нога распутницы,
Не направляли туда кораблей ни пловцы финикийцы,
Ни рать Улисса, много претерпевшего.
Зевс уготовил берега те для рода людей благочестных,
Когда сменил золотой век твердой бронзою;
Бронзовый век сменив железным, он всем благочестным
Открыл — пророчу — от беды убежище.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

а) Хрестоматии и сборники

Петровский Ф. А. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.

Полонская К. П., Поняева Л. П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984.

Пуришев Б. И. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения. М., 1938.

Струве В. В. Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1953. Т. 3.

б) Древние авторы

Аппиан. Гражданские войны / Пер с греч.; Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.

Вергилий. Энеида / Пер. А. А. Фета. СПб., 1902. Ч. 1—2.

Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида / Пер с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. М., 1979.

Гораций Флакк Кв. Оды / Пер. Н. И. Шатерникова. М., 1935.

Гораций Флакк Кв. Избранная лирика / Пер. А. П. Семенова-Тянь-Шанского. М.; Л., 1936.

Гораций Флакк Кв. Сочинения / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1970.

Гораций Флакк Кв. Полное собрание сочинений / Пер. под ред. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1936.

Катон Марк Порций. Земледелие / Пер. с лат. М. Е. Сергееенко. М.; Л., 1950

Катулл Гай Валерий. Лирика / Пер. с лат.; Под ред. С. Апта. М., 1957.

Лукреций. О природе вещей / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1945—1947. Т. 1—2.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М., 1968.

Овидий. Элегии и малые поэмы / Пер. с лат. М., 1973.

Овидий Назон Публий. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М. Л. Гаспаров и С. А. Ошеров. М., 1978.

Плавт Тит Макций. Избранные комедии / Пер. А. В. Артюшкова. М.; Л., 1933—1937. Т. 1—3.

Плиний Младший. Письма / Изд. подг. М. Е. Сергееенко и А. И. Доватур. М., 1982.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах / Изд. подг. С. П. Маркиш, С. И. Соболевский и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961—1964.

Плутарх. Избранные жизнеописания / Изд. подг. М. Томашевская. М., 1987.

Плутарх. Избранные биографии / Пер. с греч.; Под ред. С. Я. Лурье. М.; Л., 1941.

Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964.

- Страбон. География в семнадцати книгах* / Пер. с греч. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Теренций. Комедии* / Пер. с лат. А. В. Артюшкова. М.; Л., 1934.
- Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах* / Изд. подг. А. С. Бович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский. Л., 1969.
- Цицерон Марк Туллий. Речи в двух томах* / Изд. подг. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.
- Цицерон Марк Туллий. Письма* / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. Т. 1—3. М.; Л., 1949—1951.
- Флор Луций Анней. История* / Изд. подг. А. И. Немировский. Воронеж, 1977.

ЛИТЕРАТУРА

а) История Рима

- Буассье Г. Картины римской жизни времен Цезарей*. М., 1914.
- Буассье Г. Цицерон и его друзья*. М., 1915.
- Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов*. М., 1914.
- Буассье Г. Виргилий*. Оренбург, 1894.
- Виппер Р. Ю. Очерки истории римской империи*. Берлин, 1923.
- Гримм Э. Д. Гракхи, их жизнь и общественная деятельность*. СПб., 1894.
- Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти*. СПб., 1900—1901. Т. 1—2.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох*. Л., 1985.
- Ковалев С. И. История Рима*. Л., 1986.
- Машкин Н. А. Принципат Августа*. М.; Л., 1949.
- Моммзен Т. История Рима*. М., 1936—1949. Т. 1—3.
- Ростовцев М. И. Рождение римской империи*. Пг., 1918.
- Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима*. М., 1938. Т. 1—2.
- Сергеенко М. Е. Помпеи*. М.; Л., 1949.
- Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима*. Л., 1964.
- Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии*. М.; Л., 1958.
- Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии*. Л., 1964.
- Сергеенко М. Е. Ремесленники древнего Рима*. Л., 1968.
- Утченко С. Л. Кризис и падение римской республики*. М., 1965.
- Утченко С. Л. Древний Рим: события, люди, идеи*. М., 1969.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время*. М., 1972.
- Утченко С. Л. Юлий Цезарь*. М., 1976.
- Ферреро Г. Величие и падение Рима*. М., 1915—1925. Т. 1—5.
- Фридлиндер П. Картины из бытовой истории Рима*. СПб., 1914.
- Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития*. М., 1978.
- Altheim F. Epochen der römischen Geschichte. Frankfurt a. M.* 1935.
- Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte. München, 1967.*
- Hadas M. A history of Rome. N. Y., 1956.*
- Pareti L. Storia di Roma. Torino, 1952—1955.*
- Piganiol A. Histoire de Rome. Paris, 1954.*
- De Sanctis G. Storia dei Romani. Torino, 1960. Т. I—IV.*
- Syme R. The Roman Revolution, Oxford, 1967.*
- Starr C. G. A History of the Ancient World. N. Y., Oxford, 1983.*

б) История римской литературы

- Благовещенский Н. М. Гораций и его время. Варшава, 1878.
История римской литературы / Под ред С. И. Соболевского. М., 1959—1962. Т. 1—2.
Лео Ф. Очерк истории римской литературы. СПб., 1908.
Малеин А. И. Золотой век римской литературы. Пг., 1923.
Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888.
Мюллер Л. Жизнь и сочинения Горация. СПб., 1880.
Покровский М. М. История римской литературы. М.; Л., 1942.
Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983.
Чистякова Н. А., Булих Н. В. История античной литературы. М., 1972.
Цветаев И. В. Из жизни высших школ римской империи. М., 1902.
Grimal P. Horace, Paris, 1958.
Castellan A. E. Lettres sur l'Italie, Paris, 1819.
Castorina E. La poesia d'Orazio. Roma, 1965.
Norden E. Die römische Literatur. Leipzig, 1954.
Rostagni A. La letteratura di Roma repubblicana ed augustea, Bologna, 1939.
Schanz M., Hosius C. Geschichte der römischen Literatur. München, 1927. Т. 1—2.
Wilkinson L. P. Horace and his lyric Poetry. Cambridge, 1951.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5
Глава 1. Золотой век римской литературы	6
Глава 2. Римский народ квиритов	12
Глава 3. В огне гражданских войн	24
Глава 4. Агония республики	89
Глава 5. Рим на рубеже эпох	134
Глава 6. Город и городская жизнь	153
Глава 7. Римская поэзия до Горация	175
Глава 8. Жизненный путь поэта	200
Глава 9. Книга эподов	231
Глава 10. Сатиры	245
Глава 11. Лирика	269
Глава 12. Послания	304
Глава 13. Гораций в европейской литературе	318
Избранная лирика Горация	344
Библиографический список	372

Научно-популярное издание

Борухович Владимир Григорьевич

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ПОЭЗИЯ И ВРЕМЯ

Редактор *Л. И. Носова*

Художественный редактор *Е. И. Бочаров*

Технический редактор *Т. Н. Крючина*

Корректоры *Е. Б. Крылова, М. В. Попова*

ИБ № 3345

Сдано в набор 4.02.92. Подписано в печать 14.09.1992 г. Формат 84×108^{1/32}.
 Бум. типографская № 1. Печать высокая. Гарнитура «Литературная».
 Усл.-печ. л. 19,74 (11,75). Уч.-изд. л. 23. Тираж 4000. Заказ № 3360. С 128.

Издательство Саратовского университета. 410601, Саратов,
 Университетская, 42.

Типография издательства «Слово». 410002, Саратов, Волжская, 28,